ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

Томъ VII.

Р1
Т87

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ VII.

Шестое изданіе.

Дмитровская Рабочая Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.

1913.

ТУ-ПО-СО-СП-1913(Т. 7)

Собр. соч.

Собственность Глазунова.

ОТДѢЛЪ III.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ИСТОРІЯ
ЛЕЙТЕНАНТА ЕРГУНОВА.

I.

Въ тотъ вечеръ Кузьма Васильевичъ Ергуновъ разсказалъ намъ опять свою исторію. Онъ повторялъ ее аккуратно разъ въ мѣсяцъ, и мы слушали ее каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ, хотя знали ее чуть не наизусть, со всѣми ея подробностями. Подробности эти обрасли, если можно такъ выразиться, первоначальный стволъ самой исторіи, какъ опёнки обрастаютъ срубленный пень. Слишкомъ хорошо зная характеръ нашего собесѣдника, мы не затруднялись пополнять его недомолвки и пропуски. Но съ тѣхъ поръ Кузьма Васильевичъ умеръ, и уже разсказывать его исторію будетъ некому, а потому мы и рѣшаемся довести ее до общаго свѣдѣнія.

II.

Случилась она лѣтъ сорокъ тому назадъ, во время молодости Кузьмы Васильевича. Самъ онъ говорилъ про

себя, что онъ былъ тогда франтъ и красавецъ, кровь съ молокомъ, губы имѣлъ румяныя, волосы кудрявые и очи соколиныя. Мы вѣрили ему на слово, хотя ничего подобнаго въ немъ не находили: на наши глаза Кузьма Васильевичъ представлялся человѣкомъ наружности весьма обыкновенной, съ простымъ и какъ бы заспаннымъ лицомъ, грузнымъ и нескладнымъ тѣломъ. Но и то сказать: годы хоть какую красоту исказятъ! Слѣды франтовства болѣе ясно сохранились въ Кузьмѣ Васильевичѣ. Онъ до старости носилъ узкіе панталоны со штрипками, перетягивалъ свой дебелый станъ, на затылкѣ стригъ, на лбу завивалъ свои волосы, и усы красилъ персидскою фаброй, которая, впрочемъ, отливала больше багрянцемъ и даже зеленью, чѣмъ чернотой. Со всѣмъ тѣмъ Кузьма Васильевичъ былъ весьма достойный дворянинъ, хотя за преферансомъ любилъ „запускать *глазенапа*“ къ сосѣдямъ, то-есть заглядывать имъ въ карты; но это онъ дѣлалъ не столько изъ жадности, сколько изъ бережливости, ибо не любилъ попусту тратить деньги. Однако, въ сторону прибаутки: приступимъ къ самому дѣлу.

III.

Дѣло это происходило весной, въ тогда еще новомъ городѣ Николаевѣ, куда Кузьма Васильевичъ былъ откомандированъ по казенному порученію. (Онъ служилъ лейтенантомъ во флотѣ). Начальство ввѣрило ему, какъ надежному и благоразумному офицеру, надзоръ за какими-то морскими постройками, и отъ времени до времени выдавало въ его распоряженіе довольно значительныя суммы, которыя онъ, для большей безопасности, постоянно носилъ въ кожаномъ поясѣ на тѣлѣ. Кузьма Васильевичъ, дѣйствительно, отличался благоразуміемъ, и, несмотря на свои молодые годы, велъ себя примѣрно; всякихъ неприличныхъ поступ-

ковъ избѣгалъ тщательно, не прикасался картъ, вина не пилъ и даже общества чуждался, такъ что товарищи его, смирные — прозывали его красною дѣвицей, а буйные— мямлей и рохлей. За Кузьмой Васильевичемъ водился одинъ только грѣшокъ: онъ питалъ сердечную склонность къ прекрасному полу; однако и тутъ умѣлъ сдерживать свои порывы, и никакого „малодушества“ себѣ не позволялъ. Онъ вставалъ и ложился спать рано, добросовѣстно исполнялъ свою обязанность, и единственное его развлеченіе состояло въ вечернихъ, довольно продолжительныхъ прогулкахъ по загороднымъ улицамъ Николаева. Книгъ онъ не читалъ, ибо боялся приливовъ въ головѣ; каждую весну онъ пилъ особый декоктъ противъ полнокровія. Надѣвъ мундиръ и старательно обчистившись вѣничкомъ, Кузьма Васильевичъ отправлялся степеннымъ шагомъ вдоль заборовъ фруктовыхъ садовъ, часто останавливался, любовался красотами природы, срывалъ цвѣтокъ на память и чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе; но особенное наслажденіе испытывалъ онъ только тогда, когда ему случалось встрѣтить „купидончика“, то-есть хорошенькую мѣщаночку, спѣшившую домой въ накинутой на плечи душегрѣйкѣ, съ узелкомъ въ голенькой ручкѣ и съ пестрымъ платочкомъ на головѣ. Будучи, какъ онъ самъ выражался, комплекціи чувствительной, но скромной, Кузьма Васильевичъ не заговаривалъ съ „купидончикомъ“, зато привѣтливо улыбался ему, долго и внимательно глядѣлъ ему вслѣдъ.... Потомъ вздыхалъ глубоко, отправлялся тѣмъ же степеннымъ шагомъ домой, садился у окошка и мечталъ съ полчасика, бережно покуривая крѣпкій вагштафъ изъ большой пѣнковой трубки, подаренной ему крестнымъ отцомъ, квартальнымъ надзирателемъ изъ нѣмцевъ. Такъ проходили дни, ни весело, ни скучно.

IV.

Вотъ, однажды, возвращаясь передъ сумерками пустымъ переулкомъ къ себѣ на квартиру, Кузьма Васильевичъ услышалъ за собой торопливые шаги и прерывистыя слова, смѣшанныя съ рыданьями. Онъ оглянулся и увидѣлъ дѣвушку лѣтъ двадцати, съ чрезвычайно пріятнымъ, но совершенно разстроеннымъ и заплаканнымъ лицомъ. Казалось, ее постигло большое и неожиданное горе: она бѣжала и спотыкалась на бѣгу, говорила сама съ собой, охала, махала руками; ея бѣлокурые волосы растрепались, а косынка (тогда еще не знали ни бурнусовъ, ни мантилій) соскользнула съ плечъ и держалась на одной булавкѣ. Одѣта была дѣвушка какъ барышня, не какъ мѣщанка.

Кузьма Васильевичъ посторонился; чувство состраданія побѣдило въ немъ опасеніе смалодушничать, и когда она съ нимъ поровнялась, онъ вѣжливо прикоснулся къ козырьку своего кивера и спросилъ ее о причинѣ ея слезъ.

— Потому,—прибавилъ онъ, и положилъ руку на кортикъ,—я, какъ военный человѣкъ, могу помочь.

Дѣвушка остановилась и, повидимому, въ первое мгновенье не совсѣмъ ясно поняла, чего онъ хотѣлъ отъ нея; но тотчасъ же, какъ бы обрадовавшись случаю высказаться, заговорила на несовсѣмъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Помилуйте, господинъ офицеръ, — начала она, и слезы посыпались дождемъ по ея миловиднымъ щекамъ,— что же это такое! Это ужасти, это Богъ знаетъ что! Насъ совсѣмъ ограбили, помилуйте! Кухарка все, все унесла, все, сервизъ, шкатулку и платье.... да.... и платье даже, и чулки, и бѣлье.... да.... и тётенькинъ ридикюль, тамъ еще была двадцати-пяти-рублевая бумажка въ такой маленькій футляръ, и двѣ ложки анплике.... и еще салопъ, и все.... И это я все говорю господину квартальному поручику, а

господинъ квартальный поручикъ говоритъ: „Подите вонъ, не вѣрю, не вѣрю.... Слышать, слышать не хочу, вы сами такія же!“ Я говорю: „Помилуйте, салопъ....“ а онъ: „Слышать, слышать не хочу!“ Такъ обидно, господинъ офицеръ! Подите, говоритъ, вонъ.... вонъ!... Да куда же я пойду?

Дѣвушка судорожно, почти съ воплемъ зарыдала и, совершенно растерявшись, приклонилась къ рукаву Кузьмы Васильевича.... Онъ смутился въ свою очередь, и замеръ на мѣстѣ, только изрѣдка повторяя: „Полноте, полноте!“ а самъ все глядѣлъ на тонкій, безпрестанно вздрагивавшій затылокъ огорченной дѣвушки.

— Позвольте, я провожу васъ, — сказалъ онъ наконецъ, слегка касаясь указательнымъ пальцемъ ея плеча,— а то тутъ, на улицѣ, вы понимаете, никакъ невозможно. Вы объясните мнѣ ваше неудовольствіе, и конечно, я приложу все стараніе.... какъ офицеръ.

Дѣвушка приподняла голову, и, казалось, въ первый разъ хорошенько разглядѣла молодого человѣка, который, можно сказать, держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Она застыдилась, отвернулась, и все еще всхлипывая, отошла немного въ сторону. Кузьма Васильевичъ возобновилъ свое предложеніе. Дѣвушка посмотрѣла на него искоса, сквозь мокрые отъ слезъ волосы, падавшіе ей на лицо (Кузьма Васильевичъ на этомъ мѣстѣ разсказа всякій разъ увѣрялъ насъ, что этотъ взглядъ пронзилъ его „словно шиломъ“, а однажды даже попытался представить намъ этотъ удивительный взглядъ), и, положивъ свою руку на подставленную калачикомъ руку услужливаго лейтенанта, отправилась вмѣстѣ съ нимъ на свою квартиру.

V.

Кузьма Васильевичъ въ жизни своей имѣлъ мало обращенія съ дамами, и потому затруднялся, съ чего бы начать

бесѣду, но спутница его сама залепетала весьма рѣчисто, безпрестанно утирая безпрестанно накоплявшіяся слезы. Нѣсколько мгновеній спустя, Кузьма Васильевичъ уже зналъ, что ее звали Эмиліей Карловной, что она была родомъ изъ Риги, а въ Николаевъ пріѣхала погостить къ своей тетенькѣ, которая тоже была изъ Риги, что ея папенька также служилъ въ военной службѣ, но умеръ, „отъ груди“, что у тетеньки была кухарка изъ русскихъ, очень хорошая и дешевая, только безъ паспорта, и что самая та кухарка въ самый тотъ день ихъ обокрала и сбѣжала неизвѣстно куда. Надо было идти въ полицію— in die Polizei.... Но тутъ воспоминанія о квартальномъ, о нанесенной обидѣ нахлынули снова.... и снова разразились рыданья. Кузьма Васильевичъ опять затруднился, что бы сказать такое утѣшительное.... Но дѣвушка, у которой, повидимому, всѣ впечатлѣнія и приходили и уходили очень скоро, внезапно остановилась и, протянувъ руку, спокойно промолвила:

— А вотъ наша квартира!

VI.

Квартира эта состояла изъ плохенькаго, словно въ землю вросшаго домика, съ четырьмя крошечными окошками на улицу. Темная зелень гераніума застилала ихъ изнутри, въ одномъ изъ нихъ теплилась свѣчка: ночь уже надвигалась. Отъ самаго домика и почти въ уровень съ нимъ тянулся бревенчатый заборъ съ едва замѣтною калиткой. Дѣвушка подошла къ ней и, найдя ее запертою, нетерпѣливо заколотила желѣзнымъ кольцомъ заржавѣлаго замка. Послышались за заборомъ тяжелые шаги, словно кто шелъ, небрежно шаркая, въ стоптанныхъ туфляхъ, хриплый женскій голосъ спросилъ что-то по-нѣмецки, чего

Кузьма Васильевичъ не понялъ: онъ, какъ истый морякъ, не зналъ ни одного языка, кромѣ русскаго. Дѣвушка отвѣчала тоже по-нѣмецки; калитка чуть-чуть отворилась и, впустивъ дѣвушку, тотчасъ захлопнулась передъ самымъ носомъ Кузьмы Васильевича, который, однако, успѣлъ разглядѣть, среди полумрака лѣтнихъ сумерекъ, обликъ толстой старухи въ красномъ платьѣ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукѣ. Пораженный изумленьемъ, Кузьма Васильевичъ остался нѣкоторое время неподвиженъ на улицѣ; но при мысли, что съ нимъ, военнымъ офицеромъ, такъ невѣжливо поступаютъ (Кузьма Васильевичъ весьма дорожилъ своимъ званіемъ), онъ почувствовалъ приливъ негодованія, круто повернулъ налѣво кругомъ и направился домой. Онъ еще десяти шаговъ не отошелъ, какъ калитка опять отворилась, и дѣвушка, уже успѣвшая пошептаться со старухой, показалась на порогѣ и громко воскликнула:

— Куда же вы, господинъ офицеръ! Пожалуйте къ намъ!

Кузьма Васильевичъ поколебался немного, однако вернулся.

VII.

Его новая знакомая, которую мы отнынѣ будемъ звать Эмиліей, ввела его чрезъ темный и сырой чуланчикъ въ довольно большую, но низкую и неопрятную комнату, съ громаднымъ шкапомъ у задней стѣны, клеенчатымъ диваномъ, облупившимися портретами двухъ архіереевъ въ клобукахъ и одного турка въ чалмѣ надъ дверями и между оконъ, картонами и коробками по угламъ, разрозненными стульями и кривоногимъ ломбернымъ столомъ, на которомъ лежала мужская фуражка возлѣ недопитаго стакана съ квасомъ. Вслѣдъ за Кузьмой Васильевичемъ вошла въ комнату и замѣченная имъ у калитки старуха въ

красномъ платьѣ, которая оказалась весьма неблагообразною жидовкой, съ угрюмыми свиными глазками и сѣдыми усами на одутловатой верхней губѣ. Эмилія указала на нее Кузьмѣ Васильевичу и промолвила:

— А вотъ моя тетенька, мадамъ Фритче.

Кузьма Васильевичъ нѣсколько удивился, однако почелъ долгомъ отрекомендоваться. Мадамъ Фритче посмотрѣла на него исподлобья, ничего ему не отвѣтила и спросила свою племянницу по-русски: не хочетъ ли она чаю?

— Ахъ да, чаю!—подхватила Эмилія:—не правда ли, господинъ офицеръ, вы будете кушать чай? Да, тантушка, дайте чаю!... Но что же вы стоите, господинъ офицеръ? Садитесь! Ахъ, какой вы церемонный! Позвольте, я сниму косынку.

Когда Эмилія говорила, она безпрестанно поворачивала голову изъ стороны въ сторону и подергивала плечиками; птицы такъ дѣлаютъ, когда сидятъ на высокой голой вѣткѣ и со всѣхъ сторонъ освѣщены солнцемъ.

Кузьма Васильевичъ опустился на стулъ и, придавъ осанкѣ своей надлежащую важность, а именно, подпершись кортикомъ и устремивъ глаза на полъ, навелъ рѣчь на покражу. Но Эмилія тотчасъ перебила его.

— Не безпокойтесь, это ничего; тетенька мнѣ сейчасъ сказала, что главныя вещи сысканы. (Мадамъ Фритче проворчала что-то себѣ подъ носъ и вышла вонъ). И совсѣмъ не надо было ходить въ Polizei; но я никакъ не могу утерпѣть, потому я такая.... Вы не понимаете понѣмецки?... такая быстрая, immer so rasch! Но я уже не думаю объ этомъ.... aber auch gar nicht!

Кузьма Васильевичъ посмотрѣлъ на Эмилію. Дѣйствительно, лицо ея приняло выраженіе самое беззаботное. Все въ немъ улыбалось, въ этомъ хорошенькомъ личикѣ: и опушенные почти бѣлыми рѣсницами глаза, и губы, и щеки, и подбородокъ, и ямочка на подбородкѣ, и самый

даже кончикъ вздернутаго носа. Она подошла къ маленькому зеркальцу возлѣ шкапа и, попѣвая сквозь зубы и щурясь, стала поправлять волосы. Кузьма Васильевичъ пристально слѣдилъ за ея движеніями.... Очень она ему нравилась.

VIII.

— Вы меня извините,—заговорила она снова, слегка повертываясь передъ зеркаломъ,—что я васъ такъ.... привела къ себѣ. Можетъ-быть, вамъ непріятно?

— О, помилуйте!

— Я вамъ уже сказала: я такая быстрая. Сперва сдѣлаю, потомъ подумаю. А иногда даже и не подумаю.... Какъ васъ зовутъ, господинъ офицеръ? Можно спросить?—прибавила она, подойдя къ нему и скрестивъ руки.

— Меня зовутъ Ергуновъ, Кузьма Васильевъ.

— Ергу.... Ахъ, это имя нехорошо! То-есть, трудно для меня. Я буду васъ звать господиномъ Флòрестанъ. У насъ въ Ригѣ былъ одинъ господинъ Флòрестанъ. Онъ продавалъ отличный гроденапль въ магазинѣ и былъ красавецъ. Не хуже васъ. Но какой вы широкоплечій! Настоящій русскій молодецъ! Я люблю русскихъ.... я сама русская.... мой папенька былъ офицеръ. А руки у меня бѣлѣе вашихъ!—Она подняла ихъ надъ головой, помахала ими нѣсколько разъ по воздуху, для того, чтобы кровь отъ нихъ оттекла, и тотчасъ ихъ опустила. — Видите? Я ихъ мою греческимъ мыломъ.... съ духами.... Понюхайте.... Ахъ! да не цѣлуйте.... Я не за тѣмъ.... Гдѣ вы служите?

— Я служу въ 19-мъ черноморскомъ экипажѣ, во флотѣ.

— А! Вы морякъ! А что же, у васъ большое жалованье?

— Нѣтъ.... не очень-съ.

— Вы, должно-быть, очень храбры. Это сейчасъ видно по вашимъ глазамъ. Какія у васъ густыя брови! Говорятъ, ихъ надо на ночь саломъ мазать, чтобы росли. Но отчего у васъ усовъ нѣтъ?

— По формѣ не полагается.

— Ахъ! это нехорошо! Что это у васъ, кинжалъ?

— Это кортикъ; кортикъ, такъ-сказать, принадлежность моряковъ.

— А! кортикъ! Что, онъ острый! Можно посмотрѣть?— Она съ усиліемъ, закусивъ губы и щурясь, вытащила лезвіе изъ ноженъ и приложилась къ нему носомъ.—О, какой тупой! Этакъ я васъ сейчасъ убить могу.

Она замахнулась на Кузьму Васильевича. Онъ притворился, что испугался, и засмѣялся. И она засмѣялась.

— Ihr habt pardon, вы помилованы,—промолвила она, принявъ величественную позу.—На, возьмите ваше оружіе! А сколько вамъ лѣтъ?—спросила она вдругъ.

— Двадцать-пять.

— А мнѣ девятнадцать! Какъ это смѣшно! Ахъ!

И Эмилія залилась такимъ звонкимъ хохотомъ, что даже назадъ немного опрокинулась. Кузьма Васильевичъ не поднимался со стула и еще пристальнѣе прежняго глядѣлъ на ея розовое, трепетавшее отъ смѣха лицо, и нравилась она ему все больше и больше.

Эмилія вдругъ умолкла, и напѣвая сквозь зубы—такая у ней была привычка—снова подошла къ зеркалу.

— Вы умѣете пѣть, господинъ Флòрестанъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Не выученъ-съ.

— А играть на гитарѣ? Тоже нѣтъ? А я умѣю. У меня есть гитара съ перленмуттеръ, только струны порваны. Надо будетъ купить. Вы мнѣ дадите денегъ, господинъ офицеръ? Я вамъ спою прекрасный нѣмецкій романсъ. — Она вздохнула и закрыла глаза. — Ахъ, такой прекрасный! Но танцовать вы умѣете? И это нѣтъ? Un-

möglich? Я васъ выучу. Лекосезъ и вальсъ-казакъ. Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла....—Эмилія подпрыгнула раза два.—Посмотрите, какія у меня ботинки! „З'Варшавы". О! мы будемъ танцовать съ вами, господинъ Флòрестанъ! Но какъ вы называть меня будете?

Кузьма Васильевичъ осклабился и покраснѣлъ до ушей.

— Я буду васъ звать: прекраснѣйшая Эмилія!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Вы должны звать меня: Mein Schätzchen, mein Zuckerpüppchen! Повторяйте за мною.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, но я боюсь, для меня будетъ затруднительно....

— Все равно, все равно. Скажите: Mein....

— Мэ.... инъ....

— Zucker....

— Цук.... керъ....

— Püppchen! Püppchen! Püppchen!

— Пю.... Пю.... Этого я не могу-съ. Нехорошо что-то выходитъ.

— Нѣтъ! Вы должны.... Вы должны! А вы знаете, что это значитъ? Это по-нѣмецки самое пріятное для барышень слово. Я вамъ это растолкую послѣ. А теперь вотъ тетенька намъ самоваръ несетъ. Браво! Браво! Тетенька, я буду пить чай со сливками.... Есть сливки?

— So schweige doch!—отвѣчала тетенька.

IX.

Кузьма Васильевичъ просидѣлъ у мадамъ Фритче до полуночи. Съ самаго своего пріѣзда въ Николаевъ онъ еще не проводилъ такого пріятнаго вечера. Правда, ему не разъ приходило въ голову, что офицеру или дворянину не слѣдовало бы знаться съ особами въ родѣ рижской уроженки и ея „тантушки", но Эмилія такая была хорошень-

кая, такъ забавно болтала, такъ ласково на него поглядывала, что онъ махнулъ рукой на свое происхожденіе, званіе, и рѣшился на этотъ разъ пожить въ „собственное удовольствіе“. Одно только обстоятельство его смутило и оставило въ немъ впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное. Въ самомъ разгарѣ разговора между имъ, Эмиліей и мадамъ Фритче, дверь изъ передней комнаты чуть-чуть растворилась, и мужская рука въ темномъ обшлагѣ съ тремя крошечными серебряными пуговками тихонько высунулась и тихонько положила на стулъ возлѣ двери довольно большой узелъ. Обѣ дамы тотчасъ бросились къ стулу и начали разсматривать принесенное. „Да это не тѣ ложки!“ воскликнула Эмилія, но тетка толкнула ее локтемъ и унесла узелъ, не завязавъ концовъ. Кузьмѣ Васильевичу показалось, какъ будто одинъ изъ нихъ былъ запачканъ чѣмъ-то краснымъ, словно кровью....

— Что это? — спросилъ онъ Эмилію. — Вамъ еще нѣсколько краденыхъ вещей возвратили?

— Да,—отвѣчала Эмилія, какъ бы нехотя:—еще.

— Это слуга вашъ ихъ отыскалъ?

Эмилія нахмурилась.

— Какой слуга? У насъ нѣтъ никакого слуги.

— Такъ другой какой мужчина?

— Къ намъ мужчины не ходятъ.

— Однако позвольте, позвольте.... Я видѣлъ обшлагъ мужского сюртука или венгерки. И, наконецъ, эта фуражка....

— Къ намъ никогда, никогда мужчины не ходятъ, — настойчиво повторила Эмилія.... Что вы видѣли.... Ничего вы не видѣли! А фуражка это моя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Случится въ маскарадъ.... Ну да, моя, und Punctum!

— А кто жъ вамъ узелъ-то принесъ?

Эмилія ничего не отвѣчала и, надувъ губы, вышла изъ комнаты вслѣдъ за мадамъ Фритче. Спустя минутъ десять, она вернулась одна, безъ тетки, и когда Кузьма Васильевичъ снова принялся ее разспрашивать, она посмотрѣла ему въ лобъ, сказала, что стыдно быть кавалеру любопытнымъ (при этихъ словахъ лицо ея немного измѣнилось, словно потемнѣло) и, доставъ изъ ломбернаго стола колоду старыхъ картъ, попросила его погадать на ея счастье и на червоннаго короля.

Кузьма Васильевичъ засмѣялся, взялъ карты и всякія нехорошія мысли тотчасъ выскочили у него изъ головы.

Но онѣ еще разъ вернулись къ нему въ тотъ же день. А именно: онъ уже вышелъ изъ калитки на улицу, уже простился съ Эмиліей, въ послѣдній разъ крикнувъ ей: „Adieu Zuckerpüppchen!“ какъ вдругъ мимо его прошмыгнулъ человѣкъ невысокаго роста и, обернувшись на мигъ въ его сторону (ночь давно наступила, но луна свѣтила довольно ярко), выставилъ цыганское худощавое лицо съ черными густыми бровями и усами, черными глазами и крючковатымъ носомъ. Человѣкъ этотъ тотчасъ бросился за уголъ, а Кузьмѣ Васильевичу показалось, что онъ узналъ не лицо его, — онъ никогда не видалъ его прежде, — а обшлагъ его рукава: три серебряныя пуговки явственно сверкнули на лунѣ. Тревожное недоумѣніе зашевелилось въ душѣ осторожнаго лейтенанта: вернувшись домой, онъ не закурилъ, по обыкновенію, своей пѣнковой трубки. Впрочемъ, неожиданное знакомство съ любезною Эмиліей и пріятные часы, проведенные въ ея обществѣ, способствовали взволнованному настроенію его чувствъ.

X.

Какія бы ни были опасенія Кузьмы Васильевича, они разсѣялись скоро и не оставили слѣда. Онъ сталъ частенько

навѣдываться къ обѣимъ дамамъ изъ Риги. Влюбчивый лейтенантъ сблизился съ Эмиліей. Сперва онъ стыдился этой близости, скрывалъ свои посѣщенія, потомъ пересталъ стыдиться и скрываться; кончилось тѣмъ, что онъ охотнѣе сидѣлъ у своихъ новыхъ знакомыхъ, чѣмъ у кого бы то ни было, не говоря уже о собственныхъ не слишкомъ веселыхъ четырехъ стѣнахъ. Сама мадамъ Фритче уже не возбуждала въ немъ непріятныхъ ощущеній, хотя обращалась съ нимъ непривѣтливо и угрюмо попрежнему. Особы мало зажиточныя, подобныя госпожѣ Фритче, въ гостяхъ своихъ преимущественно цѣнятъ щедрость; а Кузьма Васильевичъ былъ скупенекъ и дарилъ больше изюмомъ, грецкими орѣхами, пряниками.... Только разъ онъ, по собственному выраженію, „разорился“, поднесъ Эмиліи легенькую розовую косынку настоящей французской матеріи; а она въ тотъ же день прожгла на свѣчкѣ его подарокъ. Онъ сталъ ей выговаривать: она нацѣпила косынку на хвостъ кошкѣ; онъ разсердился: она разсмѣялась ему въ носъ. Кузьма Васильевичъ долженъ былъ, наконецъ, самому себѣ сознаться, что онъ не только не пользовался уваженіемъ дамъ изъ Риги, но даже довѣрія ихъ не заслужилъ: его никогда не впускали разомъ, безъ предварительнаго осмотра; иногда заставляли дожидаться, иногда отсылали прочь безъ всякой церемоніи и, желая что-нибудь скрыть отъ него, бесѣдовали при немъ по-нѣмецки. Эмилія не отдавала ему никакого отчета въ своихъ поступкахъ и на его вопросы отвѣчала какъ-то вскользь, словно не разслышавъ его словъ; а главное: нѣкоторыя комнаты въ домѣ мадамъ Фритче, который былъ довольно обширенъ, хотя съ улицы казался лачужкой, оставались для него постоянно закрытыми. За всѣмъ тѣмъ, Кузьма Васильевичъ не прекращалъ своихъ посѣщеній, а, напротивъ, учащалъ ихъ: онъ все-таки живыхъ людей видѣлъ. Самолюбіе его удовлетворялось также и тѣмъ, что Эмилія продолжала называть его

Флòрестаномъ, находила его красавцемъ необыкновеннымъ и увѣряла, что у него глаза какъ у райской птицы, „wie die Augen eines Paradiesvogels!“

XI.

Однажды, въ самый развалъ лѣта, въ полдень, Кузьма Васильевичъ, провозившись цѣлое утро на солнцѣ съ подрядчиками и работниками, притащился измученный, разбитый, къ калиткѣ слишкомъ извѣстнаго ему домика. Онъ постучался; его впустили. Онъ ввалился въ такъ-называемую гостиную и тотчасъ же прикорнулъ на диванѣ. Эмилія подошла къ нему и отерла платкомъ его взмокшій лобъ.

— Какъ онъ усталъ, мой крошка! Какъ ему жарко!— проговорила она съ соболѣзнованіемъ. — Боже мой! хоть бы воротникъ разстегнулъ. Господи! Такъ душка и прыгаетъ.

— Умаялся я, дружокъ,—простоналъ Кузьма Васильевичъ.—Съ утра на ногахъ, да на самомъ все припёкѣ. Бѣда! Домой хотѣлъ идти. Тамъ опять эти аспиды, подрядчики! А у васъ тутъ прохлада.... кажется, соснулъ бы.

— Ну, что же? Почивай, мой цыпленочекъ; здѣсь никто не мѣшаетъ....

— Да совѣстно какъ будто....

— В-вотъ! что за совѣсть. Почивай. А я тебя буду.... какъ это по вашему?... байбайкать. „Schlaf, mein Kindchen, schlafe!“—запѣла она.

— Водицы бы сперва испить....

— Вотъ тебѣ стаканъ воды. Свѣжая! Какъ кристаллъ! Постой, я подушечку подъ голову положу.... А вотъ это отъ мухъ.

Она закрыла ему лицо платкомъ.

— Спасибо, купидончикъ.... Я только такъ.... вздремну маленько....

Кузьма Васильевичъ закрылъ глаза и заснулъ немедленно.

— „Schlaf, mein Kindchen, schlafe!“ — напѣвала Эмилія, покачиваясь изъ стороны въ сторону и сама тихонько подсмѣиваясь и пѣсенкѣ своей, и своимъ движеніямъ.

„Какое у меня большое дитя!“ думала она. „Мальчикъ!“

XII.

Часа черезъ полтора лейтенантъ проснулся. Ему чудилось сквозь сонъ, какъ будто кто-то его трогаетъ, наклоняется, дышетъ надъ нимъ. Онъ ощупался, сдернулъ платокъ. Эмилія стояла на колѣняхъ, близехонько возлѣ него; выраженіе ея лица показалось ему страннымъ. Она тотчасъ же вскочила, отошла къ окошку и спрятала что-то въ карманъ.

Кузьма Васильевичъ потянулся.

— Однако жъ я-таки всхрапнулъ лихо! — промолвилъ онъ, зѣвая.—Поди-ка сюда, мэйне зюссе фрейленъ!

Эмилія подошла къ нему. Онъ проворно приподнялся, сунулъ руку въ ея карманъ и досталъ небольшія ножницы.

— Ach, Herr Je!—невольно воскликнула Эмилія.

— Это.... это ножницы? — пробормоталъ Кузьма Васильевичъ.

— Ну да, конечно. А ты что думалъ.... пистолетъ? Ахъ, какое у тебя смѣшное лицо! Измято какъ подушка, и волосы на затылкѣ всѣ кверху.... И не смѣется.... Ахъ, ахъ! И глаза опухли.... Ахъ!

Эмилія захохотала.

— Ну, будетъ, — проворчалъ Кузьма Васильевичъ и всталъ съ дивана. — Будетъ зубы-то безъ толку скалить.

Коли ничего умнѣе придумать не можешь, я вѣдь уйду.... Я уйду,—повторилъ онъ, видя, что она не унимается.

Эмилія умолкла.

— Ну, полно, оставайся; я не стану.... Только волосы поправить надо....

— Нѣтъ, что жъ.... Оставь! Я лучше уйду,—сказалъ Кузьма Васильевичъ и взялся за фуражку.

Эмилія надулась.

— Фуй, какой злой! Настоящій русскій! Всѣ русскіе злые! Вотъ онъ уходитъ. Фуй! Вчера мнѣ пять рублей обѣщалъ, а сегодня ничего не даетъ и уходитъ.

— У меня съ собой денегъ нѣтъ, — буркнулъ Кузьма Васильевичъ уже въ дверяхъ.—Прощай!

Эмилія посмотрѣла ему вслѣдъ и погрозилась пальцемъ.

— Денегъ нѣтъ! Слышите, слышите, что̀ говоритъ! Охъ, какіе обманщики эти русскіе! Но погодите, мопсъ вы этакой.... Тантушка, пожалуйте-ка сюда, я вамъ что̀ скажу.

Вечеромъ того же дня, Кузьма Васильевичъ, ложась спать и раздѣваясь, замѣтилъ, что въ верхнемъ краѣ его кожанаго пояса вершка на полтора распоролся шовъ. Какъ человѣкъ аккуратный, онъ тотчасъ досталъ иголку и нитку, навощилъ ее и самъ зашилъ прорѣху, а впрочемъ, не обратилъ никакого вниманія на это, повидимому, ничтожное обстоятельство.

XIII.

Весь слѣдующій день Кузьма Васильевичъ посвятилъ служебнымъ обязанностямъ; онъ не выходилъ изъ дому даже послѣ обѣда—и вплоть до ночи, въ потѣ лица, строчилъ и переписывалъ набѣло рапортъ къ начальству, немилосердно путая буквы *ъ* и *е*, всякій разъ ставя послѣ „но“ восклицательный знакъ, а послѣ „впрочемъ“ —точку съ запятой. На другое утро босоногій жиденокъ, въ изорван-

Дмитровская Районная Библиотека
Московской области

номъ халатѣ, принесъ ему письмо отъ Эмиліи — первое письмо, полученное отъ нея Кузьмой Васильевичемъ: „Mein aller liebster Florestan, писала она ему,—неушта ты такъ разсердился на твою Zuckerpüppchen, што не пришелъ вчирась? Пожалуста, не сердись, если ты не хочешь, штопъ твоя веселая Эмилія очень много плакала, и приходи непременно сиводня въ 5 часовъ вечера". (Цифра 5 была окружена двумя вѣнками). „Я очень, очень буду рада. Твоя любезная Эмилія". Кузьма Васильевичъ внутренно подивился учености своей любезной, далъ жиденку грошъ и велѣлъ сказать, что хорошо, молъ, приду.

XIV.

Кузьма Васильевичъ сдержалъ слово: пяти часовъ еще не пробило, какъ ужъ онъ стоялъ передъ калиткой госпожи Фритче. Но, къ удивленію своему, онъ не засталъ Эмиліи дома; его встрѣтила сама хозяйка и, сдѣлавъ предварительно—о, чудо! — книксенъ, сообщила ему, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ Эмилія принуждена была отлучиться, но что она скоро вернется и проситъ его подождать ее. На госпожѣ Фритче былъ опрятный бѣлый чепецъ; она улыбалась, говорила вкрадчивымъ голосомъ и, очевидно, старалась придать привѣтливое выраженіе своему угрюмому лицу, которое, впрочемъ, нисколько отъ этого не выигрывало, а, напротивъ, принимало какой-то зловѣщій оттѣнокъ.

— Вы, господинъ, присядьте, присядьте, — твердила она, подвигая кресло,—а мы васъ, если позволите, попотчуемъ!

Мадамъ Фритче еще разъ сдѣлала книксенъ, вышла изъ комнаты и скоро вернулась съ чашкой шоколада на ма-

ленькомъ желѣзномъ подносѣ. Шоколадъ оказался качества сомнительнаго, однако Кузьма Васильевичъ выпилъ всю чашку съ удовольствіемъ, хотя рѣшительно не могъ понять, откуда бралась такая прыть у мадамъ Фритче, и что̀ все это значило? Со всѣмъ тѣмъ, Эмилія не приходила, и онъ начиналъ терять терпѣніе и скучать, какъ вдругъ ему послышались за стѣной звуки гитары. Сперва раздался одинъ аккордъ, потомъ другой, третій, четвертый,—все громче, громче и полнѣй. Кузьма Васильевичъ изумился: у Эмиліи, точно, была гитара, но съ тремя струнами: онъ все еще не собрался купить ей остальныя; притомъ же Эмиліи дома не было. Кто жъ это могъ быть? Опять раздался аккордъ, и такъ звонко, словно въ самой комнатѣ.... Кузьма Васильевичъ обернулся и чуть не вскрикнулъ отъ испуга. Передъ нимъ, на порогѣ низенькой двери, которой онъ до тѣхъ поръ не замѣтилъ, — тяжелый шкапъ ее задвигалъ, — стояло неизвѣстное существо: дитя не дитя, и не взрослая дѣвушка. Одѣта она была въ бѣлое платьице съ пестрыми разводами и красные башмаки съ каблучками; прихваченные сверху золотымъ ободкомъ, густые черные волосы падали въ видѣ плаща съ небольшой головки на худенькое тѣло. Изъ-подъ мягкой ихъ громады блестѣли темнымъ блескомъ огромные глаза; голыя, смуглыя ручки, обремененныя запястьями и кольцами, неподвижно держали гитару. Лица почти не было видно: такъ оно казалось мало и темно, только губы алѣли, да обозначался узкій прямой носъ. Кузьма Васильевичъ долго стоялъ какъ вкопанный и пристально, не смигнувъ ни разу, глядѣлъ на это странное существо; и оно на него глядѣло, и тоже не мигало и не шевелилось. Наконецъ онъ очнулся и маленькими шажками подошелъ къ нему.

Темное личико начало понемногу улыбаться, бѣлые зубки сверкнули вдругъ, головка приподнялась и, чуть-чуть встряхнувъ кудрями, показалась во всей своей рѣзкой и тонкой красотѣ. „Это что за бѣсенокъ?“ подумалъ Кузьма

Васильевичъ, и, нагнувшись еще поближе, промолвилъ вполголоса:

— Фигурка! Эй, фигурка! Кто вы такая?

— Сюда, сюда,—промолвила немного сиплымъ голоскомъ, не русскимъ, медлительнымъ говоромъ и съ невѣрными удареніями „фигурка“ и подалась назадъ шага на два.

Кузьма Васильевичъ вслѣдъ за ней переступилъ порогъ и очутился въ крохотной комнаткѣ безъ оконъ, обитой по стѣнамъ и по полу толстыми коврами изъ верблюжьей шерсти. Сильный запахъ мускуса такъ и обдалъ его. Двѣ желтыя восковыя свѣчи горѣли на кругломъ столикѣ передъ низкимъ турецкимъ диванчикомъ. Въ углу стояла кроватка подъ кисейнымъ пологомъ съ шелковыми полосками, и длинныя янтарныя четки, съ красною кистью на концѣ, висѣли близъ изголовья.

— Да позвольте, наконецъ, кто вы такая? — повторилъ Кузьма Васильевичъ.

— Сѐстра.... сѐстра Эмиліи.

— Вы ея сестра? И здѣсь живете?

— Да.... да....

Кузьма Васильевичъ захотѣлъ прикоснуться къ „фигуркѣ“. Она отшатнулась.

— Какъ же это она никогда мнѣ о васъ не говорила?

— А нѐльзя.... нѐльзя....

— Вы, стало-быть, скрываетесь.... прячетесь?

— Да....

— Есть такая причина?

— Есте.... есте.

— Гм! — Кузьма Васильевичъ опять захотѣлъ прикоснуться къ „фигуркѣ“, она опять отшатнулась.—То-то я васъ никогда не замѣтилъ. Я, признаюсь, и существованія вашего не подозрѣвалъ. И мадамъ Фритче, старуха эта, вамъ тоже доводится теткой?

— Да.... тòтка.

— Гм! Вы какъ будто по-русски плохо понимаете. Какъ васъ зовутъ, позвольте узнать?

— Кòлибри.

— Какъ?

— Кòлибри.

— Кòлибри? Вотъ необыкновенное имя! Это, помнится, въ Африкѣ бываютъ такія насѣкомыя?

XV.

Колибри засмѣялась короткимъ, страннымъ смѣхомъ.... точно у ней въ горлѣ стеклышки столкнулись. Она покачала головой, повела кругомъ глазами, положила гитару на столъ и, проворно подойдя къ двери, разомъ ее притворила. Она двигалась живо и ловко съ едва слышнымъ, быстрымъ шумомъ, какъ ящерица; сзади ея волосы спускались ниже колѣнъ.

— А зачѣмъ вы дверь-то заперли,—спросилъ Кузьма Васильевичъ. Колибри приложила палецъ къ губамъ:

— Эмилія.... Не надо.... ея не надо.

Кузьма Васильевичъ ухмыльнулся.

— Уже не ревнуете ли вы?

Колибри приподняла брови.

— Цо?

— Ревнуете.... сердитесь, — объяснилъ Кузьма Васильевичъ.

— О, да!

— Вотъ какъ! Много чести!... Послушайте, сколько вамъ лѣтъ?

— Семинадцать.

— Семнадцать, вы хотите сказать?

— Да.

Кузьма Васильевичъ окинулъ внимательнымъ взоромъ свою фантастическую собесѣдницу.

— Какая же вы красоточка, — проговорилъ онъ внушительно.—Чудо! просто чудо! что за волосы! Глаза! А брови-то, брови!... У!

Колибри опять засмѣялась и опять повела своими великолѣпными глазами.

— Да, я красавица! Садитесь, и я сяду.... подлѣ.

— Извольте, извольте.... Но, воля ваша, какая же вы сестра Эмиліи? Вы на нее нисколько не похожи.

— Нѣтъ.... я сестра.... куджина. Вотъ.... возьмите.... свѣтòкъ. Хорошій свѣтòкъ. Пахнетъ.—Она вынула изъ-за пояса вѣтку бѣлой сирени, понюхала, откусила лепестокъ и подала ему всю вѣтку.—Хотите варенья? Хорошее.... изъ Константинополи.... шербетъ.—Колибри достала изъ небольшого комода обернутую въ кусокъ алой шелковой матеріи, со стальными блестками, раззолоченную баночку, серебряную ложечку, хрустальный граненый графинчикъ съ водой и такой же стаканчикъ.—Кушайте шербетъ, господинъ, онъ очень прекрасный. Я вамъ буду пѣть.... Хотите?—Она схватила гитару.

— А вы поете? — спросилъ Кузьма Васильевичъ, кладя себѣ въ ротъ ложку дѣйствительно превосходнаго шербету.

— О, да!—Она откинула назадъ свою косу, наклонила голову на бокъ и взяла нѣсколько аккордовъ, старательно глядя на концы своихъ пальцевъ и на ручку гитары.... потомъ вдругъ запѣла не по росту сильнымъ и пріятнымъ, но гортаннымъ и для уха Кузьмы Васильевича нѣсколько дикимъ голосомъ. „Ахъ ты, моя кошечка!“ подумалъ онъ. Пѣла она пѣсню заунывную, нисколько не русскую и на языкѣ совершенно Кузьмѣ Васильевичу незнакомомъ. По его увѣренію, звуки: „кха, гха“—то и дѣло слышались въ пѣніи, а подъ конецъ она протяжно

повторила: „синтамаръ“ или „синцимаръ“, что-то въ этомъ вкусѣ, подперлась рукой, вздохнула и опустила гитару на колѣни.—Хорошо?—спросила она.—Еще хотите?

— Съ моимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Кузьма Васильевичъ. — Только зачѣмъ это у васъ такое лицо, словно все печальное? Вы бы шербету откушали.

— Нѣтъ.... вы сами. А я еще... Эта будетъ весёлѣй.—Она спѣла другую пѣсенку, въ родѣ плясовой, на томъ же непонятномъ языкѣ. Опять послышались Кузьмѣ Васильевичу прежніе гортанные звуки. Ея смуглые пальчики такъ и бѣгали по струнамъ, „какъ паучки“. И кончила она этотъ разъ тѣмъ, что бойко крикнула: „Ганда!“ или „Гасса!“ и застучала кулачкомъ по столу, сверкая глазами....

XVI.

Кузьма Васильевичъ сидѣлъ какъ отуманенный. Голова у него кружилась. Такъ это все было неожиданно.... Да и запахъ этотъ, пѣніе.... свѣчи днемъ.... шербетъ съ ванилью.... А тутъ Колибри все ближе къ нему подвигается, волосы ея блестятъ и шуршатъ, и пышетъ отъ нея жаромъ, и это печальное лицо.... „Русалка!“ подумалъ Кузьма Васильевичъ. Неловко ему что-то становилось.

— Душечка моя, — промолвилъ онъ, — признайтесь, что̀ вамъ вздумалось меня сегодня къ себѣ позвать?

— Вы молòдой, хорошёнькій.... Я тàкихъ люблю.

— А, вотъ что! Но что̀ скажетъ Эмилія? Она мнѣ письмо написала: она должна сейчасъ прійти.

— Вы не говорите ей.... ничего! Бѣда! Убьетъ!

Кузьма Васильевичъ засмѣялся.

— Будто она такая злая?

Колибри нѣсколько разъ съ важностью качнула головой.

— И мадамъ Фритче тоже ничего. Ни! ни! ни!—Она тихонько постучала себѣ по лбу.—Понимаешь, офицеръ?

Кузьма Васильевичъ нахмурилъ брови.

— Тайна, значитъ?

— Да.... да.

— Ну, пожалуй.... словечка не пророню. Только за это ты поцѣловать меня должна.

— Нѣтъ, послѣ.... когда уйдешь.

— Вотъ еще что выдумала!—Кузьма Васильевичъ нагнулся-было къ ней, но она медленно отклонилась и выпрямилась, какъ ужъ, на котораго набрели въ лѣсной травѣ. Кузьма Васильевичъ уставился на нее. — Вишь ты!—промолвилъ онъ наконецъ:—злюка какая! Ну, Господь съ тобою!

Колибри задумалась и обернулась къ лейтенанту.... Вдругъ три мѣрныхъ, глухихъ удара раздались гдѣ-то въ домѣ. Колибри усмѣхнулась, почти фыркнула.

— Сегодня—нѣтъ, завтра—да. Завтра приходи.

— Въ которомъ часу?

— Въ семь.... вечеромъ.

— А какъ быть съ Эмиліей?

— Эмилія.... нѣтъ; не будетъ.

— Ты думаешь? Ну, хорошо. А только ты завтра скажешь мнѣ....

— Цо? (лицо Колибри, всякій разъ, когда она что спрашивала, принимало дѣтское выраженіе).

— Зачѣмъ ты отъ меня такъ долго пряталась?

— Да.... да; завтра все будетъ, конецъ будетъ.

— Смотри же, а я тебѣ подарочекъ принесу....

— Нѣтъ.... не надо.

— Отчего же? Ты вотъ, я вижу, наряжаться любишь.

— Не надо. Это.... это.... это....—и она указала пальцемъ на свое платье, на свои кольца, запястья, на все, что ее окружало....—это все мое. Не подарокъ. Я не беру.

— Какъ знаешь! А теперь уйти надо?

— О, да!

Кузьма Васильевичъ приподнялся. Колибри тоже встала.

— Прощай, игрушечка! А когда жъ поцѣлуй-то?

Колибри вдругъ легко подпрыгнула и, проворно вскинувъ обѣ руки вокругъ шеи молодого лейтенанта, не поцѣловала, а словно клюнула его въ губы. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее въ свою очередь, но она мгновенно отскочила прочь и стала за диванчикъ.

— Такъ завтра, въ семь часовъ?—промолвилъ онъ не безъ смущенія.

Она кивнула ему головой и, взявъ за конецъ двумя пальцами длинную прядь собственныхъ волосъ, прикусила ее своими острыми зубками.

Кузьма Васильевичъ сдѣлалъ ей ручкой, вышелъ и потянулъ за собою дверь. Онъ слышалъ, какъ Колибри тотчасъ къ ней подбѣжала.... Ключъ звонко щелкнулъ въ замкѣ.

XVII.

Въ гостиной госпожи Фритче никого не было. Кузьма Васильевичъ немедленно отправился въ переднюю. Ему не хотѣлось столкнуться съ Эмиліей. Хозяйка встрѣтила его на крыльцѣ.

— А! Вы уходите, господинъ лейтенантъ,—промолвила она съ тою же притворною и зловѣщею ужимкой....— Эмиліи ждать не будете?

Кузьма Васильевичъ надѣлъ фуражку.

— Мнѣ, доложу вамъ, сударыня, некогда больше ждать. Я и завтра, можетъ-быть, не приду. Такъ вы ей и скажите.

— Хорошо, скажу. Но вѣдь вы не соскучились, господинъ лейтенантъ?

— Нѣтъ-съ; я не соскучился.

— То-то же. Прощенія просимъ-съ.

— Прощайте-съ.

Кузьма Васильевичъ пришелъ домой и, растянувшись на постели, погрузился въ размышленія. Онъ недоумѣвалъ несказанно. „Что за притча во языцѣхъ!“ воскликнулъ онъ не однажды. И зачѣмъ Эмилія ему писала? Назначила свиданіе и не пришла?... Онъ досталъ ея записку, повертѣлъ ее въ рукахъ, понюхалъ: пахло отъ нея табакомъ, и въ одномъ мѣстѣ онъ замѣтилъ поправку; стояло: „плакала“, а сперва было написано: „плакалъ“. Но что же можно извлечь изъ этого? И возможно ли, чтобы хозяйка ничего не знала? И *она*.... Кто она? Да, кто она? Очаровательная Колибри, эта „игрушечка“, эта фигурка“ не выходила у него изъ головы, и онъ съ нетерпѣніемъ дожидался завтрашняго вечера, хотя втайнѣ чуть не побаивался самой этой „игрушечки“ и „фигурки“.

XVIII.

На слѣдующій день Кузьма Васильевичъ отправился передъ обѣдомъ въ ряды и настойчиво поторговавшись, купилъ крошечный золотой крестикъ на бархатной ленточкѣ. „Хотя она и увѣряетъ“, такъ размышлялъ онъ, „что ей никакого подарка не требуется, но намъ хорошо извѣстно, что подобныя слова обозначаютъ: а, наконецъ, если точно нравъ у нея такой безкорыстный — Эмилія не побрезгаетъ“. Такъ размышлялъ николаевскій Донъ-Жуанъ, вѣроятно, даже не подозрѣвавшій въ то время, чѣмъ былъ и чѣмъ остался въ памяти людской настоящій Донъ-Жуанъ. Въ шестомъ часу вечера Кузьма Васильевичъ выбрился

тщательно и, послав за знакомымъ цирюльникомъ, велѣлъ хорошенько напомадить и завить себѣ хохолъ, что тотъ и исполнилъ съ особеннымъ рвеніемъ, не жалѣя казенной бумаги на папильотки; потомъ Кузьма Васильевичъ надѣлъ новый, съ иголочки, мундиръ, взялъ въ правую руку пару новыхъ замшевыхъ перчатокъ и, побрызгавъ на себя лоделаваномъ, вышелъ изъ дому. Кузьма Васильевичъ въ этотъ разъ гораздо больше хлопоталъ о своей наружности, чѣмъ когда шелъ на свиданіе съ „Zuckerpüppchen“, не потому, что Колибри ему больше нравилась, чѣмъ Эмилія, но въ „игрушечкѣ“ было нѣчто загадочное, нѣчто такое, что невольно возбуждало даже то лѣнивое воображеніе, какимъ обладалъ молодой лейтенантъ.

XIX.

Мадамъ Фритче встрѣтила его по вчерашнему и, какъ бы стакнувшись съ нимъ въ условной лжи, снова объявила ему, что Эмилія отлучилась на короткое время и проситъ его подождать. Кузьма Васильевичъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и присѣлъ на стулъ. Мадамъ Фритче опять улыбнулась, то-есть показала свои желтые клыки, и удалилась, не предложивъ ему шоколаду.

Кузьма Васильевичъ тотчасъ вперилъ взоры въ таинственную дверь. Она оставалась закрытою. Онъ громко кашлянулъ раза два, какъ бы давая знать о своемъ присутствіи.... Дверь не шелохнулась. Онъ затаилъ дыханье, приникъ ухомъ.... Хоть бы малѣйшій шумъ или шорохъ ему послышался; точно все вымерло кругомъ. Кузьма Васильевичъ всталъ, на цыпочкахъ приблизился къ двери— и, напрасно пошаривъ пальцами, нажалъ на нее колѣномъ.... Не тутъ-то было. Тогда онъ нагнулся и раза два произнесъ усиленнымъ шопотомъ: „Колибри, Колибри.... Игру-

шечка!“ Никто не отозвался. Кузьма Васильевичъ выпрямился, одернулъ мундиръ—и, постоявъ немного на мѣстѣ, уже болѣе твердыми шагами подошелъ къ окну и забарабанилъ по стекламъ. Онъ начиналъ чувствовать досаду, негодованіе; офицерскій гоноръ заговорилъ въ немъ: „Что̀ за вздоръ!—подумалъ онъ наконецъ,—за кого меня принимаютъ? Коли такъ, вѣдь я кулаками застучу. Принуждена она будетъ откликнуться! Старуха услышитъ.... Ну, что жъ? Не я виноватъ!“ Онъ быстро повернулся на каблукахъ.... Дверь стояла раскрытою на половину.

XX.

Кузьма Васильевичъ немедленно и снова на цыпочкахъ устремился въ потаенную комнатку. На диванѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ широкимъ краснымъ поясомъ, лежала Колибри и, закрывъ нижнюю часть лица платкомъ, смѣялась безъ шума, но отъ души. Волосы свои она убрала на этотъ разъ, заплела ихъ въ двѣ тугія длинныя косы и перевила красными лентами; вчерашніе башмачки красовались на ея крошечныхъ, крестъ-на-крестъ положенныхъ ножкахъ; но самыя эти ножки были голы: глядя на нихъ, можно было подумать, что она надѣла темные шелковые чулки. Диванъ стоялъ иначе, чѣмъ наканунѣ: ближе къ стѣнѣ; а на столѣ, на китайскомъ подносѣ, виднѣлся толстобрюхій пестрый кофейникъ, рядомъ съ граненою сахарницей и двумя голубенькими фарфоровыми чашечками. Тутъ же лежала гитара, и сизый дымокъ бѣжалъ тонкою струйкой съ верхушки крупной курительной свѣчки.

Кузьма Васильевичъ подошелъ къ дивану и наклонился къ Колибри, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ промолвить слово, она протянула руку и, не переставая смѣяться въ платокъ,

запустила свои небольшіе жесткіе пальцы въ его волосы и мгновенно растрепала его благоустроенный кокъ.

— Это что еще? — воскликнулъ Кузьма Васильевичъ, не вполнѣ довольный подобною нецеремонностью въ обращеніи.—Ахъ, ты, шалунья!

Колибри приняла платокъ отъ лица.

— Нехорошо такъ; этакъ лучше.—Она отодвинулась къ одному концу дивана и подобрала ноги.—Садитесь.... тамъ.

Кузьма Васильевичъ сѣлъ, куда она ему указывала.

— Зачѣмъ же ты удаляешься?—промолвилъ онъ послѣ небольшого молчанья.—Или ты меня боишься?

Колибри свернулась въ клубочекъ и посмотрѣла на него сбоку.

— Я не боюсь.... Нѣтъ.

— Ты не должна меня дичиться,—продолжалъ наставительнымъ тономъ Кузьма Васильевичъ.—Ты вѣдь помнишь свое вчерашнее обѣщаніе поцѣловать меня?

Колибри обхватила свои колѣни обѣими руками, положила на нихъ голову и опять посмотрѣла на него.

— Помню.

— То-то же. И ты должна сдержать свое слово.

— Да.... должна.

— Въ такомъ случаѣ....—началъ Кузьма Васильевичъ и пододвинулся-было къ ней.

Колибри высвободила свои косы, которыя она захватила вмѣстѣ съ колѣнями, и одною изъ нихъ ударила его по рукѣ.

— Потише, господинъ.

Кузьма Васильевичъ сконфузился.

— Какіе у нея глаза, у разбойницы, — пробормоталъ онъ, какъ бы про себя.—Однако, — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ,—зачѣмъ же ты звала меня.... въ такомъ случаѣ?

Колибри вытянула шею, какъ птица.... Она прислушивалась. Кузьма Васильевичъ перетревожился.

— Эмилія?—произнесъ онъ вопросительно.

— Нѣтъ.

— Кто-нибудь другой?

Колибри пожала плечомъ.

— Да ты что-нибудь слышишь?

— Ничего.—Колибри отвела назадъ, и тоже птичьимъ движеніемъ, свою небольшую, яйцевидную головку, съ красивымъ проборомъ и короткими вихрами курчавыхъ завитушекъ на затылкѣ, тамъ, гдѣ начинались косы, и опять въ клубочекъ свернулась.—Ничего.

— Ничего! Такъ я теперь.... — Кузьма Васильевичъ потянулся къ Колибри, но тотчасъ же отдернулъ руку. На пальцѣ у него показалась капля крови.—Что за глупости такія!—воскликнулъ онъ, встряхивая пальцемъ.—Вѣчныя эти ваши булавки! Да и какая это къ чорту булавка, — прибавилъ онъ, взглянувъ на длинную золотую шпильку, которую Колибри медленно втыкала себѣ въ поясъ.—Это цѣлый кинжалъ, это жало.... Да, да, это твое жало, и ты оса, вотъ ты кто, оса, понимаешь?

Колибри, повидимому, очень понравилось сравненье Кузьмы Васильевича: она залилась тонкимъ хохотомъ и нѣсколько разъ сряду повторила:

— Да, я ужалю.... я ужалю.

Кузьма Васильевичъ глядѣлъ на нее и думалъ: „Вѣдь вотъ, смѣется, а лицо все печальное....“

— Посмотри-ка, что я тебѣ покажу,—промолвилъ онъ громко.

— Цо?

— Зачѣмъ ты говоришь: цо? Развѣ ты полька?

— Ни.

— Теперь вотъ: „ни!“ Ну, да все равно!—Кузьма Ва-

сильевичъ досталъ свой подарочекъ и повертѣлъ имъ на воздухѣ.—Глядь-ка сюда.... Хороша штучка?

Колибри равнодушно вскинула глазами.

— А! Крестъ! Мы не носимо.

— Какъ? Креста не носите? Да ты жидовка, что ли?

— Не носимо, — повторила Колибри и, вдругъ встрепенувшись, глянула назадъ черезъ плечо. — Хотите? Я пѣть буду....—торопливо спросила она.

Кузьма Васильевичъ сунулъ крестикъ въ карманъ мундира и оглянулся тоже. Ему почудился легкій трескъ за стѣной....

— Что такое?—пробормоталъ онъ.

— Мышь.... мышь,—поспѣшно проговорила Колибри, и вдругъ, совершенно неожиданно для Кузьмы Васильевича, обняла его голову своими гибкими, гладкими руками, и быстрый поцѣлуй обжегъ его щеку.... точно уголекъ къ ней приложился.

Онъ стиснулъ Колибри въ своихъ объятіяхъ, но она выскользнула какъ змѣя—ея станъ былъ немного толще змѣинаго туловища—и вскочила на ноги.

— Постой, — шепнула она, — прежде надо кофе пить....

— Полно! Что за кофе! Послѣ.

— Нѣтъ, теперь. Теперь горячій, послѣ холодный. — Она ухватила кофейникъ за ручку и, высоко приподнявъ его, стала лить въ обѣ чашки. Кофе падалъ тонкою, какъ бы перекрученною струей; Колибри положила голову на плечо и смотрѣла какъ онъ лился. — Вотъ, клади сахару.... пей.... и я буду!

Кузьма Васильевичъ бросилъ въ чашку кусокъ сахару и выпилъ ее разомъ. Кофе ему показался очень крѣпкимъ и горькимъ. Колибри глядѣла на него улыбаясь и чуть-чуть расширяя ноздри надъ краемъ своей чашки. Она тихонько опустила ее на столъ.

— Что же ты не пьешь?—спросилъ Кузьма Васильевичъ.

— Я.... понемножку....—отвѣчала она.

Кузьма Васильевичъ пришелъ въ азартъ.

— Да сядь же, наконецъ, возлѣ меня!

— Сейчасъ.—Она нагнула голову и, все не спуская глазъ съ Кузьмы Васильевича, взялась за гитару. — Только прежде я нѣть буду.

— Да, да, только сядь.

— И танцовать буду. Хочешь?

— Ты танцуешь? Ну, это бы я посмотрѣлъ. Но нельзя ли послѣ?

— Нѣтъ, теперь.... А я тебя очень люблю.

— Ты меня любишь! Смотри же.... а впрочемъ, танцуй, чудачка ты этакая!

XXI.

Колибри стала по ту сторону стола и, пробѣжавъ нѣсколько разъ пальцами по струнамъ гитары, затянула, къ удивленію Кузьмы Васильевича, который ожидалъ веселаго живого напѣва,—затянула какой-то медлительный, однообразный речитативъ, сопровождая каждый отдѣльный, какъ бы съ усиліемъ выталкиваемый звукъ, мѣрнымъ раскачиваніемъ всего тѣла направо и налѣво. Она не улыбалась, и даже брови свои сдвинула, свои высокія, круглыя, тонкія брови, между которыми рѣзко выступалъ синій знакъ, похожій на восточную букву, вѣроятно, вытравленный порохомъ. Глаза она почти закрыла, но зрачки ея тускло свѣтились изъ-подъ нависшихъ рѣсницъ, попрежнему упорно вперяясь въ Кузьму Васильевича. И онъ также не могъ отвести взора отъ этихъ чудныхъ, грозныхъ глазъ, отъ этого смуглаго, постепенно разгоравшагося, лица, онъ

полураскрытыхъ и неподвижныхъ губъ, отъ двухъ черныхъ змѣй, мѣрно колебавшихся по обѣимъ сторонамъ стройной головы. Колибри продолжала раскачиваться, не сходя съ мѣста, и только ноги ея пришли въ движеніе: она слегка ихъ передвигала, приподнимая то носокъ, то каблукъ. Разъ она вдругъ быстро перевернулась и пронзительно вскрикнула, высоко встряхнувъ на воздухѣ гитарой.... Потомъ опять началась прежняя однообразная пляска, сопровождаемая тѣмъ же однообразнымъ пѣніемъ. Кузьма Васильевичъ сидѣлъ между тѣмъ преспокойно на диванѣ и продолжалъ глядѣть на Колибри. Онъ ощущалъ въ себѣ нѣчто странное, необычайное: ему было очень легко и свободно, даже слишкомъ легко; онъ какъ будто тѣла своего не чувствовалъ, какъ будто плавалъ, и въ то же время мурашки по немъ ползали, какое-то пріятное безсиліе распространялось по ногамъ, и дремота щекотала ему вѣки и губы. Онъ уже ничего не желалъ, не думалъ ни о чемъ, а только ему было очень хорошо, словно кто его баюкалъ, „байбайкалъ“, какъ выразилась Эмилія, и шепталъ онъ про себя: „игрушечка!“ По временамъ лицо „игрушечки“ заволакивалось.... „Отчего бы это?“ спрашивалъ себя Кузьма Васильевичъ. „Отъ курева“, успокоивалъ онъ себя.... „Такой есть тутъ синій дымокъ“. И опять его кто-то баюкалъ и даже разсказывалъ ему на ухо что-то такое хорошее.... Только почему-то все не договаривалъ. Но вотъ вдругъ на лицѣ „игрушечки“ глаза открылись огромные, величины небывалой, настоящія мостовыя арки.... Гитара покатилась и, ударившись о полъ, прозвенѣла гдѣ-то за тридевятью землями.... Какой-то очень близкій и короткій пріятель Кузьмы Васильевича нѣжно и плотно обнялъ его сзади и галстукъ ему поправилъ. Кузьма Васильевичъ увидалъ передъ самымъ лицомъ своимъ крючковатый носъ, густые усы и пронзительные глаза незнакомца съ обшлагомъ о трехъ пуговкахъ.... и хотя глаза находились

на мѣстѣ усовъ, и усы на мѣстѣ глазъ, и самый носъ являлся опрокинутымъ, однако Кузьма Васильевичъ не удивился нисколько, а, напротивъ, нашелъ, что такъ оно и слѣдовало; онъ собрался даже сказать этому носу: „здорово, братъ, Григорій“, но отмѣнилъ свое намѣреніе и предпочелъ.... предпочелъ немедленно отправиться съ Колибри въ Царьградъ для предстоящаго бракосочетанія, такъ какъ она была турчанка, а государь его пожаловалъ въ дѣйствительные турки.

XXII.

Кстати жъ, передъ нимъ очутилась лодочка: онъ занесъ въ нее ногу, и хотя по неловкости споткнулся и ушибся довольно сильно, такъ что нѣкоторое время не зналъ, гдѣ что̀ находится, однако справился и, сѣвъ на лавочку, поплылъ по той самой большой рѣкѣ, которая въ видѣ Рѣки Временъ протекаетъ на картѣ на стѣнѣ Николаевской гимназіи, въ Царьградъ. Съ великимъ удовольствіемъ плылъ онъ по той рѣкѣ и наблюдалъ за множествомъ красныхъ гагаръ, безпрестанно ему попадавшихся; онѣ однако не подпускали его и, ныряя, превращались въ круглыя розовыя пятна. И Колибри съ нимъ ѣхала; но, желая предохранить себя отъ зноя, помѣстилась подъ лодкой и изрѣдка стучала въ дно.... Вотъ, наконецъ, и Царьградъ. Дома̀, какъ слѣдуетъ быть домамъ, въ видѣ тирольскихъ шляпъ; и у турокъ все такія крупныя, степенныя лица; только не годится долго на нихъ глядѣть: они начинаютъ корчиться, рожи строить, а послѣ и совсѣмъ распадаются, какъ талый снѣгъ. Вотъ и дворецъ, въ которомъ онъ будетъ жить съ Колибри.... И такъ все въ немъ отлично устроено! Стѣны съ генеральскимъ шитьемъ, вездѣ эполеты, по угламъ люди трубятъ, и на лодкѣ можно въѣхать въ гостиную. Ну, разумѣется, портретъ Мако-

мета.... Только Колибри бѣжитъ все впередъ по комнатамъ, и косы ея волочатся за нею по полу, и никакъ она не хочетъ обернуться, и все меньше она становится, все меньше.... Ужъ это не Колибри, а мальчикъ въ курточкѣ, и онъ его гувернеръ, и онъ долженъ влѣзать за этимъ мальчикомъ въ подзорную трубку, и труба та все уже, уже, вотъ ужъ и двинуться нельзя.... ни впередъ, ни назадъ, и дышать невозможно, и что-то обрушилось на спину.... и земля въ ротъ....

XXIII.

Кузьма Васильевичъ открылъ глаза. Свѣтло кругомъ, тихо.... пахнетъ уксусомъ, мятой. Надъ нимъ и по бокамъ что-то бѣлое; онъ вглядывается: пологъ постельный. Онъ хочетъ голову приподнять.... нельзя; руку.... нельзя тоже. Что такое значитъ? Онъ опускаетъ глаза.... Какое-то длинное тѣло протянуто передъ нимъ, и на томъ тѣлѣ шерстяное одѣяло, желтое съ коричневою каймой. Тѣло оказывается его, Кузьмы Васильевича. Онъ пытается крикнуть.... ничего не выходитъ. Онъ пытается опять, напрягаетъ всѣ свои силы.... дряхлый стонъ раздается и дрожитъ подъ его носомъ. Слышатся тяжелые шаги, жилистая рука раздвигаетъ пологъ. Сѣдой инвалидъ въ военной заплатанной шинели стоитъ передъ нимъ и глядитъ на него.... И онъ глядитъ на инвалида. Большая оловянная кружка придвигается къ губамъ Кузьмы Васильевича. Кузьма Васильевичъ жадно пьетъ холодную воду. Языкъ его развязывается.— Гдѣ я?—Инвалидъ еще разъ взглядываетъ на него, уходитъ и возвращается съ другимъ человѣкомъ, въ темномъ мундирѣ. — Гдѣ я?—повторяетъ Кузьма Васильевичъ.— Ну, теперь будетъ живъ, — говоритъ человѣкъ въ мундирѣ.—Вы въ госпиталѣ, — прибавляетъ онъ громко, — но извольте почивать. Вамъ вредно разговаривать. —

Кузьма Васильевичъ готовъ удивиться, но снова впадаетъ въ забытье....

На другое утро явился докторъ. Кузьма Васильевичъ пришелъ въ себя. Докторъ поздравилъ его съ выздоровленіемъ и велѣлъ перевязать ему голову.

— Какъ? голову? Да развѣ у меня....

— Вы не должны говорить, не должны безпокоиться,— перебилъ его докторъ.—А теперь лежите смирно и благодарите Всевышняго Создателя. Гдѣ компрессы, Поплевкинъ?

— Да гдѣ же деньги.... казенныя....

— Ну! опять сталъ бредить.... Побольше льду, Поплевкинъ!

XXIV.

Прошла еще недѣля. Кузьма Васильевичъ настолько оправился, что доктора нашли возможнымъ сообщить ему случившееся съ нимъ происшествіе. Вотъ что онъ узналъ.

16-го іюня, въ семь часовъ вечера, посѣтилъ онъ въ послѣдній разъ домъ госпожи Фритче, а 17-го іюня, къ обѣду, т. е. почти черезъ сутки, пастухъ нашелъ его въ оврагѣ возлѣ большой Херсонской дороги, въ двухъ верстахъ отъ Николаева, безчувственнаго, съ разрубленною головой, съ багровыми пятнами на шеѣ. Мундиръ и жилетка на немъ были разстегнуты, всѣ карманы выворочены, фуражки и кортика не оказалось, кожанаго пояса съ деньгами—тоже. По измятой травѣ, по широкому слѣду въ пескѣ и глинѣ можно было заключить, что несчастнаго лейтенанта волокомъ волокли на дно оврага и только тамъ нанесли ему ударъ въ голову, не топоромъ, а саблей,—вѣроятно, его же кортикомъ: вдоль всего слѣда, отъ самой дороги, не замѣчалось ни капли крови, а вокругъ головы стояла цѣлая лужа. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что убійцы его сперва

опоили, потомъ пытались придушить и, отвезя ночью за городъ, стащили въ оврагъ и тамъ окончательно прихлопнули. Кузьма Васильевичъ не умеръ, благодаря лишь своему, поистинѣ, желѣзному сложенію. Пришелъ онъ въ себя 22-го іюля, то-есть цѣлыхъ пять недѣль спустя.

XXV.

Кузьма Васильевичъ немедленно довелъ до свѣдѣнія начальства постигшее его несчастье, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла изустно и на бумагѣ, сообщилъ адресъ мадамъ Фритче. Полиція бросилась въ указанный домъ, но никого въ немъ не нашла; птички уже вылетѣли изъ гнѣзда. Схватились за хозяина дома; но отъ этого хозяина, престарѣлаго и глухого мѣщанина, большого толку не добились. Самъ онъ проживалъ въ другомъ кварталѣ и зналъ одно: четыре мѣсяца тому назадъ, отдалъ онъ свой домъ внаймы одной еврейкѣ съ паспортомъ, по имени Шмуль или Шмульке, которую онъ тогда же и прописалъ въ части. — „Пріѣзжала къ ней другая жинка,—такъ показывалъ онъ,—тоже съ пачпортомъ, — но какимъ рукомесломъ онѣ обѣ занимались, и то ему неизвѣстно; и были ли у нихъ другіе постояльцы—тоже не слыхалъ и не знаетъ; а какой паренекъ у него въ томъ домѣ жилъ дворникомъ или караульщикомъ, и тотъ сошелъ не то въ Одесть, не то въ Питеръ; а новый дворникъ поступилъ недавно, съ перваго числа іюля“.—Навели справки въ полиціи и по околотку: оказалось, что Шмульке, вмѣстѣ съ товаркой, настоящее имя которой было Фридерика Бенгель, выѣхала изъ Николаева около 20-го іюня, а куда—неизвѣстно. Таинственнаго человѣка съ цыганскимъ лицомъ и тремя пуговками на обшлагѣ, а равноі черномазой дѣвки иностранки съ огромною косой никто и не видывалъ. Кузьма Васильевичъ, какъ только

выписался изъ госпиталя, самъ посѣтилъ роковой для него домъ. Въ маленькой комнаткѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Колибри, и гдѣ все еще пахло мускусомъ, находилась другая, тоже скрытая дверь; къ ней-то, во второе его посѣщеніе, былъ придвинутъ диванъ, и черезъ нее вошелъ, вѣроятно, убійца и обхватилъ его сзади. Кузьма Васильевичъ подалъ жалобу по формѣ; началось дѣло. Нѣсколько занумерованныхъ отношеній и предписаній полетѣло въ разныя стороны; поступили въ свое время надлежащія отписки и справки.... но тѣмъ все и кончилось. Подозрительныя личности такъ и канули въ воду,—а вмѣстѣ съ ними исчезли и похищенныя казенныя деньги, тысяча девятьсотъ семнадцать рублей съ копѣйками, ассигнаціями и золотомъ. Сумма немаловажная въ ту эпоху! Цѣлыхъ десять лѣтъ потомъ ихъ выплачивалъ Кузьма Васильевичъ, пока не попалъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ.

XXVI.

Самъ онъ на первыхъ порахъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что виной всей бѣды, начальницей заговора, была Эмилія, его коварная „Zuckerpüppchen“. Онъ вспомнилъ, какъ въ самый день послѣдняго свиданія съ нею, онъ неосторожно задремалъ на диванѣ, какъ, проснувшись, увидѣлъ ее возлѣ себя на колѣнкахъ, и какъ она смѣшалась, и какъ, наконецъ, онъ въ тотъ же вечеръ открылъ прорѣху въ своемъ поясѣ, прорѣху, очевидно, продѣланную ея ножницами. „Она увидѣла“, думалъ Кузьма Васильевичъ, „она сказала старой чертовкѣ и тѣмъ двумъ діаволамъ, она залучила меня, написавъ ко мнѣ письмо.... меня и обработали. Но кто бы могъ это отъ нея ожидать!“ Онъ представлялъ себѣ хорошенькое, добренькое лицо Эмиліи, ея свѣтлые глазки.... „Женщины! женщины!“ твердилъ онъ, скрежеща

зубами: „крокодилово исчадіе!“ Но переѣхавъ окончательно изъ госпиталя къ себѣ домой, онъ узналъ одно обстоятельство, которое привело его въ недоумѣніе, поставило его втупикъ. Въ самый тотъ день, когда его, полумертваго, привезли въ городъ, дѣвушка, по всѣмъ примѣтамъ какъ двѣ капли воды похожая на Эмилію, прибѣжала, вся въ слезахъ, съ растрепанными волосами, къ нему на квартиру и, освѣдомившись о немъ у денщика, бросилась, какъ сумасшедшая, въ госпиталь. Въ госпиталѣ ей сказали, что Кузьма Васильевичъ непремѣнно долженъ умереть, и она тотчасъ скрылась, ломая руки, съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Явно было, что она не предвидѣла, не ожидала убійства. Или, можетъ-быть, ее самое обманули—не выдали ей обѣщанной части? Раскаяніе ею вдругъ овладѣло. Но однакожъ она потомъ выѣхала изъ Николаева вмѣстѣ съ тою отвратительною старухой, которая навѣрное все знала.... Кузьма Васильевичъ терялся въ догадкахъ и порядкомъ-таки наскучилъ своему денщику, безпрестанно заставляя его сызнова описывать наружность прибѣжавшей дѣвушки и повторять ея слова.

XXVII.

Цѣлые полтора года спустя, Кузьма Васильевичъ получилъ отъ Эмиліи — alias Фридерики Бенгель—письмо на нѣмецкомъ языкѣ, которое онъ немедленно велѣлъ себѣ перевести и впослѣдствіи неоднократно намъ показывалъ. Оно было испещрено орѳографическими ошибками и восклицательными знаками; на кувертѣ стоялъ штемпель: „Бреславль“. Вотъ по возможности вѣрный переводъ этого письма:

„Мой дорогой, незабвенный и несравненный Флорестанъ! Господинъ лейтенантъ Ергенгофъ!

„Сколько разъ я порывалась къ вамъ писать! И всегда, къ сожалѣнію, откладывала, хотя мысль, что вы меня мо-

жете считать участницей въ томъ ужасномъ злодѣяніи, была всегда для меня самая убійственная мысль! О, мой милый господинъ лейтенантъ! Повѣрьте мнѣ, день, когда я узнала, что вы остались живы и здоровы, былъ самый счастливый день въ моей жизни! Но я не намѣрена вполнѣ себя оправдывать! Я не буду лгать! Я, точно, первая открыла вашу привычку носить деньги на вашемъ желудкѣ! (впрочемъ, въ нашихъ краяхъ всѣ мясники и торговцы мясомъ такъ поступаютъ!) И имѣла неосторожность немножко сказать объ этомъ! Я даже въ шутку тогда сказала, что вотъ было бы хорошо взять у васъ немножко этихъ денегъ! Но старая злодѣйка (господинъ Флорестанъ! она *не была* моею теткой) вступила въ заговоръ съ этимъ безбожнымъ извергомъ Луиджи и его сообщницей! Клянусь вамъ гробомъ моей матери, я до сихъ поръ не знаю, кто были эти люди! Знаю только, что имя его было Луиджи, и что они оба пріѣхали изъ Бухарешта и были, навѣрное, большіе преступники, и прятались отъ полиціи, и имѣли деньги и драгоцѣнныя вещи! Луиджи былъ ужасный субъектъ (ein schröckliches Subject), убить себѣ подобнаго (einen Mitmenschen) для него ничего не значило! Онъ говорилъ на всѣхъ языкахъ—и это *онъ* тогда возвратилъ вещи отъ нашей кухарки! Не спрашивайте, какъ! Онъ все, все могъ сдѣлать, онъ былъ ужасный человѣкъ! Онъ увѣрялъ старуху, что только опоитъ васъ немного и потомъ вывезетъ и броситъ, и будетъ говорить, что ничего не знаетъ и что вы сами виноваты—гдѣ-нибудь много вкусили вина! Но злодѣй уже тогда имѣлъ въ умѣ, что лучше васъ совсѣмъ убить, дабы ни одинъ пѣтухъ о томъ не прокричалъ! Письмо отъ моего имени онъ къ вамъ написалъ, а меня старуха удалила лукавствомъ. Я ничего не подозрѣвала, и я ужасно боялась Луиджи! Онъ говорилъ мнѣ: „Я зарѣжу, зарѣжу тебя какъ цыпленка!“ И такъ при этомъ страшно шевелилъ усами! Притомъ меня увезли въ одну компанію.... Мнѣ очень стыдно, господинъ

лейтенантъ! И я даже теперь плачу горькими слезами при этихъ мысляхъ!... Мнѣ кажется.... ахъ! я не была рождена для такихъ занятій.... Но этому помочь нельзя; и вотъ какъ все случилось! Потомъ я ужасно испугалась, и поневолѣ уѣхала, потому что если бы полиція насъ открыла—что̀ бы было со мной тогда? Проклятый Луиджи тотчасъ бѣжалъ, какъ только узналъ, что вы остались живы. Но я въ скорости съ ними со всѣми разсталась и хотя я теперь безъ куска хлѣба часто сижу, однако душа моя покойна! Вы меня, можетъ-быть, спросите, зачѣмъ я пріѣзжала въ Николаевъ? Но я не могу ничего отвѣчать! Я клялась! Кончаю просьбой очень, очень для меня важною: пожалуйста, когда вы будете вспоминать о вашей маленькой пріятельницѣ Эмиліи, не думайте о ней, какъ о черной преступницѣ! Вѣчный Богъ видитъ мое сердце. Я имѣю дурную нравственность (Ich habe eine schlechte Moralität) и я вѣтрена, но я не злодѣйка. И я всегда буду васъ любить и помнить, мой несравненный Флорестанъ, и всегда буду вамъ желать всего хорошаго на земномъ шарѣ (auf diesem Erdenrund)! Не знаю, дойдетъ ли до васъ мое письмо, но если дойдетъ, то напишите мнѣ нѣсколько строкъ, чтобъ я видѣла, что вы получили мое письмо! Этимъ вы очень осчастливите вашу вамъ неизмѣнно преданную Эмилію.

„P. S. Пишите подъ буквами F. E. poste restante, въ Бреславль, въ Силезію.

„P. S. S. Я писала вамъ по-нѣмецки; я иначе не могла выразить свои чувства; но вы мнѣ пишите по-русски“.

XXVIII.

— Ну, и что же? Отвѣчали вы ей?—спрашивали мы Кузьму Васильевича.

— Собирался, много разъ собирался. Да какъ наши-

сать? По-нѣмецки я не умѣю, а по-русски.... Кто бы перевелъ ей? Такъ и не написалъ.

И всякій разъ, окончивъ свой разсказъ, Кузьма Васильевичъ вздыхалъ, качалъ головою, говорилъ: „Вотъ что значитъ молодость!“ И если въ числѣ слушателей находился новичекъ, въ первый разъ ознакомившійся съ знаменитою исторіей, онъ бралъ его руку, клалъ себѣ на черепъ и заставлялъ щупать шрамъ отъ раны.... Рана дѣйствительно была страшная, и шрамъ шелъ отъ одного до другого уха.

1867 г.

БРИГАДИРЪ.

I.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать-пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно. Проточный прудъ, заросшій лознякомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный чирокъ"; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами „шпанской" земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше—кудрявыя яблони надъ высокой, снизу зеленой, кверху сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумбы съ цвѣтами—макомъ, піонами, анютиными-

глазками, крыжантами, „дѣвицей въ зелени“, кусты татарской жимолости, дикаго жасмину, сирени и акаціи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашеной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ сучьяхъ — а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ—и поле, и длинные плетни конопляниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ.... Знакомо ли тебѣ все это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на-бокъ, немножко расшаталось—а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ; въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью: „Strike,—silent“; въ гостиной портреты хозяевъ, написанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ, а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ кваскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы.... Ничего! жить можно—и даже очень недурно можно жить.

II.

Вотъ такую-то усадьбу пришлось мнѣ посѣтить лѣтъ тридцать тому назадъ.... дѣла давно-минувшихъ дней—какъ изволите видѣть. Небольшое имѣньице, въ которомъ находилась та усадьба, принадлежало одному моему университетскому товарищу; оно недавно къ нему поступило послѣ смерти троюроднаго дяди, холостяка, и самъ онъ въ немъ не жилъ.... Но въ недальнемъ разстояніи оттуда зачинались пространныя степныя болота, въ которыхъ, во время лѣтняго прилета, водилось много дупелей; мой товарищъ и я—мы оба были страстные охотники, а потому и сговорились съѣхаться—онъ изъ Москвы, я изъ своей деревеньки—къ Петрову дню въ его домикъ. Пріятель мой замѣшкался въ Москвѣ и опоздалъ двумя днями; я безъ него не хотѣлъ начать охоты. — Меня принялъ старый слуга, по имени Наркизъ Семеновъ: его предувѣдомили о моемъ пріѣздѣ. Этотъ старый слуга нисколько не походилъ на „Савельича“ или на „Калеба“; мой товарищъ звалъ его въ шутку „Маркизомъ“. Въ немъ было что-то самоувѣренное, даже утонченное, не безъ достоинства онъ смотрѣлъ на насъ, молодыхъ людей, свысока, но и къ другимъ помѣщикамъ не питалъ особеннаго уваженія; о прежнемъ баринѣ отзывался небрежно, а свою братью просто презиралъ — за невѣжество. Самъ онъ умѣлъ читать и писать, выражался правильно и вразумительно—и водки не пилъ. Въ церковь ходилъ рѣдко—такъ что его раскольникомъ считали. Изъ себя онъ былъ худощавъ и высокъ, лицо имѣлъ длинное и благообразное, острый носъ и нависшія брови, которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ; носилъ просторный, опрятный сюртукъ и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами.

III.

Въ самый день моего прибытія, Наркизъ, подавъ мнѣ позавтракать и убравъ со стола, остановился въ дверяхъ, пристально посмотрѣлъ на меня и, поигравъ бровями, промолвилъ:

— Что же вы, сударь, теперь дѣлать будете?

— А я, право, не знаю. Если бы Николай Петровичъ слово свое сдержалъ, пріѣхалъ—мы бы на охоту вмѣстѣ отправились.

— А вы, стало, сударь, надѣялись, что они такъ въ самый разъ и пріѣдутъ, какъ обѣщались?

— Конечно, надѣялся.

— Гм.—Наркизъ опять посмотрѣлъ на меня, и какъ бы съ сожалѣньемъ покачалъ головою.—Коли чтеніемъ позабавиться желательно,—продолжалъ онъ:—отъ стараго барина остались книжки; я ихъ, буде угодно, принесу; только вы ихъ читать не станете, такъ полагать надо.

— Почему?

— Книжки-то пустыя; не для теперешнихъ господъ писаны.

— Ты ихъ читалъ?

— Не читалъ, не сталъ бы говорить. Сонникъ, напримѣръ.... это что жъ за книга? Ну, есть другія.... только вы ихъ тоже не станете читать.

— А что?

— Божественныя.

Я помолчалъ.... Наркизъ помолчалъ тоже.

— Главное-то мнѣ досадно, — началъ я: — въ этакую погоду—дома сидѣть.

— Въ саду прогуляйтесь; а не то въ рощу сходите. Тутъ у насъ роща за гумномъ. Не охочи ли вы рыбу ловить?

— А у васъ есть рыба?

— Есть, въ прудѣ. Гольцы, пескари, окуни попадаются. Теперь, конечно, настоящая пора прошла: іюль на дворѣ. Ну.... а все-таки попытаться можно.... Прикажете удочку снарядить?

— Сдѣлай одолженіе.

— Я съ вами мальчика пошлю.... червей насаживать. А то развѣ самому пойти? — Наркизъ очевидно сомнѣвался въ томъ, сумѣю ли я одинъ справиться.

— Пойдемъ, пожалуйста, пойдемъ.

Наркизъ улыбнулся молча, но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови.... и вышелъ изъ комнаты.

IV.

Полчаса спустя, мы отправились ловить рыбу. Наркизъ надѣлъ какой-то необыкновенный, ушастый картузъ, и сталъ еще величественнѣе. Онъ выступалъ впереди, степеннымъ, ровнымъ шагомъ; двѣ удочки мѣрно колыхались на его плечѣ; босоногій мальчишка несъ за нимъ лейку и горшокъ съ червями.

— Тутъ, возлѣ плотины, на плоту лавочка устроена для удобства,—началъ пояснять мнѣ Наркизъ, заглянулъ впередъ и вдругъ воскликнулъ: — Эге! да наши убогіе ужъ тутъ.... Повàдились!

Я вытянулъ изъ-за него голову и увидалъ на плоту, на той самой лавочкѣ, о которой онъ говорилъ, двухъ сидѣвшихъ къ намъ спиною людей: они преспокойно удили рыбу.

— Кто это?—спросилъ я.

— Сосѣди,—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Наркизъ.— Дома-то ѣсть имъ нечего, такъ вотъ они къ намъ и жалуютъ.

— А имъ позволяется?

— Прежній баринъ позволялъ.... развѣ вотъ Николай Петровичъ не разрѣшитъ.... Длинный-то — дьячокъ изъ заштатныхъ: совсѣмъ пустой человѣкъ; ну, а тотъ, что потолще—бригадиръ.

— Какъ бригадиръ? — повторилъ я съ изумленіемъ. Одежда на этомъ „бригадирѣ“ была чуть ли не хуже дьячковской.

— Я же вамъ докладываю: бригадиръ. И состояніе у нихъ было хорошее. А теперь вотъ изъ милости уголъ отведенъ, и живутъ.... такъ, чѣмъ Господь пошлетъ. Однако, между прочимъ, какъ же быть? Заняли они лучшее мѣсто.... Надо будетъ дорогихъ гостей потревожить.

— Нѣтъ, Наркизъ, пожалуйста, не тревожь ихъ. Мы тутъ же присядемъ въ сторонѣ: они намъ не мѣшаютъ. Мнѣ съ бригадиромъ хочется познакомиться.

— Какъ угодно-съ. А только, что если насчетъ знакомства.... много удовольствія вы, сударь, получить не надѣйтесь; слабы они очень понятіемъ стали, и въ „разговоркѣ“ тупы.... что малый ребенокъ. И то сказать: восьмой десятокъ доживаютъ.

— Какъ его зовутъ?

— Васильемъ Ѳомичемъ. По фамиліи—Гуськовъ.

— А дьячка какъ?

— Дьячка-то?... прозвище ему—Огурецъ. Его здѣсь всѣ такъ величаютъ, а какое его настоящее имя—Господь вѣдаетъ! Пустой человѣкъ! Какъ есть проходимецъ.

— Они живутъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не вмѣстѣ; да чортъ ихъ.... знаете.... веревочкой связалъ.

V.

Мы подошли къ плоту. Бригадиръ вскинулъ на насъ глазами.... и тотчасъ устремилъ ихъ на поплавокъ; Огурецъ

вскочилъ, выдернулъ удочку, снялъ свою истасканную поповскую шляпу, провелъ трепетной рукой по жесткимъ, желтымъ волосамъ, поклонился наотмашь и засмѣялся дряблымъ смѣхомъ. Его припухлое лицо изобличало горькаго пьяницу; съеженные глазки униженно моргали. Онъ толкнулъ своего сосѣда въ бокъ, какъ бы давая ему знать, что надо, молъ, убираться.... Бригадиръ зашевелился на лавочкѣ.

— Сидите, прошу васъ, не безпокойтесь, — поспѣшно заговорилъ я.—Вы намъ нисколько не мѣшаете. Мы тутъ помѣстимся; сидите.

Огурецъ запахнулъ свой дырявый балахонъ, передернулъ плечами, губами, бородкой.... Наше присутствіе видимо его стѣсняло.... и онъ бы охотно улизнулъ, но бригадиръ снова погрузился въ созерцаніе своего поплавка.... „Проходимецъ“ кашлянулъ раза два, присѣлъ на самый край лавочки, положилъ шляпу на колѣни и, подобравъ подъ себя свои голыя ноги, скромно закинулъ удочку.

— Клюетъ? — съ важностью спросилъ Наркизъ, медлительно разматывая лесу.

— Штучекъ пять гольцовъ залучили,—отвѣчалъ Огурецъ разбитымъ и сиплымъ голосомъ: — да вотъ они порядочнаго окунька поймали.

— Да, окунька,—пискливо повторилъ бригадиръ.

VI.

Я принялся пристально разсматривать—не его, а опрокинутое его отраженіе въ прудѣ. Оно мнѣ представлялось ясно, какъ въ зеркалѣ, немного темнѣй, немного серебристѣй. Широкій прудъ дышалъ на насъ прохладой; прохладой вѣяло и отъ сырого обрывистаго берега; и тѣмъ слаще была она, что тамъ, надъ головою, въ золотистой и темной

лазури, надъ купами деревьевъ, ощутительнымъ бременемъ нависъ неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; въ тѣни, падавшей на нее съ раскидистыхъ прибрежныхъ кустовъ, блестѣли, какъ крохотныя свѣтлыя пуговки, водяные паучки, описывавшіе свои вѣчные круги; лишь изрѣдка чуть замѣтная рябь шла отъ поплавковъ, когда рыба „шалила“ съ червякомъ. Бралась она очень плохо: въ теченіе цѣлаго часа мы вытащили двухъ гольцовъ и пескаря. Я бы не сумѣлъ сказать, почему бригадиръ возбуждалъ мое любопытство: чинъ его не могъ на меня дѣйствовать; разоренные дворяне и въ то время не считались рѣдкостью— и самая его наружность не представляла ничего замѣчательнаго. Изъ-подъ теплаго картуза, закрывавшаго всю верхнюю часть головы его до бровей и до ушей, виднѣлось красное, гладкое, выбритое, круглое лицо, съ маленькимъ носомъ, маленькими губками и свѣтло-сѣрыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю, безпомощную грусть выражало это смиренное, почти дѣтское лицо; въ пухлыхъ бѣлыхъ ручкахъ съ короткими пальцами было тоже что-то безпомощное, неумѣлое.... Я никакъ не былъ въ состояніи себѣ представить, какимъ образомъ этотъ убогій старичекъ могъ когда-то быть военнымъ человѣкомъ, командовать, распоряжаться— да еще въ екатерининскія, суровыя времена! Я глядѣлъ на него: иногда онъ надувалъ щеки и слабо пыхтѣлъ, какъ ребенокъ, иногда онъ щурился болѣзненно, съ усиліемъ, какъ всѣ дряхлые люди. Разъ онъ широко раскрылъ и поднялъ глаза.... Они уставились на меня изъ водной глубины — и странно трогательнымъ и даже значительнымъ показался мнѣ ихъ унылый взоръ.

VII.

Я старался заговорить съ бригадиромъ.... Но Наркизъ не обманулъ меня: бѣдный старикъ дѣйствительно очень

слабъ понятіемъ сталъ. Онъ освѣдомился о моей фамиліи, и переспросивъ меня раза два, подумалъ, подумалъ и промолвилъ наконецъ: „Да у насъ, кажись, былъ такой судья. Огурецъ, былъ у насъ такой судья—ась?“—„Былъ, былъ, батюшка, Василій Ѳомичъ, ваше благородіе“,—отвѣчалъ ему Огурецъ, который вообще обходился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.—„Былъ, точно. А удочку вашу мнѣ пожалуйте: у васъ червячокъ должно, съѣденъ..... Съѣденъ и есть“.

— Съ Ломовскимъ семействомъ изволили быть знакомы?—внезапно, напряженнымъ голосомъ спросилъ меня бригадиръ.

— Какое такое Ломовское семейство?

— Какое? — Ну, Ѳедоръ Иванычъ, Евстигнѣй Иванычъ, Алексѣй Иванычъ жидъ, ну, Ѳеодулія Ивановна грабительница.... а тамъ еще....

Бригадиръ вдругъ умолкъ и потупился.

— Самые имъ близкіе были люди,—наклонясь ко мнѣ, шепнулъ Наркизъ:—чрезъ нихъ, чрезъ самого этого Алексѣя Иваныча, что жидомъ они обозвали, да еще черезъ одну Алексѣй-Иванычину сестрицу, Аграфену Ивановну—они, можно сказать, всего состоянія лишились.

— Что ты тамъ объ Аграфенѣ Ивановнѣ толкуешь?—воскликнулъ вдругъ бригадиръ и голова его поднялась, бѣлыя брови нахмурились.... — Ты смотри у меня! И какая она тебѣ Аграфена? Агриппина Ивановна — вотъ какъ надо.... ее называть.

— Ну-ну-ну-ну, батюшка, — залепеталъ-было Огурецъ.

— Ты развѣ не знаешь, что̀ про нее Милоновъ стихотворецъ сочинилъ? — продолжалъ старикъ, внезапно войдя въ совершенно мною неожиданный азартъ.—„Не брачныя свѣщи возженны“ — началъ онъ нараспѣвъ, произнося всѣ гласныя въ носъ, а слоги: „ан“ и „ен“—какъ французскіе: *an, en*,—и странно было слышать изъ

устъ его эту связную рѣчь;—„не факелы....“ Нѣтъ, это не то, а вотъ:

Не бреннымъ тлѣнія кумиромъ,
Не амаранѳомъ, не порфиромъ,
Столь услаждаются они....
Одно лишь въ нихъ....

— Это про насъ.—Слышишь?

Одно лишь въ нихъ непреткновенно.
Пріятно, томно, вожделѣнно:
Взаимный жаръ питать въ крови!

Ты—Аграфена!

Наркизъ усмѣхнулся полу-презрительно, полу-равнодушно. — Эхъ-ма, каженникъ! *) — проговорилъ онъ про себя. Но бригадиръ уже опять потупился — удочка вывалилась изъ его руки и соскользнула въ воду.

VIII.

— А что, какъ я погляжу, дѣло-то наше — дрянь,— промолвилъ Огурецъ: — рыба — вишь—не клюетъ вовсе. Ужъ жарко больно стало, а нашего барина „мехлюдія“ **) постигла. Видно — домой пойти; лучше будетъ. — Онъ осторожно досталъ изъ кармана жестяную фляжку съ деревянной пробочкой, откупорилъ ее, насыпалъ себѣ на соколокъ табаку — да и дернулъ по обѣимъ ноздрямъ разомъ.... — Эхъ, табачекъ! — простоналъ онъ, приходя въ чувство:—ажно тоска по зубамъ заиграла! — Ну, голубчикъ Василій Ѳомичъ, извольте подниматься— пора!

---

*) Каженникъ—идіотъ, чудакъ.
**) Мехлюдія—меланхолія.

Бригадиръ всталъ съ лавочки.

— Далеко вы отсюда живете?—спросилъ я Огурца.

— Да они-то вотъ недалеко.... и версты не будетъ.

— Позволите вы мнѣ проводить васъ? — обратился я къ бригадиру. Мнѣ не захотѣлось отстать отъ него.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, улыбнувшись той особенной, важной, вѣжливой и нѣсколько жеманной улыбкой, которая, не знаю какъ другимъ, а мнѣ всякій разъ напоминаетъ пудру, французскіе кафтаны съ стразовыми пуговицами — вообще восемнадцатый вѣкъ — проговорилъ съ старомодной разстановкой, что „о-чен-но будетъ радъ....“ и тотчасъ опять опустился. Екатерининскій кавалеръ мелькнулъ въ немъ на мгновеніе—и исчезъ.

Наркизъ удивился моему намѣренію; но я не обратилъ вниманія на неодобрительное покачиваніе его ушастаго картуза, и вышелъ изъ сада вмѣстѣ съ бригадиромъ, котораго поддерживалъ Огурецъ. — Старикъ двигался довольно быстро, какъ на деревяшкахъ.

IX.

Мы шли чуть-чуть проторенной тропинкой, по травянистой долинѣ, между двумя березовыми рощами. Солнце пекло; иволги перекликались въ зеленой чащѣ, коростели трещали возлѣ самой тропинки, голубенькія бабочки перелетывали стайками по бѣлымъ и краснымъ цвѣтамъ низкаго клевера; пчелы, словно сонныя, путались и вяло жужжали въ недвижной травѣ. Огурецъ встряхнулся, оживился; Наркиза онъ боялся—онъ жилъ у него подъ глазами; я былъ ему чужой, заѣзжій—со мною онъ скоро освоился. — „Вотъ, — зачастилъ онъ, — нашъ баринъ — постникъ, что толковать! а однимъ окунькомъ—какъ тутъ

сыту быть? Развѣ вы, ваше благородіе, что пожертвуете? Тутъ сейчасъ за поверткомъ, въ кабачкѣ—отличные калачики-ситнички. А коли милость будетъ, такъ и азъ многогрѣшный при этомъ случаѣ за ваше здравіе—долголѣтіе-долгоденствіе, шкальчикъ выкушаю".—Я далъ ему двугривенный и едва успѣлъ отвернуть руку, которую онъ бросился лобызать. Онъ узналъ, что я охотникъ, и пустился толковать о томъ, что у него есть хорошій знакомый офицеръ, у котораго шведское мин-дин-денгер-ровское ружье съ мѣднымъ стволомъ — что̀ твоя пушка! выпалишь — такъ словно забытье найдетъ: послѣ французовъ осталось!... и собака — просто игра природы! что онъ самъ всегда большую страсть къ охотѣ имѣлъ, и попъ бы ничего—вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ—да благочинный до безконечности его затиранилъ; а что до Наркиза Семеныча,—промолвилъ онъ нараспѣвъ,—такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть—и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева, да и полагаютъ, что чрезъ то всѣ науки произошли.—Тѣмъ временемъ мы подошли къ кабачку—одинокой ветхой избушкѣ безъ задворка и клѣти; отощалая собака лежала свернувшись подъ окошкомъ; курица копалась въ пыли передъ самымъ ея носомъ. Огурецъ усадилъ бригадира на завалинкѣ и мгновенно шмыгнулъ въ избушку. Пока онъ покупалъ калачики, да подносилъ себѣ шкаликъ — я глазъ не сводилъ съ бригадира, который, Богъ вѣдаетъ почему, мнѣ представлялся загадкой. Въ жизни этого человѣка — думалось мнѣ — навѣрное произошло что-нибудь необыкновенное. А онъ, казалось, и не замѣчалъ меня вовсе; сидѣлъ, сгорбившись, на завалинкѣ и перебиралъ въ пальцахъ нѣсколько гвоздикъ, сорванныхъ имъ въ саду моего пріятеля. Огурецъ появился, наконецъ, со связкой калачиковъ въ рукѣ; появился весь красный и потный, съ выраженіемъ радостнаго удивленія на лицѣ,

какъ будто онъ только-что увидалъ нѣчто чрезвычайно пріятное и для него неожиданное. Онъ тотчасъ предложилъ бригадиру откушать калачика — и тотъ откушалъ. Мы отправились далѣе.

X.

Въ силу выпитой водки, Огурца совершенно, какъ говорится, „разлимонило“. Онъ принялся утѣшать бригадира, который продолжалъ спѣшить впередъ, пошатываясь, какъ на деревяшкахъ.—Что вы, батюшка, баринъ, невеселы, носъ повѣсили? Позвольте, я вамъ пѣсенку спою. Сейчасъ всякое удовольствіе получите.... Вы не извольте сумлѣваться — обратился онъ ко мнѣ: — баринъ у насъ пресмѣшливый, и Боже ты мой! Вчерась я гляжу: баба на плоту портки моетъ—да толстая же и попалась баба—а они сзаду стоятъ, да отъ смѣху такъ и киснутъ, ей-Богу!... Вотъ, позвольте сейчасъ: про зайца пѣсню знаете? Вы не глядите на меня, что я невзрачень есть; у насъ тутъ въ городѣ цыганка живетъ: рыло рыломъ—а запоетъ: гробъ! ложись да помирай.—Онъ широко раскрылъ свои мокрыя, красныя губы и запѣлъ, загнувъ голову на-бокъ, закрывъ глаза и потряхивая бородкой:

Лежитъ заяцъ подъ кустомъ;
Ѣздятъ охотнички по пустомъ....
Лежитъ заяцъ, еле дышетъ—
Между тѣмъ онъ ухомъ слышитъ—
Смерти ждетъ!

Чѣмъ вамъ, охотнички, я досадилъ?
Иль какую бѣдушку учинилъ?
Я въ капустахъ хоть бываю,
По одному листу съѣдаю—
И то не у васъ!
Да-съ!

Огурецъ все болѣе задавалъ форсу:

Скакнулъ заяцъ въ темный лѣсъ—
И охотничкамъ фостъ поднесъ.
Вы, охотнички, простите,
На мой фостикъ поглядите—
Я не вашъ!

Огурецъ уже не пѣлъ.... Онъ оралъ.

Ѣздили охотнички до су-такъ....
Разбирали заячій па-сту-пакъ....
Межъ собой все толковали
И другъ дружку обругали:
Заяцъ-то не нашъ!
Косой обманулъ!!

Первые два стиха каждаго куплета Огурецъ пѣлъ протяжнымъ голосомъ — остальные три, напротивъ, очень живо, при чемъ щеголевато подпрыгивалъ и переступалъ ногами; по окончаніи же куплета откалывалъ „колѣно“, т.е. ударялъ самого себя пятками. Воскликнувъ во все горло: „Косой обманулъ!“ онъ перекувырнулся.... Ожиданія его оправдались. Бригадиръ вдругъ залился тонкимъ слезливымъ хохотомъ, да такъ усердно, что дальше идти не могъ—и слегка присѣлъ, безсильно похлопывая руками по колѣнкамъ. Я глядѣлъ на его побагровѣвшее, судорожно-искривленное лицо, и очень мнѣ жаль его стало—именно въ это мгновенье. Воодушевленный успѣхомъ, Огурецъ пустился въ присядку, безпрестанно приговаривая: „шилды-будылды“ да „начики-чикалды!...“ Онъ ткнулся, наконецъ, носомъ въ пыль.... Бригадиръ внезапно пересталъ хохотать и заковылялъ дальше.

XI.

Мы прошли еще съ четверть версты. — Показалась маленькая деревушка на краю неглубокаго оврага; въ сто-

ронѣ виднѣлся „флигелекъ“ съ полуразметанной крышей и одинокой трубой; въ одной изъ двухъ комнатъ этого флигелька помѣщался бригадиръ. Владѣтельница деревушки, постоянная обитательница Петербурга, статская совѣтница Ломова, отвела—какъ я узналъ впослѣдствіи—этотъ уголокъ бригадиру. Она велѣла выдавать ему мѣсячину, а также приставить къ нему для услуженія проживавшую въ той же деревнѣ дурочку изъ дворовыхъ, которая, хотя и плохо понимала человѣческую рѣчь, однако могла, по мнѣнію совѣтницы, и полъ подмести, и щи сварить. На порогѣ флигелька бригадиръ снова обратился ко мнѣ съ прежней екатерининской улыбкой: не угодно-ли, молъ, мнѣ пожаловать въ его апартаментъ? Вошли мы въ этотъ апартаментъ. Все въ немъ было до крайности грязно и бѣдно, такъ грязно и такъ бѣдно, что бригадиръ, вѣроятно, замѣтивъ, по выраженію моего лица, какое впечатлѣніе произвело на меня его жилище, промолвилъ, пожавъ плечами и прищурившись: „се-не-па... ёль-де-пердри....“ Что собственно хотѣлъ онъ этимъ сказать—осталось мнѣ не совсѣмъ яснымъ.... Заговоривъ съ нимъ по-французски, я не получилъ отвѣта на этомъ языкѣ. Два предмета особенно поразили меня въ жилищѣ бригадира: во-первыхъ, большой офицерскій георгіевскій крестъ въ черной рамѣ, подъ стекломъ, съ надписью стариннымъ почеркомъ: „полученъ полковникомъ Черниговскаго Дерфельдена полка Василіемъ Гуськовымъ за штурмъ Праги въ 1794 году“; а во-вторыхъ—поясной масляный портретъ красивой черноглазой женщины съ продолговатымъ и смуглымъ лицомъ, высоко взбитыми и напудренными волосами, съ мушками на вискахъ и подбородкѣ, въ пестромъ вырѣзномъ робъ-ронѣ, съ голубыми оборками, эпохи восьмидесятыхъ годовъ. Портретъ былъ плохо написанъ—но навѣрное очень схожъ: чѣмъ-то слишкомъ жизненнымъ и несомнѣннымъ вѣяло отъ этого лица. Оно не глядѣло на зрителя, какъ бы отворачи-

валось отъ него, и не улыбалось; въ горбинѣ узкаго носа, въ правильныхъ, но плоскихъ губахъ, въ почти прямой чертѣ густыхъ, сдвинутыхъ бровей, сказывался повелительный, надменный, вспыльчивый нравъ. Не нужно было особаго усилія, чтобы представить себѣ, какъ это лицо могло внезапно загораться страстію или гнѣвомъ. Подъ самымъ портретомъ, на небольшой тумбочкѣ, стоялъ полузавядшій букетъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ въ толстой стеклянной банкѣ. Бригадиръ приблизился къ тумбочкѣ, воткнулъ въ банку принесенныя имъ гвоздики и, обернувшись ко мнѣ и поднявъ руку въ направленіи портрета, промолвилъ: „Агриппина Ивановна Телѣгина, Ломова урожденная“. Слова Наркиза пришли мнѣ на память: я съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на выразительное и недоброе лицо женщины, изъ-за которой бригадиръ всего состоянія лишился.

— Вы, я вижу, присутствовали при штурмѣ Праги, господинъ бригадиръ,—началъ я, указывая на георгіевскій крестъ,—и удостоились получить знакъ отличія, во всякое время рѣдкій, а тогда подавно; вы, стало-быть, помните Суворова?

— Александра Васильича-то? — отвѣчалъ бригадиръ, помолчавъ немного и какъ бы собираясь съ мыслями:— какъ же, помню, маленькій былъ, живой старичекъ. Ты стоишь, не чукнешь—а онъ туды-сюды (бригадиръ захохоталъ). Въ Варшаву-то на казачьей лошади въѣхалъ; самъ весь въ браліантахъ, а полякамъ говоритъ: нѣту у меня часовъ, въ Питерѣ забылъ, нѣту, нѣту! а они-то: виватъ! виватъ!—Чудаки! Эй! Огурецъ! малый! — прибавилъ онъ вдругъ, перемѣнивъ и возвысивъ голосъ (балагуръ-дьячокъ оставался за дверью): — гдѣ жъ — калачики-то? Да Грунькѣ скажи.... какъ бы кваску!

— Сейчасъ, батюшка баринъ, — послышался голосъ Огурца.

Онъ вручилъ бригадиру связку ситничковъ—и, выйдя изъ флигелька, подошелъ къ какому-то взъерошенному существу въ лохмотьяхъ—должно-быть, самой той дурочкѣ Грунькѣ—и, сколько я могъ разобрать сквозь запыленное окошко, началъ требовать отъ нея „кваску"—ибо нѣсколько разъ сряду приставлялъ одну руку воронкой ко рту, а другою махалъ въ нашу сторону.

XII.

Я снова попытался вступить въ бесѣду съ бригадиромъ; но онъ видимо усталъ, опустился, кряхтя, на лежанку и, простонавъ: „ой, ой, косточки, косточки", развязалъ свои подвязки. Помнится, меня тогда удивило, какъ это у мужчины могли быть подвязки? Я не сообразилъ, что въ прежнее время всѣ ихъ носили. Бригадиръ принялся зѣвать продолжительно и откровенно, не спуская съ меня отупѣлыхъ глазъ, такъ зѣваютъ очень маленькія дѣти. Бѣдный старикъ, казалось, не совсѣмъ даже понималъ мои вопросы.... И онъ бралъ Прагу! Онъ, со шпагой нàголо, въ дыму, въ пыли—въ челѣ суворовскихъ солдатъ, прострѣленное знамя надъ головой, обезображенные трупы подъ ногами.... Онъ.... онъ?! Не удивительно ли?—Но мнѣ все-таки сдавалось, что въ жизни бригадира происходили событія еще болѣе необыкновенныя. Огурецъ принесъ бѣлаго квасу въ желѣзномъ ковшикѣ; бригадиръ напился съ жадностью—руки его тряслись.—Огурецъ поддерживалъ дно ковшика. Старикъ старательно отеръ свой беззубый ротъ обѣими ладонями—и снова уставившись на меня, зажевалъ и зачмокалъ губами. Я понялъ въ чемъ дѣло, раскланялся и вышелъ изъ комнаты.

— Теперь почивать будутъ, — замѣтилъ Огурецъ, выступая за мною.—Очень ужъ уморились сегодня—на могилку съ утра ходили.

— На чью могилку?

— А къ Аграфенѣ Ивановнѣ на поклоненіе.... Онѣ тутъ у насъ въ приходскомъ кладбищѣ похоронены; верстъ отсюда пять будетъ. Василій Ѳомичъ каждую недѣлю безпремѣнно къ нимъ ходятъ. Да онъ же ихъ и похоронилъ, и ограду поставилъ на свой коштъ.

— А давно она скончалась?

— Да лѣтъ—почитай—съ двадцать.

— Она ему пріятельницей была, что̀ ли?

— Всю жисть, какъ есть, съ ними провели.... помилуйте. Самъ я барыни той, признаться, не знавалъ,—а, говорятъ, промежъ ихъ дѣла были.... ннну!—Господинъ,—поспѣшно прибавилъ дьячокъ, видя, что я отвернулся,—не соблаговолите-ли, не пожалуете-ли „ощѣ“ на шкаликъ—а то мнѣ пора въ пуньку*)—да подъ шептуху**).

Я не почелъ за нужное разспрашивать Огурца,—далъ ему еще двугривенный и отправился домой.

XIII.

Дома я обратился за свѣдѣніями къ Наркизу. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, поломался немного, поважничалъ, выразилъ свое удивленіе, что меня такіе пустяки „антересовать“ могутъ, и, наконецъ, разсказалъ, что̀ зналъ. Я услышалъ слѣдующее:

Василій Ѳомичъ Гуськовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной Телѣгиной въ Москвѣ, вскорѣ послѣ польскаго погрома; мужъ ея служилъ при генералъ-губернаторѣ, а Василій Ѳомичъ находился въ отпуску. Онъ тогда же въ нее влюбился, но въ отставку не выходилъ: человѣкъ онъ

*) Клѣть.

**) Одѣяло изъ грубаго сукна.

былъ одинокій, лѣтъ сорока, съ состояніемъ. Мужъ ея вскорѣ умеръ. Она осталась послѣ него бездѣтной, въ бѣдности, въ долгахъ.... Василій Ѳомичъ узналъ объ ея положеніи, бросилъ службу (ему дали при отставкѣ бригадирскій чинъ) и отыскалъ свою любезную вдовушку, которой всего двадцать-пятый годъ пошелъ, заплатилъ всѣ ея долги, выкупилъ имѣніе.... Съ тѣхъ поръ онъ уже съ нею не разставался и кончилъ тѣмъ, что поселился у нея. Она тоже словно полюбила его, но выйти за него замужъ не хотѣла.—„Блажная была, покойница, — замѣтилъ при этомъ Наркизъ:—мнѣ,—говоритъ,—своя воля дороже всего“.—А пользоваться имъ—она пользовалась — „во всѣхъ частяхъ“—и деньги, какія у него были, онъ всѣ къ ней тащилъ, какъ „муравей“. Но блажь Аграфены Ивановны принимала иногда размѣры необычайные: нраву она была неукротимаго и на руку дерзка.... Однажды она съ лѣстницы своего казачка столкнула, а тотъ возьми да переломи себѣ два ребра да ногу.... Аграфена Ивановна испугалась.... тотчасъ велѣла запереть казачка въ чуланъ, и до тѣхъ поръ сама изъ дому не выходила и ключъ отъ чулана никому не отдала, пока не прекратились въ немъ стенанья.... Казачка тайкомъ похоронили....—И будь это при императрицѣ Екатеринѣ,—прибавилъ шопотомъ, пригнувшись, Наркизъ:—можетъ, и такъ бы дѣло обошлось, много такихъ дѣловъ тогда осталось подъ спудомъ, а то....—тутъ Наркизъ выпрямился и возвысилъ голосъ:—воцарился тогда справедливый государь Александръ Благословенный.... ну, и завязалось дѣло.... Пріѣхалъ судъ, отрыли тѣло.... оказались боевые знаки.... пошелъ дымъ коромысломъ. И какъ же вы полагаете? Василій Ѳомичъ все на себя взялъ.—Я, молъ, причиной, я толкнулъ, да я же и заперъ.—Ну, разумѣется, сейчасъ всѣ судьи тамъ, приказные, полицейскіе....на него, да на него, и до тѣхъ поръ, доложу вамъ.... его трепали, пока послѣдній грошъ изъ мошны не выскочилъ. Нѣтъ-

нѣтъ.... да опять за-воротъ. До самаго француза — вотъ какъ французъ къ намъ въ Расею приходилъ—все трепали; тогда только бросили. Ну, а Аграфену Ивановну онъ обезпечилъ—точно; онъ ее спасъ—такъ сказать надо. Ну и послѣ, до самой ея кончины онъ у ней жилъ, и, сказываютъ, помыкала же она имъ — бригадиромъ-то — зря; пѣшкомъ изъ Москвы въ деревню посылала, ей-Богу,—заоброкомъ, значитъ. Онъ изъ-за нея, изъ-за самоё тоё Аграфены Ивановны, съ англійскимъ милордомъ Гузѣ-Гузомъ на шпантонахъ дрался; и англійскій милордъ должонъ былъ произнести извинительный комплиментъ. Такъ вотъ онъ, бригадиръ-то съ тѣхъ мѣстъ и скопытился.... Ну, а теперь ужъ онъ, конечно, не въ числѣ человѣковъ.

— Кто же этотъ Алексѣй Иванычъ жидъ,—спросилъ я:—черезъ кого онъ разорился?

— А братецъ Аграфены Ивановны. Алчная была душа, ужъ, точно, жидовская. Сестрѣ въ ростъ деньги отдавалъ, а Василій Фомичъ поручителемъ. Поплатился тоже.... лихо!

— А Ѳеодулія Ивановна грабительница? Это.... кто была?

— Тоже сестрица.... и ловкая тоже.—Копьё, что̀ называется.... бѣдовая!

XIV.

„Вотъ гдѣ проявился Вертеръ!“ думалъ я на слѣдующій день, снова направляясь къ жилищу бригадира. Я былъ тогда очень молодъ — и, быть можетъ именно потому и считалъ своей обязанностью не вѣрить въ продолжительность любви. Все же я былъ пораженъ и нѣсколько озадаченъ слышаннымъ мною разсказомъ, и ужасно мнѣ захотѣлось расшевелить старика, заставить его разговориться. „Сперва упомяну опять о Суворовѣ“, такъ разсуждалъ я съ самимъ собою, „должна же въ немъ таиться хоть

искра прежняго огня.... а, потомъ, когда онъ разогрѣется, наведу рѣчь на эту... какъ бишь ее?... Аграфену Ивановну. Странное имя для „Шарлотты"—Аграфена!"

Я засталъ Вертера-Гуськова посреди крохотнаго огородца, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигелька, возлѣ стараго, крапивой поросшаго сруба никогда не выведенной избы. По заплѣснѣвшимъ верхнимъ бревнамъ этого сруба съ пискомъ пробирались, безпрестанно скользя и хлопая крыльями, щедушныя индюшата. На двухъ-трехъ грядахъ росла кое-какая убогая зелень. Бригадиръ только-что вытащилъ изъ земли молодую морковь и, продернувъ ее у себя подъ мышкою—„для очищенія" — принялся жевать ея тонкій хвостикъ.... Я поклонился ему и освѣдомился объ его здоровьѣ.

Онъ очевидно не узналъ меня, хотя и отдалъ мнѣ мой поклонъ — то-есть, прикоснулся рукой къ картузу, не переставая однако жевать морковь.

— Сегодня вы не пришли ловить рыбу?—началъ я, въ надеждѣ напомнить ему мою фигуру этимъ вопросомъ.

— Сегодня?—повторилъ онъ и задумался.... а морковь, воткнутая въ его ротъ, сокращалась да сокращалась.—Да вѣдь это Огурецъ ловитъ рыбу!... А мнѣ тоже позволяютъ.

— Конечно, конечно, почтеннѣйшій Василій Ѳомичъ.... Я не съ тѣмъ.... Но вамъ не жарко.... этакъ на солнцѣ?

На бригадирѣ былъ толстый ваточный халатъ.

— А? Жарко? — повторилъ онъ опять, какъ бы недоумѣвая и, окончательно проглотивъ морковь, разсѣянно посмотрѣлъ вверхъ.

— Не угодно ли пожаловать въ мой апартаментъ?— заговорилъ онъ внезапно. У бѣднаго старика, видно, одна только эта фраза и осталась въ распоряженіи.

Мы вышли изъ огорода.... но тутъ я невольно остановился. Между нами и флигелемъ стоялъ огромный быкъ. Склонивъ голову до самой земли, злобно поводя глазами,

онъ тяжко и сильно фыркалъ и, быстро сгибая одну переднюю ногу, высоко взбрасывалъ пыль своимъ широкимъ раздвоеннымъ копытомъ, билъ хвостомъ себѣ по бокамъ и вдругъ немного пятился, упорно трясъ мохнатой шеей и мычалъ—не громко, жалобно и грозно. Я, признаюсь, смутился; но Василій Ѳомичъ преспокойно выступилъ впередъ и, проговоривъ строгимъ голосомъ: „Ну, ты, деревеньщина“, махнулъ платкомъ. Быкъ еще попятился, склонилъ рога.... и вдругъ бросился въ сторону и побѣжалъ, мотая головой направо и налѣво.

„А онъ, точно, бралъ Прагу“,—подумалъ я.

Мы вошли въ комнату. Бригадиръ стащилъ картузъ со вспотѣвшихъ волосъ, воскликнулъ: фа!... прикорнулъ на край стула.... и понурился....

— Я зашелъ къ вамъ, Василій Ѳомичъ, — началъ я свои дипломатическіе апроши,—собственно за тѣмъ, что такъ какъ вы служили подъ начальствомъ великаго Суворова — вообще участвовали въ такихъ важныхъ событіяхъ — то для меня было бы весьма интересно знать подробности.

Бригадиръ уставился на меня.... Лицо его странно оживилось — я уже ожидалъ если не разсказа, то по крайней мѣрѣ одобрительнаго, сочувственнаго слова....

— А я, господинъ, должно, скоро умру, — проговорилъ онъ вполголоса.

Я пришелъ втупикъ.

— Какъ, Василій Ѳомичъ,—вымолвилъ я наконецъ,—почему же вы.... это полагаете?

Бригадиръ внезапно задергалъ руками—вверхъ, внизъ—опять-таки по-ребячьи.

— А потому, господинъ.... Я.... вы, можетъ, знаете.... Агриппину Ивановну покойницу—царство ей небесное!—часто во снѣ вижу—и никакъ я ее поймать не могу; все гоняюсь за нею — а не поймаю. А въ прошлую ночь—

вижу я — стоитъ она этакъ будто передо мной въ полъ-оборота и смѣется....—Я тотчасъ же къ ней побѣгъ—и поймалъ.... И она будто обернулась вовсе и говоритъ мнѣ: ну, Васенька, теперь ты меня поймалъ.

— Что же вы изъ этого заключаете, Василій Ѳомичъ?

— А то, господинъ, заключаю: стало, вмѣстѣ намъ быть. Да и слава Богу, доложу вамъ; слава Господу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу — (бригадиръ запѣлъ): и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!

Бригадиръ началъ креститься. Больше я ничего отъ него добиться не могъ—такъ и ушелъ.

XV.

На слѣдующій день мой пріятель пріѣхалъ.... Я упомянулъ о бригадирѣ, о моихъ посѣщеніяхъ....—Ахъ, да! какъ же! я его исторію знаю,—отвѣчалъ мой пріятель:—я и со статской совѣтницей Ломовой хорошо знакомъ, по милости которой онъ тутъ пріютился. Да постой: у меня, кажется, здѣсь должно письмо его храниться, къ той самой статской совѣтницѣ; она ему въ силу этого письма и уголокъ отвела.—Пріятель мой порылся въ своихъ бумагахъ и дѣйствительно нашелъ письмо бригадира. Вотъ оно отъ слова до слова, за исключеніемъ орѳографическихъ ошибокъ. Бригадиръ, какъ всѣ люди тогдашней эпохи, путался въ буквахъ „е“ и „ѣ“,—писалъ: „хкому, штопъ, слюдми“ и т. д.—Сохранить эти ошибки не предстояло надобности: письмо его и безъ того носитъ отпечатокъ своего времени.

„Милостивая государыня!

„Раиса Павловна!

„По кончинѣ друга моего, а вашей тетушки, имѣлъ я счастіе писать къ вамъ два письма, первое іюня отъ пер-

ваго, второе же іюля отъ шестого числа 1815 года — а она скончалась шестого мая того жъ года; въ нихъ былъ я вамъ открытъ въ чувствахъ души и сердца моего, которыя стѣснены были убійственнымъ оскорбленіемъ и изображали въ полномъ видѣ ожесточенное мое и жалости достойное отчаяніе; оба письма посланы по коронной почтѣ страховыми, а посему и не можно усумниться, чтобъ они не были вами прочтены. Чрезъ откровенность мою въ нихъ я надѣялся получить ваше благодѣтельное ко мнѣ вниманіе; но сострадательныя ваши чувства отдалены были отъ меня горькаго! Оставшись же послѣ единственнаго друга, Агриппины Ивановны, въ самомъ разстроенномъ и бѣдственномъ состояніи, я только и полагалъ, по словамъ ея, всю мою надежду на ваше благоутробіе; она, чувствуя уже кончину жизни своей, сказала мнѣ именно сими, яко бы надгробными и мнѣ вѣчно памятными словами: „другъ мой, я твоя змѣя и виновница всего твоего несчастія, я чувствую, сколько много ты мнѣ жертвовалъ и за то оставляю тебя въ злополучномъ и воистину обнаженномъ положеніи; по смерти моей прибѣгни ты къ Раисѣ Павловнѣ“—то-есть къ вамъ—„и проси у ней помощи, взывай! Она имѣетъ душу чувствительную, и въ ней я увѣрена, что она тебя сироту не оставитъ“.—Милостивая государыня, примите во свидѣтельство всевышняго Создателя міра, что это ея слова, и я говорю ея языкомъ; а посему, утвердясь въ добродѣтели вашей, къ первой къ вамъ отнесся съ чистосердечными и откровенными моими письмами; но по долговременномъ ожиданіи не получа на нихъ отвѣта, иначе не мыслилъ, что добродѣтельное ваше сердце оставило меня безъ вниманія! Таковое неблагорасположеніе ваше ко мнѣ въ вящшее меня ввергло отчаяніе—куды-жъ и къ кому было мнѣ безталанному прибѣгнуть—я не зналъ; разсудокъ былъ потерянъ, духъ блуждалъ—наконецъ, къ совершенной моей погибели, Провидѣнію угодно было еще же-

сточайшимъ образомъ меня наказать и обратить мои мысли къ покойницѣ же, вашей же тетушкѣ, Ѳеодуліи Ивановнѣ, Агриппины Ивановны сестрѣ единоутробной, но не единосердечной! Представя самому себѣ въ воображеніи то, что уже двадцать лѣтъ былъ я преданъ всему родственному Ломовскому вашему дому — особливо же Ѳеодуліи Ивановнѣ, которая иначе не называла Агриппину Ивановну, какъ „сердечный мой дружёчекъ“, а меня, „препочтенный радѣтель нашего семейства“,—представя все сіе въ обильной воздыханіями и слезами тишинѣ скорбныхъ ночныхъ бдѣній, я подумалъ: ну, бригадиръ! такъ, видно, тому и быть! — и обратившись къ оной Ѳеодуліи Ивановнѣ съ моими письмами, получилъ точное удостовѣреніе, что послѣднюю кроху со мной раздѣлятъ! Бывъ симъ обѣщаньемъ обнадеженъ, собралъ убогіе свои остатки и поѣхалъ къ Ѳеодуліи Ивановнѣ! Привезенные мною гостинцы, болѣе какъ на пятьсотъ рублей, были приняты съ отмѣннымъ удовольствіемъ; а потомъ и деньги, которыя я привезъ для содержанія себя, Ѳеодуліи Ивановнѣ угодно было, подъ видомъ сохраненія, взять въ свое вѣдѣніе, чему, угождая ей, я не противился. Если же вы спросите меня: отколѣ и въ силу чего таковое довѣріе я возымѣлъ,—на сіе, сударыня, одинъ отвѣтъ: Агриппинѣ Ивановнѣ сестра и Ломовскаго семейства вѣтвь!!—Но увы и ахъ! денегъ сихъ я всѣхъ въ скорости лишился, и надежда моя, которую я полагалъ на Ѳеодулію Ивановну—что хотѣла послѣднюю кроху со мной раздѣлить, оказалась тщетной и суетной: напротивъ, оная Ѳеодулія Ивановна моимъ же добромъ себя угобзила. А именно, въ день ея ангела, пятаго февраля, я ей зеленой французской матеріи на пятьдесятъ рублей, по пяти рублей аршинъ, преподнесъ; самъ же изъ обѣщаннаго получилъ: бѣлаго пикé на жилетъ на пять рублей, да кисейный на шею платокъ, которые подарки при мнѣ же были куплены и, какъ мнѣ извѣстно, изъ моихъ же денегъ—и вотъ все,

чѣмъ я, по благодѣянію Ѳеодуліи Ивановны ко мнѣ, воспользовался! Вотъ она послѣдняя кроха! И я бы могъ далѣе въ самой истинѣ обнаружить всѣ недоброжелательные Ѳеодуліи Ивановны со мной поступки—а также и мои, всяческую мѣру превосходящіе, депансы, какъ-то, между прочимъ, на конфеты и фрукты, которые Ѳеодулія Ивановна была великая охотница кушать;—но все сіе умалчиваю для того, дабы вы таковое объясненіе объ умершей не отнесли въ дурную сторону; и притомъ, такъ какъ Богъ призвалъ ее къ себѣ на судъ — и все, что̀ я отъ нея претерпѣлъ, изъ сердца моего истребилось,—то я ей, какъ христіанинъ, простилъ давно и умоляю Бога, чтобы онъ ей простилъ!!

„Но, милостивая государыня Раиса Павловна! Неужели жъ вы обвиняете меня за то, что я былъ вѣрнымъ и неложнымъ другомъ вашего семейства, и за то, что такъ много и непреоборимо любилъ Агришину Ивановну, жертвовалъ ей моей жизнью, моей честью и всѣмъ моимъ состояніемъ! былъ въ совершенной ея власти, и потому не могъ уже управлять ни самимъ собою, ни моей собственностью—а распоряжалась она по своей волѣ какъ мною, такъ и моимъ состояньемъ! Вамъ извѣстно и то, что по дѣлу ея съ людьми ея я терплю *невинно* убійственное оскорбленіе—дѣло сіе я перенесъ послѣ смерти ея въ сенатъ, въ шестый департаментъ—оно еще теперь не рѣшено—по которому сдѣлали меня соучастникомъ съ нею, отдали въ опеку и все еще судятъ уголовнымъ судомъ! Въ моемъ званіи, въ мои лѣта, таковое безчестіе несносно мнѣ; и остается мнѣ только симъ горестнымъ размышленіемъ ублажать свое сердце, что, слѣдовательно, и по смерти Агришины Ивановны я страдаю за нее — и сіе означаетъ слѣды неизмѣнной любви и добродѣтельной благодарности моей къ ней!

„Въ упомянутыхъ моихъ къ вамъ письмахъ я доводилъ

до свѣдѣнія вашего о похоронахъ Агриппины Ивановны со всею подробностью—и какое было по ней поминовеніе; дружба и любовь моя къ ней по состоянію ничего не щадили! На все сіе—и съ сорокоустами, и за шесть недѣль за чтеніе по ней псалтыри—(сверхъ того, пятьдесятъ рублей ассигнаціями мои пропали, кои даны въ задатокъ за камень, о которомъ я васъ увѣдомилъ),—на все сіе издержано собственныхъ моихъ денегъ семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями—въ числѣ которыхъ и взнесенныя замѣсто вкладу въ церковь полтораста рублей ассигнаціями-жъ!

„Благотворная душа твоя, внемли гласу отчаяннаго и ввереннаго въ пропасть жесточайшихъ мученіевъ! Одно состраданіе твое къ человѣколюбію можетъ возвратить жизнь погибшаго!! Я, хотя и живъ — но въ страданіи души и сердца моего мертвъ; мертвъ, когда вспомню, чѣмъ былъ, и что̀ есмь: былъ воиномъ, и отечеству всею правдою служилъ и прямилъ, какъ истому россіянину и вѣрному подданному несомнѣнно надлежитъ,—и отмѣнными знаками награждаемъ былъ, — и состояніе сообразное съ рожденіемъ и званіемъ имѣлъ; а нынѣ изъ-за насущнаго хлѣбо-питанія горбомъ хребетъ сгибаю; мертвъ же особенно я есмь, когда вспомню, какого друга лишился.... и на что мнѣ жизнь послѣ сего? Но предѣла своего не ускоришь, и земля не разступится, а скорѣе того въ камень обратится! А потому взываю къ тебѣ, душа добродѣтельная, утиши молву народную, не дай себя въ общее осужденіе, что за таковую мою безграничную преданность я пристанища себѣ не имѣю, удиви милостію твоею ко мнѣ, обрати языкъ злобствующихъ и завидующихъ къ прославленію твоихъ достоинствъ—и осмѣлюсь со всяческимъ смиреніемъ присовокупить, утѣшь въ гробѣ дражайшую тетку твою, незабвенную Агриппину Ивановну, которая за твою благоспѣшную помощь, моими грѣш-

ными молитвами, простретъ надъ главою твоею свои благословящія длани, успокой на закатѣ дней одинокаго старца, который не такую могъ ожидать себѣ участь!... А впрочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю счастье назваться вашимъ, милостивая государыня—

преданнѣйшимъ слугою

Василій Гуськовъ.

бригадиръ и кавалеръ».

XVI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я снова посѣтилъ деревушку моего пріятеля.... Василія Ѳомича уже давно въ живыхъ не было: онъ скончался вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ. Огурецъ все еще здравствовалъ. Онъ свелъ меня на могилку Аграфены Ивановны. — Желѣзная ограда окружала большую плиту съ подробной и пышной эпитафіей покойницы; а тутъ же, рядомъ, и какъ бы у ногъ ея, виднѣлся небольшой холмикъ съ покрившимся крестомъ: рабъ Божій, бригадиръ и кавалеръ Василій Гуськовъ покоится подъ этимъ холмикомъ.... Прахъ его пріютился, наконецъ, возлѣ праха того существа, которое онъ любилъ такой безграничной, почти безсмертной любовью.

1867 г.

НЕСЧАСТНАЯ.

Да, да, — началъ Петръ Гавриловичъ, — тяжелые то были дни.... и не хотѣлось бы возобновлять ихъ въ памяти.... Но я далъ вамъ обѣщаніе; придется все разсказать. Слушайте.

I.

Я жилъ тогда (зимою 1835 года) въ Москвѣ, у тетушки, родной сестры покойной матушки. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ: я только-что перешелъ со второго на третій курсъ „словеснаго“ факультета (въ то время онъ такъ назывался) въ Московскомъ университетѣ. Тетушка моя была женщина тихая и кроткая, вдова. Она занимала большой деревянный домъ на Остоженкѣ, теплый-претеплый, какихъ, я полагаю, кромѣ Москвы нигдѣ не найдешь, и почти ни съ кѣмъ не видалась, сидѣла съ утра до вечера въ гостиной съ двумя компаньонками, кушала цвѣточный чай, раскладывала пасьянсъ и то и дѣло приказывала покурить. Компаньонки бѣжали въ переднюю; нѣсколько минутъ спустя, старый слуга въ ливрейномъ фракѣ приносилъ мѣдный тазъ съ пучкомъ мяты на раскаленномъ кирпичѣ и, торопливо выступая по узкимъ половикамъ, поливалъ

ее уксусомъ. Бѣлый паръ обдавалъ его сморщенное лицо, онъ хмурился и отворачивался, а канарейки въ столовой такъ и трещали, раздраженныя шипѣніемъ курева.

Тетушка очень любила и баловала меня, круглаго сироту. Она отдала весь антресоль въ полное мое распоряженіе. Меблированы были мои комнаты весьма изящно, ужъ вовсе не по-студенчески: въ спальнѣ красовались розовыя занавѣски, и кисейный пологъ съ голубыми помпончиками возвышался надъ кроватью. Эти помпончики меня, признаюсь, нѣсколько смущали: по моему понятію, подобныя „нѣжности“ должны были уронить меня въ глазахъ моихъ товарищей. Они и безъ того прозвали меня институткой: я никакъ не могъ заставить себя курить табакъ. Занимался я, что грѣха таить, плохо, особенно въ началѣ курса: много выѣзжалъ. Тетушка подарила мнѣ широкія генеральскія сани съ медвѣжьею полостью и пару откормленныхъ вятокъ. „Благородные“ дома я посѣщалъ рѣдко, но въ театрѣ былъ какъ свой—и пропасть поѣдалъ пирожковъ по кондитерскимъ. Со всѣмъ тѣмъ я никакихъ безчинствъ себѣ не позволялъ и велъ себя скромно, „en jeune homme de bonne maison“. Я бы ни за что не согласился огорчить мою добрую тетушку; къ тому же и кровь у меня довольно спокойно обращалась въ жилахъ.

II.

Я съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ шахматамъ; о теоріи не имѣлъ понятія, а игралъ недурно. Однажды, въ кофейной, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ продолжительной шахматной баталіи между двумя игроками, изъ которыхъ одинъ, бѣлокурый молодой человѣкъ лѣтъ двадцатипяти, мнѣ показался сильнымъ. Партія кончилась въ его пользу; я предложилъ ему сразиться со мной. Онъ согла-

сился.... и въ теченіе часа разбилъ меня, шутя, три раза сряду.

— У васъ есть способность къ игрѣ,—промолвилъ онъ учтивымъ голосомъ, вѣроятно замѣтивъ страданіе моего самолюбія,—но вы дебютовъ не знаете. Вамъ надо книжку почитать, Аллгайера или Петрова.

— Вы думаете? Но гдѣ могу я такую книжку достать?

— Приходите ко мнѣ; я вамъ дамъ.

Онъ назвалъ себя и сказалъ, гдѣ квартируетъ. На другой день я отправился къ нему, а недѣлю спустя мы уже почти не разставались.

III.

Новаго знакомца моего звали Александромъ Давыдовичемъ Фустовымъ. Онъ жилъ у своей матери, довольно богатой женщины, статской совѣтницы, въ отдѣльномъ флигелькѣ, на полной свободѣ, такъ же какъ я у тётушки. Онъ числился на службѣ по министерству Двора. Я привязался къ нему искренне. Въ жизни моей я еще не встрѣчалъ молодого человѣка болѣе „симпатичнаго“. Все въ немъ было миловидно и привлекательно: его стройная фигура, его походка, голосъ, и въ особенности его небольшое, тонкое лицо съ золотисто-голубыми глазами, съ изящнымъ, какъ бы кокетливо вылѣпленнымъ носикомъ, съ неизмѣнно-ласковою улыбкой на алыхъ губахъ, съ легкими кудрями мягкихъ волосъ надъ немного суженнымъ, но бѣлоснѣжнымъ лбомъ. Нравъ Фустова отличался чрезвычайною ровностью и какою-то пріятною, сдержанною привѣтливостью; онъ никогда не задумывался, всегда былъ всѣмъ доволенъ; зато ни отъ чего не приходилъ въ восторгъ. Всякое излишество, даже въ хорошемъ чувствѣ, его оскорбляло: „это дико, дико“,

говаривалъ онъ въ такомъ случаѣ, чуть-чуть пожимаясь и прищуривая свои золотистые глаза. И удивительные же были глаза у Фустова! Они постоянно выражали участіе, благоволеніе и даже преданность. Я только впослѣдствіи времени замѣтилъ, что выраженіе его глазъ зависѣло единственно отъ особеннаго ихъ склада, что оно не мѣнялось и тогда, когда онъ кушалъ супъ или закуривалъ сигарку. Аккуратность его вошла между нами въ пословицу. Правда, бабка его была изъ нѣмокъ. Природа надѣлила его разнообразными способностями. Онъ отлично танцовалъ, щегольски ѣздилъ верхомъ и плавалъ превосходно, столярничалъ, точилъ, клеилъ, переплеталъ, вырѣзалъ силуэтки, рисовалъ акварелью букетъ цвѣтовъ или Наполеона въ профиль въ лазоревомъ мундирѣ, съ чувствомъ игралъ на цитрѣ, зналъ множество фокусовъ, карточныхъ и иныхъ, и свѣдѣнія имѣлъ порядочныя въ механикѣ, физикѣ и химіи, но все въ мѣру. Одни языки ему не дались: даже по-французски онъ изъяснялся довольно плохо. Онъ вообще говорилъ мало, и въ нашихъ студенческихъ бесѣдахъ участвовалъ больше оживленною мягкостью взгляда и улыбки. Женскому полу Фустовъ нравился безусловно, но объ этомъ, для молодыхъ людей весьма важномъ вопросѣ, не любилъ распространяться и вполнѣ заслуживалъ данное ему товарищами прозвище „скромнаго Донъ-Жуана“. Я не удивлялся Фустову; удивляться въ немъ было нечему, но я дорожилъ его расположеніемъ, хотя въ сущности оно выражалось только тѣмъ, что онъ во всякое время допускалъ меня до своей особы. Въ моихъ глазахъ Фустовъ былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Жизнь его текла именно по маслу. Мать, братья, сестры, тетки, дядья, всѣ его обожали, онъ жилъ съ ними со всѣми въ ладахъ необыкновенныхъ и пользовался репутаціей образцоваго родственника.

IV.

Однажды я забрался къ нему довольно рано и не засталъ его въ кабинетѣ. Онъ окликнулъ меня изъ сосѣдней комнаты: фырканіе и плескотня доносились оттуда до моего слуха! Каждое утро Фустовъ обливался холодною водой и потомъ около четверти часа предавался гимнастическимъ упражненіямъ, въ которыхъ достигъ замѣчательнаго мастерства. Излишнихъ заботъ о здоровьѣ тѣла онъ не допускалъ, но не забывалъ необходимыхъ. („Не забывай себя, не волнуйся, умѣренно трудись!“ было его девизомъ). Фустовъ еще не появлялся, какъ наружная дверь комнаты, въ которой я находился, растворилась настежь, и вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ мундирномъ фракѣ, коренастый, плотный, съ молочно-бѣлесоватыми глазами на избура-красномъ лицѣ и настоящею шапкой сѣдыхъ курчавыхъ волосъ. Человѣкъ этотъ остановился, посмотрѣлъ на меня, широко разинулъ большой свой ротъ и, захохотавъ металлическимъ хохотомъ, хлестко ударилъ себя ладонью по ляшкѣ сзади, причемъ высоко вынесъ ногу впередъ.

— Иванъ Демьянычъ? — спросилъ изъ-за двери мой пріятель.

— Онъ самый и есть,—отозвался вошедшій. — А вы что жъ это? туалетъ свой совершаете? Дѣло! Дѣло! (Голосъ человѣка, прозывавшагося Иваномъ Демьянычемъ, звучалъ, такъ же, какъ и смѣхъ его, чѣмъ-то металлическимъ). Я къ братишкѣ вашему приперъ-было урокъ давать; да онъ, знать, простудился, чихаетъ все. Дѣйствовать не можетъ. Вотъ я и завернулъ къ вамъ пока, отогрѣться.

Иванъ Демьянычъ опять засмѣялся тѣмъ же страннымъ смѣхомъ, опять звучно шлепнулъ себя по ляшкѣ и, доставъ клѣтчатый платокъ изъ кармана, высморкался громко, съ

свирѣпымъ вращеньемъ глазъ и, плюя въ платокъ, воскликнулъ во все горло: тьфу-у-у!

Фустовъ вошелъ въ комнату и, подавъ намъ обоимъ руку, спросилъ насъ, знакомы ли мы другъ съ другомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, — тотчасъ загремѣлъ Иванъ Демьянычъ, — ветеранъ двѣнадцатаго года чести сей не имѣетъ!

Фустовъ назвалъ сперва меня, потомъ, указавъ на „ветерана двѣнадцатаго года", промолвилъ: „Иванъ Демьянычъ Ратчъ, преподаватель.... разныхъ предметовъ".

— Именно, именно разныхъ предметовъ, — подхватилъ г-нъ Ратчъ.—Чему, подумаешь, я только не училъ, да и теперь не учу! И математикѣ, и географіи, и статистикѣ, и италіянской бухгалтеріи, ха-ха-ха-ха! и музыкѣ! Вы сомнѣваетесь, милостивый государь?—накинулся онъ вдругъ на меня.—Спросите Александра Давыдыча, каково я на фаготѣ отличаюсь? Какой же я былъ бы, въ противномъ случаѣ, богемецъ, чехъ, сирѣчь? Да, сударь, я чехъ, и родина моя—древняя Прага! Кстати, Александръ Давыдычъ, что васъ давно не видать? Дуэтецъ бы разыграли.... ха-ха! Право!

— Я у васъ третьяго дня былъ, Иванъ Демьянычъ,— отвѣчалъ Фустовъ.

— Да это я и называю давно, ха-ха!

Когда господинъ Ратчъ смѣялся, бѣлые глаза его какъ-то странно и безпокойно бѣгали изъ стороны въ сторону.

— Вы, я вижу, молодой человѣкъ, поведенцу моему удивляетесь,—обратился онъ опять ко мнѣ.—Но это происходитъ отъ того, что вы еще не знаете моей комплекціи. Вы освѣдомьтесь обо мнѣ у нашего добраго Александра Давыдыча. Что онъ вамъ скажетъ? Онъ вамъ скажетъ, что старикъ Ратчъ простякъ, русакъ, хоть и не по происхожденію, а по духу, ха-ха! При крещеніи нареченъ Іоганнъ-Дитрихъ, а кличка моя—Иванъ Демьяновъ! Что на

умѣ, то и на языкѣ; сердце, какъ говорится, на ладошкѣ, церемоніевъ этихъ разныхъ не знаю и знать не хочу! Ну ихъ! Заходите когда-нибудь ко мнѣ вечеркомъ, сами увидите. Баба у меня — жена то-есть,— простая тоже; наваритъ намъ, напекетъ.... бѣда! Александръ Давыдычъ, правду я говорю?

Фустовъ только улыбнулся, а я промолчалъ.

— Не брезгайте старичкомъ, заходите, — продолжалъ господинъ Ратчъ.—А теперь.... (Онъ выхватилъ толстые серебряные часы изъ кармана и поднесъ ихъ къ выпученному правому глазу). Мнѣ, я полагаю, лучше отправиться. Другой птенецъ меня ожидаетъ.... Этого я, чортъ знаетъ, чему учу.... миѳологіи, ей-Богу! И далеко же живетъ, ракалья! у Красныхъ воротъ! Все равно: пѣшкурой отмахаю, благо братецъ вашъ скиксовалъ, анъ пятиалтынный на извозчика цѣлъ, въ мошнѣ остался! Ха-ха! Прощенія просимъ, мосьпане, до зобаченія! А вы, молодой человѣкъ, заверните.... Что жъ такое?... Дуэтецъ безпремѣнно надо разыграть! — крикнулъ господинъ Ратчъ изъ передней, со стукомъ надѣвая калоши, и въ послѣдній разъ раздался его металлическій смѣхъ.

V.

— Что за странный человѣкъ?!—обратился я къ Фустову, который успѣлъ уже приняться за токарный станокъ.—Неужели онъ иностранецъ? Онъ такъ бойко говоритъ по-русски.

— Иностранецъ; только онъ ужъ лѣтъ тридцать какъ поселился въ Россіи. Его, чуть ли не въ тысяча восемьсотъ второмъ году, какой-то князь изъ-за границы вывезъ.... въ качествѣ секретаря.... скорѣе, полагать надо, камердинера. А выражается онъ по-русски, точно, бойко.

— Такъ залихватски, съ такими вывертами и закрутасами,—вмѣшался я.

— Ну, да. Только очень ужъ ненатурально. Они всѣ такъ, эти обрусѣвшіе нѣмцы.

— Да вѣдь онъ чехъ.

— Не знаю; можетъ-быть. Съ женой онъ бесѣдуетъ по-нѣмецки.

— А почему онъ себя ветераномъ двѣнадцатаго года величаетъ? Служилъ онъ, что ли, въ ополченіи?

— Какое въ ополченіи! Во время пожара въ Москвѣ оставался и имущества всего лишился.... Вотъ вся его служба.

— Да зачѣмъ же онъ оставался въ Москвѣ?

Фустовъ не переставалъ точить.

— Господь его знаетъ. Слышалъ я, будто онъ у насъ въ шпіонахъ состоялъ; да это, должно-быть, пустое. А что за свои убытки онъ отъ казны вознагражденіе получилъ, это вѣрно.

— На немъ мундирный фракъ.... Онъ, стало, служитъ?

— Служитъ. Въ кадетскомъ корпусѣ преподавателемъ. Онъ надворный совѣтникъ.

— Кто его жена?

— Здѣшняя нѣмка, дочь колбасника.... мясника....

— И ты часто къ нему ходишь?

— Хожу.

— Что жъ, весело у нихъ?

— Довольно весело.

— У него есть дѣти?

— Есть. Отъ нѣмки трое и отъ первой жены сынъ и дочь.

— А сколько старшей дочери лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать-пять.

Мнѣ показалось, что Фустовъ ниже пригнулся къ станку,

и колесо шибче заходило и загудѣло подъ мѣрными толчками его ноги.

— Хороша она собой?

— Какъ на чей вкусъ. Лицо замѣчательное, да и вся она.... замѣчательная особа.

„Ага!“ подумалъ я. Фустовъ продолжалъ свою работу съ особеннымъ рвеніемъ и на слѣдующій вопросъ мой отвѣчалъ однимъ мычаніемъ.

„Надо будетъ познакомиться!“ рѣшилъ я про себя.

VI.

Нѣсколько дней спустя, мы вмѣстѣ съ Фустовымъ отправились къ господину Ратчу на вечеръ. Жилъ онъ въ деревянномъ домѣ съ большимъ дворомъ и садомъ, въ Кривомъ переулкѣ, возлѣ Пречистенскаго бульвара. Онъ вышелъ къ намъ въ переднюю и, встрѣтивъ насъ свойственнымъ ему трескучимъ хохотомъ и гамомъ, тотчасъ повелъ въ гостиную, гдѣ представилъ меня дородной дамѣ въ камлотовомъ тѣсномъ платьѣ, Элеонорѣ Карповнѣ, своей супругѣ. Элеонора Карповна въ первой молодости отличалась, вѣроятно, тѣмъ, что французы, неизвѣстно почему, называютъ „красотою діавола“, то-есть свѣжестью; но когда я съ ней познакомился, она невольно напоминала взору добрый кусокъ говядины, только-что выложенный мясникомъ на опрятный мраморный столъ. Не безъ намѣренія употребилъ я слово „опрятный:“ не только сама хозяйка казалась образцомъ чистоты, но и все вокругъ нея, все въ домѣ такъ и лоснилось, такъ и блистало; все было выскребено, выглажено, вымыто мыломъ; самоваръ на кругломъ столѣ горѣлъ какъ жаръ; занавѣски передъ окнами, салфетки такъ и коробились отъ крахмала, такъ же какъ и платьица и шемизетки тутъ же сидѣвшихъ че-

тырехъ дѣтей господина Ратча, дюжихъ, откормленныхъ коротышекъ, чрезвычайно похожихъ на мать, съ топорными, крѣпкими лицами, вихрами на вискахъ и красными обрубками пальцевъ. У всѣхъ четырехъ были носы нѣсколько приплюснутые, большія, словно припухшія губы и крошечные свѣтло-сѣрые глаза.

— Вотъ и моя гвардія! — воскликнулъ господинъ Ратчъ, кладя свою тяжелую руку поочередно на головы дѣтей. — Коля, Оля, Сашка да Машка! Этому восемь, этой семь, этому четыре, а этой цѣлыхъ два! Ха-ха-ха! Какъ изволите видѣть, мы съ женой не зѣваемъ. Эге? Елеонора Карповна?

— Ужъ вы всегда все такое скажете, — промолвила Елеонора Карповна и отвернулась.

— И писклятамъ своимъ все такія русскія имена понадавала! — продолжалъ господинъ Ратчъ. — Того и смотри, въ греческую вѣру ихъ окреститъ! Ей-Богу! Славянка она у меня, чортъ меня совсѣмъ возьми, хоть и германской крови! Элеонора Карповна, вы славянка?

Элеонора Карповна разсердилась.

— Я надворная совѣтница, вотъ кто я! И, стало-быть, я русская дама, и все, что вы теперь будете говорить....

— То-есть, какъ она Россію любитъ, просто бѣда! — перебилъ Иванъ Демьянычъ. — Въ родѣ землетрясенья, ха-ха!

— Ну, и что жъ такое? — продолжала Элеонора Карповна.—И, конечно, я Россію люблю, потому, гдѣ же бы я могла получить дворянскій титулъ? И мои дѣти тоже теперь вѣдь благородные? Kolia, sitze ruhig mit den Füssen!

Ратчъ махнулъ на нее рукой.

— Ну, ты, Сумбека царица, успокойся! А гдѣ „благородный“ Викторка? Чай, все шляется, куда попало! Ужъ наскочитъ онъ на инспектора! Задастъ онъ ему трепаніе! Das ist ein Bummler, der Fiktor!

— Dem Fictor kann ich nicht kommandiren, Иванъ Демьяновичъ. Sie wissen wohl! — проворчала Элеонора Карповна.

Я посмотрѣлъ на Фустова, какъ бы желая окончательно добиться отъ него, что заставляло его посѣщать подобныхъ людей.... но въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка высокаго роста въ черномъ платьѣ, та старшая дочь господина Ратча, о которой упоминалъ Фустовъ.... Я понялъ причину частыхъ посѣщеній моего пріятеля.

VII.

Помнится, гдѣ-то у Шекспира говорится о „бѣломъ голубѣ въ стаѣ черныхъ вороновъ“; подобное впечатлѣніе произвела на меня вошедшая дѣвушка: между окружавшимъ ее міромъ и ею было слишкомъ мало общаго; казалось, она сама втайнѣ недоумѣвала и дивилась, какимъ образомъ она попала сюда. Всѣ члены семейства господина Ратча смотрѣли самодовольными и добродушными здоровяками; *ея* красивое, но уже отцвѣтающее лицо носило отпечатокъ уныніе, гордости и болѣзненности. *Тѣ*, явные плебеи, держали себя непринужденно, пожалуй, грубо, но просто; тоскливая тревога сказывалась во всемъ ея несомнѣнно аристократическомъ существѣ. Въ самой ея наружности не замѣчалось склада, свойственнаго германской породѣ: она скорѣе напоминала уроженцевъ юга. Чрезвычайно густые, черные волосы безъ всякаго блеска, впалые, тоже черные и тусклые, но прекрасные глаза, низкій выпуклый лобъ, орлиный носъ, зеленоватая блѣдность гладкой кожи, какая-то трагическая черта около тонкихъ губъ и въ слегка углубленныхъ щекахъ, что-то рѣзкое и въ то же время безпомощное въ движеніяхъ, изящество безъ граціи.... въ Италіи все это не показалось бы мнѣ необычайнымъ,

но въ Москвѣ, у Пречистенскаго бульвара, просто изумило меня! Я всталъ со стула при входѣ ея въ комнату; она бросила на меня быстрый, неровный взглядъ и, опустивъ свои черныя рѣсницы, сѣла близъ окна, „какъ Татьяна“ (Пушкинскій *Онѣгинъ* былъ тогда у каждаго изъ насъ въ свѣжей памяти). Я взглянулъ на Фустова, но мой пріятель стоялъ ко мнѣ спиной и принималъ чашку чаю изъ пухлыхъ рукъ Элеоноры Карповны. Еще замѣтилъ я, что вошедшая дѣвушка внесла съ собою струю легкаго физическаго холода.... „Что̀ за статуя?“ подумалось мнѣ.

VIII.

— Петръ Гаврилычъ! — загремѣлъ господинъ Ратчъ, обращаясь ко мнѣ,—позвольте васъ познакомить съ моей.... съ моимъ.... съ моимъ нумеромъ первымъ, ха-ха-ха! съ Сусанной Ивановной!

Я молча поклонился и тотчасъ же подумалъ: „Вотъ, и имя ея тоже не подъ стать другимъ“, а Сусанна слегка приподнялась, не улыбаясь и не разжимая крѣпко стиснутыхъ рукъ.

— А что же дуэтецъ? — продолжалъ Иванъ Демьянычъ: — Александръ Давыдычъ? а? благодѣтель! Цитра ваша у насъ осталась, а фаготъ я уже изъ футляра вынулъ. Насладимъ ушеса честной компаніи!—Г-нъ Ратчъ любилъ уснащать свою русскую рѣчь; у него то и дѣло вырывались выраженія, подобныя тѣмъ, которыми испещрены всѣ ультра-народныя стихотворенія князя Вяземскаго: „дока для всего“, вмѣсто „на все“, „здѣсь намъ не обиходъ“, „глядитъ въ угоду, не на показъ“, и т. п. Помнится, однажды Иванъ Демьянычъ, увлеченный своею любовью къ бойкимъ словамъ съ энергическимъ окончаніемъ, сталъ увѣрять меня, что у него въ саду вездѣ известнякъ,

хворостнякъ и валежнякъ).—Такъ кàкъ! Идетъ? — воскликнулъ Иванъ Демьянычъ, видя, что Фустовъ не возражаетъ.—Колька, маршъ въ кабинетъ, тащи сюда пюпитры! Ольга, волоки цитру! Да свѣчекъ къ пюпитрамъ соблаговоли, благовѣрная!—(Г-нъ Ратчъ вертѣлся по комнатѣ какъ кубарь).—Петръ Гаврилычъ, вы любите музыку, ась? А коли не любите, бесѣдой займитесь, только чуръ, подъ сурдинкой! Ха-ха-ха! И гдѣ этотъ шутъ Викторъ пропадаетъ? Послушалъ бы тоже! Вы его, Элеонора Карповна, совсѣмъ разбаловали!

Элеонора Карповна вся вспыхнула.

— Aber was kann ich denn, Иванъ Демьянычъ....

— Ну, хорошо, хорошо, не кляни! Bleibe ruhig, hast verstanden? Александръ Давыдычъ! милости просимъ!

Дѣти немедленно исполнили приказаніе родителя, пюпитры воздвиглись, началась музыка. Я уже сказалъ, что Фустовъ отлично игралъ на цитрѣ, но на меня этотъ инструментъ постоянно производилъ впечатлѣніе самое тягостное. Мнѣ всегда чудилось и чудится доселѣ, что въ цитрѣ заключена душа дряхлаго жида-ростовщика, и что она гнусливо поетъ и плачется на безжалостнаго виртуоза, заставляющаго ее издавать звуки. Игра г. Ратча также не могла доставить мнѣ удовольствіе; къ тому жъ его внезапно побагровѣвшее лицо со злобно вращавшимися бѣлыми глазами приняло зловѣщее выраженіе: точно онъ собирался убить кого-то своимъ фаготомъ и заранѣе ругался и грозилъ, выпуская одну за другою удивленно-хрипыя, грубыя ноты. Я присоединился къ Сусаннѣ и, выждавъ первую минутную паузу, спросилъ ее, такъ же ли она любитъ музыку, какъ ея батюшка?

Она отклонилась, какъ будто я толкнулъ ее, и промолвила отрывисто:—Кто?

— Вашъ батюшка,—повторилъ я,—господинъ Ратчъ.

— Господинъ Ратчъ мнѣ не отецъ.

— Не отецъ! Извините меня.... Я, должно-быть, не такъ понялъ.... Но мнѣ помнится, Александръ Давыдычъ....

Сусанна посмотрѣла на меня пристально и пугливо.

— Вы не поняли господина Фустова. Господинъ Ратчъ мой вотчимъ.

Я помолчалъ.

— И вы музыки не любите?—началъ я снова.

Сусанна опять глянула на меня. Рѣшительно, въ ея глазахъ было что-то одичалое. Она, очевидно, не ожидала и не желала продолженія нашего разговора.

— Я вамъ этого не сказала,—медленно произнесла она.

— Тру-ту-ту-ту-ту-у-у.... со внезапною яростью пробурчалъ фаготъ, выдѣлывая окончательную фіоритуру. Я обернулся, увидалъ раздутую, какъ у удава, подъ оттопыренными ушами, красную шею господина Ратча, и очень онъ мнѣ показался гадокъ.

— Но этого.... инструмента вы навѣрно не любите,— сказалъ я вполголоса.

— Да.... я не люблю, — отвѣчала она, какъ бы понявъ мой тайный намекъ.

„Вотъ какъ!“ подумалъ я, словно чему-то обрадовался.

— Сусанна Ивановна, — проговорила вдругъ Элеонора Карповна на своемъ нѣмецко-русскомъ языкѣ, — музыку очень любитъ, и очень сама прекрасно играетъ на фортепіано, только она не хочетъ играть на фортепіано, когда ее очень просятъ играть.

Сусанна ничего не отвѣтила Элеонорѣ Карповнѣ — она даже не поглядѣла на нее — и только слегка, подъ опущенными вѣками, повела глазами въ ея сторону. По одному этому движенію — по движенію ея зрачковъ — я могъ понять, какого рода чувства Сусанна питала ко второй супругѣ своего вотчима.... И я опять чему-то порадовался.

Между тѣмъ дуэтъ кончился. Фустовъ всталъ и, нерѣшительными шагами приблизившись къ окну, возлѣ котораго мы сидѣли съ Сусанной, спросилъ ее, получила ли она отъ Ленгольда ноты, которыя тотъ обѣщался выписать изъ Петербурга.

— Попури изъ *Роберта Дьявола*, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—изъ той новой оперы, о которой теперь всѣ такъ кричатъ.

— Нѣтъ, не получила, — отвѣчала Сусанна и, повернувшись лицомъ къ окну, поспѣшно прошептала:—Пожалуйста, Александръ Давыдычъ, прошу васъ, не заставляйте меня играть сегодня! я совсѣмъ не расположена.

— Что такое? *Робертъ Дьяволъ* Мейербера!—возопилъ подошедшій къ намъ Иванъ Демьянычъ: — пари держу, что вещь отличная! Онъ жидъ, а всѣ жиды, такъ же какъ и чехи, урожденные музыканты! Особенно жиды. Не правда ли, Сусанна Ивановна? Ась? Ха-ха-ха-ха!

Въ послѣднихъ словахъ г. Ратча, и на этотъ разъ въ самомъ его хохотѣ, слышалось нѣчто другое, чѣмъ обычное его глумленіе— слышалось желаніе оскорбить. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, и такъ поняла его Сусанна. Она невольно дрогнула, покраснѣла, закусила нижнюю губу. Свѣтлая точка, подобная блеску слезы, мелькнула у ней на рѣсницѣ и, быстро поднявшись, она вышла вонъ изъ комнаты.

— Куда же вы, Сусанна Ивановна? — закричалъ ей вслѣдъ господинъ Ратчъ.

— А вы оставьте ее, Иванъ Демьянычъ,—вмѣшалась Элеонора Карповна.—Wenn sie einmal so etwas im Kopfe hat....

— Натура нервозная, — промолвилъ Ратчъ, повернувшись на каблукахъ, и шлепнулъ себя по ляшкѣ,—plexus solaris страдаетъ. О! да вы не смотрите такъ на меня, Петръ Гаврилычъ? Я и анатоміей занимался, ха-ха! Я и

лечить могу! Спросите вотъ Элеонору Карповну...: Всѣ ея недуги я излѣчиваю! Такой у меня есть способъ.

— А вы все должны шутки шутить, Иванъ Демьянычъ,—отвѣчала та съ удовольствіемъ, между тѣмъ какъ Фустовъ, посмѣиваясь и пріятно покачиваясь, глядѣлъ на обоихъ супруговъ.

— И почему же не шутить, mein Mütterchen? — подхватилъ Иванъ Демьянычъ.—Жизнь намъ дана для пользы, а больше для красы, какъ сказалъ одинъ извѣстный стихотворецъ. Колька, утри свой носъ, дикобразъ!

IX.

— Я сегодня по твоей милости былъ въ весьма неловкомъ положеніи,—говорилъ я въ тотъ же вечеръ Фустову, возвращаясь съ нимъ домой.—Ты мнѣ сказалъ, что эта.... какъ бишь ее? Сусанна — дочь господина Ратча, а она его падчерица.

— Въ самомъ дѣлѣ! Я тебѣ сказалъ, что она его дочь? Впрочемъ.... не все ли равно?

— Этотъ Ратчъ,—продолжалъ я....—Ахъ, Александръ! какъ онъ мнѣ не нравится! Замѣтилъ ты, съ какой онъ особенной насмѣшкой отозвался сегодня при ней о жидахъ? Развѣ она.... еврейка?

Фустовъ шелъ впереди, размахивая руками; было холодно, снѣгъ хрустѣлъ, какъ соль, подъ ногами.

— Да, помнится, что-то такое я слышалъ, — промолвилъ онъ наконецъ....—Ея мать была, кажется, еврейскаго происхожденія.

— Стало-быть, господинъ Ратчъ женился въ первый разъ на вдовѣ?

— Вѣроятно.

— Гм!... А этотъ Викторъ, что̀ не пришелъ вчера, тоже его пасынокъ?

— Нѣтъ.... это настоящій его сынъ. Впрочемъ, я, ты знаешь, въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь и не люблю разспрашивать. Я не любопытенъ.

Я прикусилъ языкъ. Фустовъ все спѣшилъ впередъ. Подходя къ дому, я нагналъ его и заглянулъ ему въ лицо.

— А что̀?—спросилъ я: — Сусанна, точно, хорошая музыкантша?

Фустовъ нахмурился.

— Она хорошо играетъ на фортепіано, — проговорилъ онъ сквозь зубы.—Только она очень дика, предваряю!— прибавилъ онъ съ легкою ужимкой. Онъ словно раскаивался въ томъ, что познакомилъ меня съ нею.

Я умолкъ, и мы разстались.

X.

На слѣдующее утро я опять отправился къ Фустову. Сидѣть у него по утрамъ стало для меня потребностью. Онъ принялъ меня ласково, по обыкновенію, но о вчерашнемъ посѣщеніи—ни слова! Какъ воды въ ротъ набралъ. Я принялся перелистывать послѣдній № *Телескопа*.

Новое лицо вошло въ комнату. Оно оказалось тѣмъ самымъ сыномъ г. Ратча, Викторомъ, на отсутствіе котораго наканунѣ пенялъ его отецъ.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати, уже испитой и нездоровый, съ сладковато-наглою усмѣшкой на нечистомъ лицѣ, съ выраженіемъ усталости въ воспаленныхъ глазахъ. Онъ походилъ на отца, только черты его были меньше и не лишены пріятности. Но въ самой этой пріятности было что-то нехорошее. Одѣтъ онъ былъ очень неряшливо; на мундирномъ сюртукѣ его недоставало пуго-

вицы, одинъ сапогъ лопнулъ, табакомъ такъ и разило отъ него.

— Здравствуйте,—проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ и съ тѣми особенными подергиваньями плечъ и головы, которыя я всегда замѣчалъ у избаловавшихся и самоувѣренныхъ молодыхъ людей.—Думалъ въ университетъ, а попалъ къ вамъ. Грудь что-то заложило. Дайте-ка сигарку.—Онъ прошелъ черезъ всю комнату, вяло волоча ноги и не вынимая рукъ изъ кармановъ панталонъ, и грузно бросился на диванъ.

— Вы простудились? — спросилъ Фустовъ, и познакомилъ насъ другъ съ другомъ. Мы были оба студентами, но находились на разныхъ факультетахъ.

— Нѣтъ!... Какое! Вчера, признаться сказать.... (Тутъ господинъ Ратчъ junior улыбнулся во весь ротъ, опять-таки не безъ пріятности, но зубы у него оказались дурные) выпито было, сильно выпито. Да. — Онъ закурилъ сигарку и откашлянулся.—Обиходова провожали.

— А онъ куда ѣдетъ?

— На Кавказъ, и возлюбленную свою туда же тащитъ. Вы знаете, ту, черноглазую, съ веснушками. Дуракъ!

— Вашъ батюшка вчера о васъ спрашивалъ, — замѣтилъ Фустовъ.

Викторъ сплюнулъ въ сторону.

— Да я слышалъ. Вы вчера забрели въ нашъ таборъ. Ну, и что жъ? музицировали?

— По обыкновенію.

— А *она*.... Небось, передъ новымъ-то гостемъ (тутъ онъ ткнулъ головой въ мою сторону) поломалась? Играть не стала?

— Вы это о комъ говорите?—спросилъ Фустовъ.

— Да, разумѣется, о почтеннѣйшей Сусаннѣ Ивановнѣ!

Викторъ развалился еще покойнѣе, округленно поднялъ руку надъ головой, посмотрѣлъ себѣ на ладонь и глухо фыркнулъ.

Я взглянулъ на Фустова. Онъ только плечомъ пожалъ, какъ бы желая дать мнѣ понять, что съ такого оболтуса и спрашивать нечего.

XI.

Викторъ принялся говорить, глядя въ потолокъ, не спѣша и въ носъ, о театрѣ, о двухъ ему знакомыхъ актерахъ, о какой-то Серафимѣ Серафимовнѣ, которая его „надула", о новомъ профессорѣ Р., котораго обозвалъ скотиной, — потому, представьте, что̀ уродъ выдумалъ? Каждую лекцію съ переклички начинаетъ, а еще либераломъ считается! Въ кутузку я бы всѣхъ вашихъ либераловъ запряталъ!—и, обратившись, наконецъ, всѣмъ лицомъ и тѣломъ къ Фустову, промолвилъ полужалобнымъ, полунасмѣшливымъ голосомъ:

— Что я васъ хотѣлъ попросить, Александръ Давыдычъ.... Нельзя ли какъ-нибудь старца моего вразумить.... Вы вотъ дуэты съ нимъ разыгрываете.... Даетъ мнѣ пять синенькихъ въ мѣсяцъ.... Это что же такое?! На табакъ не хватаетъ. Еще толкуетъ: не дѣлай долговъ! Я бы его на мое мѣсто посадилъ и посмотрѣлъ бы! Я вѣдь никакихъ пенсій не получаю: не то что *иные* (Викторъ произнесъ это послѣднее слово съ особеннымъ удареніемъ). А деньжищевъ у него много, я знаю! Со мной Лазаря пѣть нечего, меня не проведешь. Шалишь! Руки-то себѣ нагрѣлъ тоже.... ловко!

Фустовъ искоса глянулъ на Виктора.

— Пожалуй,—началъ онъ:—я скажу вашему батюшкѣ. А то, если хотите, я могу.... пока.... небольшую сумму....

— Нѣтъ, что жъ? Ужъ лучше старика умаслить.... Впрочемъ,—прибавилъ Викторъ, почесавъ себѣ носъ всею пятерней,—дайте, коли можете, рублей двадцать-пять.... Сколько, бишь, я вамъ долженъ?

— Вы у меня восемьдесятъ-пять рублей заняли.

— Да.... Ну это, стало, выйдетъ.... всего сто десять рублей. Я вамъ отдамъ все разомъ.

Фустовъ вышелъ въ другую комнату, вынесъ двадцати-пятирублевую бумажку и молча подалъ ее Виктору. Тотъ взялъ ее, зѣвнулъ во все горло, не закрывая рта, промычалъ: „спасибо!“ и, поеживаясь и потягиваясь, приподнялся съ дивана.

— Фу! однако.... что-то скучно,—пробормоталъ онъ,—пойти развѣ въ *Италію*.

Онъ направился къ двери.

Фустовъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Казалось, онъ боролся самъ съ собой.

— О какой вы это пенсіи сейчасъ упомянули, Викторъ Иванычъ?—спросилъ онъ наконецъ.

Викторъ остановился на порогѣ и надѣлъ фуражку.

— А вы не знаете? Сусанны Ивановны пенсія.... Она ее получаетъ. Прелюбопытный, доложу вамъ, анекдотъ! Я когда-нибудь вамъ разскажу. Дѣла, батюшка, дѣла! А вы старца-то, старца не забудьте, пожалуйста. Кожа у него, конечно, толстая, нѣмецкая, да еще съ русской выдѣлкой, а все пронять можно. Только чтобъ Элеонорки, мачихи моей, при этомъ не было! Папашка ее боится, она все своимъ прочитъ. Ну, да вы сами дипломатъ! Прощайте!

— Экая, однако, дрянь этотъ мальчишка! — воскликнулъ Фустовъ, какъ только захлопнулась дверь.

Лицо у него горѣло какъ въ огнѣ, и онъ отъ меня отворачивался. Я не сталъ его разспрашивать и вскорѣ удалился.

XII.

Весь тотъ день я провелъ въ размышленіяхъ о Фустовѣ, о Сусаннѣ, объ ея родственникахъ; мнѣ смутно чудилось нѣчто похожее на семейную драму. Сколько я могъ судить, мой пріятель былъ неравнодушенъ къ Сусаннѣ. Но она? Любила ли она его? Отчего она казалась такою несчастною? И вообще, что она была за существо? Эти вопросы безпрестанно приходили мнѣ на умъ. Темное, но сильное чувство говорило мнѣ, что за разрѣшеніемъ ихъ не слѣдовало обращаться къ Фустову. Кончилось тѣмъ, что я на слѣдующій день отправился одинъ въ домъ къ г. Ратчу.

Мнѣ стало вдругъ очень совѣстно и неловко, какъ только я очутился въ маленькой, темной передней. „Она и не покажется, пожалуй“, мелькнуло у меня въ головѣ, „придется сидѣть съ гнуснымъ ветераномъ и съ его кухаркой-женой.... Да и наконецъ, если даже она появится, что же изъ этого? Она и разговаривать не станетъ.... Ужъ больно не ласково обошлась она со мной намедни. Зачѣмъ же я пришелъ?“ Пока я все это соображалъ, казачекъ побѣжалъ доложить обо мнѣ, и въ сосѣдней комнатѣ, послѣ двухъ или трехъ недоумѣвающихъ: „Кто такое? Кто, ты говоришь?“ — послышалось тяжелое шарканье туфель, дверь слегка растворилась и въ щели между обѣими половинками выставилось лицо Ивана Демьяныча, лицо взъерошенное и угрюмое. Оно уставилось на меня и не тотчасъ измѣнило свое выраженіе..... Видно, г. Ратчъ не сразу узналъ меня; но вдругъ щеки его округлились, глаза сузились и изъ раскрывавшагося рта, вмѣстѣ съ хохотомъ, вырвалось восклицаніе:

— А, батюшка, почтеннѣйшій! Это вы? Милости просимъ!

Я послѣдовалъ за нимъ тѣмъ неохотнѣе, что, мнѣ ка-

залось, этотъ привѣтливый, веселый г. Ратчъ внутренно посылаетъ меня къ чорту. Однако дѣлать было нечего. Онъ привелъ меня въ гостиную, и что̀ же? въ гостиной сидѣла Сусанна передъ столомъ, за приходо-расходной книгой. Она глянула на меня своими сумрачными глазами и чуть-чуть прикусила ногти пальцевъ на лѣвой рукѣ.... такая у ней была привычка, я замѣтилъ, привычка, свойственная нервическимъ людямъ. Кромѣ ея, въ комнатѣ никого не было.

— Вотъ, сударь, — началъ г. Ратчъ и ударилъ себя по ляшкѣ,—въ какихъ занятіяхъ вы насъ съ Сусанной Ивановной застали: счетами занимаемся. Супруга моя въ „арихметикѣ“ не сильна, а я, признаться, глаза свои берегу. Безъ очковъ не могу читать, что прикажете дѣлать? Пускай же молодежь потрудится, ха-ха! Порядокъ требуетъ. Впрочемъ, дѣло не къ спѣху.... Спѣшить, смѣшить, блохъ ловить, ха-ха!

Сусанна закрыла книгу и хотѣла удалиться.

— Постой, однако, постой, — заговорилъ г. Ратчъ.— Что за бѣда, что не въ туалетѣ.... (На Сусаннѣ было очень старенькое почти дѣтское платьице съ короткими рукавчиками). Дорогой гость не взыщетъ, а мнѣ бы только позапрошлую недѣлю очистить.... Вы позволите?—обратился онъ ко мнѣ.—Мы вѣдь съ вами не на церемоніалахъ!

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь, — воскликнулъ я.

— То-то, мой батюшка почтеннѣйшій; вамъ самимъ извѣстно: покойный государь Алексѣй Михайловичъ Романовъ говаривалъ: „Дѣлу время, а потѣхѣ минуту!“ А мы самому дѣлу одну минуту посвятимъ.... ха-ха! Какіе же это тринадцать рублей тридцать копѣекъ?—прибавилъ онъ вполголоса, повернувшись ко мнѣ спиной.

— Викторъ взялъ у Элеоноры Карповны; онъ сказалъ, что вы ему разрѣшили, — отвѣчала также вполголоса Сусанна.

— Сказалъ.... сказалъ..... разрѣшилъ....—проворчалъ Иванъ Демьянычъ. — Кажется, я тутъ самъ налицо. Спросить бы могли. А тѣ семнадцать рублей кому пошли?

— Мебельщику.

— Да.... мебельщику. Это за что же?

— По счету.

— По счету. Покажь-ка! — Онъ вырвалъ у Сусанны книгу и, насадивъ на носъ круглые очки въ серебряной оправѣ, сталъ водить пальцемъ по строкамъ. — Мебельщику.... мебельщику.... Вамъ бы лишь бы деньги изъ дому вонъ! Вы рады!... Wie die Croaten! По счету! А впрочемъ, — прибавилъ онъ громко, и снова поворотился ко мнѣ лицомъ и очки съ носу сдернулъ,—что же это я въ самомъ дѣлѣ! Этими дрязгами можно и послѣ заняться. Сусанна Ивановна, извольте-ка оттащить на мѣсто эту бухгалтерію, да пожалуйте къ намъ обратно и восхитите слухъ сего любезнаго посѣтителя вашимъ мусикійскимъ орудіемъ, сирѣчь фортепіанною игрой.... А?

Сусанна отвернула голову.

— Я бы очень былъ счастливъ, — поспѣшно промолвилъ я.—очень было бы мнѣ пріятно послушать игру Сусанны Ивановны. Но я ни за что въ свѣтѣ не желалъ бы безпокоить....

— Какое безпокойство, что вы! Ну-съ, Сусанна Ивановна, eins, zwei, drei!

Сусанна ничего не отвѣчала и вышла вонъ.

XIII.

Я не ожидалъ, что она вернется; но она скоро появилась снова: даже платья не перемѣнила и, присѣвъ въ уголъ, раза два внимательно посмотрѣла на меня. Почувствовала ли она въ моемъ обращеніи съ нею то невольное,

мнѣ самому неизъяснимое уваженіе, которое, больше чѣмъ любопытство, больше даже чѣмъ участіе, она во мнѣ возбуждала, находилась ли она въ тотъ день въ смягченномъ расположеніи духа, только она вдругъ подошла къ фортепіано и, нерѣшительно положивъ руку на клавиши и склонивъ немного голову черезъ плечо назадъ ко мнѣ, спросила меня, что я хочу, чтобъ она сыграла? Я не успѣлъ еще отвѣтить, какъ она уже сѣла, достала ноты, торопливо ихъ развернула и начала играть. Я съ дѣтства любилъ музыку, но въ то время я еще плохо понималъ ее, мало былъ знакомъ съ произведеніями великихъ мастеровъ, и если бы г. Ратчъ не проворчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: „Aha! wieder dieser Beethoven!“ я бы не догадался, что именно выбрала Сусанна. Это была, какъ я потомъ узналъ, знаменитая Ф-мольная соната, opus 57. Игра Сусанны меня поразила несказанно: я не ожидалъ такой силы, такого огня, такого смѣлаго размаха. Съ самыхъ первыхъ тактовъ стремительно-страстнаго allegro начала сонаты, я почувствовалъ то оцѣпенѣніе, тотъ холодъ и сладкій ужасъ восторга, которые мгновенно охватываютъ душу, когда въ нее неожиданнымъ налетомъ вторгается красота. Я не пошевельнулся ни однимъ членомъ до самаго конца; я все хотѣлъ, и не смѣлъ, вздохнуть. Мнѣ пришлось сидѣть сзади Сусанны, ея лица я не могъ видѣть; я видѣлъ только, какъ ея темные, длинные волосы изрѣдка прыгали и бились по плечамъ, какъ порывисто покачивался ея станъ и какъ ея тонкія руки и обнаженные локти двигались быстро и нѣсколько угловато. Послѣднія отзвучія замерли. Я вздохнулъ наконецъ. Сусанна продолжала сидѣть передъ фортепіано.

— Ja, ja, — замѣтилъ г. Ратчъ, который, впрочемъ, тоже слушалъ внимательно,—romantische Musik! Это нынче въ модѣ. Только зачѣмъ нечисто играть! Э? Пальчикомъ по двумъ нотамъ разомъ — зачѣмъ? Э? То-то; намъ все по-

скорѣй хочется, поскорѣй. Этакъ горячѣй выходитъ. Э? Блины горячіе!—задребезжалъ онъ какъ разносчикъ.

Сусанна слегка обратилась къ г. Ратчу; я увидѣлъ лицо ея въ профиль. Тонкая бровь высоко поднялась надъ опущенной вѣкой, неровный румянецъ разлился по щекѣ, маленькое ухо рдѣло подъ закинутымъ локономъ.

— Я всѣхъ лучшихъ виртуозовъ самолично слышалъ,— продолжалъ г. Ратчъ, внезапно нахмурившись,—и всѣ они передъ покойнымъ Фильдомъ — тьфу! нуль! зеро!! Das war ein Kerl! Und ein so reines Spiel! И композиціи его— самыя прекрасныя! А всѣ эти новые „тлу-ту-ту“ да „тра-та-та“, это, я полагаю, больше для школяровъ писано. Da braucht man keine Delicatesse! Хлопай по клавишамъ какъ попало.... Не бѣда! Что-нибудь выйдетъ! Janitscharen-Musik! Пхе! (Иванъ Демьянычъ утеръ себѣ лобъ платкомъ). Впрочемъ, я это говорю не на вашъ счетъ, Сусанна Ивановна; вы играли хорошо и моими замѣчаніями не должны обижаться.

— У всякаго свой вкусъ, — тихимъ голосомъ заговорила Сусанна, и губы ея задрожали;—а ваши замѣчанья, Иванъ Демьянычъ, вы знаете, меня обидѣть не могутъ.

— О, конечно! Только вы не полагайте, — обратился ко мнѣ Ратчъ,—не извольте полагать, милостивый государь, что сіе происходитъ отъ излишней нашей доброты и якобы кротости душевной; а просто мы съ Сусанной Ивановной воображаемъ себя столь высоко вознесенными, что у-у! Шапка назадъ валится, какъ говорится по-русски, и уже никакая критика до насъ досягать не можетъ. Самолюбіе, милостивый государь, самолюбіе! Оно насъ доѣхало, да, да!

Не безъ изумленія слушалъ я Ратча. Желчь, желчь ядовитая такъ и закипала въ каждомъ его словѣ.... И давно же она накопилась! Она душила его. Онъ попытался закончить свою тираду обычнымъ смѣхомъ,—и судорожно,

хрипло закашлялъ. Сусанна словечка не проронила въ отвѣтъ ему, только головой встряхнула, и лицо приподняла, да, взявшись обѣими руками за локти, прямо уставилась на него. Въ глубинѣ ея неподвижныхъ, расширенныхъ глазъ, глухимъ, незагасимымъ огнемъ тлѣла стародавняя ненависть. Жутко мнѣ стало.

— Вы принадлежите къ двумъ различнымъ музыкальнымъ поколѣньямъ, — началъ я съ насильственною развязностью, самою этою развязностью желая дать понять, что я ничего не замѣчаю,—а потому неудивительно, что вы не сходитесь въ своихъ мнѣніяхъ.... Но, Иванъ Демьянычъ, вы мнѣ позволите стать на сторону.... болѣе молодого поколѣнія. Я профанъ, конечно; но, признаюсь вамъ, ничего, въ музыкѣ, еще не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ та.... какъ то, что Сусанна Ивановна намъ сейчасъ сыграла.

Ратчъ вдругъ накинулся на меня.

— И почему вы полагаете,—закричалъ онъ, весь еще багровый отъ кашля,—что мы желаемъ завербовать васъ въ нашъ лагерь? (Онъ выговорилъ Lager по-нѣмецки). Нисколько намъ это не нужно, бардзо дзенкуемъ! Вольному воля, спасенному—спасеніе! А что касательно двухъ поколѣній, то это точно: намъ, старикамъ, съ вами, молодыми, жить трудно, очень трудно! Наши понятія ни въ чемъ не согласны: ни въ художествѣ, ни въ жизни, ни даже въ морали. Не правда ли, Сусанна Ивановна?

Сусанна усмѣхнулась презрительною усмѣшкой.

— Особенно насчетъ, какъ вы говорите, морали, наши понятія не сходятся и не могутъ сходиться, — отвѣтила она, и что-то грозное пробѣжало у ней надъ бровями, а губы попрежнему слабо трепетали.

— Конечно, конечно!—подхватилъ Ратчъ.—Я не филозовъ! Я не умѣю стать.... этакъ, высоко! Я человѣкъ простой, рабъ предразсудковъ, да!

Сусанна опять усмѣхнулась.

— Мнѣ кажется, Иванъ Демьянычъ, и вы иногда умѣли ставить себя выше того, что̀ называютъ предразсудками.

— Wie so? То-есть, какъ же это? Я васъ не понимаю·

— Не понимаете? Вы такъ забывчивы!

Г-нъ Ратчъ словно потерялся.

— Я.... я....—повторялъ онъ.—Я....

— Да, вы, господинъ Ратчъ.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Однако, позвольте, позвольте, — началъ-было г. Ратчъ,—какъ вы можете такъ дерзко....

Сусанна внезапно вытянулась во весь ростъ и, не выпуская изъ рукъ локтей своихъ, стискивая ихъ, перебирая по нимъ пальцами, остановилась передъ Ратчемъ. Казалось, она вызывала его на борьбу, она наступала на него. Лицо ея преобразилось: оно стало вдругъ, въ мгновеніе ока, и необычайно красиво, и страшно; какимъ-то веселымъ и холоднымъ блескомъ—блескомъ стали—заблестѣли ея тусклые глаза; недавно еще трепетавшія губы сжались въ одну прямую, неумолимо-строгую черту. Сусанна вызывала Ратча; но тотъ, какъ говорится, воззрился въ нее и вдругъ умолкъ и опустился какъ мѣшокъ, и голову втянулъ въ плечи, и даже ноги подобралъ. Ветеранъ двѣнадцатаго года струхнулъ; въ этомъ нельзя было сомнѣваться.

Сусанна медленно перевела глаза свои съ него на меня, какъ бы призывая меня въ свидѣтели своей побѣды и униженія врага и, въ послѣдній разъ усмѣхнувшись, вышла вонъ изъ комнаты.

Ветеранъ остался нѣсколько времени неподвиженъ на своемъ креслѣ; наконецъ, точно вспомнивъ забытую роль, онъ встрепенулся, всталъ и, ударивъ меня по плечу, захохоталъ своимъ зычнымъ хохотомъ:

— Вотъ, подите вы, ха-ха-ха! кажется, не первый

десятокъ живемъ мы съ этой барышней, а никогда она не можетъ понять, когда я шутку шучу, и когда говорю въ суріозѣ! Да и вы, почтеннѣйшій, кажется, недоумѣваете.... Ха-ха-ха! Значитъ, вы еще старика Ратча не знаете!

„Нѣтъ.... Я теперь тебя знаю", думалъ я не безъ нѣкотораго страха и омерзѣнія.

— Не знаете старика, не знаете!—твердилъ онъ, провожая меня до передней и поглаживая себя по животу.— Я человѣкъ тяжелый, битый, ха-ха! Но я добрый, ей-Богу.

Я опрометью бросился съ крыльца на улицу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе уйти отъ этого добраго человѣка.

XIV.

„Что они другъ друга ненавидятъ, это ясно,—думалъ я, возвращаясь къ себѣ домой;—несомнѣнно также и то, что онъ человѣкъ скверный, а она хорошая дѣвушка. Но что̀ такое произошло между ними? Какая причина этого постояннаго раздраженія? Какой смыслъ этихъ намековъ? И какъ это неожиданно вспыхнуло! Подъ какимъ пустымъ предлогомъ!"

На слѣдующій день мы съ Фустовымъ собрались идти въ театръ, смотрѣть Щепкина въ „*Горѣ отъ ума*". Комедію Грибоѣдова только-что разрѣшили тогда, предварительно обезобразивъ ее цензурными урѣзками. Мы много хлопали Фамусову, Скалозубу. Не помню, какой актеръ исполнялъ роль Чацкаго, но очень хорошо помню, что онъ былъ невыразимо дуренъ; сперва появился въ венгеркѣ и въ сапогахъ съ кисточками, а потомъ во фракѣ моднаго въ то время цвѣта „flamme de punch", и фракъ этотъ на немъ сидѣлъ какъ на нашемъ старомъ дворецкомъ. Помню также, что балъ въ третьемъ актѣ привелъ насъ въ восхищеніе. Хотя, вѣроятно, никто и никогда въ дѣйствительности не

выдѣлывалъ такихъ на, но это уже было такъ принято— а, кажется, исполняется такимъ образомъ и до сихъ поръ. Одинъ изъ гостей чрезвычайно высоко прыгалъ, причемъ парикъ его развѣвался во всѣ стороны, и публика заливалась смѣхомъ. Выходя изъ театра, мы въ корридорѣ столкнулись съ Викторомъ.

— Вы были въ театрѣ! — воскликнулъ онъ, взмахнувъ руками.—Какъ же это я васъ не видалъ? Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ. Вы непремѣнно должны со мной поужинать. Пойдемте; я угощаю!

Молодой Ратчъ казался въ состояніи взволнованномъ, почти восторженномъ. Глазенки его бѣгали, онъ ухмылялся, красныя пятна выступали на лицѣ.

— На какой это радости?—спросилъ Фустовъ.

— На какой? А вотъ, не угодно ли полюбопытствовать?

Викторъ отвелъ насъ немного въ сторону и, вытащивъ изъ кармана панталонъ цѣлую пачку тогдашнихъ красныхъ и синихъ ассигнацій, потрясъ ими въ воздухѣ.

Фустовъ удивился.

— Вашъ батюшка расщедрился?

Викторъ захохоталъ.

— Нашли щедраго! Какъ же, держи карманъ!... Сегодня утромъ, понадѣявшись на ваше ходатайство, я попросилъ у него денегъ. Что же, вы думаете, мнѣ отвѣчалъ жидоморъ? Я, говоритъ, твои долги, изволь, заплачу. До двадцати-пяти рублей включительно! Слышите: включительно! Нѣтъ, милостивый государь, это на мое сиротство Богъ послалъ. Случай такой вышелъ.

— Ограбили кого-нибудь? — небрежно промолвилъ Фустовъ.

Викторъ нахмурился.

— Ухъ, такъ вотъ и ограбилъ! Выигралъ-съ, выигралъ у офицера, у гвардейца! Вчера только изъ Петер-

бурга прикатилъ. И какое стеченіе обстоятельствъ! Стоитъ разсказать.... да тутъ неловко. Пойдемте къ Яру: два шага всего. Сказано, я угощаю!

Намъ, быть-можетъ, слѣдовало отказаться, но мы пошли безъ возраженій.

XV.

У Яра насъ провели въ особую комнату, подали ужинъ, принесли шампанскаго. Викторъ разсказалъ намъ со всѣми подробностями, какъ онъ въ одномъ пріятномъ домѣ встрѣтилъ этого офицера-гвардейца, очень милаго малаго и хорошей фамиліи, только безъ царя въ головѣ; какъ они познакомились, какъ онъ, офицеръ то-есть, вздумалъ для шутки предложить ему, Виктору, играть въ дурачки старыми картами, почти-что на орѣхи и съ тѣмъ условіемъ, чтобъ офицеру играть на счастіе Вильгельмины, а Виктору на свое собственное счастіе; какъ потомъ пошло дѣло на пари.

— А у меня-то, у меня-то, — воскликнулъ Викторъ, и вскочилъ, и въ ладоши захлопалъ,—всего шесть рублей въ карманѣ. Представьте! И сначала я совсѣмъ профершпилился.... Каково положеніе?! Только тутъ, ужъ я не знаю чьими молитвами, фортуна улыбнулась. Тотъ горячиться сталъ, всѣ карты показываетъ.... Глядь! семьсотъ пятьдесятъ рублей и пробухалъ! Сталъ еще просить поиграть, ну, да я малый не промахъ, думаю: нѣтъ, этакою благодатью злоупотреблять не надо: шапку сгребъ и маршъ! Вотъ теперь и старику не зачѣмъ кланяться, и товарищей угостить можно.... Эй! человѣкъ! Еще бутылку! Господа, чокнемтесь!

Мы чокнулись съ Викторомъ и продолжали пить и смѣяться, хотя разсказъ его намъ вовсе не понравился, да и самое его общество намъ удовольствія доставляло мало. Онъ принялся любезничать, балагурить, расходился однимъ

словомъ, и сдѣлался еще противнѣе. Викторъ замѣтилъ, наконецъ, какое онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе, и насупился; рѣчи его стали отрывистѣй, взгляды мрачнѣе. Онъ началъ зѣвать, объявилъ, что спать хочетъ, и, обругавъ со свойственною ему грубостью трактирнаго слугу за худо прочищенный чубукъ, внезапно, съ выраженіемъ вызова на искривленномъ лицѣ, обратился къ Фустову:

— Послушайте-ка, Александръ Давыдычъ, — промолвилъ онъ,—скажите, пожалуйста, за что̀ вы меня презираете?

— Какъ такъ?—не сразу нашелся отвѣтить мой пріятель.

— Да такъ же.... Я очень хорошо чувствую и знаю, что вы меня презираете, и этотъ господинъ (онъ указалъ на меня пальцемъ) тоже, туда же! И хоть бы вы сами очень уже высокою нравственностью отличались, а то такой же грѣшникъ, какъ мы всѣ. Еще хуже. Въ тихомъ омутѣ.... пословицу знаете?

Фустовъ покраснѣлъ.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?—спросилъ онъ.

— А то, что я еще не ослѣпъ и отлично вижу все, что у меня передъ носомъ дѣлается: шуры-то-муры ваши съ сестрицей моей я вижу.... И ничего я противъ этого не имѣю, потому: во-первыхъ, не въ моихъ правилахъ, а во-вторыхъ, моя сестрица Сусанна Ивановна сама черезъ всѣ тяжкія прошла.... Только меня-то за что̀ же презирать?

— Вы сами не понимаете, что̀ вы такое лепечете! Вы пьяны,—проговорилъ Фустовъ, доставая пальто со стѣны. — Обыгралъ навѣрное какого-то дурака и вретъ теперь чортъ знаетъ что̀!

Викторъ продолжалъ лежать на диванѣ и только заболталъ ногами, перевѣшанными черезъ ручку.

— Обыгралъ! Зачѣмъ же вы вино пили? Оно вѣдь на выигрышныя деньги куплено. А врать мнѣ нечего. Не я

виноватъ, что Сусанна Ивановна въ своей прошедшей жизни....

— Молчите! — закричалъ на него Фустовъ. — Молчите.... или....

— Или что?

— Вы узнаете что. Петръ, пойдемъ.

— Ага! — продолжалъ Викторъ: — великодушный рыцарь нашъ въ бѣгство обращается. Видно, не хочется правду-то узнать! Видно, колется она, правда-то!

— Да пойдемъ же, Петръ,—повторилъ Фустовъ, окончательно потерявшій обычное свое хладнокровіе и самообладаніе.—Оставимъ этого дрянного мальчишку!

— Этотъ мальчишка не боится васъ, слышите, — закричалъ намъ вслѣдъ Викторъ, — презираетъ васъ этотъ мальчишка, пре-зи-раетъ! Слышите!

Фустовъ такъ проворно шелъ по улицѣ, что я съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Вдругъ онъ остановился и круто повернулъ назадъ.

— Куда ты?—спросилъ я.

— Да надо узнать, что этотъ глупецъ.... Онъ, пожалуй, спьяна, Богъ знаетъ что.... Только ты не иди за мной.... мы завтра увидимся. Прощай.

И торопливо пожавъ мою руку, Фустовъ направился къ гостинницѣ Яръ.

На другой день мнѣ не удалось увидѣть Фустова, а на слѣдующій за тѣмъ день я, зайдя къ нему на квартиру, узналъ, что онъ выѣхалъ къ своему дядѣ въ подмосковную. Я полюбопытствовалъ, не оставилъ ли онъ записки на мое имя, но никакой записки не оказалось. Тогда я спросилъ лакея, не знаетъ ли онъ, сколько времени Александръ Давыдычъ останется въ деревнѣ.—Недѣли съ двѣ, а то побольше, такъ полагать надо,—отвѣчалъ лакей. Я на всякій случай взялъ точный адресъ Фустова и въ раздумьѣ побрелъ домой. Эта неожиданная отлучка изъ Москвы, зи-

мой, окончательно повергла меня въ недоумѣніе. Моя добрая тетушка замѣтила мнѣ за обѣдомъ, что я все ожидаю чего-то и гляжу на пирогъ съ капустой, какъ будто въ первый разъ отроду его вижу.—Pierre, vous n'êtes pas amoureux?—воскликнула она, наконецъ, предварительно удаливъ своихъ компаньонокъ. Но я успокоилъ ее:—нѣтъ, я не былъ влюбленъ.

XVI.

Прошло дня три. Меня подмывало пойти къ Ратчамъ; мнѣ сдавалось, что въ ихъ домѣ я долженъ былъ найти разгадку всего, что̀ меня занимало, что̀ я понять не могъ.... Но мнѣ пришлось бы опять встрѣтиться съ ветераномъ.... Эта мысль меня удерживала. Вотъ, въ одинъ ненастный вечеръ—на дворѣ злилась и выла февральская вьюга, сухой снѣгъ по временамъ стучалъ въ окна, какъ брошенный сильною рукою крупный песокъ,—я сидѣлъ въ моей комнаткѣ и пытался читать книгу. Мой слуга вошелъ и не безъ нѣкоторой таинственности доложилъ, что какая-то дама желаетъ меня видѣть. Я удивился.... дамы меня не посѣщали, особенно въ такую позднюю пору; однако, велѣлъ просить. Дверь отворилась, и быстрыми шагами вошла женщина, вся закутанная въ легкій лѣтній плащъ и желтую шаль. Порывистымъ движеніемъ сбросила она съ себя эту шаль и этотъ плащъ, занесенный снѣгомъ, и я увидѣлъ предъ собой Сусанну. Я до того изумился, что слова не промолвилъ, а она приблизилась къ окну и, прислонившись къ стѣнѣ плечомъ, осталась неподвижною; только грудь судорожно поднималась и глаза блуждали, и съ легкимъ оханьемъ вырывалось дыханіе изъ помертвѣлыхъ губъ. Я понялъ, что не простая бѣда привела ее ко мнѣ; я понялъ, несмотря на свое легкомысліе и молодость, что въ этотъ

мигъ предо мной завершалась судьба цѣлой жизни—горькая и тяжелая судьба.

— Сусанна Ивановна, — началъ я: — какимъ образомъ....

Она внезапно схватила мою руку своими застывшими пальцами, но голосъ измѣнилъ ей. Она вздохнула прерывисто и потупилась. Тяжелыя космы черныхъ волосъ упали ей на лицо.... Снѣжная пыль еще не сошла съ нихъ.

— Пожалуйста, успокойтесь, сядьте, — заговорилъ я опять, — вотъ тутъ, на диванѣ. Что такое случилось? Сядьте, прошу васъ.

— Нѣтъ,—промолвила она чуть слышно и опустилась на подоконникъ.—Мнѣ здѣсь хорошо.... Оставьте.... Вы не могли ожидать.... но если бъ вы знали.... если бъ я могла.... если бъ....

Она хотѣла переломить себя, но съ потрясающей силой хлынули изъ глазъ ея слезы—и рыданія, поспѣшныя, жадныя рыданія огласили комнату. Сердце во мнѣ перевернулось.... Я потерялся. Я видѣлъ Сусанну всего два раза; я догадывался, что нелегко ей было жить на свѣтѣ, но я считалъ ее за дѣвушку гордую, съ твердымъ характеромъ, и вдругъ эти неудержимыя, отчаянныя слезы.... Господи! Да такъ плачутъ только передъ смертью!

Я стоялъ самъ какъ къ смерти приговоренный.

— Извините меня, — промолвила она, наконецъ, нѣсколько разъ, почти со злобой, утирая одинъ глазъ за другимъ.—Это сейчасъ пройдетъ. Я къ вамъ пришла....— Она еще всхлипывала, но уже безъ слезъ.—Я пришла.... Вы вѣдь знаете, Александръ Давыдычъ уѣхалъ?

Однимъ этимъ вопросомъ Сусанна во всемъ призналась, и при этомъ такъ на меня взглянула, точно желала сказать: „Вѣдь ты поймешь, ты пощадишь, не правда ли?“ Несчастная! Стало-быть, ей уже не оставалось другого исхода!

Я не зналъ, что̀ ей отвѣтить....

— Онъ уѣхалъ, онъ уѣхалъ.... онъ повѣрилъ!—говорила между тѣмъ Сусанна. — Онъ не захотѣлъ даже спросить меня; онъ подумалъ, что я не скажу ему всей правды, онъ могъ это подумать обо мнѣ? Какъ будто я когда-нибудь его обманывала!

Она закусила нижнюю губу и, слегка нагнувшись, начала царапать ногтемъ ледяные узоры, наросшіе на стеклѣ. Я поспѣшно вышелъ въ другую комнату и, услав моего слугу, немедленно вернулся и зажегъ другую свѣчку. Я хорошенько не зналъ, зачѣмъ я все это дѣлалъ.... очень ужъ я былъ смущенъ.

Сусанна попрежнему сидѣла на подоконникѣ, и я тутъ только замѣтилъ, какъ легко она была одѣта: сѣрое платьице съ бѣлыми пуговицами и широкій кожаный поясъ, вотъ и все. Я приблизился къ ней, но она не обратила на меня вниманія.

— Онъ повѣрилъ.... онъ повѣрилъ, — шептала она, тихонько покачиваясь изъ стороны въ сторону.—Онъ не поколебался, онъ нанесъ этотъ послѣдній.... послѣдній ударъ! — Она вдругъ повернулась ко мнѣ. — Вы знаете его адресъ?

— Да, Сусанна Ивановна.... я узналъ отъ его людей.... у него въ домѣ. Онъ мнѣ самъ ничего не сказалъ о своемъ намѣреніи, я его два дня не видалъ, пошелъ освѣдомиться, а онъ уже уѣхалъ изъ Москвы.

— Вы знаете его адресъ?—повторила она.—Ну, такъ напишите ему, что онъ убилъ меня. Вы хорошій человѣкъ, я знаю. Съ вами онъ не говорилъ обо мнѣ, навѣрное, а со мной онъ говорилъ о васъ. Напишите.... ахъ, напишите ему, чтобъ онъ поскорѣе вернулся, если онъ хочетъ еще застать меня въ живыхъ!... Да нѣтъ! Онъ меня уже не застанетъ!...

Голосъ Сусанны утихалъ съ каждымъ словомъ и вся

она утихала. Но мнѣ это спокойствіе казалось еще страшнѣе, чѣмъ тѣ недавнія рыданія.

— Онъ повѣрилъ ему.... — сказала она еще разъ и оперлась подбородкомъ на сложенныя руки.

Внезапный порывъ вѣтра съ рѣзкимъ свистомъ и стукомъ снѣга ударилъ въ окно, холодная струя пробѣжала по комнатѣ.... Пламя свѣчей пошатнулось.... Сусанна вздрогнула.

Я снова попросилъ ее сѣсть на диванъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте,—отвѣчала она,—мнѣ здѣсь хорошо. Пожалуйста.—Она прижалась къ промерзлому стеклу, точно она нашла себѣ гнѣздышко въ углубленіи окна.—Пожалуйста.

— Но вы дрожите, вы озябли, — воскликнулъ я. — Посмотрите, ваши ботинки промокли.

— Оставьте.... пожалуйста....—прошептала она и закрыла глаза.

Страхъ нашелъ на меня.

— Сусанна Ивановна!—чуть не вскрикнулъ я:—придите въ себя, прошу васъ! Что съ вами? Къ чему такое отчаяніе! Вы увидите, все разъяснится, какое-нибудь недоразумѣніе.... неожиданный случай.... Вы увидите, онъ скоро возвратится. Я ему дамъ знать, я сегодня же ему напишу.... Но я не повторю ему вашихъ словъ.... Какъ можно!

— Онъ меня не застанетъ,—промолвила Сусанна все тѣмъ же тихимъ голосомъ. — Неужели бы я пришла сюда къ вамъ, къ незнакомому человѣку, если бы не знала, что не останусь жива? Ахъ, все мое послѣднее унесено безвозвратно! Вотъ, мнѣ и не хотѣлось умереть такъ, въ одиночку, въ молчанку, не сказавъ никому: „Я все потеряла.... и я умираю.... Посмотрите!“

Она снова ушла въ свое холодное гнѣздышко.... Не забуду я вовѣкъ этой головы, этихъ неподвижныхъ глазъ

съ ихъ глубокимъ и погасшимъ взоромъ, этихъ темныхъ разсыпанныхъ волосъ на блѣдномъ стеклѣ окна, самаго этого сѣренькаго, тѣснаго платья, подъ каждой складкой котораго еще билась такая молодая, горячая жизнь!

Я невольно всплеснулъ руками.

— Вамъ.... вамъ умереть, Сусанна Ивановна! Вамъ только жить.... Вамъ жить должно!

Она посмотрѣла на меня.... Мои слова ее какъ будто удивили.

— Ахъ, вы не знаете, — начала она и тихонько уронила обѣ руки.—Мнѣ нельзя жить. Слишкомъ, слишкомъ много пришлось терпѣть, слишкомъ! Я переносила.... я надѣялась.... но теперь.... когда и это рушилось.... когда....

Она подняла глаза къ потолку и словно задумалась. Трагическая черта, которую я нѣкогда замѣтилъ у ней около губъ, теперь обозначалась еще яснѣе; она распространилась по всему лицу. Казалось, чей-то неумолимый перстъ провелъ ее безвозвратно, навсегда отмѣтилъ это погибшее существо.

Она все молчала.

— Сусанна Ивановна, — сказалъ я, чтобы чѣмъ нибудь нарушить эту страшную тишину: — онъ вернется, увѣряю васъ!

Сусанна опять посмотрѣла на меня.

— Что вы говорите? — промолвила она съ видимымъ усиліемъ.

— Онъ вернется, Сусанна Ивановна, Александръ вернется!

— Онъ вернется?—повторила она.—Но если бы даже онъ вернулся, не могу я простить ему это униженіе, это недовѣріе....

Она схватила себя за голову.

— Боже мой! Боже мой! Что я говорю! И зачѣмъ я

здѣсь? Что это такое? О чемъ.... о чемъ я пришла просить.... и кого? Ахъ, я съ ума схожу!...

Глаза ея остановились.

— Вы хотѣли просить меня, чтобъ я написалъ Александру,—поспѣшилъ я подсказать ей.

Она встрепенулась.

— Да, напишите.... напишите, что̀ хотите.... А вотъ это.... Она торопливо пошарила у себя въ карманѣ и достала небольшую тетрадку.—Это я-было для него написала.... передъ его бѣгствомъ.... Но вѣдь онъ повѣрилъ.... повѣрилъ тому!

Я понималъ, что рѣчь шла о Викторѣ; Сусанна не хотѣла назвать его, не хотѣла произнести его ненавистное имя.

— Однако, позвольте, Сусанна Ивановна, — началъ я,—почему же вы полагаете, что Александръ Давыдычъ имѣлъ разговоръ.... съ тѣмъ человѣкомъ?

— Почему? Почему? Но тотъ самъ пришелъ ко мнѣ и все разсказалъ, и хвастался.... и такъ же смѣялся, какъ его отецъ! Вотъ, вотъ, возьмите,—продолжала она, всовывая мнѣ тетрадку въ руку, — прочтите, пошлите ему, сожгите, бросьте, дѣлайте, что̀ хотите, какъ хотите.... Но нельзя же умереть такъ, чтобы никто не зналъ.... А теперь мнѣ пора.... Мнѣ идти надо.

Она поднялась съ подоконника.... Я остановилъ ее.

— Куда же вы, Сусанна Ивановна, помилуйте! Послушайте, какая вьюга! Вы такъ легко одѣты.... И домъ вашъ отсюда не близко. Позвольте, я хоть за каретой пошлю, за извозчикомъ....

— Не надо, ничего не надо,—промолвила она, настойчиво отклоняя меня и взявшись за плащъ и за шаль.—Не удерживайте меня, ради Бога! а то.... я ни за что не отвѣчаю! Я чувствую бездну, темную бездну подъ ногами.... Не подходите! не трогайте меня!—Съ лихорадочной поспѣш-

ностью надѣла она плащъ, накинула шаль....—Прощайте.... Прощайте.... О, бѣдное, бѣдное мое племя, племя вѣчныхъ странниковъ, проклятіе лежитъ на тебѣ! Но вѣдь меня никто не любилъ, съ какой же стати было ему....—Она вдругъ умолкла. — Нѣтъ, меня любилъ одинъ,—заговорила она опять, ломая руки,—но смерть всюду, всюду неизбѣжная смерть! Теперь моя очередь.... Не идите за мной,—пронзительно вскрикнула она.—Не идите! Не идите!

Я остолбенѣлъ, а она бросилась вонъ и, мгновенье спустя, я слышалъ, какъ грохнула внизу тяжелая дверь на улицу, и оконныя рамы снова вздрогнули подъ напоромъ мятели.

Я не скоро опомнился. Я только что начиналъ жить тогда: не испыталъ ни страсти, ни скорби, и рѣдко бывалъ свидѣтелемъ того, какъ выражаются въ другихъ тѣ сильныя чувства.... Но искренность этой скорби, этой страсти меня поразила. Если бы не тетрадка въ рукахъ моихъ, я, право, могъ бы подумать, что я все это во снѣ видѣлъ—до того это все было необычайно и пронеслось какъ мгновенный грозовой ливень. До полуночи читалъ я эту тетрадку. Она состояла изъ нѣсколькихъ листовъ почтовой бумаги, кругомъ исписанныхъ крупнымъ, но неправильнымъ почеркомъ, почти безъ помарокъ. Ни одна строка не шла прямо и, казалось, въ каждой чувствовался тревожный трепетъ руки, водившей перомъ. Вотъ что̀ стояло въ этой тетрадкѣ (я ее сберегъ до сихъ поръ):

XVII.

Моя исторія.

„Мнѣ въ нынѣшнемъ году минетъ двадцать-восемь лѣтъ. Вотъ мои первыя воспоминанія: я живу въ тамбовской губерніи, у одного богатаго помѣщика, Ивана Матвѣича

Колтовского, въ его деревенскомъ домѣ, въ небольшой комнатѣ второго этажа. Со мной вмѣстѣ живетъ мать моя, еврейка, дочь умершаго живописца, вывезеннаго изъ-за границы, болѣзненная женщина съ необыкновенно-красивымъ, какъ воскъ блѣднымъ лицомъ и такими грустными глазами, что, бывало, какъ только она долго посмотритъ на меня, я, и не глядя на нее, непремѣнно почувствую этотъ печальный, печальный взоръ, и заплачу, и брошусь ее обнимать. Ко мнѣ ѣздятъ наставники, меня учатъ музыкѣ и зовутъ меня барышней. Я обѣдаю за господскимъ столомъ вмѣстѣ съ матушкой. Г-нъ Колтовской — высокій, видный старикъ съ величавою осанкой; отъ него всегда пахнетъ амброй. Я боюсь его до-смерти, хоть онъ зоветъ меня Suzon и даетъ мнѣ цѣловать, сквозь кружевную манжетку, свою сухую, жилистую руку. Съ матушкой онъ изысканно-вѣжливъ, но бесѣдуетъ и съ нею мало: скажетъ ей два-три благосклонныя слова, на которыя она тотчасъ торопливо отвѣтитъ, — скажетъ и умолкнетъ, и сидитъ, съ важностію озираясь кругомъ и медленно перебирая щепотку испанскаго табаку въ золотой, круглой табакеркѣ, съ вензелемъ императрицы Екатерины.

„Девятый годъ моего возраста остался мнѣ навсегда памятнымъ.... Я узнала тогда, черезъ горничныхъ въ дѣвичьей, что Иванъ Матвѣичъ Колтовской мнѣ отецъ, и почти въ тотъ же день мать моя, по его приказанію, вышла замужъ за г. Ратча, который состоялъ у него чѣмъ-то въ родѣ управляющаго. Я никакъ не могла понять, какъ это возможно, я недоумѣвала, я чуть не заболѣла, моя голова изнемогала, умъ становился втупикъ. „Правда ли, правда ли, мама“,—спросила я ее,—„этотъ *бука пахучій* (такъ я звала Ивана Матвѣича) мой папа?“ Матушка испугалась чрезвычайно, зажала мнѣ ротъ....—„Никогда, никому не говори объ этомъ, слышишь, Сусанна, слышишь—ни слова!...“—твердила она трепетнымъ голосомъ,

крѣпко прижимая мою голову къ своей груди.... И я, точно, никому объ этомъ не говорила.... Это приказаніе моей матери я поняла.... Я поняла, что я должна была молчать, что моя мать у меня прощенія просила!

„Несчастье мое началось тогда же. Г-нъ Ратчъ не любилъ моей матери и она его не любила. Онъ женился на ней изъ-за денегъ, а она должна была повиноваться. Г-нъ Колтовской, вѣроятно, нашелъ, что такимъ образомъ все устроилось къ лучшему — „la position était régularisée". Помню, наканунѣ свадьбы—мать моя и я—мы обѣ, обнявшись, проплакали почти цѣлое утро—горько, горько и молча. Не диво, что она молчала.... Что могла она сказать мнѣ? Но что я ее не разспрашивала—это доказываетъ только то, что несчастныя дѣти умнѣютъ скорѣе счастливыхъ.... на свою бѣду.

„Г-нъ Колтовской продолжалъ заниматься моимъ воспитаніемъ и даже понемногу приблизилъ меня къ своей особѣ. Онъ со мной не разговаривалъ.... но утромъ и вечеромъ, стряхнувъ двумя пальцами съ своего жабо табачныя пылинки, онъ тѣми же двумя пальцами, холодными какъ ледъ, трепалъ меня по щекѣ и давалъ мнѣ какія-то темныя конфетки, тоже съ запахомъ амбры, которыхъ я никогда не ѣла. Двѣнадцати лѣтъ отроду я стала его лектрисой, „sa petite lectrice". Я читала ему французскія сочиненія прошлаго столѣтія, мемуары Сенъ-Симона, Мабли, Реналя, Гельвеція, переписку Вольтера, энциклопедистовъ, ничего, конечно, не понимая, даже тогда, когда онъ, осклабясь и зажмурясь, приказывалъ мнѣ: „relire ce dernier paragraphe, qui est bien remarquable!" Иванъ Матвѣичъ былъ совершенный французъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, до революціи, помнилъ Марію-Антуанету, получилъ приглашеніе къ ней въ Тріанонъ; видѣлъ и Мирабо, который, по его словамъ, носилъ очень большія пуговицы— „exagéré en tout" — и былъ вообще человѣкъ дурного

тона—„en dépit de sa naissance!“ Впрочемъ, Иванъ Матвѣичъ рѣдко разсказывалъ о томъ времени; но раза два или три въ годъ произносилъ, обращаясь къ кривому старичку-эмигранту, котораго держалъ на хлѣбахъ и называлъ, Богъ знаетъ почему, „M. le Commandeur“, произносилъ, своимъ неспѣшнымъ, носовымъ голосомъ экспромтъ, нѣкогда сказанный имъ на вечерѣ у герцогини Полиньякъ. Я помню только первые два стиха.... (Дѣло шло о параллели между русскими и французами):

L'aigle se plait aux régions austères,
Où le ramier ne saurait habiter....

— Digne de M. de Saint Aulaire! — всякій разъ восклицалъ M. le Commandeur.

„Иванъ Матвѣичъ до самой смерти казался моложавымъ: щеки у него были розовыя, зубы бѣлые, брови густыя и неподвижныя, глаза пріятные и выразительные: свѣтлые черные глаза, настоящій агатъ; онъ вовсе не былъ капризенъ и обходился со всѣми, даже со слугами, очень учтиво.... Но, Боже мой! какъ мнѣ было тяжело съ нимъ, съ какою радостью я всякій разъ отъ него уходила, какія нехорошія мысли возмущали меня въ его присутствіи! Ахъ, я не была въ нихъ виновата!... Не виновата и въ томъ, что̀ изъ меня сдѣлали....

„Г-ну Ратчу, послѣ его свадьбы былъ отведенъ флигель недалеко отъ господскаго дома. Я жила тамъ съ моею матерью. Невесело было мнѣ и тамъ. У нея скоро родился сынъ, тотъ самый Викторъ, котораго я вправѣ считать и называть моимъ врагомъ. Съ самаго его рожденія, здоровье моей матушки, и прежде слабое, уже не поправилось. Г-нъ Ратчъ въ то время не считалъ нужнымъ выказывать ту веселость, которой онъ теперь предается: онъ имѣлъ видъ постоянно суровый и старался прослыть за дѣльца. Со мной онъ былъ жестокъ и грубъ. Я чувство-

вала удовольствіе, когда уходила отъ Ивана Матвѣича; но и свой флигель я покидала охотно.... Несчастная моя молодость! Вѣчно отъ одного берега къ другому, и ни къ которому не хочется пристать! Бывало, бѣжишь черезъ дворъ, зимой, по глубокому снѣгу, въ холодномъ платьицѣ, бѣжишь въ господскій домъ къ Ивану Матвѣичу на чтеніе и словно радуешься.... А придешь, увидишь эти большія, унылыя комнаты, эти пестрыя штофныя мебели, этого привѣтливаго и бездушнаго старика въ шелковой „дульеткѣ“ нараспашку, въ бѣломъ жабо и бѣломъ галстукѣ, съ манжетками на пальцахъ, съ „супсономъ“ пудры (такъ выражался его камердинеръ) на зачесанныхъ назадъ волосахъ, захватитъ тебѣ дыханіе этотъ душный запахъ амбры, и сердце такъ и упадетъ. Иванъ Матвѣичъ сидѣлъ обыкновенно въ просторныхъ вольтеровскихъ креслахъ; на стѣнѣ, надъ его головой висѣла картина, изображавшая молодую женщину съ яснымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица, одѣтую въ богатый еврейскій костюмъ и всю покрытую драгоцѣнными камнями, жемчугомъ.... Я часто заглядывалась на эту картину, но только впослѣдствіи узнала, что это былъ портретъ моей матери, писанный ея отцомъ по заказу Ивана Матвѣича. Измѣнилась же она съ того времени! Умѣлъ онъ сломить и уничтожить ее! „И она его любила! Любила этого старика!“ думалось мнѣ.... „Какъ это возможно? Его любить!“ А между тѣмъ, когда я вспоминала иные взгляды матушки, иныя недомолвки и невольныя движенія.... „Да, да, она любила его!“ твердила я съ ужасомъ. Ахъ, не дай Богъ никому испытывать такія ощущенія!

„Каждый день я читала Ивану Матвѣичу, иногда три, четыре часа сряду.... Мнѣ было вредно такъ много и такъ громко читать. Докторъ нашъ боялся за мою грудь и даже однажды доложилъ объ этомъ Ивану Матвѣичу. Но тотъ только улыбнулся (то-есть, нѣтъ: онъ никогда не улыбался,

а какъ-то завастривалъ и выдвигалъ впередъ губы) и сказалъ ему: „Vous ne savez pas ce qu'il y a de ressources dans cette jeunesse“. „Однако, въ прежніе годы, M. le Commandeur....“ осмѣлился-было замѣтить докторъ. Иванъ Матвѣичъ опять усмѣхнулся. „Vous rêvez, mon cher,— перебилъ онъ его: — le commandeur n'a plus de dents et il crache à chaque mot. J'aime les voix jeunes“.

„И я продолжала читать, хоть и много кашляла по утрамъ и по ночамъ....

„Иногда Иванъ Матвѣичъ заставлялъ меня играть на фортепіано. Но музыка дѣйствовала усыпительно на его нервы. Глаза его тотчасъ закрывались, голова мѣрно опускалась, и только изрѣдка слышалось: „C'est du Steibelt, n'est-ce-pas? Jouez moi du Steibelt!“ Иванъ Матвѣичъ считалъ Штейбельта великимъ геніемъ, умѣвшимъ побѣдить въ себѣ „la grossière lourdeur des Allemandes“, и упрекалъ его въ одномъ: „trop de fongue! trop d'imagination!...“ Когда же Иванъ Матвѣичъ замѣчалъ, что я уставала за фортепіано, онъ предлагалъ мнѣ, „du cachou de Bologne“. Такъ шли дни за днями....

„И вотъ, въ одну ночь—незабвенную ночь! страшное несчастіе меня поразило. Моя матушка скончалась почти внезапно. Мнѣ только-что минуло пятнадцать лѣтъ. О, какое это было горе, какимъ злымъ вихремъ оно налетѣло на меня! Какъ запугала меня эта первая встрѣча съ смертію! Бѣдная моя матушка! Странныя были наши отношенія: мы обѣ страстно любили другъ друга..... страстно и безнадежно; мы обѣ словно хранили и скрывали отъ самихъ себя общую намъ тайну, упорно молчали о ней, хотя знали, знали все, что происходило въ глубинѣ сердецъ нашихъ! Даже о прошедшемъ, о раннемъ своемъ прошедшемъ, матушка со мной не говорила и никогда не жаловалась словами, хотя все существо ея было одна нѣмая жалоба! Мы избѣгали всякаго нѣсколько серьёзнаго разго-

вора. Ахъ! я все надѣялась, что придетъ часъ, и она выскажется наконецъ, и я выскажусь, и легче станетъ намъ.... Но заботы ежедневныя, нерѣшительный и робкій нравъ, болѣзни, присутствіе г-на Ратча, а главное: этотъ вѣчный вопросъ „къ чему?“ и это неуловимое, безпрерывное утеканіе времени, жизни.... Кончилось все громовымъ ударомъ, и не только тѣхъ словъ, которыя бы разрѣшили нашу тайну, даже обычныхъ предсмертныхъ прощаній мнѣ не пришлось услышать отъ моей матушки! Только и осталось у меня въ памяти, что восклицаніе г-на Ратча: „Сусанна Ивановна, извольте идти, мать васъ благословить желаетъ!“ а потомъ блѣдная рука изъ-подъ тяжелаго одѣяла, дыханіе мучительное, закатившійся глазъ.... О, довольно! довольно!

„Съ какимъ ужасомъ, съ какимъ негодованіемъ, съ какимъ тоскливымъ любопытствомъ я на слѣдующій день и въ день похоронъ смотрѣла на лицо моего отца.... да, моего отца! Въ шкатулкѣ покойницы нашлись его письма. Мнѣ показалось, что онъ поблѣднѣлъ немного и осунулся.... а впрочемъ, нѣтъ! Ничего не шевельнулось въ этой каменной душѣ. Точно такъ же, какъ и прежде, позвалъ онъ меня, спустя недѣлю, въ кабинетъ; точно тѣмъ же голосомъ попросилъ читать: „Si vous le voulez bien, les observations sur l'histoire de France de Mably, à la page 74.... là, ou nous avons été interrompus“. И даже портрета матушки онъ не велѣлъ вынести! Правда, отпуская меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ и, давъ вторично поцѣловать свою руку, промолвилъ: „Suzanne, la mort de votre mère vous a privée de votre appui naturel; mais vous pourrez toujours compter sur ma protection“, но тотчасъ же слегка пихнулъ меня въ плечо другою рукой, и съ обычнымъ своимъ завастриваніемъ губъ, прибавилъ: „Allez, mon enfant“. Я хотѣлабыло закричать ему: „да вѣдь вы мой отецъ!“ но я ничего не сказала и вышла.

„На другое утро, рано, я пошла на кладбище. Май мѣсяцъ стоялъ тогда во всей красѣ цвѣтовъ и листьевъ, и долго я сидѣла на свѣжей могилѣ. Я не плакала, не грустила; у меня одно вертѣлось въ головѣ: „Слышишь, мама? Онъ хочетъ и мнѣ оказывать покровительство!“ И мнѣ казалось, что мать моя не должна была оскорбиться тою усмѣшкой, которая невольно просилась мнѣ на губы.

„Иногда я спрашиваю себя: что заставляло меня такъ настойчиво желать, добиваться—не признанья.... куда! а хоть теплаго родственнаго слова отъ Ивана Матвѣича? Развѣ я не знала, что онъ былъ за человѣкъ и какъ мало онъ походилъ на то, чѣмъ въ моихъ мечтаніяхъ представлялся мнѣ *отецъ?*... Но я была такъ одинока, такъ одинока на землѣ! И потомъ, все та же неотступная мысль не давала мнѣ покоя: „Вѣдь она его любила? За что-нибудь она полюбила же его?„

„Прошло еще три года. Ничего не измѣнялось въ нашей однообразной, заранѣе размѣренной, разсчитанной жизни. Викторъ подросталъ. Я была старше его восемью годами и охотно занялась бы имъ, но г. Ратчъ этому воспротивился. Онъ приставилъ къ нему няню, которая должна была строго наблюдать, чтобы ребенокъ не „баловался“, то-есть не допускать меня до него. Да и самъ Викторъ мѣня чуждался. Однажды г. Ратчъ пришелъ въ мою комнату разстроенный, взволнованный, злобный. Уже наканунѣ дошли до меня дурные слухи о моемъ вотчимѣ: люди толковали, будто онъ былъ уличенъ въ утайкѣ значительной суммы, во взяткѣ съ купца.

— Вы можете помочь мнѣ,—началъ онъ, нетерпѣливо постукивая пальцами по столу.—Подите, попросите за меня Ивана Матвѣича.

— Попросить? съ какой стати? о чемъ?

— Походатайствуйте за меня.... вѣдь я вамъ все-таки не чужой. Меня обвиняютъ.... Ну, словомъ, я могу безъ хлѣба остаться, да и вы тоже.

— Но какъ же я къ нему пойду? Какъ я стану его безпокоить?

— Вотъ еще! Вы имѣете *право* его безпокоить!

— Какое же право, Иванъ Демьянычъ?

— Ну, не притворяйтесь.... *Вамъ* онъ не можетъ отказать по многимъ причинамъ. Неужели же вы меня не понимаете?

„Онъ нагло посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и я почувствовала, что щеки мои такъ и загорѣлись. Ненависть, презрѣніе— поднялись во мнѣ разомъ, хлынули волной, затопили меня.

— Да, я понимаю васъ, Иванъ Демьянычъ,—отвѣтила я ему наконецъ. Мой голосъ мнѣ самой показался незнакомымъ: — и я не пойду къ Ивану Матвѣичу, и не стану его просить. Безъ хлѣба, такъ безъ хлѣба!

„Г-нъ Ратчъ дрогнулъ, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки.

— Ну, погоди же, царевна Меликитриса! — хрипло прошепталъ онъ.—Я тебѣ этого не забуду!

„Въ тотъ же день Иванъ Матвѣичъ потребовалъ его къ себѣ и, говорятъ, грозилъ ему тростью, тою самою тростью, которою нѣкогда обмѣнялся съ дюкомъ де-Ларошфуко, кричалъ: „Вы суть подлецъ и мздолюбецъ! Я васъ поставлю наружу!“ (Иванъ Матвѣичъ почти совсѣмъ не умѣлъ говорить по-русски и презиралъ наше „грубое нарѣчіе“, ce jargon vulgaire et rude. Кто-то при немъ сказалъ однажды: „это само собою разумѣется“. Иванъ Матвѣичъ пришелъ въ негодованіе и часто потомъ приводилъ эту фразу какъ примѣръ безсмыслицы и нелѣпости русскаго языка. „Что такое есть: само собою разумѣется?“ спрашивалъ онъ *по-русски*, напирая на каждый слогъ: „А почему же не съ простотою: разумѣется? и зачѣмъ: само собою?!“).

„Иванъ Матвѣичъ, однако, не прогналъ г. Ратча, даже не лишилъ его мѣста. Но мой вотчимъ сдержалъ слово: онъ мнѣ *этого* не забылъ.

„Я начинала замѣчать перемѣну въ Иванѣ Матвѣичѣ. Онъ сталъ грустить, скучалъ, здоровье его пошатнулось. Его розовое, свѣжее лицо пожелтѣло и сморщилось, одинъ зубъ спереди выпалъ. Онъ совсѣмъ пересталъ выѣзжать и прекратилъ введенные имъ пріемные дни съ угощеніемъ для крестьянъ, безъ участія духовенства — „sans le concours du clergé“. Въ такіе дни Иванъ Матвѣичъ, съ розаномъ въ петличкѣ, выходилъ къ крестьянамъ въ залу или на балконъ и, коснувшись губами серебрянаго стаканчика съ водкой, держалъ имъ рѣчь въ родѣ слѣдующей: „Вы довольны моими поступками, сколь и я доволенъ вашимъ усердствованіемъ: сему радуюсь истинно. Мы всѣ *браты*; само рожденіе насъ производитъ равными: пью ваше здравіе!“ Онъ кланялся имъ, и крестьяне кланялись ему въ поясъ, а не въ землю, что̀ было строго запрещено. Угощенія продолжались попрежнему, но Иванъ Матвѣичъ уже не показывался своимъ подданнымъ. Иногда онъ прерывалъ мое чтеніе восклицаніями: La machine se détraque! Cela se gâte!“ Самые глаза его, эти свѣтлые, каменные глаза, потускнѣли и словно уменьшились; онъ засыпалъ чаще прежняго и тяжело вздыхалъ во снѣ. Не измѣнилось лишь его обращеніе со мной; только прибавился оттѣнокъ рыцарской вѣжливости. Онъ, хоть и съ трудомъ, но всякій разъ вставалъ съ кресла, когда я входила, провожалъ меня до двери, поддерживая меня рукой подъ локоть, и вмѣсто Suzon сталъ звать меня то „ma chère demoiselle“, то „mon Antigone“. M. le Commandeur умеръ года два послѣ кончины матушки, повидимому, его смерть гораздо глубже поразила Ивана Матвѣича. Ровесникъ исчезъ: вотъ что его смутило. И между тѣмъ, единственная заслуга г. Коммандора въ послѣднее время состояла только въ томъ, что онъ всякій разъ восклицалъ: „Bien joué, mal réussi!“ когда Иванъ Матвѣичъ, играя съ г. Ратчемъ на билліардѣ, давалъ промахъ или не попадалъ въ лузу; да еще, когда

Иванъ Матвѣичъ обращался къ нему за столомъ съ вопросомъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: N'est-ce pas, M. le Commandeur, c'est Montesquieu qui a dit cela dans ses Lettres Persanes?" Тотъ, иногда уронивъ ложку супу на свою манишку, глубокомысленно отвѣчалъ: „Ah, monsieur de Montesquieu? Un grand écrivain, monsieur, un grand écrivain!" Только однажды, когда Иванъ Матвѣичъ сказалъ ему, что les théophilantropes ont eu pourtant du bon! — старикъ взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ: „Monsieur de Kolontouskoi! (онъ въ двадцать пять лѣтъ не выучился выговаривать правильно имя своего патрона) Monsieur de Kolontouskoi! Leur fondateur, l'instigateur de cette secte, ce La Reveillère Lepeaux, etait un bonnet rouge!"—Non, non, говорилъ Иванъ Матвѣичъ, ухмыляясь и переминая щепотку табаку:—des fleurs, des jeunes vierges, le culte de la Nature.... ils ont eu du bon, ils ont du bon!..." Я всегда удивлялась, какъ много зналъ Иванъ Матвѣичъ и какъ безполезно было это знаніе для него самого.

„Иванъ Матвѣичъ видимо опускался, но все еще крѣпился. Однажды, недѣли за три до смерти, съ нимъ тотчасъ послѣ обѣда сдѣлался сильный припадокъ головокруженія. Онъ задумался, сказалъ: „c'est la fin", и, придя въ себя и отдохнувъ, написалъ письмо въ Петербургъ къ своему единственному наслѣднику, брату, съ которымъ лѣтъ двадцать не имѣлъ сношеній. Прослышавъ о нездоровьѣ Ивана Матвѣича, его посѣтилъ одинъ сосѣдъ, нѣмецъ, католикъ, нѣкогда знаменитый врачъ, жившій на покоѣ въ своей деревенькѣ. Онъ весьма рѣдко бывалъ у Ивана Матвѣича, но тотъ всегда принималъ его съ особеннымъ вниманіемъ и вообще очень уважалъ его. Чуть ли не его одного во всемъ свѣтѣ и уважалъ онъ. Старикъ посовѣтовалъ Ивану Матвѣичу послать за священникомъ, но Иванъ Матвѣичъ отвѣчалъ, что „ces messieurs et moi,

nous n'avons rien à nous dire", и просилъ перемѣнить разговоръ; а по отъѣздѣ сосѣда отдалъ приказъ камердинеру впредь уже никого не принимать. Потомъ онъ велѣлъ позвать меня. Я испугалась, когда увидала его: синія пятна выступили у него подъ глазами, лицо вытянулось и одервенѣло, челюсть повисла.—Vous voilà grande, Suzon", заговорилъ онъ, съ трудомъ выговаривая согласныя буквы, но все еще стараясь улыбнуться (мнѣ тогда уже пошелъ девятнадцатый годъ), — „vous allez peut-être bientôt rester seule. Soyez toujours sage et vertueuse. C'est la dernière recommandation d'un....—Онъ кашлянулъ....—d'un vieillard, qui vous veut du bien. Je vous ai recommandé à mon frère et je ne doute pas qu'il ne respecte mes volontés...." — Онъ опять кашлянулъ и заботливо пощупалъ себѣ грудь.—„Du reste, j'espère encore pouvoir faire quelque chose pour vous.... dans mon testament".—Эта послѣдняя фраза меня какъ ножомъ рѣзанула по сердцу. Ахъ, это уже было слишкомъ....слишкомъ презрительно и обидно! Иванъ Матвѣичъ, вѣроятно, приписалъ другому чувству—чувству горести или благодарности—то, что выразилось у меня на лицѣ, и какъ бы желая меня утѣшить, потрепалъ меня по плечу, въ то же время, по обыкновенію, ласково меня отодвигая, и промолвилъ:—Voyons, mon enfant, du courage! Nous sommes tous mortels. Et puis, il n'y a pas encore de danger. Ce n'est qu'une prècaution que j'ai cru devoir prendre.... Allez!"—Какъ въ тотъ разъ, когда онъ позвалъ меня къ себѣ послѣ кончины матушки, я опять хотѣла закричать ему: „Да вѣдь я ваша дочь! я дочь ваша!" Но, подумала я, вѣдь онъ, пожалуй, въ этихъ словахъ, въ этомъ сердечномъ воплѣ услышитъ одно желаніе заявить мои права, права на его наслѣдство, на его деньги.... О, ни за что! Не скажу я ничего этому человѣку, который ни разу не упомянулъ при мнѣ имени моей матери, въ глазахъ котораго я такъ мало значу, что онъ даже не далъ себѣ

труда узнать, извѣстно ли мнѣ мое происхожденіе! А можетъ-быть, онъ это и подозрѣвалъ, и зналъ, да не хотѣлъ „поднимать струшню“ (его любимая поговорка, единственная русская фраза, которую онъ употреблялъ), не хотѣлъ лишить себя хорошей лектрисы съ молодымъ голосомъ! Нѣтъ! нѣтъ! Пускай же онъ останется столь же виноватымъ предъ своею дочерью, какъ былъ онъ виноватъ предъ ея матерью! Пускай унесетъ въ могилу обѣ эти вины! Клянусь, клянусь: не услышитъ онъ изъ устъ моихъ этого слова, которое должно же звучать чѣмъ-то священнымъ и сладостнымъ во всякихъ ушахъ! Не скажу я ему: отецъ! не прощу ему за мать и за себя! Онъ не нуждается въ этомъ прощеніи, ни въ томъ названіи.... Не можетъ быть, не можетъ быть, чтобъ онъ не нуждался въ немъ! Но не будетъ ему прощенія, не будетъ, не будетъ!

„Богъ знаетъ, сдержала ли бы я свою клятву и не смягчилось ли бы мое сердце, не превозмогла ли бы я своей робости, своего стыда, своей гордости.... но съ Иваномъ Матвѣичемъ случилось то же самое, что съ моей матушкой. Смерть такъ же внезапно унесла его и такъ же ночью. Тотъ же г. Ратчъ разбудилъ меня и вмѣстѣ со мной побѣжалъ въ господскій домъ, въ спальню Ивана Матвѣича.... Но я не застала даже тѣхъ послѣднихъ предсмертныхъ движеній, которыя такими неизгладимыми чертами залегли мнѣ въ память у постели моей матушки. На обшитыхъ кружевомъ подушкахъ лежала какая-то сухая, темнаго цвѣта кукла съ острымъ носомъ и взъерошенными сѣдыми бровями.... Я закричала отъ ужаса, отъ отвращенья, бросилась вонъ, наткнулась въ дверяхъ на бородатыхъ людей въ армякахъ съ праздничными красными кушаками, и уже не помню какъ очутилась на свѣжемъ воздухѣ....

„Разсказывали потомъ, что когда камердинеръ вбѣжалъ въ спальню на сильный звонъ колокольчика, онъ нашелъ Ивана Матвѣича не на кровати, а въ двухъ шагахъ

отъ нея. И будто онъ сидѣлъ на полу, скорчившись, и два раза сряду повторилъ: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ И будто это были его послѣднія слова. Но я не могу этому вѣрить. Съ какой стати онъ заговорилъ бы по-русски, въ такую минуту и въ такихъ выраженіяхъ!

„Цѣлыя двѣ недѣли ждали мы потомъ пріѣзда новаго барина, Семена Матвѣича Колтовского. Онъ прислалъ приказаніе ничего не трогать, никого не смѣнять до личнаго своего осмотра. Всѣ двери, всѣ мебели, ящики, столы—все заперли, запечатали. Всѣ люди пріуныли и насторожились. Я стала вдругъ однимъ изъ главныхъ лицъ въ домѣ, чуть не самымъ главнымъ лицомъ. Меня и прежде звали барышней; но теперь это слово приняло какой-то новый смыслъ, произносилось съ особеннымъ удареніемъ. Поднялось шушуканіе: „Старый, молъ, баринъ скончался внезапно, и священника позвать къ нему не успѣли, онъ же у исповѣди давнымъ-давно не бывалъ; да вѣдь завѣщаніе написать недолго“. Г-нъ Ратчъ также почелъ за нужное измѣнить свой образъ дѣйствія. Онъ не прикинулся добродушнымъ и ласковымъ: онъ зналъ, что не обманетъ меня, но на лицѣ его изобразилось угрюмое смиреніе: „Видишь, дескать, я покоряюсь“. Всѣ искали во мнѣ, старались мнѣ угождать.... а я не знала, что̀ дѣлать и какъ быть, и только дивилась, какъ это люди не понимаютъ, что оскорбляютъ меня. Наконецъ, пріѣхалъ Семенъ Матвѣичъ.

„Семенъ Матвѣичъ былъ годами десятью моложе Ивана Матвѣича и весь свой вѣкъ шелъ по совершенно другой дорогѣ. Онъ состоялъ на службѣ въ Петербургѣ, занималъ важное мѣсто.... Онъ былъ женатъ, рано овдовѣлъ; одинъ сынъ былъ у него. Съ лица Семенъ Матвѣичъ походилъ на своего старшаго брата, только ростомъ онъ былъ ниже и толще, голову имѣлъ круглую, лысую, такіе же свѣтлые черные глаза какъ у Ивана Матвѣича, только съ поволокой, и большія красныя губы. Въ противность брату, ко-

тораго онъ даже послѣ его смерти величалъ французскимъ философомъ, а иногда просто чудакомъ, Семенъ Матвѣичъ почти постоянно говорилъ по-русски, громко, рѣчисто и то и дѣло хохоталъ, причемъ совершенно закрывалъ глаза и непріятно трясся всѣмъ тѣломъ, точно злость его колотила. Онъ принялся за дѣла очень круто, во все входилъ самъ, отъ всѣхъ требовалъ отчета подробнѣйшаго. Въ первый же день своего пріѣзда онъ пригласилъ священника со всѣмъ причтомъ, велѣлъ отслужить молебенъ съ водосвятіемъ и всюду окропилъ водою, всѣ комнаты въ домѣ, даже чердаки, даже подвалы, для того, чтобы, какъ онъ выразился, „радикально выгнать вольтерьянскій и якобинскій духъ“. Въ первую же недѣлю нѣкоторые любимцы Ивана Матвѣича слетѣли съ мѣстъ, одинъ даже попалъ на поселеніе, другіе подверглись тѣлеснымъ наказаніямъ, самый даже старый камердинеръ, — онъ былъ родомъ турокъ, зналъ французскій языкъ, его подарилъ Ивану Матвѣичу покойный фельдмаршалъ Каменскій,—самый этотъ камердинеръ получилъ, правда, вольную, но вмѣстѣ съ нею и приказаніе выѣхать въ двадцать четыре часа, „чтобы другимъ соблазна не было“. Семенъ Матвѣичъ оказался бариномъ строгимъ; вѣроятно, многіе пожалѣли о покойникѣ. „Съ батюшкой, съ Иваномъ Матвѣичемъ“, сокрушался при мнѣ одинъ уже совсѣмъ дряхлый дворецкій: „только и было намъ заботы, чтобы бѣлье подавалось чистое, да въ комнатахъ чтобы хорошо пахло, да чтобъ людского голоса въ передней не было слышно—это уже сохрани Богъ! А тамъ хоть трава не расти! Мухи въ жизнь свою покойничекъ не обидѣлъ! Ну, теперь бѣда! Помирать надо!“ Такъ же скоро измѣнилось и мое положеніе, то-есть то положеніе, въ которое я попала на нѣсколько дней и противъ воли.... Въ бумагахъ Ивана Матвѣича не нашлось никакого завѣщанія, ни одной строки, написанной въ мою пользу. Всѣ вдругъ отхлынули отъ меня....

О г. Ратчѣ я уже не говорю, но и другіе всѣ досадовали на меня и старались мнѣ выказать свою досаду: точно я ихъ обманула. Въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, которую онъ постоянно прослушивалъ въ алтарѣ, Семенъ Матвѣичъ потребовалъ меня къ себѣ. Я его до того дня видѣла мелькомъ, и онъ, казалось, меня не замѣчалъ. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, стоя у окна. На немъ былъ вицъ-мундирный фракъ съ двумя звѣздами. Я остановилась возлѣ двери; сердце сильно стучало во мнѣ отъ страха и отъ другого чувства, еще неопредѣленнаго, но уже тяжелаго.—Я желалъ васъ видѣть, молодая дѣвица,—заговорилъ Семенъ Матвѣичъ, взглянувъ мнѣ сперва на ноги, а потомъ вдругъ въ лицо, — этотъ взглядъ точно толкнулъ меня:—я желалъ васъ видѣть для того, чтобы объявить вамъ мое рѣшеніе и увѣрить васъ въ моемъ несомнительномъ расположеніи быть вамъ полезнымъ. — Онъ возвысилъ голосъ.—Правъ вы никакихъ, конечно, не имѣете, но какъ.... лектриса моего брата, вы всегда можете разсчитывать на мое.... на мое вниманіе. Я.... конечно, увѣренъ въ вашемъ благоразуміи и въ вашихъ правилахъ. Г-нъ Ратчъ, вашъ вотчимъ, уже получилъ отъ меня нужныя инструкціи. Къ тому же, я долженъ сказать, что ваша счастливая наружность служитъ мнѣ залогомъ вашихъ благородныхъ чувствъ. — Семенъ Матвѣичъ вдругъ залился тонкимъ хохотомъ, а я.... не обидѣлась я.... но жалко мнѣ стало самой себя.... и тутъ-то я вполнѣ почувствовала себя круглою сиротой. Семенъ Матвѣичъ подошелъ короткими, твердыми шагами къ столу, досталъ изъ ящика пачку ассигнацій и, всунувъ мнѣ ее въ руку, прибавилъ:—Здѣсь небольшая сумма отъ меня вамъ на иголки. Я и впредь васъ не забуду, моя миленькая, а теперь прощайте и будьте умницей.—Я взяла эту пачку машинально, я взяла бы все, что̀ бы онъ мнѣ ни далъ и, вернувшись къ себѣ въ комнату, долго проплакала, сидя на своей постели. Я и не замѣтила,

какъ я пачку уронила на полъ. Г-нъ Ратчъ нашелъ ее и поднялъ и, спросивъ меня, что я съ нею намѣрена сдѣлать, оставилъ ее у себя.

„Въ судьбѣ его произошла тогда значительная перемѣна. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ съ Семеномъ Матвѣичемъ, онъ попалъ къ нему въ большую милость и скоро получилъ мѣсто главнаго управляющаго. Съ того времени появилась въ немъ веселость, проявилось его вѣчное хохотаніе: онъ сперва хотѣлъ поддѣлаться къ своему патрону.... впослѣдствіи все это вошло въ привычку. Съ того же времени онъ сталъ русскимъ патріотомъ. Семенъ Матвѣичъ придерживался всего національнаго, самъ называлъ себя русакомъ, смѣялся надъ нѣмецкой одеждой, которую однако носилъ; сослалъ въ дальнюю деревню повара, за воспитаніе котораго Иванъ Матвѣичъ заплатилъ большія деньги,—сослалъ его за то, что тотъ не сумѣлъ приготовить разсольникъ съ гусиными шейками. Изъ алтаря Семенъ Матвѣичъ подтягивалъ дьячкамъ, а когда дѣвушекъ сгоняли хороводъ водить и пѣсни играть, онъ и имъ подтягивалъ и подтопывалъ, и щеки имъ щипалъ.... Впрочемъ, онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ и оставилъ моего вотчима чуть не полнымъ властелиномъ всего имѣнія.

„Горькіе дни начались для меня.... Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была музыка, и я предалась ей всею душой. Къ счастію, г-нъ Ратчъ былъ очень занятъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ онъ давалъ мнѣ чувствовать свою вражду; по обѣщанію, „не забывалъ“ мнѣ моего отказа. Онъ помыкалъ мною, заставлялъ меня переписывать свои длинныя и лживыя донесенія Семену Матвѣичу, поправлять въ нихъ орѳографическія ошибки; я принуждена была безпрекословно ему повиноваться, и я повиновалась. Онъ объявилъ, что смиритъ меня, сдѣлаетъ меня шелковою. „Что это у васъ за бунтовщицкіе глаза?“ кричалъ онъ иногда за обѣдомъ, напившись пива и стуча по столу ла-

донью: „Вы, можетъ-быть, думаете: я, дескать, молчалива какъ овечка, стало-быть я права.... Нѣтъ! Вы извольте глядѣть на меня тоже какъ овечка!“ Положеніе мое становилось возмутительно, невыносимо.... сердце мое ожесточалось. Что-то опасное стало все чаще и чаще подниматься въ немъ; ночи я проводила безъ сна и безъ огня, все думала, думала, и въ наружномъ мракѣ, въ темнотѣ внутренней созрѣвало страшное рѣшеніе. Пріѣздъ Семена Матвѣича далъ другое направленіе моимъ мыслямъ.

„Его никто не ожидалъ: осень давно наступила. Оказалось, что онъ вышелъ въ отставку по непріятности: онъ надѣялся получить Александровскую ленту—а ему дали табакерку. Недовольный правительствомъ, которое не оцѣнило его талантовъ, петербургскимъ обществомъ, которое выказало ему мало сочувствія и не раздѣляло его негодованія, онъ рѣшился поселиться въ деревнѣ, посвятить себя хозяйству. Онъ пріѣхалъ одинъ. Сынъ его, Михаилъ Семенычъ, пріѣхалъ позже, на праздники, къ Новому году. Мой вотчимъ почти не выходилъ изъ кабинета Семена Матвѣича: фаворъ его еще усилился. Меня онъ оставилъ въ покоѣ: не до меня ему было тогда.... Семену Матвѣичу вздумалось затѣять бумажную фабрику. Въ мануфактурномъ дѣлѣ г. Ратчъ не смыслилъ ничего, и Семенъ Матвѣичъ зналъ, что ничего не смыслитъ; но за то мой вотчимъ былъ „исполнитель“ (любимое тогдашнее слово) „Аракчеевъ!“ Семенъ Матвѣичъ именно такъ и называлъ его „мой Аракчеевъ!“ „Сего мнѣ достаточно“, увѣрялъ Семенъ Матвѣичъ; „при усердіи, направленіе я самъ дамъ“. Среди многочисленныхъ хлопотъ по фабрикѣ, по имѣнію, по заведенію канцеляріи, канцелярскихъ порядковъ, новыхъ званій и должностей, Семенъ Матвѣичъ успѣлъ однако обратить и на меня вниманіе. Меня позвали однажды вечеромъ въ гостиную и заставили играть на фортепіано: Семенъ Матвѣичъ музыку любилъ еще меньше, чѣмъ покой-

никъ, однако одобрилъ и поблагодарилъ меня, а на другой день я была приглашена къ обѣденному столу. Послѣ обѣда Семенъ Матвѣичъ довольно долго со мной разговаривалъ, разспрашивалъ меня, смѣялся инымъ моимъ отвѣтамъ, хотя, помнится, ничего въ нихъ не было забавнаго, и такъ странно на меня посматривалъ.... Мнѣ неловко становилось. Не любила я его глазъ; не любила ихъ откровеннаго выраженья, ихъ свѣтлаго взора.... Мнѣ всегда казалось, что самая эта откровенность скрывала что-то такое нехорошее, что подъ этимъ свѣтлымъ блескомъ темно тамъ у него на душѣ. „Вы у меня лектрисой не будете“, объявилъ мнѣ, наконецъ, Семенъ Матвѣичъ, какъ-то гадливо охорашиваясь и одергиваясь: „я, слава Богу, еще не ослѣпъ и читать могу самъ; но кофей мнѣ изъ вашихъ ручекъ покажется вкуснѣе и вашу игру на фортепіано я буду слушать съ удовольствіемъ“. Послѣ этого дня я уже постоянно ходила обѣдать въ господскій домъ и оставалась въ гостиной иногда до вечера. Попала и я, такъ же, какъ мой вотчимъ, въ милость; не на радость была мнѣ она. Семенъ Матвѣичъ, я должна въ этомъ признаться, оказывалъ мнѣ нѣкоторое уваженіе; но въ этомъ человѣкѣ, я это чувствовала, было что-то такое, что̀ отталкивало, что пугало меня. И это „что-то“ высказывалось не словами, а въ глазахъ его, въ этихъ нехорошихъ глазахъ, да еще въ его хохотѣ. Онъ никогда не говорилъ со мною о моемъ отцѣ, о своемъ братѣ, и мнѣ казалось, что онъ избѣгалъ этотъ разговоръ не потому, что не желалъ возбуждать во мнѣ честолюбивыхъ мыслей или притязаній, а по другой причинѣ, въ которую я тогда не умѣла вдуматься, но которая заставляла меня недоумѣвать и краснѣть.... Къ святкамъ пріѣхалъ его сынъ Михаилъ Семенычъ.

„Ахъ, я чувствую, я не могу продолжать такъ же, какъ начала; слишкомъ горестны эти воспоминанія. Особенно теперь мнѣ невозможно спокойно разсказывать.... И къ

чему скрываться? Я полюбила Мишеля, и онъ меня полюбилъ.

„Какъ это случилось, я тоже разсказывать не стану. Знаю, что съ самаго того вечера, когда онъ вошелъ въ гостиную (я сидѣла за фортепіано и играла сонату Вебера), когда онъ вошелъ, красивый и стройный, въ бархатномъ тулупчикѣ и валенкахъ, какъ былъ, прямо съ мороза и, встряхнувъ заиндевѣвшею собольею шапкой, прежде чѣмъ поздоровался съ отцомъ, быстро глянулъ на меня и удивился,—знаю я, что съ того вечера я уже не могла забыть его, не могла забыть это молодое, доброе лицо. Онъ заговорилъ.... и голосъ его такъ и прильнулъ къ моему сердцу.... Мужественный и тихій голосъ, и въ каждомъ звукѣ такая честная, честная душа! Семенъ Матвѣичъ обрадовался пріѣзду сына, обнялъ его, но тотчасъ же спросилъ: — На двѣ недѣли? а? Въ отпускъ? а?—и услалъ меня. Я долго сидѣла у себя подъ окномъ и глядѣла на огни, забѣгавшіе въ комнатахъ господскаго дома. Я слѣдила за ними, я прислушивалась къ новымъ, незнакомымъ голосамъ, меня занимала эта оживленная тревога, и что-то новое, незнакомое, свѣтлое тоже перебѣгало по моей душѣ....

„На другой же день, предъ обѣдомъ, я имѣла первый разговоръ съ нимъ. Онъ зашелъ къ моему вотчиму по порученію Семена Матвѣича и засталъ меня въ нашей маленькой гостиной. Я хотѣла-было уйти, онъ удержалъ меня. Онъ былъ очень живъ и развязенъ во всѣхъ движеніяхъ и рѣчахъ; но высокомѣрія или дерзости, столичнаго презрительнаго тона въ немъ и слѣда не было, и ничего военнаго, гвардейскаго.... Напротивъ, въ самой непринужденности его обращенія было что-то ласковое, почти стыдливое, точно онъ васъ просилъ извинить его. У иныхъ людей глаза никогда не смѣются, даже въ минуту смѣха; у *него* губы почти никогда не измѣняли своего красиваго

склада, а глаза улыбались почти постоянно. Такъ мы пробесѣдовали съ часъ.... о чемъ—не помню; помню только, что и я все время глядѣла ему въ глаза, и такъ мнѣ было съ нимъ легко! Вечеромъ я играла на фортепіано. Онъ очень любилъ музыку, сѣлъ на кресло и, положивъ курчавую голову на руку, внимательно слушалъ. Онъ ни разу не похвалилъ меня, но я понимала, что игра моя ему нравится, и я играла съ увлеченіемъ. Семенъ Матвѣичъ, который сидѣлъ возлѣ сына и разсматривалъ планы, вдругъ нахмурился.—„Ну, сударыня“,—сказалъ онъ, по обыкновенію охорашиваясь и застегиваясь: — „довольно; что̀ это растрещались, словно канарейка? Этакъ голова заболѣть можетъ. Для нашего брата, старика, небось, такъ стараться не станете....“—прибавилъ онъ вполголоса и опять услалъ меня. Мишель проводилъ меня до двери глазами и всталъ съ креселъ.—„Куда? куда?“—закричалъ Семенъ Матвѣичъ, и вдругъ засмѣялся, и потомъ сказалъ еще что-то.... Я не могла разслышать его словъ; но г. Ратчъ, который тутъ же присутствовалъ въ углу гостиной (онъ всегда присутствовалъ“, а на этотъ разъ онъ принесъ планы), захохоталъ подобострастно, и его хохотъ достигъ до моихъ ушей.... То же, или почти то же, повторилось и въ слѣдующій вечеръ.... Семенъ Матвѣичъ внезапно охладѣлъ ко мнѣ, наложилъ на меня опалу.

„Дня четыре спустя, я встрѣтила Мишеля въ корридорѣ, раздѣлявшемъ надвое господскій домъ. Онъ взялъ меня за руку и ввелъ въ комнату, которая находилась возлѣ столовой и называлась портретной! Я послѣдовала за нимъ не безъ волненія, но съ полнымъ довѣріемъ. Я уже тогда, кажется, ушла бы съ нимъ на край свѣта, хотя и не подозрѣвала еще, чѣмъ онъ сталъ для меня. Ахъ, я привязалась къ нему со всею страстію, со всѣмъ отчаяніемъ молодого существа, которому не только некого любить, но которое чувствуетъ себя непрошеннымъ

и ненужнымъ гостемъ среди чуждыхъ ему, среди враждебныхъ людей!...

„Мишель сказалъ мнѣ.... И странное дѣло! Я смѣло, прямо глядѣла на него,—а онъ не глядѣлъ на меня и слегка покраснѣлъ,—онъ сказалъ мнѣ, что онъ понимаетъ мое положеніе и сочувствуетъ ему, и проситъ извинить отца....—„Что же касается до меня“,—прибавилъ онъ,—„то прошу васъ быть всегда во мнѣ увѣренною, и знайте, что для меня вы сестра, да, сестра“.—Тутъ онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Я смутилась и потупилась въ свою очередь; я словно ожидала чего-то другого, другого слова. Однако я начала благодарить его.—„Нѣтъ, пожалуйста,—перебилъ онъ меня,—не говорите такъ.... Но помните: обязанность братьевъ заступаться за своихъ сестеръ,—и если вамъ нужна будетъ защита, противъ кого бы то ни было,—положитесь на меня. Я недавно здѣсь, но я уже понялъ многое.... и, между прочимъ, я понялъ вашего вотчима“. Онъ опять стиснулъ мою руку и удалился.

„Я узнала впослѣдствіи, что Мишель съ самой первой встрѣчи почувствовалъ отвращеніе къ г-ну Ратчу. Г-нъ Ратчъ попытался поддѣлаться и къ нему; но, убѣдившись въ безполезности своихъ усилій, тотчасъ самъ сталъ къ нему въ отношенія враждебныя, и не только не скрылъ ихъ отъ Семена Матвѣича, но, напротивъ, старался ихъ выказать, причемъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что ему не посчастливилось съ молодымъ наслѣдникомъ. Г-нъ Ратчъ хорошо изучилъ характеръ Семена Матвѣича: разсчетъ его удался. „Преданность этого человѣка ко мнѣ уже потому не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ меня онъ погибъ; мой наслѣдникъ его терпѣть не можетъ....“ эта мысль утвердилась въ головѣ старика. Говорятъ, всѣ люди со властью, когда старѣютъ, охотно идутъ на эту удочку, на удочку исключительной, личной преданности....

„Не даромъ же Семенъ Матвѣичъ называлъ г. Ратча

своимъ Аракчеевымъ.... Онъ могъ бы дать ему другое имя. „*Ты* у меня безотвѣтный", говаривалъ онъ ему. Онъ съ самаго пріѣзда началъ его „тыкать", и вотчимъ мой умильно глядѣлъ Семену Матвѣичу въ губы, сиротливо склонялъ голову на бокъ и добродушно смѣялся, какъ бы желая сказать: „весь тутъ, весь вашъ...." Ахъ, я чувствую, рука моя дрожитъ и сердце такъ и толкается въ край стола, на которомъ я пишу въ эту минуту.... Страшно мнѣ вспоминать тѣ дни, и кровь моя загорается.... Но я скажу все до конца.... до конца.

„Обращеніе г. Ратча со мною приняло новый оттѣнокъ во время моего кратковременнаго фавора. Онъ началъ ко мнѣ прислуживаться, почтительно фамиліарничать со мною, точно я и поумнѣла-то, и ближе къ нему стала.—„Бросили ломаться",—сказалъ онъ мнѣ однажды, возвращаясь изъ главнаго дома во флигель.—„Хвалю! Всѣ эти добродѣтели тамъ, чувствительности — хрестоматія, однимъ словомъ— не наше дѣло, барышня, не дѣло голышей!"—Когда же мой фаворъ прекратился, и Мишель не счелъ нужнымъ болѣе таить ни презрѣнія къ нему, ни участія ко мнѣ, г. Ратчъ внезапно усугубилъ свою суровость; онъ постоянно слѣдилъ за мною, точно я была способна на всѣ преступленія и меня слѣдовало держать въ ежевыхъ рукавицахъ.—„Вы смотрите у меня", — кричалъ онъ, вваливаясь безъ спросу, въ грязныхъ сапогахъ и съ картузомъ на головѣ, въ мою комнату.—„Я вѣдь ничего такого не потерплю! Носу у меня не вздергивать! Меня вамъ не провести, а спѣсь я вашу сшибу!"—И тутъ же, въ одно утро, объявилъ мнѣ, что вышелъ отъ Семена Матвѣича приказъ, чтобы мнѣ впередъ безъ приглашенія къ обѣденному столу не являться.... Не знаю, какой бы оборотъ все это приняло, если бы не случилось происшествіе, которое окончательно рѣшило мою судьбу....

„Мишель былъ большой охотникъ до лошадей. Онъ

вздумалъ самъ объѣзжать молодого рысака. Тотъ понесъ, началъ бить и выбросилъ его изъ саней.... Его принесли домой безъ чувствъ, съ вывихнутою рукой и разбитою грудью. Старикъ перепугался, выписалъ лучшихъ докторовъ изъ города. Они помогли Мишелю; но ему пришлось пролежать съ мѣсяцъ. Въ карты онъ не игралъ, говорить ему доктора запрещали, читать, держа книгу все одною рукой, было неловко. Кончилось тѣмъ, что самъ Семенъ Матвѣичъ послалъ меня къ сыну, по старой памяти, въ качествѣ лектрисы. Тутъ настали незабвенные часы! Я входила къ Мишелю тотчасъ послѣ обѣда и садилась за круглымъ столикомъ, у полузавѣшеннаго окна. Онъ лежалъ въ небольшой комнатѣ, возлѣ гостиной, у задней стѣны, на широкомъ кожаномъ диванѣ во вкусѣ „имперіи“, съ золотымъ барельефомъ на высокой, прямой спинкѣ; барельефъ этотъ представлялъ свадебную процессію у древнихъ. Блѣдная, слегка завалившаяся голова Мишеля тотчасъ поворачивалась на подушкѣ и обращалась ко мнѣ лицомъ; онъ улыбался, свѣтлѣлъ всѣмъ лицомъ, откидывая назадъ свои мягкіе, влажные волосы и говорилъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Здравствуйте, моя добрая, моя милая“. Я принималась за книгу—романы Вальтеръ-Скотта были тогда въ славѣ—особенно мнѣ осталось памятнымъ чтеніе *Айвенго*.... Какъ голосъ мой невольно звенѣлъ и трепеталъ, когда я передавала рѣчи Ревекки! Вѣдь и во мнѣ текла еврейская кровь, и не походила ли моя судьба на ея судьбу, не ухаживала ли я, какъ она, за больнымъ милымъ человѣкомъ? Всякій разъ, когда я отрывала глаза отъ страницъ книги и поднимала ихъ на него, я встрѣчала его глаза съ тою же тихой и свѣтлой улыбкой всего лица. Говорили мы очень мало, дверь въ гостиную была постоянно отворена и кто-нибудь всегда сидѣлъ тамъ; но когда тамъ затихало, я, сама не знаю почему, переставала читать и опускала книгу на колѣни, и неподвижно глядѣла на Мишеля, и онъ глядѣлъ на

меня, и хорошо намъ было обоимъ, и какъ-то радостно, и стыдно, и все, все высказывали мы другъ другу тогда, безъ движеній и безъ словъ. Ахъ! наши сердца сходились, шли навстрѣчу другъ другу, какъ сливаются подземные ключи, невидимо, неслышно.... и неотразимо.

— Вы умѣете играть въ шахматы или въ шашки? — спросилъ меня онъ однажды.

— Въ шахматы немного умѣю,—отвѣчала я.

— Ну, и прекрасно. Велите принести доску и придвиньте столикъ.

„Я усѣлась возлѣ дивана, и сердце мое такъ и замирало, и не смѣла я взглянуть на Мишеля.... А отъ окна, черезъ всю комнату, какъ свободно я глядѣла на него!

„Я стала разставлять шашки.... Пальцы мои дрожали.

— Я это.... не для того, чтобъ играть съ вами.... — проговорилъ вполголоса Мишель, тоже разставляя шашки,—а чтобы вы были ближе ко мнѣ.

„Я ничего не отвѣтила и, не спрося кому начать, ступила пѣшкой.... Мишель не отвѣчалъ на мой ходъ.... Я посмотрѣла на него. Слегка вытянувъ голову, весь блѣдный, онъ умоляющимъ взоромъ указывалъ мнѣ на мою руку....

„Поняла ли я его — не помню, но что-то мгновенно, вихремъ закружилось у меня въ головѣ.... Въ замѣшательствѣ, едва дыша, я взяла ферзь, двинула ею куда-то черезъ всю шашечницу. Мишель быстро наклонился и, поймавъ губами и прижавъ мои пальцы къ доскѣ, началъ цѣловать ихъ безмолвно и жадно.... Я не могла, я не хотѣла принять ихъ, я другою рукою закрыла лицо, и слезы, какъ теперь помню, холодныя, но блаженныя.... о, какія блаженныя слезы!... закапали на столикъ одна за одною. Ахъ, я знала, я всѣмъ сердцемъ почувствовала тогда, въ чьей власти была моя рука! Я знала, что ее держалъ не мальчикъ, увлеченный мгновеннымъ порывомъ, не Донъ-

Жуанъ, не военный Ловеласъ, а благороднѣйшій, лучшій изъ людей.... и онъ любилъ меня!

— О, моя Сусанна! — послышался мнѣ шопотъ Мишеля: — я никогда не заставлю тебя плакать другими слезами....

„Онъ ошибся.... Онъ заставилъ.

„Но къ чему останавливаться на такихъ воспоминаніяхъ.... особенно, особенно теперь!

„Мы съ Мишелемъ поклялись принадлежать другъ другу. Онъ зналъ, что Семенъ Матвѣичъ никогда не позволитъ ему жениться на мнѣ, и не скрылъ этого отъ меня. Я сама въ этомъ не сомнѣвалась, и я радовалась не тому, что Мишель не лукавилъ: онъ *не могъ* лукавить,—а тому, что онъ не старался себя обманывать. Сама я ничего не требовала и пошла бы за нимъ, какъ и куда бы онъ захотѣлъ.— „Ты будешь моей женой", — повторилъ онъ мнѣ, — „я не Айвенго; я знаю, что не съ леди Ровеной счастье".— Мишель скоро выздоровѣлъ. Я не могла больше ходить къ нему; но все уже было рѣшено между нами. Я уже вся отдалась будущему; я ничего не видѣла вокругъ, точно я плыла по прекрасной, ровной, но стремительной рѣкѣ, окруженная туманомъ. А за нами наблюдали, насъ сторожили. Изрѣдка я замѣчала злые глаза моего вотчима, слышала его гадкій смѣхъ.... Но смѣхъ этотъ и глаза тоже какъ будто выступали изъ тумана, на одинъ мигъ.... Я содрогалась, но тотчасъ забывала, и опять отдавалась той прекрасной, быстрой рѣкѣ....

„Наканунѣ условленнаго между нами отъѣзда Мишеля (онъ долженъ былъ тайно вернуться съ дороги и увезти меня), я получила отъ него, чрезъ его довѣреннаго камердинера, записку, въ которой онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ половинѣ десятаго часа ночи, въ лѣтней билліардной, большой, низкой комнатѣ, пристроенной къ главному дому со стороны сада. Онъ писалъ мнѣ, что желаетъ окончательно

переговорить и условиться со мной. Я уже два раза видѣлась съ Мишелемъ въ билліардной.... у меня былъ ключъ отъ наружной двери. Какъ только пробило половина десятаго, я накинула душегрѣйку на плечи, тихонько вышла изъ флигеля и по скрипучему снѣгу благополучно добралась до билліардной. Луна, задернутая паромъ, стояла тусклымъ пятномъ надъ самымъ гребнемъ крыши и вѣтеръ свисталъ пискливымъ свистомъ изъ-за угла стѣны. Дрожь пробѣжала по мнѣ, однако я вложила ключъ въ замокъ. Я вошла въ комнату, притворила за собой дверь, обернулась.... Темная фигура отдѣлилась отъ одного изъ простѣнковъ, ступила раза два, остановилась....

— Мишель,—прошептала я.

— Мишель по моему приказанію запертъ подъ замкомъ, а это я! — отвѣчалъ мнѣ голосъ, отъ котораго сердце у меня такъ и оборвалось....

„Предо мной стоялъ Семенъ Матвѣичъ!

„Я бросилась-было бѣжать, но онъ схватилъ меня за руку.

— Куда? дрянная дѣвчонка! — прошипѣлъ онъ. — Умѣешь къ молодымъ дуракамъ на свиданье ходить, такъ умѣй и отвѣтъ держать!

„Я помертвѣла отъ ужаса, но все порывалась къ двери.... Напрасно! Какъ желѣзные крючья впились въ меня пальцы Семена Матвѣича.

— Пустите, пустите меня!—взмолилась я наконецъ.

— Говорятъ вамъ, ни съ мѣста!

„Семенъ Матвѣичъ заставилъ меня сѣсть. Въ полутьмѣ я не могла разглядѣть его лица, я же отворачивалась отъ него, но я слышала, что онъ тяжело дышалъ и скрипѣлъ зубами. Не страхъ чувствовала я и не отчаяніе, а какое-то безсмысленное удивленіе.... Пойманная птица, должно-быть, такъ замираетъ въ когтяхъ коршуна.... да и рука Семена Матвѣича, который все такъ же крѣпко держалъ меня, стискивала меня, какъ лапа....

— Ага!—повторилъ онъ:—ага! Вотъ какъ.... вотъ до чего.... Ну, постойте же!

„Я попыталась подняться, но онъ съ такою силой встряхнулъ меня, что я чуть не вскрикнула отъ боли, и бранныя слова, оскорбленія, угрозы полились потокомъ....

— Мишель, Мишель, гдѣ ты, спаси меня, — простонала я.

„Семенъ Матвѣичъ еще разъ встряхнулъ меня.... Этотъ разъ я не выдержала.... я вскрикнула.

„Это, повидимому, подѣйствовало на него. Онъ утихъ немного, выпустилъ мою руку, но остался гдѣ былъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, между мною и дверью.

„Прошло нѣсколько минутъ.... Я не шевелилась; онъ тяжело дышалъ попрежнему.

— Сидите смирно,—началъ онъ наконецъ, — и отвѣчайте мнѣ. Докажите мнѣ, что ваша нравственность еще не совсѣмъ испорчена, и что вы въ состояніи внять голосу разсудка. Увлеченіе я еще извинить могу; но упорство закоренѣлое—никогда! Мой сынъ....—Тутъ онъ перевелъ дыханіе.—Михайло Семенычъ обѣщалъ вамъ жениться на васъ? Не правда ли? Отвѣчайте же! Обѣщалъ? а?

„Я разумѣется, ничего не отвѣчала.

„Семенъ Матвѣичъ чуть-было не вспылилъ опять.

— Я принимаю ваше молчаніе за знакъ согласія, — продолжалъ онъ, погодя немного.—Итакъ, вы задумали быть моей невѣсткой? Прекрасно! Но, не говоря уже о томъ, что вы не четырнадцатилѣтній ребенокъ и должны же знать, что всѣ молодые балбесы не скупятся на самыя нелѣпыя обѣщанья, лишь бы добиться своихъ цѣлей, не говоря объ этомъ.... но неужели же вы могли надѣяться, что я, я, столбовой дворянинъ, Семенъ Матвѣичъ Колтовской, когда-нибудь дамъ мое согласіе на подобный бракъ? Или вы хотѣли обойтись безъ родительскаго благословенія?... Хотѣли бѣжать, обвѣнчаться тайно, а потомъ

вернуться, комедію разыграть, броситься въ ноги, въ надеждѣ, что старикъ, молъ, расчувствуется.... Да отвѣчайте же, чортъ возьми!

„Я только голову наклонила. Убить меня онъ могъ, заставить говорить.... это было не въ его силахъ.

„Онъ немного прошелся взадъ и впередъ.

— Ну, послушайте, — началъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ.—Вы не думайте.... не воображайте.... я вижу, съ вами надо толковать иначе. Послушайте: я понимаю ваше положеніе. Вы запуганы, растеряны.... Придите въ себя. Въ эту минуту я долженъ вамъ казаться извергомъ.... тираномъ. Но войдите также и въ мое положеніе: какъ тутъ было мнѣ не вознегодовать, не сказать лишняго? И со всѣмъ тѣмъ я вамъ уже доказалъ, что я не извергъ, что и у меня есть сердце. Вспомните, какъ я обошелся съ вами послѣ пріѣзда въ деревню и потомъ, до.... до послѣдняго времени.... до болѣзни Михаила Семеныча. Я не хочу хвастаться своими благодѣяніями, но мнѣ кажется, одна благодарность должна была удержать васъ отъ того скользкаго пути, на который вы рѣшились ступить!...

„Семенъ Матвѣичъ опять прошелся взадъ и впередъ и, остановившись, потрепалъ меня слегка по рукѣ, по той самой рукѣ, которая еще ныла отъ его насилія и на которой я долго потомъ носила синіе знаки....

— То-то и есть....—заговорилъ онъ снова—голова.... голова у васъ горячая! Не хотимъ мы дать себѣ трудъ подумать, отчета себѣ дать не хотимъ, въ чемъ состоитъ наша польза, и гдѣ мы ее искать должны. Вы спросите у меня: гдѣ эта польза? Далеко вамъ ходить нечего.... Она, быть-можетъ, у васъ подъ руками.... Да вотъ, хоть бы я. Какъ родитель, какъ глава, я, конечно, долженъ былъ взыскать.... Это моя обязанность. Но я человѣкъ въ то же время, и вы это знаете. Безспорно: я человѣкъ практическій и, конечно, никакой чепухи допустить не могу, ни съ

чѣмъ несообразныя надежды надо, конечно, изъ головы выкинуть, потому, какой въ нихъ толкъ? Я ужъ не говорю о безнравственности самого поступка.... Вы это все должны понять сами, когда опомнитесь. А я, не хвастаясь, скажу: я бы не ограничился тѣмъ, что̀ уже сдѣлалъ для васъ; я всегда готовъ былъ — и готовъ еще теперь — устроить, упрочить ваше благосостояніе, обезпечить васъ вполнѣ, потому что я знаю вамъ цѣну, отдаю справедливость вашимъ талантамъ, вашему уму, да и наконецъ.... (Тутъ Семенъ Матвѣичъ слегка пригнулся ко мнѣ).... У васъ такіе глазки, что, признаться.... я вотъ старикъ, а совершенно равнодушно видѣть ихъ.... я понимаю.... это трудно, это дѣйствительно трудно.

„Холодомъ обдало меня отъ этихъ словъ. Я ушамъ своимъ едва повѣрила. Въ первую минуту мнѣ показалось, что Семенъ Матвѣичъ хотѣлъ купить мое отреченіе отъ Мишеля, дать мнѣ „отступного....“ Но эти слова! Мои глаза начали привыкать къ темнотѣ, и я могла различить лицо Семена Матвѣича. Оно улыбалось, это старое лицо, а самъ онъ все расхаживалъ маленькими шагами, сѣменилъ передо мною....

— Ну, такъ какъ же? — спросилъ онъ наконецъ,— нравится вамъ мое предложеніе?

— Предложеніе!...—повторила я невольно.... я рѣшительно ничего не понимала.

„Семенъ Матвѣичъ засмѣялся.... дѣйствительно засмѣялся своимъ противнымъ, тонкимъ смѣхомъ.

— Конечно! — воскликнулъ онъ: — вы всѣ, молодыя дѣвки.... — онъ поправился: — дѣвицы.... дѣвицы.... вы всѣ объ одномъ только мечтаете: вамъ все молодыхъ подавай! Безъ любви вы жить не можете! Конечно. Что̀ говорить! Молодость—дѣло хорошее! Но развѣ одни молодые любить умѣютъ?... У иного старика сердце еще горячѣе, и ужъ коли старикъ кого полюбитъ, такъ ужъ это—ка-

менная скала! Это на вѣкъ! Не то, что эти безбородые лоботрясы, у которыхъ только вѣтеръ въ головахъ ходитъ! Да, да; старичками брезгать не слѣдуетъ! Они могутъ сдѣлать многое! Только взяться за нихъ надо умѣючи! Да.... да! И ласкать старички умѣютъ тоже, хи-хи-хи....—Семенъ Матвѣичъ опять засмѣялся.—Да вотъ, позвольте... вашу ручку.... для пробы.... только такъ.... для пробы....

„Я вскочила со стула и изо всей силы толкнула его въ грудь. Онъ отшатнулся, онъ издалъ какой-то дряхлый, испуганный звукъ, онъ чуть не упалъ. На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ, чтобы выразить, до какой степени онъ мнѣ показался гнусенъ и ничтожно низокъ. Всякое подобіе страха исчезло во мнѣ.

— Подите прочь, презрѣнный старикъ, — вырвалось у меня изъ груди, — подите прочь, г. Колтовской, столбовой дворянинъ! И во мнѣ течетъ ваша кровь, кровь Колтовскихъ, и я проклинаю тотъ день и часъ, когда она потекла по моимъ жиламъ!

— Что?... Что ты говоришь?... Что? — лепеталъ задыхаясь Семенъ Матвѣичъ.—Ты смѣешь.... въ ту минуту, когда я тебя засталъ.... когда ты шла къ Мишкѣ.... а? а? а?

„Но я уже не могла остановиться.... Что-то безпощадно отчаянное проснулось во мнѣ.

— И вы, вы, братъ.... братъ вашего брата, вы дерзнули, вы рѣшились.... За кого же вы приняли меня? И неужели же вы такъ слѣпы, что не могли давно замѣтить то отвращеніе, которое вы возбуждаете во мнѣ?... Вы смѣли употребить слово: предложеніе!... Выпустите меня сейчасъ, сію минуту!

„Я направилась къ двери.

— А, вотъ что! вотъ какъ! вотъ когда она заговорила! — запищалъ Семенъ Матвѣичъ въ изступленіи злобы, но видимо не рѣшаясь подойти ко мнѣ....—По-

годи же! Господинъ Ратчъ, Иванъ Демьянычъ! пожалуйте сюда!

„Дверь билліардной, противоположная той, къ которой я приближалась, раскрылась настежь и, съ зажженнымъ канделябромъ въ каждой рукѣ, появился мой вотчимъ. Освѣщенное съ двухъ сторонъ свѣчами, его круглое, красное лицо сіяло торжествомъ удовлетворенной мести, лакейскою радостью удачной услуги.... О, эти гадкіе, бѣлые глаза! когда я перестану ихъ видѣть!

— Извольте тотчасъ взять эту дѣвушку, — воскликнулъ Семенъ Матвѣичъ, обращаясь къ моему вотчиму и повелительно указывая на меня дрожащей рукой.—Извольте отвести ее къ себѣ въ домъ и запереть на ключъ, на замокъ.... чтобъ она... пальцемъ пошевельнуть не могла, чтобы муха къ ней не проскочила! Впредь до моего приказанія! Окна забить, если нужно! Ты отвѣчаешь мнѣ за нее головой!

„Г-нъ Ратчъ поставилъ канделябры на билліардъ, поклонился въ поясъ Семену Матвѣичу и, слегка переваливаясь и злорадно улыбаясь, направился ко мнѣ. Котъ, должно-быть, такъ подходитъ къ мыши, которой некуда спастись. Вся моя отвага тотчасъ меня покинула. Я знала, этотъ человѣкъ былъ въ состояніи.... прибить меня. Я задрожала; да; о, позоръ! о, стыдъ! я задрожала.

— Ну-съ, сударыня, — проговорилъ г. Ратчъ: — извольте-съ идти-съ.

„Онъ, не спѣша, взялъ меня за руку выше локтя.... Онъ понималъ, что я сопротивляться не буду. Я сама подалась впередъ къ двери; въ эту минуту я думала только объ одномъ: какъ бы поскорѣе избавиться отъ присутствія Семена Матвѣича.

„Но гадкій старикъ подскочилъ къ намъ сзади, и Ратчъ остановилъ меня и повернулъ меня лицомъ къ своему патрону.

— А!—закричалъ тотъ и потрясъ кулакомъ: — а! я братъ.... моего брата! Узы крови? а? А за брата, за двоюроднаго, выйти замужъ можно? Можно? а? Веди ее, ты!—обратился онъ къ моему вотчиму.—И помни: держать ухо востро! За малѣйшее сообщеніе съ нею—казни не будетъ достойной.... Веди!

„Г-нъ Ратчъ привелъ меня въ мою комнату. Идя по двору, онъ ничего не сказалъ мнѣ, все только смѣялся про себя, безъ звука. Онъ заперъ ставни, двери и тутъ же, уходя окончательно и кланяясь мнѣ въ поясъ, какъ Семену Матвѣичу, прыснулъ, разразился тяжелымъ, восторженнымъ хохотомъ. „Покойной ночи царевнѣ Меликтрисѣ,—удушливо простоналъ онъ:—„не поймала Митрофана-Царевича! Жаль! Мысль была въ своемъ родѣ не глупая! Впередъ наука: не заводить корреспонденцій! Хо-хо-хо! Какъ, однако, все славно обдѣлалось!“ Онъ вышелъ, и вдругъ высунулъ голову изъ-за двери. „Что? Вѣдь не *забылъ* я вамъ? Ась? Слово сдержалъ? Хо-хо!“ Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Я вздохнула свободно. Я боялась, какъ бы онъ мнѣ рукъ не связалъ.... но онѣ были мои,—онѣ были свободны! Я мгновенно сдернула шелковый шнурокъ со спальнаго капота, сдѣлала петлю, приблизила ее къ шеѣ, но тотчасъ же отбросила шнурокъ въ сторону. „Не потѣшу я васъ!“ сказала я громко. „И въ самомъ дѣлѣ, что̀ за безуміе? Могу ли я располагать моею жизнью безъ вѣдома Мишеля, моею жизнью, которую сама ему отдала? Нѣтъ, мои злодѣи! Нѣтъ! Дѣло еще не выиграно вами! Онъ меня спасетъ, онъ вырветъ меня изъ этого ада, онъ.... мой Мишель!“

„Но тутъ я вспомнила, что онъ въ заключеніи, такъ же какъ и я,—и я бросилась лицомъ на постель, зарыдала.... зарыдала.... И только мысль, что мой мучитель, быть-можетъ, стоитъ за дверью и прислушивается, и торжествуетъ, только эта моя мысль заставила меня проглотить мои слезы....

„Я утомлена. Я пишу съ утра, а теперь вечеръ; оторвавшись разъ отъ этого листа бумаги, я уже не буду въ состояніи приняться снова за перо.... Скорѣй, скорѣй къ концу! Да и притомъ, останавливаться на безобразіяхъ, которыя послѣдовали за тѣмъ страшнымъ днемъ, свыше силъ моихъ!

„Меня черезъ сутки перевезли въ закрытомъ возкѣ въ отдѣльную дворовую избу, окружили мужиками-караульщиками, меня держали взаперти цѣлыя шесть недѣль! Я ни минуты не была одна.... Уже впослѣдствіи я узнала, что вотчимъ мой съ самаго пріѣзда Мишеля, приставилъ и къ нему, и ко мнѣ шпіоновъ, что онъ подкупилъ слугу, который доставилъ мнѣ записку отъ Мишеля; узнала я также, что между имъ и отцомъ его произошла на слѣдующее утро ужасная, возмутительная сцена... Отецъ его проклялъ. Мишель съ своей стороны поклялся, что ноги его не будетъ родительскомъ домѣ, и уѣхалъ въ Петербургъ. Но ударъ, нанесенный мнѣ моимъ вотчимомъ, отразился на немъ самомъ. Семенъ Матвѣичъ объявилъ ему, что оставаться ему въ деревнѣ, управлять имѣньемъ, болѣе невозможно: видно, неловкое усердіе не прощается, и надо же было взыскать на комъ-нибудь за происшедшій *скандалъ*. Впрочемъ, Семенъ Матвѣичъ щедро наградилъ г-на Ратч онъ далъ ему средства перебраться въ Москву и поселиться тамъ. Предъ отъѣздомъ въ Москву меня перевели обратно во флигель, но попрежнему держали подъ строжайшимъ надзоромъ. Потеря „тепленькаго“ мѣстечка, котораго онъ ишился „по моей милости“, еще увеличила злобу моего вотчима противъ меня.

— И кого удивить вздумали? — говаривалъ онъ, чуть не фыркая отъ негодованія:—право! Старичекъ, конечно, погорячился, поспѣшилъ, ну, и попалъ впросакъ; теперь, конечно, самолюбіе его пострадало, бѣду теперь поправить нельзя. Подождать бы денька два, и все бы какъ по маслу

пошло; вы бы теперь не сидѣли на сухоѣденіи, и я бы остался, чѣмъ былъ! То-то и есть; длиненъ у бабъ волосъ.... а умъ коротокъ! Ну, да ладно; я свое возьму, и тотъ голубчикъ (онъ намекалъ на Мишеля) меня не забудетъ.

„Я, разумѣется, должна была сносить въ молчаніи всѣ эти оскорбленія. И Семена Матвѣича я уже больше ни разу не видала. Разлука съ сыномъ потрясла и его. Почувствовалъ ли онъ раскаяніе или,—что̀ гораздо вѣроятнѣе,—желалъ ли онъ навсегда приковать меня къ моему дому, къ моей семьѣ — къ моей семьѣ!—только онъ назначилъ мнѣ пенсію, которая должна была поступать въ руки моего вотчима и выдаваться мнѣ до тѣхъ поръ, пока я выйду замужъ.... Это унизительное подаяніе, эту пенсію я до сихъ поръ получаю.... то-есть, г-нъ Ратчъ получаетъ ее за меня....

„Поселились мы въ Москвѣ. Клянусь памятью моей бѣдной матери, двухъ дней, двухъ часовъ я бы не осталась съ моимъ вотчимомъ, *попавши въ городъ*.... Я бы ушла, не зная куда.... въ полицію, бросилась бы въ ноги генералъ-губернатору, сенаторамъ, я не знаю, что̀ бы я сдѣлала, если бы, въ самую минуту отъѣзда изъ деревни, бывшей моей горничной не удалось передать мнѣ письмо отъ Мишеля. О, это письмо! Сколько разъ я перечитывала каждую строку, сколько разъ покрыла его поцѣлуями! Мишель умолялъ меня не падать духомъ, надѣяться, быть увѣренною въ его неизмѣнной любви; онъ клялся, что кромѣ меня никому принадлежать не будетъ, онъ называлъ меня своей женой, онъ обѣщалъ устранить всѣ препятствія, онъ рисовалъ картину нашего будущаго, онъ просилъ меня объ одномъ: потерпѣть, подождать немного.... И я рѣшилась ждать и терпѣть. Ахъ, на что̀ бы не согласилась я, чего бы не вынесла, чтобы только исполнить его волю! Это письмо стало моею святынею, моею путеводною звѣздой, моимъ якоремъ. Бывало, мой вотчимъ начнетъ укорять,

оскорблять меня, я тихонько положу руку на грудь (я носила письмо Мишеля зашитымъ въ ладонку) и только улыбнусь. И чѣмъ больше бѣсится и бранится г-нъ Ратчъ, тѣмъ мнѣ легче становится и слаще.... Я, наконецъ, видѣла по его глазамъ, что онъ начиналъ думать, не схожу ли я съ ума.... Вслѣдъ за тѣмъ первымъ письмомъ пришло второе, еще болѣе исполненное надеждъ.... Оно говорило о близкомъ свиданіи.

„Ахъ, вмѣсто этого свиданія настало одно утро.... И вижу я, входитъ ко мнѣ г-нъ Ратчъ,—и опять торжество, злорадное торжество на его лицѣ, — и въ рукахъ его листъ *Инвалида*, и тамъ извѣстіе о смерти гвардіи ротмистра Михаила Колтовского.... Исключенъ изъ списковъ.

„Что могу я прибавить? Я осталась жива и продолжала жить у г-на Ратча. Онъ ненавидѣлъ меня попрежнему, больше прежняго,—онъ слишкомъ разоблачилъ предо мной свою черную душу, онъ не могъ мнѣ это простить. Но мнѣ было все равно. Я стала какою-то безчувственною; моя собственная судьба меня уже не занимала. Вспоминать о *немъ*, вспоминать о *немъ!* другого занятія, другихъ радостей у меня не было. Мой бѣдный Мишель скончался съ моимъ именемъ на устахъ.... Мнѣ это сообщилъ одинъ преданный ему человѣкъ, который вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжалъ въ деревню. Вотчимъ мой въ томъ же году женился на Элеонорѣ Карповнѣ. Вскорѣ умеръ и Семенъ Матвѣичъ, подтвердивъ и увеличивъ въ завѣщаніи своемъ пожалованную мнѣ пенсію.... Въ случаѣ моей смерти она должна перейти къ г-ну Ратчу....

„Минуло два, три года.... прошло шесть лѣтъ, семь лѣтъ.... Жизнь уходила, утекала.... а я только глядѣла, какъ утекала она. Такъ, бывало, въ дѣтствѣ, устроишь на берегу ручья изъ песку сажалку, и плотину выведешь, и всячески стараешься, чтобы вода не просочилась, не прорвалась. Но вотъ, она прорвалась наконецъ, и бросишь ты

всѣ свои хлопоты, и весело тебѣ станетъ смотрѣть, какъ все накопленное тобою убѣгаетъ до капли....

„Такъ жила я, такъ существовала, пока, наконецъ, новый, уже неожиданный лучъ тепла и свѣта....“ . .

. . . . . .

На этомъ словѣ останавливалась рукопись; послѣдующіе листы были оторваны, и нѣсколько строкъ, оканчивавшихъ фразу, зачеркнуты и перемараны чернилами.

XVIII.

Чтеніе этой тетради до того меня смутило, впечатлѣніе, произведенное посѣщеніемъ Сусанны, было такъ велико, что я не могъ уснуть всю ночь и рано поутру послалъ съ эстафетой къ Фустову письмо, въ которомъ заклиналъ его вернуться какъ можно скорѣе въ Москву, такъ какъ его отсутствіе могло имѣть самыя тяжелыя послѣдствія. Я намекнулъ ему тоже на свиданіе съ Сусанной, на тетрадку, которую она оставила въ моихъ рукахъ. Отправивъ письмо, я весь тотъ день уже не выходилъ изъ дому и все размышлялъ о томъ, что̀ должно было происходить тамъ, у Ратчей. Пойти самому туда я не рѣшался. Я не могъ однако не замѣтить, что тетушка моя находилась въ постоянной тревогѣ; она приказывала курить чуть не каждую минуту и раскладывала пасьянсъ: „Путешественникъ“, извѣстный тѣмъ, что никогда не выходитъ. Визитъ незнакомой дамы, да еще въ такую позднюю пору, не остался для нея тайной: ея воображенью тотчасъ представилась зіяющая бездна, на краю которой я стоялъ, и она то и дѣло вздыхала, охала и произносила вполголоса французскія сентенціи, почерпнутыя ею изъ рукописной книжечки подъ заглавіемъ: *Extraits de lecture*, а вечеромъ на моемъ ночномъ столикѣ очутилось, сочиненіе Де-Жерандо, развернутое на главѣ: *О вредѣ*

страстей. Сочиненіе это было занесено въ мою комнату, разумѣется, по приказанію тетушки, старшею ея компаньонкой, которую въ домѣ прозывали Амишкой, вслѣдствіе ея сходства съ маленькимъ пуделемъ того же имени, дѣвицей очень сантиментальною и даже романтическою, но перезрѣлою. Весь слѣдующій день прошелъ въ томительномъ ожиданіи пріѣзда Фустова, письма отъ него, извѣстій изъ дому Ратчей.... хотя съ какой стати было имъ посылать ко мнѣ? Скорѣй Сусанна могла предполагать, что я посѣщу ее.... Но у меня рѣшительно духа не хватало увидать ее, не поговоривъ сперва съ Фустовымъ. Я припоминалъ всѣ выраженья моего письма къ нему.... Кажется, они были довольно сильны; наконецъ, уже поздно вечеромъ, онъ явился.

XIX.

Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату своею обычною быстрою, но неторопливою походкой. Лицо его мнѣ показалось блѣднымъ и, являя слѣды дорожной усталости, выражало недоумѣніе, любопытство, недовольство—чувства, въ обычное время ему мало извѣстныя. Я бросился къ нему, обнялъ его, горячо поблагодарилъ его за то, что онъ меня послушался и, передавъ въ двухъ словахъ мой разговоръ съ Сусанной,—вручилъ ему ея тетрадку. Онъ отошелъ къ окну, къ тому самому окну, на которомъ, два дня тому назадъ, сидѣла Сусанна и, не сказавъ мнѣ ни слова, принялся читать. Я тотчасъ удалился въ противоположный уголъ комнаты и взялъ для контенанса книгу; но, признаюсь, все время глядѣлъ украдкой черезъ край переплета на Фустова. Сначала онъ читалъ довольно спокойно, и все щипалъ лѣвою рукой концы волосиковъ на губѣ; потомъ онъ опустилъ руку, нагнулся впередъ и уже не шевельнулся болѣе. Глаза

его такъ и бѣгали по строкамъ, и ротъ слегка раскрылся. Вотъ, онъ кончилъ тетрадку, перевернулъ ее, посмотрѣлъ кругомъ, задумался, и снова принялся ее читать, и перечелъ ее всю во второй разъ отъ начала до конца. Потомъ онъ всталъ, положилъ тетрадку въ карманъ и направился-было къ двери; однако, вернулся и остановился посреди комнаты.

— Ну, что ты думаешь?—началъ я, не дождавшись, чтобъ онъ заговорилъ.

— Я виноватъ передъ нею, — произнесъ Фустовъ глухо. — Я поступилъ.... необдуманно, непростительно, дико. Я повѣрилъ этому.... Виктору.

— Какъ! — воскликнулъ я: — тому самому Виктору, котораго ты такъ презираешь? Да что онъ могъ сказать тебѣ?

Фустовъ скрестилъ руки, и сталъ ко мнѣ бокомъ. Ему было совѣстно, я это видѣлъ.

— Ты помнишь, — промолвилъ онъ не безъ нѣкотораго усилія,—этотъ.... Викторъ упомянулъ о.... о пенсіи. Это несчастное слово засѣло во мнѣ. Оно всему причиной. Я сталъ его разспрашивать.... Ну, и онъ....

— Что же онъ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что тотъ старикъ.... какъ, бишь, его?.. Колтовской, назначилъ эту пенсію Сусаннѣ, потому что.... оттого.... ну, словомъ, въ видѣ вознагражденія.

Я всплеснулъ руками.

— И ты повѣрилъ?

Фустовъ наклонилъ голову.

— Да! Я повѣрилъ.... Онъ также сказалъ, что и съ молодымъ.... Словомъ, мой поступокъ не имѣетъ оправданья.

— И ты удалился, чтобы все перервать?

— Да; это лучшее средство.... въ такихъ случаяхъ. Я поступилъ дико, дико,—подхватилъ онъ.

Мы оба помолчали. Каждый изъ насъ чувствовалъ, что другому было стыдно; но мнѣ было легче: я стыдился не за себя.

XX.

— Я бы теперь этому Виктору всѣ кости переломалъ,— продолжалъ Фустовъ, стиснувъ зубы,—если бы самъ не сознавалъ себя виноватымъ. Я теперь понимаю, почему вся эта штука подведена была: съ замужествомъ Сусанны, они лишались ея пенсіи.... Подлецы!

Я взялъ его за руку.

— Александръ,—спросилъ я:—ты былъ у ней?

— Нѣтъ; я прямо съ дороги къ тебѣ. Я пойду завтра.... завтра рано. Этого нельзя такъ оставить. Ни за что!

— Да ты.... любишь ее, Александръ?

Фустовъ какъ будто обидѣлся.

— Конечно, я ее люблю. Я очень къ ней привязанъ.

— Она прекрасная, честная дѣвушка! — воскликнулъ я.

Фустовъ нетерпѣливо топнулъ ногою.

— Да что ты воображаешь? я готовъ былъ жениться на ней,—она же крещеная—я и теперь готовъ на ней жениться, я уже думалъ объ этомъ, хотя она старше меня.

Въ это мгновенье мнѣ вдругъ показалось, что на окнѣ сидитъ, склонившись на руки, блѣдная женская фигура. Свѣчи нагорѣли: въ комнатѣ было темно. Я вздрогнулъ, вглядѣлся пристальнѣе, и ничего, конечно, не увидалъ на подоконникѣ; но какое-то странное чувство, смѣшеніе ужаса, тоски, сожалѣнія, охватило меня.

— Александръ! — началъ я съ внезапнымъ увлеченіемъ: — прошу тебя, умоляю тебя, ступай сейчасъ къ Ратчамъ, не откладывай до завтра! Мнѣ внутренній голосъ

говоритъ, что тебѣ непремѣнно должно сегодня же увидаться съ Сусанной!

Фустовъ пожалъ плечами.

— Что ты это, помилуй! Теперь одиннадцатый часъ; у нихъ, вѣроятно, всѣ уже спятъ въ домѣ.

— Все равно.... Ступай, ради Бога! У меня есть предчувствіе.... Пожалуйста, послушайся меня! Ступай сейчасъ, возьми извозчика....

— Ну, что за вздоръ! — хладнокровно возразилъ Фустовъ: — съ какой стати я пойду теперь? завтра утромъ я тамъ буду, и все разъяснится.

— Но, Александръ, вспомни, она говорила о томъ, что она умретъ, что ты ея не застанешь.... И если бъ ты видѣлъ ея лицо! Подумай, представь, чтобы рѣшиться идти ко мнѣ.... чего ей стоило....

— У ней восторженная голова,—промолвилъ Фустовъ, который, повидимому, снова вполнѣ овладѣлъ собою.— Всѣ молодыя дѣвушки такъ.... на первыхъ порахъ. Повторяю, завтра все придетъ въ порядокъ. Пока прощай. Я усталъ, да и тебѣ спать хочется.

Онъ взялъ фуражку и пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Но ты обѣщаешь тотчасъ прійти сюда и все сказать мнѣ?—крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Обѣщаю.... Прощай!

Я легъ въ постель, но на сердцѣ у меня было неспокойно, и я досадовалъ на моего друга. Я заснулъ поздно и видѣлъ во снѣ, будто мы съ Сусанной бродимъ по какимъ-то подземнымъ, сырымъ переходамъ, лазимъ по узкимъ, крутымъ лѣстницамъ, и все глубже и глубже спускаемся внизъ, хотя намъ непремѣнно слѣдуетъ выбраться вверхъ, на воздухъ, и кто-то все время безпрестанно зоветъ насъ, однообразно и жалобно.

XXI.

Чья-то рука легла на мое плечо и нѣсколько разъ меня толкнула.... Я открылъ глаза и, при слабомъ свѣтѣ одинокой свѣчи, увидѣлъ предъ собою Фустова. Онъ испугалъ меня. Онъ качался на ногахъ; лицо его было желто, почти одного цвѣта съ волосами; губы отвисли, мутные глаза глядѣли безсмысленно въ сторону. Куда дѣвался ихъ постоянно-ласковый и благосклонный взоръ? У меня былъ двоюродный братъ, который отъ падучей болѣзни впалъ въ идіотизмъ.... Фустовъ походилъ на него въ эту минуту.

Я поспѣшно приподнялся.

— Что такое? Что съ тобою? Господи!

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Да что случилось? Фустовъ? Говори же! Сусанна?...

Фустовъ слегка встрепенулся.

— Она....—началъ онъ сиплымъ голосомъ и умолкъ.

— Что съ нею? Ты ее видѣлъ?

Онъ уставился на меня.

— Ея ужъ нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Она умерла.

Я вскочилъ съ постели.

— Какъ умерла? Сусанна? Умерла?

Фустовъ опять отвелъ глаза въ сторону.

— Да, умерла; въ полночь.

„Онъ рехнулся!“ мелькнуло у меня въ головѣ.

— Въ полночь! Да теперь который часъ?

— Теперь восемь часовъ утра. Мнѣ прислали сказать. Ее завтра хоронятъ.

Я схватилъ его за руку.

— Александръ, ты не бредишь? Ты въ своемъ умѣ?

— Я въ своемъ умѣ, — отвѣчалъ онъ. — Я, какъ узналъ это, сейчасъ отправился къ тебѣ.

Сердце во мнѣ болѣзненно окаменѣло, какъ это всегда бываетъ при убѣжденіи въ невозвратно совершившейся бѣдѣ.

— Боже мой! Боже мой! Умерла! — твердилъ я. — Какъ это возможно? Такъ внезапно! Или, можетъ-быть, она сама лишила себя жизни?

— Не знаю, — проговорилъ Фустовъ. — Ничего не знаю. Мнѣ сказали: въ полночь скончалась. И завтра хоронить будутъ.

„Въ полночь!“ подумалъ я.... „Стало-быть, она была еще жива вчера, когда она мнѣ почудилась на окнѣ, когда я умолялъ его бѣжать къ ней....“

— Она была еще жива вчера, когда ты посылалъ меня къ Ивану Демьянычу, — промолвилъ Фустовъ, словно угадавъ мою мысль.

„Какъ же мало онъ зналъ ее!“ подумалъ я опять. „Какъ мало мы оба ее знали! Восторженная голова, говорилъ онъ, всѣ молодыя дѣвушки такъ.... А въ ту самую минуту она, быть-можетъ, подносила къ губамъ.... Возможно-ли любить кого-нибудь и такъ грубо въ немъ ошибаться?“

Фустовъ неподвижно стоялъ предъ моею кроватью, съ повисшими руками, какъ виноватый.

XXII.

Я наскоро одѣлся.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать, Александръ?— спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣньемъ, какъ бы дивясь нелѣпости моего вопроса. И въ самомъ дѣлѣ, что было дѣлать?

— Ты, однако, не можешь не пойти къ нимъ,—началъ я.—Ты долженъ узнать, какъ это случилось; тутъ, можетъ-быть, преступленіе скрывается. Отъ этихъ людей всего ожидать слѣдуетъ... Это все на чистую воду вывести слѣдуетъ. Вспомни, что̀ стоитъ въ *ея* тетрадкѣ: пенсія прекращается въ случаѣ замужества, а въ случаѣ смерти *переходитъ* къ Ратчу. Во всякомъ случаѣ, послѣдній долгъ отдать надо, поклониться праху!

Я говорилъ Фустову какъ наставникъ, какъ старшій братъ. Среди всего этого ужаса, горя, изумленія, какое-то невольное чувство превосходства надъ Фустовымъ внезапно проявилось во мнѣ.... Оттого ли, что я видѣлъ его подавленнымъ сознаньемъ своей вины, потерявшимся, уничтоженнымъ; оттого ли, что несчастье, поразивъ человѣка, почти всегда его роняетъ, спускаетъ его ниже въ мнѣніи другихъ — „стало, молъ, ты плохъ, коли не умѣлъ увернуться!“ — Господь вѣдаетъ! Только Фустовъ мнѣ казался почти ребенкомъ, и жалко было мнѣ его, и понималъ я необходимость строгости. Я протягивалъ ему руку сверху внизъ. Одно лишь женское сожалѣніе не идетъ сверху внизъ.

Но Фустовъ продолжалъ глядѣть на меня тупо и дико, — мой авторитетъ, очевидно, не дѣйствовалъ на него,—и на мой вторичный вопросъ: „Вѣдь ты пойдешь къ нимъ?“ отвѣчалъ—„нѣтъ, не пойду“.

— Какъ же это, помилуй! Неужели ты не захочешь самъ узнать, разспросить: какъ, что̀? Можетъ-быть, она оставила письмо.... документъ какой-нибудь.... помилуй!

Фустовъ покачалъ головой.

— Я не могу пойти туда, — промолвилъ онъ.—Я за тѣмъ и пришелъ къ тебѣ, чтобы попросить тебя.... вмѣсто меня.... А я не могу.... не могу....

Фустовъ вдругъ присѣлъ къ столу, закрылъ лицо обѣими руками и зарыдалъ горько.

— Ахъ, ахъ,—твердилъ онъ сквозь слезы,—ахъ, бѣдная.... бѣдняжка.... я лю.... я любилъ ее....ахъ, ахъ!

Я стоялъ возлѣ него и, долженъ сознаться, никакого участія не возбуждали во мнѣ эти безспорно искреннія рыданья; я только удивлялся тому, что Фустовъ могъ *такъ* плакать, и мнѣ показалось, что я *теперь* понялъ, какой онъ маленькій человѣкъ, и какъ я, на его мѣстѣ, поступилъ бы совсѣмъ иначе. Вотъ и подите послѣ этого! Если бы Фустовъ остался совершенно спокоенъ, я, быть-можетъ, возненавидѣлъ бы его, возымѣлъ бы къ нему отвращеніе, но онъ не упалъ бы въ моемъ мнѣніи.... *Престижъ* бы его сохранился, Донъ-Жуанъ остался бы Донъ-Жуаномъ! Очень поздно въ жизни — и только послѣ многихъ опытовъ—научается человѣкъ, при видѣ дѣйствительнаго паденія или слабости собрата, сочувствовать ему и помогать ему безъ тайнаго самоуслажденія собственною добродѣтелью и силой, а напротивъ, со всяческимъ смиреніемъ и пониманіемъ естественности, почти неизбѣжности вины!

XXIII.

Я очень храбро и рѣшительно посылалъ Фустова къ Ратчамъ; но когда самъ я къ нимъ отправился часовъ въ двѣнадцать (Фустовъ ни за что не согласился идти со мною и только просилъ меня отдать ему подробный отчетъ во всемъ), когда изъ-за поворота переулка издали глянулъ на меня ихъ домъ съ желтоватымъ пятномъ пригробной свѣчи въ одномъ изъ оконъ, несказанный страхъ стѣснилъ мое дыханіе, я бы охотно вернулся назадъ.... Однако я преодолѣлъ себя и вошелъ въ переднюю. Въ ней пахло ладономъ и воскомъ; розовая крыша гроба, обитая серебрянымъ позументомъ, стояла въ углу, прислоненная къ стѣнѣ. Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, въ столовой, гудѣло,

какъ залетѣвшій шмель, однообразное бормотанье дьячка. Изъ гостиной выглянуло заспанное лицо служанки; промолвивъ вполголоса: „поклониться пришли?“ она указала на дверь столовой. Я вошелъ. Гробъ стоялъ къ дверямъ головой; черные волосы Сусанны подъ бѣлымъ вѣнчикомъ, надъ приподнятою бахромой подушки, первые бросились мнѣ въ глаза. Я зашелъ сбоку, перекрестился, поклонился въ землю, взглянулъ.... Боже! какой горестный видъ! Несчастная! даже смерть ея не пожалѣла, не придала ей— не говорю уже красоты—но даже той тишины, умиленной и умилительной тишины, которая такъ часто встрѣчается на чертахъ усопшихъ. Маленькое, темное, почти коричневое лицо Сусанны напоминало лики на старыхъ-старыхъ образахъ, и какое выраженіе было на этомъ лицѣ! Такое выраженіе, какъ будто она собралась крикнуть отчаяннымъ крикомъ, да такъ и замерла, не произнеся звука.... даже морщинка между бровями не изгладилась, а пальцы на рукахъ были подвернуты и сжаты. Я невольно отвелъ взоръ, но, погодя немного, я заставилъ себя поглядѣть, внимательно и долго поглядѣть на нее. Жалость наполнила мою душу и не одна только жалость. „Эта дѣвушка умерла насильственною смертью“, рѣшилъ я про себя: „это несомнѣнно“. Пока я стоялъ и глядѣлъ на покойницу, дьячокъ, который, при входѣ моемъ, возвысилъ-было голосъ и произнесъ нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ, снова загудѣлъ и зѣвнулъ раза два. Я вторично поклонился въ землю и вышелъ въ переднюю. На порогѣ гостиной уже ожидалъ меня г. Ратчъ, одѣтый въ пестрый бухарскій шлафрокъ, и, поманивъ меня къ себѣ рукою, повелъ меня въ свой кабинетъ, я чуть-было не сказалъ: въ свою нору. Кабинетъ этотъ, мрачный, тѣсный, весь пропитанный кислымъ запахомъ вакштафа, возбуждалъ въ умѣ сравненіе съ жилищемъ волка или лисицы.

XXIV.

— Разрывъ! разрывъ тамъ этихъ покрововъ.... оболочки.... Вы знаете.... покрововъ!—заговорилъ г-нъ Ратчъ, какъ только заперъ дверь.—Такое несчастіе! Еще вчера вечеромъ нельзя было ничего замѣтить, и вдругъ: р-р-р-разъ! трахъ! пополамъ! и конецъ! Вотъ уже точно: „heute roth, morgen todt!“ Правда, это должно было ожидать: я это всегда ожидалъ, мнѣ въ Тамбовѣ полковой докторъ Галимбовскій, Викентій Казиміровичъ.... Вы навѣрное слыхали о немъ.... отличнѣйшій практикъ, спеціалистъ!

— Въ первый разъ слышу это имя,—замѣтилъ я.

— Ну, все равно; такъ вотъ онъ, — продолжалъ господинъ Ратчъ, сперва тихимъ голосомъ, а потомъ все громче и громче и, къ удивленію моему, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ,—онъ меня всегда предупреждалъ: „Эй! Иванъ Демьянычъ! эй! другъ мой, берегитесь! У вашей падчерицы органическій недостатокъ въ сердцѣ—hypertrophia cordialis! Чуть что̀, бѣда! Сильныхъ ощущеній пуще всего избѣгать должно.... На разсудокъ должно дѣйствовать....“ А помилуйте, развѣ можно съ молодою дѣвицей!... на разсудокъ дѣйствовать? Ха.... ха.... ха....

Господинъ Ратчъ чуть-было не засмѣялся, по старой привычкѣ, но во̀-время спохватился, и перевелъ начатый звукъ на кашель.

Это господинъ Ратчъ говорилъ! послѣ всего того, что я узналъ о немъ!... Я почелъ, однако, своею обязанностью спросить его: былъ ли призванъ докторъ?

Господинъ Ратчъ даже подпрыгнулъ.

— Конечно, былъ.... Двоихъ призывали, но уже все было совершенно—abgemacht! И вообразите: оба словно столковались (господинъ Ратчъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать:

стакнулись): разрывъ! разрывъ сердца! Такъ въ одно слово и закричали. Предлагали анатомію; но я уже.... вы понимаете, не согласился.

— И завтра похороны?—спросилъ я.

— Да, да, завтра, завтра мы хоронимъ нашу голубицу! Выносъ изъ дома будетъ ровно въ одиннадцать часовъ по полуночи.... Отсюда въ церковь Николы на Курьихъ Ножкахъ.... Знаете? Странныя какія имена у вашихъ русскихъ церквей! Потомъ на послѣдній покой въ матушкѣ землѣ сырой! Вы пожалуете? Мы недавно знакомы, но смѣю сказать, любезность вашего нрава и возвышенность чувствъ....

Я поспѣшилъ кивнуть головой.

— Да, да, да, — вздохнулъ господинъ Ратчъ:—это.... это ужъ точно, какъ говорится, молнія на свѣтломъ небеси! Ein Blitz aus heiterem Himmel!

— И ничего Сусанна Ивановна не сказала передъ смертью, ничего не оставила?

— Ничего рѣшительно! Ни синь-пороха! Ни единаго клочка бумаги! Помилуйте, когда меня къ ней позвали, когда разбудили меня—представьте! она уже окоченѣла! Очень чувствительно было для меня; очень она насъ всѣхъ огорчила! Александръ Давыдычъ, чай, тоже пожалѣетъ, какъ узнаетъ.... Говорятъ, его въ Москвѣ нѣтъ?

— Онъ, точно, уѣзжалъ на нѣсколько дней.... — началъ-было я.

— Викторъ Ивановичъ жалуются, что саней имъ долго не закладываютъ,—перебила меня вошедшая служанка, та самая, которую я видѣлъ въ передней. Лицо ея, попрежнему заспанное, поразило меня въ этотъ разъ тѣмъ выраженіемъ дерзкой грубости, какое появляется у слугъ, когда они знаютъ, что господа отъ нихъ зависятъ и не рѣшатся ни бранить ихъ, ни взыскивать съ нихъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, — засѣменилъ Иванъ Демья-

нычъ:—Элеонора Карповна! Leonore! Lenchen! пожалуйте сюда!

Что-то грузно завозилось за дверью, и въ ту же минуту раздалось повелительное восклицаніе Виктора: „Что жъ это лошадь не закладываютъ? не пѣшкомъ же мнѣ въ полицію тащиться?“

— Сейчасъ, сейчасъ,—снова залепеталъ Иванъ Демьянычъ.—Элеонора Карповна, пожалуйте же сюда?

— Aber, Иванъ Демьянычъ, — послышался ея голосъ:—ich habe keine Toilette gemacht!

— Macht nichts. Komm herein!

Элеонора Карповна вошла, придерживая двумя пальцами косынку на голой шеѣ. На ней былъ утренній капотъ-распашонка, и волосъ она не успѣла причесать. Иванъ Демьянычъ тотчасъ подскочилъ къ ней.

— Вы слышите, Викторъ лошадь требуетъ, — промолвилъ онъ, торопливо указывая пальцемъ то на дверь, то на окно. — Пожалуйста, распорядитесь попроворнѣе! Der Kerl schreit so!

— Der Victor schreit immer, Иванъ Демьянычъ, Sie wissen wohl,—отвѣчала Элеонора Карповна: — и я сама сказала кучеру, только онъ вздумалъ овесъ задавать. Вотъ, какое несчастіе случилось вдругъ,—прибавила она, обратясь ко мнѣ:—и кто это могъ ожидать отъ Сусанны Ивановны!

— Я всегда это ожидалъ, всегда!—закричалъ Ратчъ и высоко поднялъ руки, причемъ его бухарскій халатъ разъѣхался спереди, и обнаружились препротивныя нижнія невыразимыя изъ замшевой кожи съ мѣдными пряжками на поясѣ. — Разрывъ сердца! разрывъ оболочекъ! Гипертрофія!

— Ну да, повторила за нимъ Элеонора Карповна,— гипо.... Ну, вотъ это. Только мнѣ очень, очень жалко, опять-таки скажу....—И ея топорное лицо понемножку переко-

силось, брови приподнялись треугольникомъ, и крохотная слезинка скатилась на круглую, точно налакированную, какъ у куклы, щеку....—Мнѣ очень жалко, что такой молодой человѣкъ, которому только бы слѣдовало жить и пользоваться всѣмъ.... всѣмъ.... И этакое вдругъ отчаяніе!

— Na! gut, gut.... geh, alte! — перебилъ господинъ Ратчъ.

— Geh' schon, geh' schon,—проворчала Элеонора Карповна и вышла вонъ, все еще придерживая пальцами косынку и роняя слезинки.

И я отправился вслѣдъ за нею. Въ передней стоялъ Викторъ въ студенческой шинели съ бобровымъ воротникомъ и фуражкой набекрень. Онъ едва глянулъ на меня черезъ плечо, встряхнулъ воротникомъ и не поклонился, за что̀ я ему мысленно сказалъ большое спасибо.

Я вернулся къ Фустову.

XXV.

Я засталъ моего пріятеля сидящимъ въ углу своего кабинета, съ понуренною головой и скрещенными на груди руками. На него нашелъ столбнякъ, и глядѣлъ онъ вокругъ себя съ медленнымъ изумленіемъ человѣка, который очень крѣпко спалъ и котораго только-что разбудили. Я ему разсказалъ свое посѣщеніе у Ратча, передалъ ему рѣчи ветерана, рѣчи его жены, впечатлѣніе, которое они оба произвели на меня, сообщилъ ему мое убѣжденіе въ томъ, что несчастная дѣвушка сама себя лишила жизни.... Фустовъ слушалъ меня, не мѣняя выраженія лица, и съ тѣмъ же изумленіемъ посматривалъ кругомъ.

— Ты ее видѣлъ?—спросилъ онъ меня наконецъ.

— Видѣлъ.

— Въ гробу?

Фустовъ словно сомнѣвался въ томъ, что Сусанна дѣйствительно умерла.

— Въ гробу.

Фустовъ перекосилъ и опустилъ глаза, и тихонько потеръ себѣ руки.

— Тебѣ холодно?—спросилъ я.

— Да, братъ, холодно,—отвѣчалъ онъ съ разстановкой и безсмысленно покачалъ головою.

Я началъ ему доказывать, что Сусанна непремѣнно отравилась, а можетъ-быть, и отравлена была, и что этого нельзя такъ оставить....

Фустовъ уставился на меня.

— Что же тутъ дѣлать? — сказалъ онъ, медленно и широко моргая.—Хуже вѣдь.... если узнаютъ. Хоронить не станутъ. Оставить надо..... такъ.

Мнѣ эта, впрочемъ, очень простая мысль въ голову не приходила. Практическій смыслъ моего пріятеля не измѣнялъ ему.

— Когда.... ее хоронятъ?—продолжалъ онъ.

— Завтра.

— Ты пойдешь?

— Да.

— Въ домъ, или прямо въ церковь?

— И въ домъ, и въ церковь; а оттуда на кладбище.

— А я не пойду.... Я не могу, не могу,—прошепталъ Фустовъ и началъ всхлипывать. Онъ и поутру на тѣхъ же самыхъ словахъ зарыдалъ. Я замѣтилъ, это часто случается съ плачущимъ; точно будто однимъ извѣстнымъ словамъ, большею частью незначительнымъ,—но именно *этимъ* словамъ, а не другимъ,—дано раскрыть источникъ слезъ въ человѣкѣ, потрясти его, возбудить въ немъ чувство жалости къ другому и къ самому себѣ.... Помнится, одна крестьянка, разсказывая при мнѣ про внезапную смерть своей дочери во время обѣда, такъ и заливалась и не могла

продолжать начатаго разсказа, какъ только произносила слѣдующую фразу: „Я ей говорю: Θекла? А она мнѣ: мамка, соль-то ты куда.... соль куда.... со-оль....“ Слово: „соль“ ее убивало. Но меня, такъ же какъ и поутру, мало трогали слезы Фустова. Я не постигалъ, какимъ образомъ онъ могъ не спросить меня, не оставила ли Сусанна чего-нибудь для него? Вообще, ихъ взаимная любовь была для меня загадкой: она такъ и осталась загадкой для меня.

Поплакавъ минутъ съ десять, Фустовъ всталъ, легъ на диванъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ, и остался неподвиженъ. Я подождалъ немного, но, видя, что онъ не шевелится и не отвѣчаетъ на мои вопросы, рѣшился удалиться. Я, быть-можетъ, взвожу на него напраслину, но едва ли онъ не заснулъ. Впрочемъ, это еще бы не доказывало, чтобъ онъ не чувствовалъ огорченія.... а только природа его была такъ устроена, что не могла долго выносить печальныя ощущенія.... Ужъ больно нормальная была природа!

XXVI.

На слѣдующій день, ровно въ одиннадцать часовъ, я былъ на мѣстѣ. Тонкая крупа сѣялась съ низкаго неба, морозъ стоялъ небольшой, готовилась оттепель, но въ воздухѣ ходили рѣзкія, непріятныя струи.... Самая была великопостная, простудная погода. Я засталъ г. Ратча на крыльцѣ его дома. Въ черномъ фракѣ съ плерезами, безъ шляпы на головѣ, онъ суетился, размахивалъ руками, билъ себя по ляшкамъ, кричалъ то въ домъ, то на улицу, въ направленіи тутъ же стоявшихъ погребальныхъ дрогъ съ бѣлымъ катафалкомъ и двухъ ямскихъ каретъ, возлѣ которыхъ четыре гарнизонные солдата въ траурныхъ мантіяхъ на старыхъ шинеляхъ и траурныхъ шляпахъ на сморщенныхъ глазахъ, задумчиво тыкали въ рыхлый снѣгъ

ручками незажженныхъ факеловъ. Сѣдая шапка волосъ такъ и вздымалась надъ краснымъ лицомъ г-на Ратча, и голосъ его, этотъ мѣдный голосъ, обрывался отъ натуги.— Что же ельнику? ельнику! сюда! Вѣтвей еловыхъ! — вопилъ онъ: — сейчасъ гробъ выносить будутъ! Ельнику! Валите ельнику! Живо! — воскликнулъ онъ еще разъ, и вскочилъ въ домъ. Оказалось, что, несмотря на мою аккуратность, я опоздалъ: г. Ратчъ счелъ за нужное поспѣшить. Служба уже отошла: священники, — изъ коихъ одинъ имѣлъ камилавку, а другой, помоложе, очень тщательно расчесалъ и примаслилъ волосы,—появились вмѣстѣ съ причтомъ на крыльцѣ. Вскорѣ показался и гробъ, несомый кучеромъ, двумя дворниками и водовозомъ. Г-нъ Ратчъ шелъ сзади, придерживаясь концами пальцевъ за крышку, и все твердилъ: „легче, легче!“ За нимъ въ перевалочку плелась Элеонора Карповна, въ черномъ платьѣ, тоже съ плерезами, окруженная всѣмъ своимъ семействомъ; послѣ всѣхъ выступалъ Викторъ, въ новенькомъ мундирѣ, при шпагѣ, съ флеромъ на рукояткѣ. Носильщики, кряхтя и перекоряясь, поставили гробъ на дроги; гарнизонные солдаты зажгли факелы, которые тотчасъ же затрещали и задымились, раздался плачъ забредшей салопницы, дьячки запѣли, снѣжная крупа внезапно усилилась и завертѣлась „бѣлыми мухами“, г-нъ Ратчъ крикнулъ:—„съ Богомъ! трогай!“—и процессія тронулась. Кромѣ семейства г-на Ратча, провожавшихъ гробъ было всего пять человѣкъ: отставной, очень поношенный офицеръ путей сообщенія съ полинялою лентой Станислава на шеѣ, едва ли не взятый на-прокатъ; помощникъ квартальнаго надзирателя, крошечный человѣкъ, съ смиреннымъ лицомъ и жадными глазами; какой-то старичекъ въ камлотовомъ капотѣ; чрезвычайно толстый рыбный торговецъ въ купеческой синей чуйкѣ и съ запахомъ своего товара,—и я. Отсутствіе женскаго пола (ибо не было возможности причислить къ нему двухъ тетокъ

Элеоноры Карповны, сестеръ колбасника, да еще какую-то кривобокую дѣвицу въ синихъ очкахъ на синемъ носѣ), отсутствіе пріятельницъ и подругъ меня сперва поразило; но, поразмысливъ я сообразилъ, что Сусанна, съ ея нравомъ, воспитаніемъ, съ ея воспоминаніями, не могла имѣть подругъ въ той средѣ, гдѣ она жила. Въ церковь набралось довольно много народу, незнакомыхъ еще больше, чѣмъ знакомыхъ, что̀ можно было видѣть по выраженію ихъ лицъ. Отпѣваніе продолжалось недолго. Удивляло меня то, что г-нъ Ратчъ крестился весьма истово, совершенно какъ православный, и едва ли не подтягивалъ дьячкамъ, впрочемъ, одними нотами. Когда же, наконецъ, пришлось прощаться съ покойницей, я низко поклонился ей, но не далъ ей послѣдняго лобызанія. Г-нъ Ратчъ, напротивъ, очень развязно исполнилъ этотъ страшный обрядъ, съ почтительнымъ наклоненіемъ корпуса пригласилъ къ гробу офицера со Станиславомъ, точно угощая его, и высоко, съ размаху, поднимая подъ мышки своихъ дѣтей, поочередно подносилъ ихъ къ тѣлу. Элеонора Карповна, простившись съ Сусанной, вдругъ разрюмилась на всю церковь; однако скоро успокоилась и все спрашивала раздраженнымъ шопотомъ: „А и гдѣ же мой ридикюль?“ Викторъ держался въ сторонѣ, и всею своею осанкой, казалось, хотѣлъ дать понять, какъ далекъ онъ отъ всѣхъ подобныхъ обычаевъ, и какъ онъ только долгъ приличія исполняетъ. Больше всѣхъ изъявилъ сочувствія старичекъ въ капотѣ, бывшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ землемѣромъ въ тамбовской губерніи и съ тѣхъ поръ не видавшій Ратча; онъ Сусанны не зналъ вовсе, но успѣлъ уже выпить двѣ рюмки водки въ буфетѣ. Тетушка моя также пріѣхала въ церковь. Она почему-то узнала, что покойница была именно та дама, которая посѣтила меня, и пришла въ волненіе неописанное! Подозрѣвать меня въ дурномъ поступкѣ она не рѣшалась, но изъяснить такое странное стеченіе обстоятельствъ также

не могла.... Чуть ли не вообразила она, что Сусанна изъ любви ко мнѣ рѣшилась на самоубійство, и, облекшись въ самыя темныя одежды, съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами, на колѣняхъ молилась объ успокоеніи души новопреставленной, поставила рублевую свѣчу образу Утоленія Печали.... „Амишка“ также съ ней пріѣхала и также молилась, но больше все на меня посматривала и ужасалась.... Эта старая дѣвица была, увы! ко мнѣ неравнодушна. Выходя изъ церкви, тетушка раздала бѣднымъ всѣ свои деньги, свыше десяти рублей.

Кончилось, наконецъ, прощаніе. Принялись закрывать гробъ. Въ теченіе всей службы у меня духа не хватило прямо посмотрѣть на искаженное лицо бѣдной дѣвушки; но каждый разъ, какъ глаза мои мелькомъ скользили по немъ: „онъ не пришелъ, онъ не пришелъ“, казалось мнѣ, хотѣло сказать оно. Стали взводить крышку надъ гробомъ. Я не удержался, бросилъ быстрый взглядъ на мертвую. „Зачѣмъ ты это сдѣлала?“ — спросилъ я невольно....—Онъ не пришелъ!—почудилось мнѣ въ послѣдній разъ....

Молотокъ застучалъ по гвоздямъ, и все было кончено.

XXVII.

Вслѣдъ за гробомъ двинулись мы на кладбище. Насъ было всѣхъ человѣкъ сорокъ, разноколиберная, въ сущности праздная толпа. Больше часу продолжалось томительное шествіе. Погода дѣлалась все хуже. Викторъ съ полдороги сѣлъ въ карету; но г. Ратчъ выступалъ бодро по талому снѣгу; точно такъ онъ, должно-быть, выступалъ, и тоже по снѣгу, когда, послѣ рокового свиданія съ Семеномъ Матвѣичемъ, онъ съ торжествомъ велъ къ себѣ въ домъ навсегда погубленную имъ дѣвушку. Волосы „ветерана“, его брови, опушились снѣжинками; онъ то пых-

тѣлъ и покрякивалъ, то мужественно забирая въ себя духъ, округлялъ свои крѣпкія, бурыя щеки.... Право, можно было подумать, что онъ смѣется. „Послѣ моей смерти, пенсія должна перейти къ Ивану Демьянычу“, вспоминались мнѣ опять слова Сусанниной тетрадки. Пришли мы, наконецъ, на кладбище; добрались до свѣже-вырытой могилы. Послѣдній обрядъ совершился скоро: всѣ продрогли, всѣ торопились. Гробъ на веревкахъ скользнулъ въ зіяющую яму; принялись забрасывать ее землей. Господинъ Ратчъ и тутъ показалъ бодрость своего духа: онъ такъ проворно, съ такой силой, съ такимъ размахомъ бросалъ комки земли на крышу гроба, такъ выставлялъ при этомъ ногу впередъ и такъ молодецки закидывалъ свой торсъ.... энергичнѣе онъ бы не могъ дѣйствовать, если бы ему пришлось побивать каменьями лютѣйшаго своего врага. Викторъ. попрежнему, держался въ сторонѣ; онъ все кутался въ шинель и проводилъ подбородкомъ по бобру воротника; остальныя дѣти господина Ратча усердно подражали родителю. Швырять пескомъ и землей доставляло имъ великое удовольствіе, за что̀ ихъ, впрочемъ, и винить нельзя. Холмикъ появился на мѣстѣ ямы; мы уже собирались расходиться, какъ вдругъ господинъ Ратчъ, повернувшись по военному налѣво кругомъ и хлопнувъ себя по ляшкѣ, объявилъ намъ всѣмъ „господамъ мужчинамъ“, что онъ приглашаетъ насъ, а также и „почтенное священство“, на „поминательный“ столъ, устроенный въ недальнемъ разстояніи отъ кладбища, въ главной залѣ весьма приличнаго трактира, „стараньями любезнѣйшаго нашего Сигизмунда Сигизмундовича....“ При этихъ словахъ онъ указалъ на помощника квартальнаго надзирателя и прибавилъ, что, при всей своей горести и лютеранской религіи, онъ, Иванъ Демьяновъ Ратчъ, какъ истый русскій человѣкъ, дорожитъ пуще всего русскими древними обычаями. „Супруга моя“, воскликнулъ онъ, — „и какія съ нею пожаловали

дамы, пускай домой поѣдутъ, а мы, господа мужчины, помянемъ скромной трапезой тѣнь усопшія рабы Твоея!“ Предложеніе господина Ратча было принято съ искреннимъ сочувствіемъ; „почтенное“ священство какъ-то внушительно переглянулось между собой, а офицеръ путей сообщенія потрепалъ Ивана Демьяныча по плечу и назвалъ его патріотомъ и душою общества.

Мы отправились гуртомъ въ трактиръ. Въ трактирѣ, посреди длинной и широкой, впрочемъ, совершенно пустой комнаты второго этажа, стояли два стола, покрытые бутылками, яствами, приборами и окруженные стульями; запахъ штукатурки, соединенный съ запахомъ водки и постнаго масла, билъ въ носъ и стѣснялъ дыханіе. Помощникъ квартальнаго надзирателя, въ качествѣ распорядителя, усадилъ священство за почетный конецъ, на которомъ преимущественно столпились кушанья постныя; вслѣдъ за духовенствомъ усѣлись прочіе посѣтители; пиръ начался. Не хотѣлось бы мнѣ употреблять такое праздничное слово: пиръ; но всякое другое слово не соотвѣтствовало бы самой сущности дѣла. Сперва все шло довольно тихо, не безъ оттѣнка унылости: уста жевали, рюмки опорожнялись, но слышались и вздохи, быть-можетъ, пищеварительные, а быть-можетъ, и сочувственные; упоминалась смерть, обращалось вниманіе на краткость человѣческой жизни, на бренность земныхъ надеждъ; офицеръ путей сообщенія разсказалъ какой-то, правда, военный, но наставительный анекдотъ; батюшка въ камилавкѣ одобрилъ его и самъ сообщилъ любопытную черту изъ житія преподобнаго Ивана Воина; другой батюшка, съ прекрасно-причесанными волосами, хоть обращалъ больше вниманія на кушанья, однако тоже произнесъ нѣчто наставительное насчетъ дѣвической непорочности; понемногу все измѣнилось. Лица раскраснѣлись, голоса загомонѣли, смѣхъ вступилъ въ свои права; стали раздаваться восклицанія порывистыя, послы-

шались ласковыя наименованья въ родѣ: „братца ты моего миленькаго“, „душки ты моей“, „чурки“ и даже „свинтуса этакого“; словомъ, посыпалось все то, на что такъ щедра русская душа, когда станетъ, какъ говорится, нараспашку. Когда же, наконецъ, захлопали пробки цымлянскаго, тутъ уже совсѣмъ шумно стало: нѣкто даже пѣтухомъ прокричалъ, а другой посѣтитель предложилъ изгрызть зубами и проглотить рюмку, изъ которой только-что выпилъ вино. Господинъ Ратчъ, уже не красный, а сизый, внезапно всталъ съ своего мѣста; онъ и до того времени много шумѣлъ и хохоталъ, но тутъ онъ попросилъ позволенія произнесть спичъ.—Говорите! Произносите!—заголосили всѣ; старикъ въ капотѣ закричалъ даже: — браво!—и въ ладоши захлопалъ.... впрочемъ, онъ сидѣлъ уже на полу. Господинъ Ратчъ поднялъ бокалъ высоко надъ головой и объявилъ, что намѣренъ, въ краткихъ, но „впечатлительныхъ“ выраженіяхъ указать на достоинства той прекрасной души, которая, „оставивъ здѣсь свою, такъ-сказать, земную шелуху (die irdische Hülle), воспарила въ небеса и погрузила....“ господинъ Ратчъ поправился: „и погрязла....“ Онъ опять поправился: „и погрузила....“

— Отецъ дьяконъ! Почтеннѣйшій! Душа! — послышался сдержанный, но убѣдительный шопотъ: — Горло, говорятъ, у тебя адское; уважь, грянь: „Мы живемъ среди полей!“

— Шш! шш!... Полно вамъ! Что это! — промчалось по устамъ гостей.

— .... Погрузила все свое преданное семейство,—продолжалъ господинъ Ратчъ, бросивъ строгій взоръ въ направленіи любителя музыки:—погрузила все свое семейство въ ничѣмъ незамѣнимую печаль! Да!—воскликнулъ Иванъ Демьянычъ:—справедливо гласитъ русская пословица: судьба гнетъ не тужитъ, переломитъ....

— Стойте! Господа! — закричалъ внезапно чей-то

хриплый голосъ на концѣ стола: — у меня сейчасъ кошелекъ украли!...

— Ахъ, мошенникъ! — запищалъ другой голосъ, и — бацъ! раздалась пощечина.

Господи! Что тутъ произошло! Точно дикій звѣрь, который до тѣхъ поръ лишь изрѣдка ворчалъ и шевелился въ насъ, вдругъ сорвался съ цѣпи и всталъ на дыбы, во всей безобразной красѣ своего взъерошеннаго загривка. Казалось, всѣ втайнѣ ожидали „скандала“, какъ естественной принадлежности и разрѣшенія пира, и такъ и ринулись всѣ, такъ и подхватили.... Тарелки, стаканы зазвенѣли, покатились, стулья опрокинулись, поднялся пронзительный крикъ, руки замахали по воздуху, фалды взвились и завязалась драка!

— Лупи его! лупи его! — заревѣлъ, какъ изступленный, мой сосѣдъ, рыбный торговецъ, казавшійся до того мгновенья самымъ смирнымъ человѣкомъ въ мірѣ; правда, онъ выпилъ въ молчанку стакановъ десять вина.—Лупи его!...

Кого лупить, за что лупить, онъ не имѣлъ понятія, но ревѣлъ неистово.

Помощникъ квартальнаго надзирателя, офицеръ путей сообщенія, самъ господинъ Ратчъ, который, вѣроятно, никакъ не ожидалъ, что его краснорѣчію будетъ положенъ такой скорый конецъ, попытались-было возстановить тишину.... но усилія ихъ оказались тщетными. Мой сосѣдъ, рыбный торговецъ, даже на самого господина Ратча накинулся.

— Уморилъ дѣвку, нѣмчура треклятая, — закричалъ онъ на него, потрясая кулаками:—полицію подкупилъ, а теперь куражишься!?

Тутъ прибѣжали половые....

Что произошло дальше, я не знаю; я поскорѣй схватилъ фуражку, да и давай Богъ ноги! Помню только,

что-то страшно затрещало; помню также остовъ селедки въ волосахъ старца въ капотѣ, поповскую шляпу, летѣвшую черезъ всю комнату, блѣдное лицо Виктора, присѣвшаго въ углу, и чью-то рыжую бороду въ чьей-то мускулистой рукѣ.... Это были послѣднія впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ „поминательнаго пира", устроеннаго любезнѣйшимъ Сигизмундомъ Сигизмундовичемъ въ честь бѣдной Сусанны.

Отдохнувъ нѣсколько, я отправился къ Фустову и разсказалъ ему все, чему я былъ свидѣтелемъ въ теченіе того дня. Онъ выслушалъ меня сидя, не поднимая головы и, подсунувъ обѣ руки подъ ноги, промолвилъ опять: „Ахъ, моя бѣдная, бѣдная!" и опять легъ на диванъ и повернулся ко мнѣ спиной.

Недѣлю спустя, онъ уже совершенно оправился и зажилъ попрежнему. Я попросилъ у него тетрадку Сусанны на память; онъ отдалъ ее мнѣ безъ всякаго затрудненія.

XXVIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тетушка моя скончалась; я изъ Москвы переселился въ Петербургъ. Въ Петербургъ переѣхалъ и Фустовъ. Онъ поступилъ въ министерство финансовъ, но я видѣлся съ нимъ рѣдко и не находилъ уже въ немъ ничего особеннаго. Чиновникъ какъ и всѣ, да и баста! Если онъ еще живъ и не женатъ, то, вѣроятно, и доселѣ не измѣнился: точитъ и клеитъ, и гимнастикой занимается, и сердца пожираетъ попрежнему, и Наполеона въ лазоревомъ мундирѣ рисуетъ въ альбомы пріятельницъ. Мнѣ пришлось какъ-то съѣздить въ Москву, по дѣламъ. Въ Москвѣ узналъ я, признаюсь, къ немалому моему удивленію, что обстоятельства моего бывшаго знакомца, господина Ратча, приняли оборотъ неблагопріятный: супруга его, правда, по-

дарила ему еще двойню, двухъ мальчиковъ, которыхъ онъ, „коренной русакъ“, окрестилъ Брячеславомъ и Вячеславомъ, но домъ его сгорѣлъ, онъ принужденъ былъ подать въ отставку, и главное — его старшій сынокъ, Викторъ, такъ и не выходилъ изъ долгового отдѣленія. Во время моего пребыванія въ Москвѣ, въ одномъ обществѣ при мнѣ упомянули о Сусаннѣ, и самымъ невыгоднымъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ! Я всячески постарался заступиться за память несчастной дѣвушки, которой судьба отказывала даже въ милостынѣ забвенія, но мои доводы не произвели большого впечатлѣнія на моихъ слушателей. Одного изъ нихъ, молодого студента-поэта, я, однако, поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы....
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты!

Я прочелъ эти стихи и невольно погрузился въ думу. Образъ Сусанны возникъ передо мной; я опять увидалъ то замороженное окно въ моей комнатѣ; я вспомнилъ тотъ вечеръ, и порывы снѣжной вьюги, и тѣ слова, тѣ рыданья.... Я началъ размышлять о томъ, чѣмъ возможно было объяснить любовь Сусанны къ Фустову, и почему она такъ скоро, такъ неудержимо предалась отчаянію, какъ только увидала себя оставленною? Почему не захотѣла подождать, услышать горькую правду изъ собственныхъ устъ любимаго человѣка, написать ему письмо, наконецъ? Какъ возможно такъ сейчасъ броситься въ бездну внизъ головой?—Оттого, что она страстно любила Фустова,—скажутъ мнѣ;—оттого, что она не могла перенести малѣйшаго сомнѣнія въ его преданности, въ его уваженіи къ ней.—Можетъ-быть; а можетъ-быть и то,

что она вовсе не такъ страстно любила Фустова; что она не ошиблась въ немъ, а только возложила на него свои послѣднія надежды и не въ состояніи была примириться съ мыслію, что даже *этотъ* человѣкъ тотчасъ, по первому слову сплетника, съ презрѣніемъ отвернулся отъ нея! Кто скажетъ, что̀ ее убило: оскорбленное ли самолюбіе, тоска ли безвыходнаго положенія или, наконецъ, самое воспоминаніе о томъ первомъ, прекрасномъ, правдивомъ существѣ, которому она, на утрѣ дней своихъ, такъ радостно отдалась, который такъ глубоко былъ въ ней увѣренъ и такъ уважалъ ее? Кто знаетъ: быть-можетъ, въ то самое мгновенье, когда мнѣ казалось, что надъ ея мертвыми устами носилось восклицаніе: „онъ не пришелъ!“ быть-можетъ, ея душа уже радовалась тому, что ушла сама къ нему, къ своему Мишелю? Тайны человѣческой жизни велики, а любовь самая недоступная изъ этихъ тайнъ.... но, все-таки, до сихъ поръ, всякій разъ, когда образъ Сусанны возникаетъ предо мной, я не въ силахъ подавить въ себѣ ни сожалѣнія къ ней, ни упрека судьбѣ, и уста мои невольно шепчутъ: несчастная! несчастная!

1868 г.

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ.

Разсказъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ — началъ г-нъ Х.... — обязанности службы заставили меня прожить нѣсколько дней въ губернскомъ городѣ Т.... Я остановился въ порядочной гостинницѣ, устроенной за полгода до моего пріѣзда разбогатѣвшимъ портнымъ изъ евреевъ. Говорятъ — она процвѣтала недолго, что̀ у насъ весьма обыкновенно; но я засталъ ее еще въ полномъ блескѣ: новыя мебели стрѣляли по ночамъ какъ изъ пистолетовъ, постельное бѣлье, скатерти и салфетки пахли мыломъ, а отъ крашеныхъ половъ несло олифой, что̀, впрочемъ, по мнѣнію полового, человѣка весьма изящнаго, хоть и не совсѣмъ опрятнаго, препятствовало распространенію насѣкомыхъ. Половой этотъ, бывшій камердинеръ князя Р., отличался развязностію обращенія и самоувѣренностію; ходилъ постоянно во фракѣ съ чужого плеча и стоптанныхъ башмакахъ, носилъ подъ мышкой салфетку и множество угрей на щекахъ и, свободно размахивая потными руками, произносилъ короткія, но внушительныя рѣчи. Онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторое покровительство, какъ человѣку, способному оцѣнить его

образованность и знаніе свѣта; но на собственную судьбу взиралъ нѣсколько разочарованнымъ окомъ.—Извѣстно,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—какое наше теперь положеніе? За хвостъ да и на солнце!—Звали его Ардаліономъ.

Мнѣ предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ чиновнымъ лицамъ города. Тотъ же Ардаліонъ досталъ мнѣ коляску и лакея, одинаково развинченныхъ и потертыхъ; но на лакеѣ была ливрея—а коляску украшали гербы. Окончивъ всѣ оффиціальныя посѣщенія, я заѣхалъ къ одному помѣщику, старинному знакомому моего отца, съ давнихъ поръ поселившемуся въ городѣ Т.... Я съ нимъ лѣтъ двадцать не видался; онъ успѣлъ жениться, развести порядочное семейство, овдовѣть и разбогатѣть. Онъ занимался откупами, то-есть, ссужалъ откупщиковъ залогами за крупные проценты.... „Рискъ—благородное дѣло!“ впрочемъ, и риску было мало. Въ теченіе нашей бесѣды, въ комнату, нерѣшительными, но легкими шагами, словно на цыпочкахъ, вошла дѣвушка лѣтъ семнадцати, тоненькая и худенькая.—Вотъ,—сказалъ мнѣ мой знакомый, — старшая моя дочь Софи, рекомендую; замѣнила мнѣ покойницу: хозяйничаетъ въ домѣ, за братьями и сестрами наблюдаетъ. — Я вторично поклонился вошедшей дѣвушкѣ (она между тѣмъ молча опустилась на стулъ), и подумалъ про себя, что на хозяйку, на воспитательницу она мало похожа. Лицо у ней было совсѣмъ дѣтское, круглое, съ маленькими, пріятными, но неподвижными чертами, голубые глазки, подъ высокими, тоже неподвижными, неровными бровями, глядѣли внимательно — почти изумленно, точно они начали замѣчать что-то для нихъ неожиданное; пухлый ротикъ, съ приподнятой верхней губой, не только не улыбался, но, казалось, не имѣлъ этой привычки вовсе; на щекахъ нѣжными продолговатыми пятнами, не прибавляясь и не уменьшаясь, стояла розовая кровь подъ тонкой кожей. Пушистые бѣлокурые волосы висѣли легкими гроздьями

съ обѣихъ сторонъ небольшой головы. Грудь дышала тихо, и руки какъ-то неловко и строго прижимались къ узкому стану. Голубое платье падало безъ складокъ — по-дѣтски — на маленькія ножки. Общее впечатлѣніе, производимое этой дѣвушкой, было не то, чтобы болѣзненное, но загадочное. Я видѣлъ передъ собою не просто робѣвшую провинціальную барышню, но существо съ особеннымъ, для меня неяснымъ отпечаткомъ. Оно меня не привлекало и не отталкивало; я его не вполнѣ понималъ, и только чувствовалъ, что мнѣ еще не удавалось встрѣтить болѣе искреннюю душу. Жалость.... да! жалость возбуждала во мнѣ эта молодая, серьезная, настороженная жизнь—Богъ вѣдаетъ почему! „Не отъ земли сея", думалось мнѣ, хотя собственно въ выраженіи лица не было ничего „идеальнаго", и хотя въ гостиную mademoiselle Sophie очевидно появилась для того, чтобы исполнить роль хозяйки, на которую намекалъ ея отецъ.

Онъ началъ говорить о жизни въ городѣ Т.... объ общественныхъ удовольствіяхъ и удобствахъ, доставляемыхъ ею.—У насъ смирно,—замѣтилъ онъ: — губернаторъ—меланхоликъ, губернскій предводитель—холостякъ. А впрочемъ, послѣзавтра въ дворянскомъ собраніи большой балъ. Совѣтую съѣздить: здѣсь не безъ красавицъ. Ну, и всю нашу *интеллигенцію* вы увидите.

Мой знакомый, какъ человѣкъ нѣкогда обучавшійся въ университетѣ, любилъ употреблять выраженія ученыя. Онъ произносилъ ихъ съ ироніей, но и съ уваженіемъ. Притомъ извѣстно, что занятіе откупами, вмѣстѣ съ солидностію, развивало въ людяхъ нѣкоторое глубокомысліе.

— Позвольте спросить, вы будете на этомъ балѣ? — обратился я къ дочери моего знакомаго. Мнѣ хотѣлось услыхать звукъ ея голоса.

— Папенька намѣренъ поѣхать,—отвѣчала она:—и я съ нимъ.

Голосъ у ней оказался тихій и медленный, и выговаривала она каждое слово, точно недоумѣвала.

— Въ такомъ случаѣ позвольте пригласить васъ на первую кадриль.—Она наклонила голову въ знакъ согласія, но и тутъ не улыбнулась.

Я вскорѣ удалился, и, помнится, взглядъ ея глазъ, пристально на меня устремленныхъ, показался мнѣ до того страннымъ, что я невольно посмотрѣлъ себѣ черезъ плечо, ужъ не видитъ ли она кого-нибудь, или что-нибудь, у меня за спиною?

Вернувшись въ гостинницу и пообѣдавъ неизмѣннымъ „супъ-жульенъ“, котлетами съ горошкомъ и просушеннымъ до черноты рябчикомъ, я присѣлъ на диванъ и предался размышленіямъ. Предметомъ ихъ была эта Софія, эта загадочная дочь моего знакомаго; но убиравшій со стола Ардаліонъ растолковалъ по своему мою задумчивость: онъ приписалъ ее скукѣ.

— Оченно у насъ въ городѣ мало развлеченія для господъ проѣзжающихъ,—заговорилъ онъ съ обычной развязной снисходительностію, въ то же время продолжая похлопывать грязной салфеткой по спинкамъ стульевъ: это похлопываніе, какъ извѣстно, свойственно однимъ лишь образованнымъ слугамъ.—Очень мало!—Онъ помолчалъ, а громадные стѣнные часы, съ лиловой розой на бѣломъ циферблатѣ, своимъ однообразнымъ и сиплымъ чиканіемъ тоже какъ бы подтверждали его слова. „О...чень! о-чень!“ щелкали они.—Ни концертовъ никакихъ, ни театровъ—продолжалъ Ардаліонъ (онъ ѣздилъ съ своимъ бариномъ за границу и чуть ли не побывалъ въ Парижѣ; онъ хорошо зналъ, что одни мужики говорятъ: кіятръ),—и танцевъ,

напримѣръ, или вечернихъ пріемовъ между господами дворянами, ничего этого не существуетъ.—(Онъ остановился на мгновеніе, вѣроятно, для того, чтобы дать мнѣ замѣтить отборность своего слова). — Даже другъ друга видятъ рѣдко. Сидитъ каждый у себя на тычкѣ, какъ „кѣтикъ“ какой. И выходитъ, что заѣзжимъ посѣтителямъ дѣваться бываетъ—просто некуда.

Ардаліонъ глянулъ на меня искоса.

— Развѣ вотъ что̀, — продолжалъ онъ съ разстановкой.—Въ случаѣ, если имѣется такое ваше расположеніе....

Онъ вторично глянулъ на меня и даже усмѣхнулся, но, должно-быть, надлежащаго расположенія во мнѣ не замѣтилъ.

Изящный слуга подошелъ къ двери, подумалъ, вернулся, и, помявшись немного на мѣстѣ, нагнулся къ моему уху и съ игривой улыбкой промолвилъ:

— Не желаете ли вы мертвыхъ видѣть?

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да, — продолжалъ онъ уже шопотомъ: — у насъ есть тутъ такой человѣкъ. Изъ простыхъ мѣщанъ, и даже безграмотный, а дѣла совершаетъ чудныя. Если, напримѣръ, вы къ нему отъявитесь и пожелаете увидать какого ни-на-есть покойника изъ вашихъ знакомыхъ, онъ вамъ его безпремѣнно покажетъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Это ужъ его секретъ. Потому, хотя онъ и человѣкъ безграмотный, прямо сказать: безсловесный, но въ божественности очень силенъ! Большое отъ купечества къ нимъ уваженіе!

— И всѣмъ это въ городѣ извѣстно?

— Кому нужно — знаютъ-съ; ну, а конечно, отъ полиціи опасеніе соблюдается. Потому, что̀ ни толкуй, дѣла̀ все-таки запрещенныя, и для простого народа — соблазнъ; простой народъ — чернь, значитъ, извѣстно: сейчасъ въ кулаки!

— Вамъ онъ мертвѣцовъ показывалъ? — спросилъ я Ардаліона. Такого образованнаго смертнаго я не рѣшался „тыкать“.

Ардаліонъ качнулъ головою. — Показывалъ-съ; родителя какъ живого представилъ.

Я уставился на Ардаліона. Онъ посмѣивался и поигрывалъ салфеткой—и снисходительно, но съ твердостью, поглядывалъ на меня.

— Да это очень любопытно! — воскликнулъ я наконецъ.—Нельзя ли мнѣ съ этимъ мѣщаниномъ познакомиться?

— Съ ними прямо никакъ нельзя-съ; а черезъ ихнюю мамыньку нужно дѣйствовать. Старушка почтенная; на мосту моченными яблоками торгуетъ. Если прикажете, я ее спрошу-съ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Ардаліонъ кашлянулъ въ руку. — И благодарность, какую вы положите, небольшую, разумѣется, тоже ей вручить слѣдуетъ, той самой старушкѣ. А я съ своей стороны ей доложу-съ, что опасаться васъ нечего, такъ какъ вы господинъ заѣзжій, баринъ — ну и, конечно, можете понимать, что сіе есть тайна, и до непріятности ни въ какомъ случаѣ ее не доведете.

Ардаліонъ взялъ подносъ въ одну руку и, граціозно виляя и собственнымъ станомъ, и подносомъ, направился къ двери.

— Такъ я могу на васъ надѣяться? — крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Будьте благонадежны!—раздался его самоувѣренный голосъ.—Побесѣдуемъ со старушкой и отвѣтъ вамъ передадимъ въ аккуратѣ.

Не стану распространяться о томъ, какія мысли возбудилъ во мнѣ необычайный фактъ, сообщенный Ардаліономъ; но готовъ сознаться, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго отвѣта. Поздно вечеромъ вошелъ ко мнѣ Ардаліонъ и объявилъ свою досаду: онъ не могъ отыскать старушку. Я все-таки, въ видахъ поощренія, вручилъ ему трехрублевую бумажку. На слѣдующее утро онъ снова, и съ радостнымъ лицомъ, явился въ мою комнату: старушка соглашалась на свиданіе со мною.

— Эй! мальчуга! — крикнулъ Ардаліонъ въ корридоръ: — мастеровой! Поди-ка сюда!—Вошелъ младенецъ, лѣтъ шести, весь перепачканный въ сажѣ какъ котенокъ, съ остриженной, мѣстами даже голой головой, въ изорванномъ полосатомъ халатѣ и огромныхъ калошахъ на босу ногу.—Вотъ ты ихъ проведешь, куда знаешь,— промолвилъ Ардаліонъ, обращаясь къ „мастеровому“ и указывая на меня. — А вы, господинъ, какъ придете, спросите Мастридію Карповну.

Мальчикъ издалъ сиплый звукъ и мы отправились.

Мы шли довольно долго по немощенымъ улицамъ города Т....; наконецъ, въ одной изъ нихъ, едва ли не самой пустынной и унылой, мой вожатый остановился передъ ветхимъ двухъэтажнымъ деревяннымъ домикомъ и, утеревъ носъ всѣмъ рукавомъ халата, проговорилъ:

— „Здѣся; направо ступайте“. Я вошелъ черезъ крылечко въ сѣни, толкнулся направо: низенькая дверь завиз-

жала на ржавыхъ петляхъ, и я увидѣлъ передъ собою толстую старушку въ коричневой, зайцемъ подбитой кацавейкѣ и пестромъ платочкѣ на головѣ.

— Мастридія Карповна?—спросилъ я.

— Она самая и есть, — отвѣчала мнѣ старушка пискливымъ голосомъ.—Милости просимъ. На стульчикъ не угодно ли?

Комната, въ которую ввела меня старушка, была до того завалена всякимъ хламомъ, тряпьемъ, подушками, перинами, мѣшками, что повернуться въ ней почти не было возможности. Солнечный свѣтъ едва пробивался сквозь два запыленныя окошка; въ одномъ углу, за грудой наставленныхъ другъ на дружку коробовъ, слабо охалъ и жаловался.... неизвѣстно кто: быть-можетъ, больной ребенокъ, а быть-можетъ—щенокъ. Я усѣлся на стулъ, а старушка стала прямо предо мною. Лицо у ней было желтое, полупрозрачное, какъ восковое; губы до того ввалились, что среди множества морщинъ представляли одну поперечную; клокъ бѣлыхъ волосъ торчалъ изъ-подъ головного платка, но воспаленные, сѣрые глазки умно и бойко выглядывали изъ-подъ нависшей лобной кости; а заостренный носикъ такъ и выдавался шиломъ, такъ и нюхалъ воздухъ: плутъ, молъ, я! „Ну! ты баба не промахъ!“ подумалось мнѣ: притомъ же, отъ нея попахивало водочкой.

Я объяснилъ ей причину моего посѣщенія, которая, впрочемъ какъ я замѣтилъ, должна была ей быть извѣстной. Она выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще востре выдвинула свой носъ, словно клюнуть имъ собиралась.

— Такъ-съ, такъ-съ, — заговорила она наконецъ:— Ардаліонъ Матвѣичъ намъ сказывали-съ, точно-съ; вамъ сыночка моего, Васеньки, искусство понадобилось.... Только сумлѣваемся мы, государь мой....

— Отчего же? — перебилъ я. — На мой счетъ вы можете быть совершенно спокойны.... Я не доносчикъ.

— Охъ, батюшка вы мой,—поспѣшно подхватила старушка: — что • вы это? Смѣемъ мы про ваше благородіе такое думать! Да и доносить-то на насъ съ какой стати? Развѣ мы что грѣшное затѣваемъ? Не таковскій мой сыночекъ, батюшка, чтобы ему на какое нечистое дѣло согласиться.... или какимъ колдовствомъ баловаться.... да сохрани Богъ, мать пресвятая Богородица! (Старушка три раза перекрестилась). По всей губерніи первый постникъ и молельщикъ; первый, батюшка вы мой, ваше благородіе! А это точно! милость его посѣтила великая. Что жъ! Это дѣло не его рукъ. Это, голубчикъ мой, свыше; да.

— Такъ вы согласны?—спросилъ я:—когда я могу съ вашимъ сыномъ повидаться?

Старушка опять заморгала глазами и раза два перепихнула скатанный носовой платокъ изъ рукава въ рукавъ.

— Охъ, государь мой, государь мой, сумлеваемся мы....

— Позвольте, Мастридія Карповна, вручить вамъ слѣдующее, — перебилъ я ее, и подалъ ей десятирублевую бумажку.

Старушка тотчасъ схватила ее своими пухлыми, кривыми пальцами, напоминавшими мясистые когти совы, проворно засунула ее въ рукавъ, подумала немного и, какъ бы внезапно рѣшившись, хлопнула себя обѣими ладонями по ляшкамъ.

— Приходи сюда сегодня вечеромъ, въ восьмомъ часу,—заговорила она не своимъ обычнымъ, а другимъ, болѣе важнымъ и тихимъ голосомъ: — только не въ эту комнату, а прямо изволь подняться во второй этажъ; и будетъ тебѣ дверь налѣво, и ты ту дверь отвори; и войдешь ты, ваше благородіе, въ пустую комнату, и въ той комнатѣ увидишь стулъ. Сядь ты на этотъ стулъ и жди; и что бы ты ни видѣлъ, никакихъ словъ не произноси и не

дѣлай ничего; и съ сыночкомъ моимъ тоже не изволь разговаривать; потому—онъ еще младъ, да онъ же у меня въ падучкѣ. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется, словно цыпленокъ какой.... бѣда!

Я посмотрѣлъ на Мастридію. — Вы говорите онъ молодъ, но коли онъ вашъ сынъ....

— По духу, батюшка, по духу! Много у меня сиротъто! — прибавила она, мотнувъ головою въ направленіи угла, откуда раздался жалобный пискъ.—О-охъ, Господи Боже ты мой, пресвятая мать Богородица! А вы, батюшка мой, ваше благородіе, прежде, чѣмъ сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вамъ изъ вашихъ покойныхъ сродственниковъ или знакомыхъ,—царство имъ небесное! — увидѣть желательно. Переберите своихъ покойничковъ, и котораго выберете, такъ ужъ его въ умѣ держите, все держите, пока сыночекъ придетъ!

— А развѣ я не долженъ сказать вашему сыну, кого именно....

— Ни, ни, батюшка, ни единаго слова. Онъ самъ въ вашихъ мысляхъ откроетъ, что̀ ему нужно. А вы только знакомца вашего хороше....енько въ умѣ держите; да за обѣденнымъ столомъ винца выпейте—стаканчика два, три, винцо никогда не мѣшаетъ.—Старуха разсмѣялась, облизнулась, провела рукою по рту и вздохнула.

— Такъ въ половинѣ восьмого? — спросилъ я, поднимаясь со стула.

— Въ половинѣ восьмого, батюшка, ваше благородіе: въ половинѣ восьмого,—успокоительно отвѣчала Мастридія Карповна.

Я простился со старухой и вернулся въ гостинницу. Я не сомнѣвался въ томъ, что меня собирались одурачить, но какимъ образомъ? вотъ что возбуждало мое любопыт-

ство. Съ Ардаліономъ я помѣнялся всего двумя-тремя словами.—Допустили? — спросилъ онъ меня, нахмуривъ брови, и на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: — Баба министръ!—Я принялся, по совѣту „министра", перебирать своихъ покойничковъ. Послѣ довольно долгихъ колебаній, я остановился, наконецъ, на одномъ давно умершемъ старичкѣ, французѣ, бывшемъ моемъ гувернерѣ. Я выбралъ именно его не потому, чтобы чувствовалъ особенное къ нему влеченіе; но вся фигура его была такъ оригинальна, такъ не походила на современныя фигуры, что поддѣлаться подъ нее было совершенно невозможно. Онъ имѣлъ огромную голову, зачесанные назадъ пушистые бѣлые волосы, густыя черныя брови, крючковатый носъ, и двѣ большія бородавки лиловаго цвѣта по серединѣ лба, носилъ зеленый фракъ съ мѣдными, гладкими пуговицами, полосатый жилетъ со стоячимъ воротникомъ, жабо и манжетки. „Коли онъ мнѣ моего старика Дессѣра покажетъ", подумалъ я, „ну, надо будетъ согласиться, что онъ колдунъ!"

За обѣдомъ я, по совѣту старухи, выпилъ бутылку лафиту, первѣйшаго сорта, по увѣренію Ардаліона, но съ сильнѣйшимъ вкусомъ жженой пробки и съ густымъ осадкомъ сандала на днѣ каждой рюмки.

Ровно въ половинѣ восьмого я находился передъ домомъ, въ которомъ бесѣдовалъ съ почтенной Мастридіей Карповной. Всѣ ставни оконъ были заперты, но дверь была раскрыта. Я вошелъ въ домъ, взобрался по шаткой лѣстницѣ во второй этажъ, и, отворивъ дверь налѣво, очутился, какъ мнѣ предсказывала старушка, въ совершенно пустой, довольно просторной комнатѣ; сальная свѣчка, поставленная на подоконникъ, тускло ее освѣщала: у стѣны, напротивъ двери, стоялъ плетеный стулъ. Я снялъ со свѣчки,

которая порядкомъ успѣла нагорѣть, усѣлся на стулъ и началъ ждать.

Первыя десять минутъ прошли довольно скоро; въ самой комнатѣ рѣшительно ничего не могло привлечь мое вниманіе; но я прислушивался къ каждому шороху, внимательно глядѣлъ на закрытую дверь.... Сердце билось. За первыми десятью минутами прошли другія; потомъ полчаса, три четверти часа—и хоть бы что̀ пошевельнулось кругомъ! Я нѣсколько разъ кашлянулъ, чтобы дать знать о моемъ присутствіи; я начиналъ скучать, сердиться; *такимъ* образомъ быть одураченнымъ не входило въ мои разсчеты. Я уже собирался подняться со стула и, взявъ свѣчку съ окна, пойти внизъ.... Я посмотрѣлъ на нее, свѣтильня опять нагорѣла грибомъ; но, отведши взоры отъ окна къ двери, я невольно вздрогнулъ: прислонясь къ этой самой двери, стоялъ человѣкъ. Онъ такъ проворно и безъ шума вошелъ, что я ничего не слышалъ.

На немъ была простая синяя чуйка: роста онъ былъ средняго и довольно плотенъ. Закинувъ руки за спину и, потупивъ голову, онъ уставился на меня. При тускломъ свѣтѣ свѣчки, я не могъ хорошенько разглядѣть его черты: я видѣлъ только косматую гриву спутанныхъ волосъ, падавшихъ на лобъ, да крупныя, слегка искривленныя губы, да бѣлесоватые глаза. Я хотѣлъ-было заговорить съ нимъ, но вспомнилъ наставленіе Мастридіи и закусилъ губы. Вошедшій человѣкъ продолжалъ глядѣть на меня; я также глядѣлъ на него и, странное дѣло! въ одно и то же время я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха и, словно по приказанію, немедленно принялся думать о моемъ старомъ гувернерѣ. *Тотъ* все стоялъ у двери и дышалъ усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднималъ, а глаза его какъ

будто расширялись, какъ будто приближались ко мнѣ—и неловко мнѣ становилось подъ ихъ упорнымъ, тяжелымъ, грознымъ взоромъ; по временамъ эти глаза загорались зловѣщимъ внутреннимъ огонькомъ; подобный огонекъ замѣчалъ я у борзой собаки, когда она „воззрится“ въ зайца, и, подобно борзой собакѣ, *тотъ* весь устремлялся *своимъ* взоромъ вслѣдъ за моимъ, когда я „дѣлалъ угонку“, т.-е. пробовалъ отвести глаза въ сторону.

Такъ прошло, не знаю, сколько времени: быть-можетъ, минута; быть-можетъ, четверть часа. Онъ все глядѣлъ на меня; я все ощущалъ нѣкоторую неловкость и страхъ, и все думалъ о французѣ. Раза два я попытался сказать самому себѣ: „что за вздоръ! что за комедія!“ попытался улыбнуться, пожать плечомъ.... Напрасно! Всякое рѣшеніе во мнѣ тотчасъ „застывало“, — я другого слова подобрать не умѣю. Мною овладѣло какое-то оцѣпенѣніе. Вдругъ я замѣтилъ, что *тотъ* уже отдѣлился отъ двери и стоялъ на шагъ или на два ближе ко мнѣ; потомъ онъ чуть-чуть подпрыгнулъ, обѣими ногами разомъ, и сталъ еще ближе.... Потомъ еще.... потомъ еще; а грозные глаза такъ и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно. Мнѣ эти прыжки показались смѣшными, но и жутко мнѣ становилось, и, что я уже никакъ понять не могъ, сонливость вдругъ начала находить на меня. Вѣки мои слипались.... косматая фигура съ бѣлесоватыми глазами въ синей чуйкѣ задвоилась передо мной — и вдругъ совсѣмъ исчезла!... Я встрепенулся: онъ опять стоялъ между дверью и мною, но уже гораздо ближе.... Потомъ онъ опять исчезъ — словно туманъ набѣжалъ на него; опять появился.... исчезъ опять.... появился опять.... и все ближе, ближе.... его трудное, почти храпѣвшее ды-

ханіе уже добѣгало до меня.... Опять надвинулся туманъ, и вдругъ изъ этого тумана, начиная съ бѣлыхъ, кверху приподнятыхъ волосъ, явственно стала вырисовываться голова старика Дессѣра! Да: вотъ его бородавки, его черныя брови, его носъ крючкомъ! Вотъ и зеленый фракъ съ мѣдными пуговицами, и полосатый жилетъ, и жабо.... Я вскрикнулъ, я приподнялся.... Старикъ исчезъ, и на мѣстѣ его я снова увидѣлъ человѣка въ синей чуйкѣ. Онъ подошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, уперся въ нее головой и обѣими руками и, задыхаясь, какъ запаленная лошадь, хриплымъ голосомъ проговорилъ: „Чаю!“ Откуда ни возьмись, Мастридія подскочила къ нему и, приговаривая: — Васенька, Васенька,—принялась заботливо утирать потъ, который такъ и струился съ его волосъ и лица. Я-было приблизился къ ней, но она такъ убѣдительно, такимъ раздирающимъ голосомъ воскликнула:—„Ваше благородіе! отецъ милостивый, не губите, уйдите, Христа ради!“ — что я повиновался; а она снова обратилась къ своему сыночку. — Кормилецъ, голубчикъ,—успокаивала она его;—сейчасъ тебѣ будетъ чай, сейчасъ. Да и вы, батюшка, чайку у себя дома выкушайте!—крикнула она мнѣ вслѣдъ.

Вернувшись домой, я послушался Мастридіи и велѣлъ подать себѣ чаю; я чувствовалъ усталость — даже слабость. — Ну, что-съ? — спросилъ меня Ардаліонъ: — были-съ? видѣли-съ?

— Онъ мнѣ, точно, показалъ что-то.... чего я, признаюсь, не ожидалъ,—отвѣчалъ я.

— Великой премудрости человѣкъ! — замѣтилъ Ардаліонъ, вынося самоваръ; — отъ купечества къ нимъ—баальшое уваженіе!

Ложась спать и размышляя о случившейся со мной

исторіи, я наконецъ вообразилъ, что добился ея объясненія. Человѣкъ этотъ, несомнѣнно, обладалъ значительной магнетической силой: дѣйствуя, конечно, непонятнымъ для меня способомъ, на мои нервы, онъ такъ ясно, такъ опредѣленно возбудилъ во мнѣ образъ старика, о которомъ я думалъ, что мнѣ, наконецъ, показалось, что я его вижу передъ глазами.... Наукѣ извѣстны подобныя „метастазы"—перестановленія ощущеній. Прекрасно; но сила, способная производить такія дѣйствія, все-таки оставалась чѣмъ-то удивительнымъ и таинственнымъ. „Что ни говори, думалъ я: — я видѣлъ, своими глазами видѣлъ покойнаго моего гувернера!"

На слѣдующій день происходилъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Отецъ Софи заѣхалъ ко мнѣ и напомнилъ мнѣ приглашеніе, которое я сдѣлалъ его дочери. Въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ рядомъ съ нею посреди залы, освѣщенной множествомъ мѣдныхъ лампъ, и готовился выдѣлывать немудреные на французской кадрили подъ громогласныя завыванія военнаго оркестра. Народу съѣхалось пропасть; особенно много было дамъ, и прехорошенькихъ: но пальма первенства между ними непремѣнно осталась бы за моей дамой, если бы не нѣсколько странный, нѣсколько даже дикій ея взоръ. Я замѣтилъ, что она очень рѣдко мигала; несомнѣнное выраженіе искренности въ ея глазахъ не выкупало того, что въ нихъ было необычнаго. Но сложена она была прелестно и двигалась граціозно, хоть и застѣнчиво. Когда она вальсировала и, немного перегнувъ назадъ свой станъ, наклоняла тонкую шею къ правому плечу, какъ бы желая отдалиться отъ своего танцора, ничего болѣе трогательно-молодого и чистаго нельзя было себѣ представить. Она была вся въ бѣломъ съ бирюзовымъ крестикомъ на черной ленточкѣ.

Я пригласилъ ее на мазурку и постарался разговорить ее. Но она отвѣчала мало и неохотно, а слушала внимательно, съ тѣмъ же выраженіемъ задумчиваго изумленія, которое поразило меня въ первое мое свиданіе съ нею. Никакой тѣни кокетства въ ея лѣта, съ ея наружностію, и отсутствіе улыбки, и эти глаза, постоянно и прямо устремленные въ глаза собесѣдника—эти глаза, которые въ то же время какъ будто видятъ что̀-то другое, чѣмъ-то другимъ озабочены.... Что за странное существо! Не зная, наконецъ, чѣмъ расшевелить ее, я вздумалъ разсказать ей мое вчерашнее приключеніе.

Она выслушала меня до конца съ видимымъ любопытствомъ, но, чего я никакъ не ожидалъ, не удивилась моему разсказу и только спросила меня, не Василіемъ-ли зовутъ *его?* Я вспомнилъ, что старуха при мнѣ называла его „Васенькой“.—Да; его имя Василій,—отвѣчалъ я:—развѣ вы его знаете?

— Здѣсь живетъ одинъ богоугодный человѣкъ, котораго зовутъ Василіемъ,—промолвила она: — я подумала, не онъ ли?

— Богоугодность тутъ ни къ чему, — замѣтилъ я: — это простое дѣйствіе магнетизма—фактъ, интересный для докторовъ и естествоиспытателей.

Я принялся излагать свои воззрѣнія на ту особенную силу, которую зовутъ магнетизмомъ, на возможность подчиненія воли одного человѣка волѣ другого и т. п.; но мои, правда, нѣсколько сбивчивыя объясненія, казалось, не производили впечатлѣнія на мою собесѣдницу. Софѝ слушала, уронивъ на колѣни скрещенныя руки съ неподвижно-лежавшимъ въ нихъ вѣеромъ; она не играла имъ, она вообще не шевелила пальцами, и я чувствовалъ, что всѣ мои слова отскакивали отъ нея, какъ отъ каменной

статуи. Она понимала ихъ, но у ней видимо были свои, незыблемыя и неискоренимыя убѣжденія.

— Не допускаете же вы чудесъ!—воскликнулъ я.

— Конечно, допускаю,—спокойно промолвила она. — Да и какъ возможно не допускать ихъ? Развѣ не сказано въ Евангеліи, что у кого на одно горчишное сѣмя вѣры, тотъ можетъ горы поднимать съ мѣста? Нужно только вѣру имѣть,—чудеса будутъ.

— Видно, мало вѣры въ наше время стало, — возразилъ я:—что̀-то не слыхать про чудеса!

— Однако, вотъ, бываютъ же; вы сами видѣли. Нѣтъ; вѣра не перевелась въ наше время; а начало вѣры....

— Начало премудрости страхъ Божій,—перебилъ я.

— Начало вѣры, — продолжала Софи, нисколько не смутившись:—самоотверженіе.... уничиженіе!

— Даже уничиженіе?—спросилъ я.

— Да. Гордость человѣческая, гордыня, высокомѣріе, вотъ что̀ надо искоренить до тла. Вы вотъ упомянули о волѣ.... ее-то и надо сломить.

Я окинулъ взоромъ всю фигуру молоденькой дѣвушки, произносившей такія рѣчи.... „А вѣдь этотъ ребенокъ не шутитъ!“ подумалось мнѣ. Я взглянулъ на нашихъ сосѣдей по мазуркѣ: они также взглянули на меня, и мнѣ показалось, что мое удивленіе ихъ забавляло; одинъ изъ нихъ даже улыбнулся мнѣ сочувственно, какъ бы желая сказать: „А? что̀? какова у насъ барышня-чудачка? здѣсь всѣ ее за такую знаютъ“.

— Вы попытались сломить свою волю? — обратился я снова къ Софи.

— Всякій обязанъ дѣлать то, что̀ ему кажется правдой,—отвѣчала она какимъ-то догматическимъ тономъ.

— Позвольте васъ спросить,—началъ я послѣ небольшого молчанія,—вѣрите-ли вы въ возможность вызывать мертвыхъ?

Софи тихо покачала головою.

— Мертвыхъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Душъ мертвыхъ нѣтъ; онѣ безсмертны и могутъ всегда явиться, когда захотятъ.... Онѣ постоянно окружаютъ насъ.

— Какъ? Вы полагаете, что, напримѣръ, подлѣ того гарнизоннаго маіора, съ краснымъ носомъ, можетъ въ эту минуту витать безсмертная душа?

— Почему же нѣтъ? Солнечный свѣтъ освѣщаетъ же его и его носъ—а развѣ солнечный свѣтъ, всякій свѣтъ, не отъ Бога? И что такое наружность? Для чистаго нѣтъ ничего нечистаго! Лишь бы учителя найти! наставника найти!

— Да позвольте, позвольте,—вмѣшался я, признаюсь, не безъ злорадства. — Вы желаете наставника.... а духовникъ вашъ на что?

Софи холодно посмотрѣла на меня.

— Вы, кажется, хотите смѣяться надо мною. Батюшка мой духовный говоритъ мнѣ, что я должна дѣлать; но мнѣ нуженъ такой наставникъ, который самъ бы мнѣ на дѣлѣ показалъ, какъ жертвуютъ собою!

Она подняла глаза къ потолку. Своимъ дѣтскимъ лицомъ и этимъ выраженіемъ неподвижной задумчивости, тайнаго, постояннаго изумленія, она напомнила мнѣ до-Рафаэлевскихъ мадоннъ....

— Я читала гдѣ-то, — продолжала она, не оборачиваясь ко мнѣ и едва шевеля губами, — что одинъ вельможа велѣлъ себя похоронить подъ папертью церковною для того, чтобы всѣ проходившіе люди ногами попирали его, топтали.... Вотъ это надо еще при жизни сдѣлать....

Бумъ! бумъ! тра-ра-рахъ! — гремѣли съ хоровъ литавры.... Признаюсь, подобный разговоръ на балѣ показался мнѣ чересчуръ эксцентричнымъ; онъ невольно воз-

буждалъ во мнѣ мысли.... свойства совершенно противоположнаго религіозному. Я воспользовался приглашеніемъ моей дамы на одну изъ фигуръ мазурки, чтобы уже не возобновлять нашихъ quasi-богословскихъ преній.

Четверть часа спустя, я отвелъ mademoiselle Sophie къ ея родителю, а дня черезъ два я покинулъ городъ Т..., и образъ дѣвушки съ дѣтскимъ лицомъ и непроницаемой, точно каменной душой, скоро изгладился изъ моей памяти.

Минуло два года, и этому образу опять пришлось возникнуть предо мною. А именно: я разговаривалъ съ однимъ сослуживцемъ, только-что вернувшимся изъ поѣздки по южной Россіи. Онъ прожилъ нѣсколько времени въ городѣ Т.... и сообщилъ мнѣ кое-какія свѣдѣнія о тамошнемъ обществѣ.—Кстати!—воскликнулъ онъ:—вѣдь ты, кажется, хорошо знакомъ съ В. Г. Б.?

— Какъ же, знакомъ.

— И дочь его, Софью, ты знаешь?

— Я видѣлъ ее раза два.

— Представь: сбѣжала!

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вотъ уже три мѣсяца, какъ безъ вѣсти пропала. И удивительно то, что никто не можетъ сказать, съ кѣмъ она сбѣжала. Представь, никакой догадки, ни малѣйшаго подозрѣнія! Она всѣмъ женихамъ отказывала. И поведенія была самаго скромнаго. Ужъ эти мнѣ тихони, да богомолки! Скандалъ по губерніи ужасный! Б. въ отчаяніи.... И какая ей была нужда бѣжать? Отецъ во всемъ исполнялъ ея волю. Главное, непостижимо то, что всѣ губернскіе ловеласы на лицо, всѣ до единаго.

— И ея до сихъ поръ не отыскали?

— Говорятъ тебѣ, какъ въ воду канула! Одной богатой невѣстой на свѣтѣ меньше, вотъ что скверно.

Извѣстіе это меня очень удивило. Оно никакъ не вязалось съ тѣмъ воспоминаніемъ, которое я сохранилъ о Софіи Б. Но мало ли чего не бываетъ!

Осенью того же года меня, опять-таки по служебнымъ дѣламъ, судьба закинула въ С....кую губернію, находящуюся, какъ извѣстно, рядомъ съ губерніей Т....ской. Погода стояла дождливая и холодная; изнуренныя почтовыя лошадёнки едва тащили мой легонькій тарантасъ по растворившемуся черноземy большой дороги. Помнится, одинъ день выдался особенно неудачный; раза три пришлось „сидѣть“ въ грязи по ступицу; ямщикъ мой то и дѣло бросалъ одну колею и съ гиканьемъ и завываніемъ переползалъ въ другую; но и въ той не было легче. Словомъ, къ вечеру я такъ измучился, что, добравшись до станціи, рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели комнатку съ деревяннымъ, продавленнымъ диваномъ, покрившимся поломъ и оборванными бумажками по стѣнамъ; въ ней пахло квасомъ, рогожей, лукомъ и даже скипидаромъ, и мухи роями сидѣли повсюду; но, по крайней мѣрѣ, отъ непогоды можно было укрыться; а дождь, какъ говорится, зарядилъ на цѣлыя сутки. Я велѣлъ поставить самоваръ и, присѣвъ на диванъ, предался тѣмъ дорожнымъ нерадостнымъ думамъ, которыя такъ знакомы путешественникамъ на Руси.

Онѣ были прерваны тяжелымъ стукомъ, раздавшимся въ общей избѣ, отъ которой моя комната отдѣлялась дощатой перегородкой. Стукъ этотъ сопровождался отрывочнымъ, зычнымъ бряцаніемъ, подобнымъ лязгу цѣпей, и внезапно гаркнулъ грубый мужской голосъ: — Благослови Богъ всѣхъ сущихъ *у дому сему*. Благослови Богъ! Благослови Богъ! Аминь, аминь, разсыпься!—повторилъ

голосъ, какъ-то нескладно и дико вытягивая послѣдній слогъ каждаго слова.... Послышался шумный вздохъ, и грузное тѣло съ тѣмъ же бряцаньемъ опустилось на лавку.

— Акулина! Раба божія, подь сюда! — заговорилъ опять голосъ: — зри, яко нагъ, яко благъ.... Ха-ха-ха! Тьфу! Господи Боже мой, Господи Боже мой, Господи Боже мой,—загудѣлъ голосъ, какъ дьячокъ на клиросѣ,— Господи Боже мой, Владыка живота моего, воззри на окаянство мое.... О-хо-хо! Ха-ха.... Тьфу! А дому сему благодать въ часъ седьмый!

— Кто это?—спросилъ я тароватую мѣщанку-хозяйку, вошедшую ко мнѣ съ самоваромъ.

— А это, батюшка вы мой, — отвѣчала она мнѣ торопливымъ шопотомъ,—блаженный, божій человѣкъ. Въ нашихъ краяхъ недавно проявился: вотъ и насъ посѣтить изволилъ. Въ какую непогодь! Такъ съ него, голубчика, ручьями и льетъ! И вериги вы бы посмотрѣли на немъ какія—страсть!

— Благослови Богъ! Благослови Богъ! — раздался снова голосъ. — Акулина! А Акулина! Акулинушка — другъ! И гдѣ нашъ рай? Рай нашъ прекрасный? Въ пустынѣ нашъ рай.... рай.... А дому сему, на починѣ вѣку сего.... радости веліи.... о.... о.... о....—Голосъ забормоталъ что-то невнятное, и вдругъ, вслѣдъ за протяжнымъ зѣвкомъ, опять послышался сиплый хохотъ. Хохотъ этотъ вырывался всякій разъ какъ бы невольно, и всякій разъ послѣ него слышалось негодующее плеваніе.

— Эхъ-ма! Степаныча нѣтъ! вотъ наше горе-то!— словно про себя промолвила хозяйка, со всѣми признаками глубочайшаго вниманія остановившаяся у двери.—Словцо какое спасительное скажетъ, а мнѣ бабѣ и невдомёкъ!— Она проворно вышла.

Въ перегородкѣ была щель; я приложился къ ней глазомъ. Юродивый сидѣлъ на лавкѣ ко мнѣ задомъ: я видѣлъ только его громадную, какъ пивной котелъ, косматую голову, да широкую, сгорбленную спину подъ заплатаннымъ мокрымъ рубищемъ. Передъ нимъ, на земляномъ полу, стояла на колѣняхъ тщедушная женщина въ старомъ, тоже мокромъ, мѣщанскомъ шушунѣ съ темнымъ платкомъ, надвинутымъ на самые глаза. Она силилась стащить сапогъ съ ноги юродиваго, пальцы ея скользили по загрязненной осклизлой кожѣ. Хозяйка стояла возлѣ нея со сложенными на груди руками, и благоговѣйно взирала на „Божьяго человѣка“. Онъ, попрежнему, бурчалъ какія-то невнятныя рѣчи.

Наконецъ, женщинѣ въ шушунѣ удалось сдернуть сапогъ. Она чуть навзничь не упала, однако оправилась и принялась разматывать онучи юродиваго. На подъемѣ ноги оказалась рана.... Я отвернулся.

— Чайкомъ не прикажешь-ли попотчивать, родимый?— послышался подобострастный голосъ хозяйки.

— Что̀ выдумала! — отозвался юродивый. — Грѣшное тѣло баловать..... Охо-хо! Всѣ кости ему сокрушить.... а она—чай! Охъ, охъ, старица почтенная, сатана въ насъ силенъ! На него гладъ, на него хладъ, на него хляби небесныя, дожди проливные, пронзительные, а онъ ничего, живучъ! Помни день покрова Богородицы! Будетъ тебѣ, будетъ много!

Хозяйка легонько даже ахнула отъ удивленія.

— Только ты слушай меня! Все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будутъ, а ты отдай! Потому, Богъ видитъ! Али крышу долго разметать? Далъ Онъ тебѣ, Милостивецъ, хлѣба, ну, и сажай его въ печь! А Онъ все видитъ! Ви....и....ди...итъ! Глазъ въ треугольникѣ чей? сказывай.... чей?

Хозяйка украдкой перекрестилась подъ косынкой.

— Древлій врагъ, адамантъ! А.... да.... мантъ! А.... да.... мантъ,—повторилъ нѣсколько разъ юродивый со скрежетомъ зубовъ.—Древлій змій! Но, да воскреснетъ Богъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Я всѣхъ мертвыхъ призову! На врага его пойду.... Ха-ха-ха! Тьфу!

— Маслица нѣтъ ли у васъ,—произнесъ другой, едва слышный голосъ:—дайте на ранку приложить.... тряпочка у меня чистая есть.

Я снова глянулъ сквозь щель: женщина въ шушунѣ все еще возилась съ больной ногой юродиваго.... „Магдалина!“ подумалъ я.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубушка, — промолвила хозяйка и, войдя ко мнѣ въ комнату, достала ложечкой масла изъ лампадки передъ образомъ.

— Кто это ему прислуживаетъ?—спросилъ я.

— А не знаемъ, батюшка, кто такая; тоже спасается, чай, грѣхи заслуживаетъ. Ну, да ужъ и святой же человѣкъ!

— Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная, — твердилъ между тѣмъ юродивый, и вдругъ заплакалъ.

Стоявшая передъ нимъ на колѣняхъ женщина возвела на него свои глаза.... Боже мой, гдѣ видѣлъ я эти глаза?

Хозяйка подошла къ ней съ ложечкой масла. Та кончила свою операцію и, поднявшись съ полу, спросила, нѣтъ ли чистаго чуланчика, да сѣнца немного.... „Василій Никитичъ на сѣнѣ почивать любитъ“, прибавила она.

— Какъ не быть, пожалуйте,—отвѣчала хозяйка: — пожалуй, родименькій,—обратилась она къ юродивому:— обсушись, отдохни.—Тотъ закряхтѣлъ, медлительно поднялся съ лавки—его вериги опять звякнули — и, обернувшись ко мнѣ лицомъ и поискавъ образовъ глазами, началъ креститься большимъ крестомъ надъ грудью.

Я тотчасъ узналъ его: это былъ тотъ самый мѣщ-

нинъ Василій, который нѣкогда показалъ мнѣ моего покойнаго гувернера!

Черты его мало измѣнились; только выраженіе ихъ стало еще необычнѣе, еще страшнѣе.... Нижняя часть опухшаго лица обросла взъерошенною бородою. Оборванный, грязный, одичалый, онъ внушалъ мнѣ еще больше отвращенія, чѣмъ ужаса. Онъ пересталъ креститься, но продолжалъ блуждать безсмысленнымъ взоромъ по угламъ, по полу, словно ждалъ чего-то....

— Василій Никитичъ, пожалуйте, — промолвила съ поклономъ женщина въ шушунѣ. Онъ вдругъ взмахнулъ головой и повернулся, да запутался ногами, зашатался.... Спутница его тотчасъ къ нему подскочила и поддержала его подъ мышку. Судя по голосу, да по стану, она казалась еще молодой женщиной: лица ея почти невозможно было видѣть.

— Акулинушка, другъ!—проговорилъ еще разъ юродивый какимъ-то потрясающимъ голосомъ и, широко раскрывъ ротъ и ударивъ себя кулакомъ въ грудь, простоналъ глухимъ, со дна души поднявшимся стономъ. Оба вышли изъ комнаты вслѣдъ за хозяйкой.

Я легъ на свой жесткій диванъ и долго размышлялъ о томъ, что̀ видѣлъ. Мой магнетизеръ сталъ окончательно юродивымъ. Вотъ куда повернула его та сила, которую нельзя было не признать въ немъ!

На слѣдующее утро я собрался въ путь. Дождь лилъ по вчерашнему, но я не могъ долѣе мѣшкать. На лицѣ моего слуги, подававшаго мнѣ умываться, играла особенная, сдержанно-насмѣшливая улыбочка. Я хорошо понималъ эту улыбочку: она обозначала, что слуга мой узналъ что-нибудь невыгодное или даже неприличное на-

счетъ господъ. Онъ видимо сгоралъ нетерпѣніемъ сообщить мнѣ это.

— Ну, что такое?—спросилъ я, наконецъ.

— Вчерашняго юродивца изволили видѣть? — немедленно заговорилъ мой слуга.

— Видѣлъ; что же далѣе?

— А товарку ихнюю тоже видѣли-съ?

— Видѣлъ и ее.

— Она-съ барышня; дворянскаго происхожденія.

— Какъ?

— Истину вамъ докладываю-съ; купцы сегодня изъ Т.... проѣзжали; признали ее. Фамилію даже называли, только я запамятовалъ-съ.

Меня какъ молніей освѣтило.—Юродивый еще здѣсь, или уже ушелъ?—спросилъ я.

— Кажись, еще не уходилъ. Давеча сидѣлъ подъ воротами и мудреное такое творилъ, что и постигнуть невозможно. Благуетъ съ жиру: потому, выгоду въ томъ себѣ находитъ.

Слуга мой принадлежалъ къ тому же разряду образованныхъ дворовыхъ, какъ и Ардаліонъ.

— И барышня съ нимъ?

— Съ ними-съ; дежурятъ тоже.

Я вышелъ на крыльцо и увидѣлъ юродиваго. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подъ воротами и, упершись въ нее обѣими ладонями, раскачивалъ направо и налѣво понуренную голову, — ни дать, ни взять, дикій звѣрь въ клѣткѣ. Густыя космы курчавыхъ волосъ закрывали ему глаза и мотались изъ стороны въ сторону такъ же, какъ и отвисшія губы.... Странное, почти нечеловѣческое бормотаніе вырывалось изъ нихъ. Спутница его только-что умылась

изъ висѣвшаго на жердочкѣ кувшина и, не успѣвъ еще накинуть платокъ себѣ на голову, пробиралась назадъ къ воротамъ по узкой дощечкѣ, положенной черезъ темныя лужицы навознаго двора. Я взглянулъ на эту, теперь со всѣхъ сторонъ открытую голову, и невольно всплеснулъ руками отъ изумленія: предо мной была Софи Б.!

Она быстро обернулась и уставила на меня свои голубые, попрежнему неподвижные глаза. Она очень похудѣла, кожа загрубѣла и приняла изжелта-красный оттѣнокъ загара, носъ заострился, и губы обозначались рѣзче. Но она не подурнѣла; только къ прежнему, задумчиво-изумленному выраженію присоединилось другое, рѣшительное, почти смѣлое, сосредоточенно-восторженное выраженіе. Дѣтскаго въ этомъ лицѣ уже не оставалось ни слѣда.

Я приблизился къ ней. — Софья Владиміровна,—воскликнулъ я,—неужели это вы? Въ этомъ платьѣ.... въ этомъ обществѣ....

Она вздрогнула, еще пристальнѣе взглянула на меня, какъ бы желая узнать, кто съ ней заговариваетъ; и, не отвѣтивъ мнѣ ни слова, такъ и бросилась къ своему товарищу.

— Акулинушка,—залепеталъ онъ, тяжело вздохнувъ,—грѣхи наши, грѣхи....

— Василій Никитичъ, идемте сейчасъ! Слышите, сейчасъ, сейчасъ,—промолвила она, одной рукой надергивая платокъ себѣ на лобъ, а другой подхватывая юродиваго подъ локоть:—идемте, Василій Никитичъ. Здѣсь опасно.

— Иду, матушка, иду, — покорно отвѣтилъ юродивый и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, приподнялся съ лавочки.—Вотъ, только цѣпочечку-то подвязать....

Я еще разъ подошелъ къ Софьѣ и назвалъ себя, и началъ умолять ее выслушать меня, сказать мнѣ одно слово, я указывалъ ей на дождь, который полилъ какъ изъ ведра, я попросилъ ее пощадить собственное здоровье, здоровье

ея товарища, я упомянулъ объ ея отцѣ.... Но ею овладѣло какое-то злое, какое-то безпощадное одушевленіе. Не обращая на меня никакого вниманія, стиснувъ зубы и прерывисто дыша, она вполголоса, короткими повелительными словами, понукала растерявшагося юродиваго, подпоясала его, подвязала его вериги, нахлобучила ему на волосы суконный дѣтскій картузъ съ изломаннымъ козырькомъ, всунула ему палку въ руку, накинула самой себѣ на плечи котомку и вышла съ нимъ за ворота, на улицу.... Остановить ее самоё я не имѣлъ права, да оно ни къ чему бы и не послужило; а на послѣдній мой отчаянный возгласъ она даже не обернулась. Поддерживая „божьяго человѣка“ подъ руку, она проворно шагала по черной уличной грязи, и чрезъ нѣсколько мгновеній, сквозь тусклую мглу туманнаго утра, сквозь частую сѣтку падавшаго дождя, въ послѣдній разъ мелькнули предо мною обѣ фигуры, юродиваго и Софьи.... Онѣ завернули за уголъ выдавшейся избы и исчезли навсегда.

Я вернулся къ себѣ въ комнату. Раздумье нашло на меня. Я ничего не понималъ; я не понималъ, какъ могла такая, хорошо воспитанная, молодая, богатая дѣвушка бросить все и всѣхъ, родной домъ, семью, знакомыхъ, махнуть рукой на всѣ привычки, на всѣ удобства жизни, и для чего? Для того, чтобы пойти вслѣдъ полусумасшедшему бродягѣ, чтобъ сдѣлаться его прислужницей? Ни на одно мгновеніе нельзя было остановиться на мысли, что поводомъ къ подобному рѣшенію была сердечная, хоть и извращенная наклонность, любовь или страсть.... Стоило взглянуть на отталкивающую фигуру „божьяго человѣка“, чтобъ тотчасъ выкинуть подобную мысль изъ головы! Нѣтъ, Софи осталась чистой; и, какъ она однажды сказала мнѣ, для нея не было ничего нечистаго.

Я не понималъ поступка Софи; но я не осуждалъ ее, какъ не осуждалъ впослѣдствіи другихъ дѣвушекъ, также пожертвовавшихъ всѣмъ тому, что̀ *онѣ* считали правдой, въ чемъ *онѣ* видѣли свое призваніе. Я не могъ не сожалѣть, что Софи пошла именно *этимъ* путемъ; но отказать ей въ удивленіи, скажу болѣе, въ уваженіи, я также не могъ. Не даромъ она говорила мнѣ о самоотверженіи, объ уничиженіи.... у *ней* слова не рознились съ дѣломъ. Она искала наставника и вождя, и нашла его.... въ комъ, Боже мой!

Да, она заставила топтать, попирать себя ногами.... Впослѣдствіи времени, до меня дошли слухи, что семьѣ удалось, наконецъ, отыскать заблудшую овцу и вернуть ее домой. Но дома она пожила недолго, и умерла „молчальницей“, не говорившей ни съ кѣмъ.

Миръ сердцу твоему, бѣдное, загадочное существо! Василій Никитичъ, вѣроятно, до сихъ поръ юродствуетъ; желѣзное здоровье подобныхъ людей по истинѣ изумительно. Развѣ падучая его сломила.

Баденъ-Баденъ. 1869.

СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИРЪ.

Насъ было человѣкъ шесть, собравшихся въ одинъ зимній вечеръ у стариннаго университетскаго товарища. Бесѣда зашла о Шекспирѣ, объ его типахъ, о томъ, какъ они глубоко и вѣрно выхвачены изъ самыхъ нѣдръ человѣческой „сути“. Мы особенно удивлялись ихъ жизненной правдѣ, ихъ вседневности; каждый изъ насъ называлъ тѣхъ Гамлетовъ, тѣхъ Отелло, тѣхъ Фальстафовъ, даже тѣхъ Ричардовъ Третьихъ и Макбетовъ — (этихъ послѣднихъ, правда, только въ возможности) — съ которыми ему пришлось сталкиваться.

— А я, господа, — воскликнулъ нашъ хозяинъ, человѣкъ уже пожилой:—зналъ одного короля Лира!

— Какъ такъ?—спросили мы его.

— Да такъ же. Хотите, я разскажу вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

И нашъ пріятель немедленно приступилъ къ повѣствованію.

I.

— Все мое дѣтство,—началъ онъ—и первую молодость до пятнадцатилѣтняго возраста — я провелъ въ деревнѣ,

въ имѣніи моей матушки, богатой помѣщицы....й губерніи. Едва ли не самымъ рѣзкимъ впечатлѣніемъ того, уже далекаго, времени осталась въ моей памяти фигура нашего ближайшаго сосѣда, нѣкоего Мартына Петровича Харлова. Да и трудно было бы изгладиться тому впечатлѣнію: ничего подобнаго Харлову я уже въ жизни потомъ не встрѣчалъ. Представьте себѣ человѣка роста исполинскаго! На громадномъ туловищѣ сидѣла, нѣсколько искоса, безъ всякаго признака шеи, чудовищная голова; цѣлая копна спутанныхъ, желто-сѣдыхъ волосъ вздымалась надъ нею, зачинаясь чуть не отъ самыхъ взъерошенныхъ бровей. На обширной площади сизаго, какъ бы облупленнаго лица, торчалъ здоровенный, шишковатый носъ, надменно топорщились крошечные голубые глазки, и раскрывался ротъ, тоже крошечный, но кривой, растресканный, одного цвѣта съ остальнымъ лицомъ. Голосъ изъ этого рта выходилъ хотя сиплый, но чрезвычайно крѣпкій и зычный.... Звукъ его напоминалъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, везомыхъ въ телѣгѣ по дурной мостовой — и говорилъ Харловъ, точно кричалъ кому-то въ сильный вѣтеръ черезъ широкій оврагъ. Трудно было сказать, что именно выражало лицо Харлова, такъ оно было пространно.... Однимъ взглядомъ его, бывало, и не окинешь! Но непріятно оно не было—нѣкоторая даже величавость замѣчалась въ немъ, только ужъ очень оно было дивно и необычайно. И что у него были за руки—тѣ же подушки! Что за пальцы, что за ноги! Помнится, я безъ нѣкотораго почтительнаго ужаса не могъ взирать на двухъ-аршинную спину Мартына Петровича, на его плечи, подобныя мельничнымъ жерновамъ; но особенно поражали меня его уши! Совершенные калачи — съ завертками и выгибами: щеки такъ и приподнимали ихъ съ обѣихъ сторонъ. Носилъ Мартынъ Петровичъ—и зиму и лѣто—казакинъ изъ зеленаго сукна, подпоясанный черкесскимъ ремешкомъ, и смазные сапоги; галстука я никогда

на немъ не видалъ, да и вокругъ чего подвязалъ бы онъ галстукъ? Дышалъ онъ протяжно и тяжко, какъ быкъ, но ходилъ безъ шума. Можно было подумать, что, попавши въ комнату, онъ постоянно боялся все перебить и опрокинуть, и потому передвигался съ мѣста на мѣсто осторожно, все больше бокомъ, словно крадучись. Силой онъ обладалъ истинно-геркулесовской, и вслѣдствіе этого пользовался большимъ почетомъ въ околоткѣ: народъ нашъ до сихъ поръ благоговѣетъ передъ богатырями. Про него даже сложились легенды: разсказывали, что онъ, однажды, въ лѣсу встрѣтился съ медвѣдемъ и чуть не поборолъ его; что, заставъ у себя на пасѣкѣ чужого мужика-вора, онъ его вмѣстѣ съ телѣгой и лошадью перебросилъ черезъ плетень, и тому подобное. Самъ Харловъ никогда не хвастался своей силой.—„Коли десница у меня благословенная,— говаривалъ онъ, — „такъ на то была воля Божія!“ — Онъ былъ гордъ: только не силою своею онъ гордился, а своимъ званіемъ, происхожденіемъ, своимъ умомъ-разумомъ.

— Нашъ родъ отъ вшеда (онъ такъ выговаривалъ слово шведъ), отъ вшеда Харлуса ведется, — увѣрялъ онъ:—въ княженіи Ивана Васильевича Темнаго (вонъ оно когда!) пріѣхалъ въ Россію; и не пожелалъ тотъ вшедъ Харлусъ быть чухонскимъ графомъ — а пожелалъ быть россійскимъ дворяниномъ, и въ золотую книгу записался. Вотъ мы, Харловы, откуда взялись!... И по той самой причинѣ мы всѣ, Харловы, урождаемся бѣлокурые, очами свѣтлые и чистые лицомъ! потому снѣговики!

— Да, Мартынъ Петровичъ,—попытался я-было возразить ему:—Ивана Васильевича Темнаго не было вовсе, а былъ Иванъ Васильевичъ Грозный. Темнымъ прозывался великій князь Василій Васильевичъ.

— Ври еще! — спокойно отвѣтилъ мнѣ Харловъ:— коли я говорю, стало оно такъ!

Однажды матушка вздумала похвалить его въ глаза, за его дѣйствительно-замѣчательное безкорыстіе.

— Эхъ, Наталья Николаевна!—промолвилъ онъ почти съ досадой: — нашли за что̀ хвалить! Намъ, господамъ, нельзя инако; чтобъ никакой смердъ, земецъ, подвластный человѣкъ и думать о насъ худого не дерзнулъ! Я—Харловъ, фамилію свою вонъ откуда веду.... (тутъ онъ показалъ пальцемъ куда-то очень высоко надъ собою въ потолокъ) и чести чтобъ во мнѣ не было! Да какъ это возможно?

Въ другой разъ вздумалось гостившему у моей матушки заѣзжему сановнику подтрунить надъ Мартыномъ Петровичемъ. Тотъ опять заговорилъ о вшедѣ Харлусѣ, который выѣхалъ въ Россію....

— При царѣ Горохѣ?—перебилъ сановникъ.

— Нѣтъ, не при царѣ Горохѣ—а при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ Темномъ.

— А я такъ полагаю, — продолжалъ сановникъ, — что родъ вашъ гораздо древнѣе, и восходитъ даже до временъ допотопныхъ, когда водились еще мастодонты и мегалотеріи....

Эти ученые термины были совершенно неизвѣстны Мартыну Петровичу; но онъ понялъ, что сановникъ трунитъ надъ нимъ.

— Можетъ-быть,—брякнулъ онъ:—нашъ родъ, точно, оченно древній: въ то время, какъ мой пращуръ въ Москву прибылъ, сказываютъ, жилъ въ ней дуракъ не хуже вашего превосходительства, а такіе дураки нарождаются только разъ въ тысячу лѣтъ.

Сановникъ взбѣленился, а Харловъ качнулъ головой назадъ, выставилъ подбородокъ, фыркнулъ, да и былъ таковъ. Дня два спустя, онъ снова явился. Матушка начала упрекать его.—Урокъ ему, сударыня, — перебилъ Харловъ:—не наскакивай зря, спросись прежде, съ кѣмъ

дѣло имѣешь. Младъ еще больно, учить его надо.—Сановникъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Харловымъ; но этотъ исполинъ привыкъ всѣхъ людей считать недорослями. Очень ужъ онъ на себя надѣялся, и рѣшительно никого не боялся.—Развѣ мнѣ могутъ что сдѣлать? Гдѣ такой человѣкъ на свѣтѣ есть?—спрашивалъ онъ, и вдругъ принимался хохотать короткимъ, но оглушительнымъ хохотомъ.

II.

Матушка моя была очень разборчива на знакомства, но Харлова принимала съ особеннымъ радушіемъ и многое ему спускала: онъ, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, спасъ ей жизнь, удержавъ ея карету на краю глубокаго оврага, куда лошади уже свалились. Постромки и шлеи порвались, а Мартынъ Петровичъ такъ и не выпустилъ изъ рукъ схваченнаго имъ колеса—хотя кровь брызнула у него изъ-подъ ногтей. Матушка моя и женила его: она выдала за него семнадцатилѣтнюю сироту, воспитанную у ней въ домѣ; ему тогда минуло сорокъ лѣтъ. Жена Мартына Петровича была собой тщедушна,—онъ, говорятъ, на ладони внесъ ее къ себѣ въ домъ, — и пожила она съ нимъ недолго; однако, родила ему двухъ дочерей. Матушка моя и послѣ ея смерти продолжала оказывать покровительство Мартыну Петровичу; она помѣстила старшую дочь его въ губернскій пансіонъ, потомъ сыскала ей мужа—и уже имѣла другого на примѣтѣ, для второй. Харловъ былъ хозяинъ порядочный, землицы за нимъ водилось десятинъ съ триста, и обстроился онъ помаленьку, а ужъ какъ крестьяне ему повиновались, — объ этомъ и толковать нечего! По тучности своей, Харловъ почти никуда не ходилъ пѣшкомъ: земля его не носила. Онъ всюду разъѣзжалъ на низень-

кихъ бѣговыхъ дрожкахъ и самъ правилъ лошадью, чахлой, тридцатилѣтней кобылой, со шрамомъ отъ раны на плечѣ: эту рану она получила въ бородинскомъ сраженіи, подъ вахмистромъ кавалергардскаго полка. Лошадь эта постоянно хромала какъ-то на всѣ четыре ноги разомъ; идти шагомъ она не могла, а только перетрусывала рысцей, въ припрыжку; ѣла она чернобыльникъ и полынь по межамъ, чего я ни за какой другой лошадью не замѣчалъ. Помнится, я всегда недоумѣвалъ, какъ могла эта полуживая кляча возить такую страшную тяжесть. Я не смѣю повторить, сколько въ нашемъ сосѣдѣ насчитывали пудовъ. За спиной Мартына Петровича помѣщался на бѣговыхъ дрожкахъ его черномазый казачекъ, Максимка. Прижавшись всѣмъ тѣломъ и лицомъ къ своему барину и упираясь босыми ногами въ заднюю ось дрожекъ, онъ казался листикомъ или червякомъ, случайно приставшимъ къ воздвигавшейся передъ нимъ исполинской тушѣ. Тотъ же казачекъ, разъ въ недѣлю, брилъ Мартына Петровича. Для исполненія этой операціи, онъ, говорятъ, становился на столъ; иные шутники увѣряли, что онъ принужденъ былъ бѣгать вокругъ подбородка своего барина. Харловъ не любилъ по-долгу сидѣть дома; и потому его частенько можно было видѣть разъѣзжающимъ въ своемъ неизмѣнномъ экипажѣ, съ возжами въ одной рукѣ (другою онъ хватски, съ вывертомъ локтя, опирался на колѣно), съ крошечнымъ старымъ картузомъ на самомъ верху головы. Онъ бодро посматривалъ кругомъ своими медвѣжьими глазенками, окликалъ громовымъ голосомъ всѣхъ встрѣчныхъ мужиковъ, мѣщанъ, купцовъ; попамъ, которыхъ очень не любилъ, посылалъ крѣпкіе посулы, и однажды, поровнявшись со мною (я вышелъ прогуляться съ ружьемъ), такъ заатукалъ на лежавшаго возлѣ дороги зайца, что стонъ и звонъ стояли у меня въ ушахъ до самаго вечера.

III.

Матушка моя, какъ я уже сказалъ, радушно принимала Мартына Петровича; она знала, какое глубокое уваженіе онъ питалъ къ ея особѣ.—„Барыня! госпожа! нашего поля ягодка!“—такъ отзывался онъ о ней. Онъ величалъ ее благодѣтельницей, а она видѣла въ немъ преданнаго великана, который не усомнился бы пойти за нее одинъ на цѣлую ватагу мужиковъ:—и хотя не предвидѣлось даже возможности подобнаго столкновенія, однако, по понятіямъ матушки, при отсутствіи мужа (она рано овдовѣла), такимъ защитникомъ, какъ Мартынъ Петровичъ, брезгать не слѣдовало. Притомъ же, человѣкъ онъ былъ прямой, ни въ комъ не заискивалъ, денегъ не занималъ, вина не пилъ—и глупъ тоже не былъ, хотя образованія не получилъ никакого. Матушка довѣряла Мартыну Петровичу. Когда ей вздумалось составить духовное завѣщаніе, она потребовала его въ свидѣтели, и онъ нарочно ѣздилъ домой за желѣзными круглыми очками, безъ которыхъ писать не могъ; и съ очками-то на носу онъ едва-едва, въ теченіе четверти часа, пыхтя и отдуваясь, успѣлъ начертать свой чинъ, имя, отчество и фамилію, причемъ буквы ставилъ огромныя, четырехъ-угольныя, съ титлами и хвостами; а совершивъ свой трудъ, объявилъ, что усталъ, и что ему—что̀ писать, что̀ блохъ ловить—все едино. Да, матушка его уважала.... однако, дальше столовой его у насъ не пускали. Ужъ очень сильный шелъ отъ него духъ: землей отдавало отъ него, лѣснымъ дромомъ, тиной болотной. „Какъ есть лѣшій!“ увѣряла моя старая няня. Къ обѣду Мартыну Петровичу ставили въ углу особый столъ—и онъ этимъ не обижался—онъ зналъ, что другимъ неловко было сидѣть съ нимъ рядомъ—да и ему было привольнѣе ѣсть; а ѣлъ онъ такъ, какъ, я полагаю, не ѣдалъ

никто со временъ Полифэма. Для него всегда, въ самомъ началѣ обѣда, припасали, въ видахъ предосторожности, горшокъ каши, фунтовъ въ шесть: „а то вѣдь ты меня объѣшь!“ говаривала матушка.—„И то, сударыня, объѣмъ!“ отвѣчалъ, ухмыляясь, Мартынъ Петровичъ.

Матушка любила слушать его разсужденія о какомъ-нибудь хозяйственномъ предметѣ; но долго не могла выдерживать его голоса.

— Что это, мой батюшка! — восклицала она: — ты бы отъ этого хоть полечился, что ли! Совсѣмъ оглушилъ меня. Этакая труба!

— Наталья Николаевна! Благодѣтельница! — отвѣчалъ обыкновенно Мартынъ Петровичъ.—Я въ своей гортани не воленъ. Да и какое лекарство меня пронять можетъ — извольте посудить? Я вотъ лучше помолчу маленечко.

Дѣйствительно, я полагаю, никакое лекарство не могло бы пронять Мартына Петровича. Онъ же никогда и боленъ не бывалъ.

Разсказывать онъ не умѣлъ и не любилъ. „Отъ долгихъ рѣчей одышка бываетъ“, замѣчалъ онъ съ укоризной. Только когда его наводили на двѣнадцатый годъ (онъ служилъ въ ополченіи и получилъ бронзовую медаль, которую по праздникамъ носилъ на владимірской ленточкѣ), когда его разспрашивали про французовъ, онъ сообщалъ кой-какіе анекдоты, хотя постоянно увѣрялъ притомъ, что никакихъ французовъ, настоящихъ, въ Россію не приходило: а такъ, мародеришки съ голодухи набѣжали, и что онъ много этой швали по лѣсамъ колачивалъ.

IV.

А между тѣмъ, и на этого несокрушимаго, самоувѣреннаго исполина находили минуты меланхоліи и раздумья. Безо всякой видимой причины онъ вдругъ начиналъ ску-

чать; запирался одинъ къ себѣ въ комнату, и гудѣлъ—именно гудѣлъ, какъ цѣлый пчелиный рой; либо призывалъ казачка Максимку и приказывалъ ему или читать вслухъ изъ единственной, забредшей къ нему въ домъ, книги разрозненнаго тома Новиковскаго „Покоющагося Трудолюбца",—или пѣть. И Максимка, который, по странной игрѣ случая, умѣлъ читать по складамъ, принимался, съ обычнымъ перерубаніемъ словъ и перестановленіемъ ударенiй, выкрикивать фразы, въ родѣ слѣдующей:—„но чѐ-ловѣкъ страстный выводитъ изъ сего пустого мѣста, кото-рое онъ находитъ въ тваряхъ, совсѣмъ противныя слѣдствія. Каждая тварь особо, сказываетъ онъ, не сильна сдѣлать меня счас-тливымъ!" и т. д. *), или затягивалъ тончайшимъ голоскомъ заунывную пѣсенку, въ которой только можно было разобрать, что „И.... и.... э.... и.... э.... и.... Ааа.... ска!... О.... у.... у.... би.... и.... и.... и....ла!" А Мартынъ Петровичъ качалъ головою, упоминалъ о бренности, о томъ, что все пойдетъ прахомъ, увянетъ, яко былiе: прейдетъ — и не будетъ! Попалась ему какъ-то картинка, изображавшая горящую свѣчу, въ которую со всѣхъ сторонъ, напрягши щеки, дуютъ вѣтры; внизу стояла подпись: „Такова жизнь человѣческая!" Очень понравилась ему эта картинка; онъ повѣсилъ ее у себя въ кабинетѣ;—но въ обыкновѐнное, не меланхолическое время, перевертывалъ ее лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не смущала. Харловъ, этотъ колоссъ, боялся смерти! Къ помощи религіи, къ молитвѣ, онъ, впрочемъ, и въ припадкѣ меланхолiи прибѣгалъ рѣдко; онъ и тутъ больше надѣялся на свой собственный умъ. Набожности въ немъ особенной не было; его въ церкви не часто видали; правда, онъ говорилъ, что не ходитъ туда по той будто причинѣ, что, по размѣру тѣла

*) „Покоющiйся Трудолюбецъ", періодическое изданіе и т. д. Москва, 1785 г. Часть 3-я. Стран. 23, строка 11 сверху.

своего, боится выдавить всѣхъ вонъ. Припадокъ обыкновенно кончался тѣмъ, что Мартынъ Петровичъ начнетъ посвистывать—и вдругъ громогласнымъ голосомъ прикажетъ заложить себѣ дрожки и покатитъ куда-нибудь по сосѣдству, не безъ удали потрясая свободной рукою надъ козырькомъ картуза, какъ бы желая сказать, что, намъ, молъ, теперь все—трынъ-трава! Русскій былъ человѣкъ.

V.

Силачи, подобные Мартыну Петровичу, бываютъ большей частью нрава флегматическаго; онъ, напротивъ того, довольно легко раздражался. Особенно выводилъ его изъ терпѣнія пріютившійся въ нашемъ домѣ, въ качествѣ не то шута, не то нахлѣбника,—братъ его покойной жены—нѣкто Бычковъ; съ младыхъ ногтей прозванный Сувениромъ, и такъ уже оставшійся Сувениромъ для всѣхъ, даже для слугъ, которые, правда, величали его Сувениромъ Тимоѳеичемъ. Настоящаго своего имени онъ, кажется, и самъ не зналъ. Это былъ человѣкъ мизерный, всѣми презираемый: приживальщикъ, однимъ словомъ. Съ одной стороны рта у него недоставало всѣхъ зубовъ, отчего его маленькое, морщинистое лицо казалось искривленнымъ. Онъ вѣчно суетился, егозилъ: въ дѣвичью заберется, или въ контору, на слободку къ попамъ, а не то къ старостѣ въ избу; отовсюду его гонятъ, а онъ только пожимается, да щуритъ свои косые глазки—да смѣется дрянно, жидко, точно бутылку полощетъ. Мнѣ всегда казалось, что будь у Сувенира деньги, самый бы скверный человѣкъ изъ него вышелъ, безнравственный, злой, даже жестокій. Бѣдность поневолѣ его „сократила“. Пить позволялось ему только въ праздники. Одѣвали его прилично, по приказанію матушки, такъ какъ онъ по вечерамъ составлялъ ея партію

въ пикетъ или бостонъ. Сувениръ то и дѣло твердилъ:—„Я, вотъ, позвольте, я чичасъ, чичасъ". — „Да что *чичасъ?*"—съ досадой спроситъ его матушка. Онъ мгновенно откинетъ руки назадъ, струситъ и лепечетъ:—„Какъ прикажете-съ!"—Подъ дверями послушать, посплетничать, а главное: „шпынять", дразнить—другой у него заботы не было—и „шпынялъ" онъ такъ, какъ будто имѣлъ на то право, какъ будто мстилъ за что-то. Мартына Петровича онъ звалъ братцемъ и надоѣдалъ ему пуще горькой рѣдьки.—„Вы сестрицу Маргариту Тимофеевну за что̀ уморили? — приставалъ онъ къ нему, вертясь передъ нимъ и хихикая. Однажды Мартынъ Петровичъ сидѣлъ въ бильліардной, прохладной комнатѣ, въ которой никто никогда ни одной мухи не видалъ — и которую сосѣдъ нашъ, врагъ жары и солнца,—оттого очень жаловалъ. Сидѣлъ онъ между стѣной и бильліардомъ. Сувениръ шмыгалъ мимо его „чрева", дразнилъ его, кривлялся.... Мартынъ Петровичъ хотѣлъ оттолкнуть его — и двинулъ обѣими руками впередъ. Къ счастью Сувенира, онъ успѣлъ отвернуться — ладони его братца пришлись въ упоръ о край бильліарда—и со всѣхъ шести винтовъ слетѣлъ тяжелый, деревенскій бильліардъ.... Въ какую лепешку превратился бы Сувениръ, если бъ попалъ подъ эти мощныя руки!

VI.

Я давно любопытствовалъ посмотрѣть, какъ устроилъ свое жилище Мартынъ Петровичъ, что̀ у него за домъ? Однажды я вызвался проводить его верхомъ до Еськова (такъ называлось его имѣніе).—„Вишь ты! Хочешь посмотрѣть мою державу", — промолвилъ Мартынъ Петровичъ.—„Изволь! И садъ покажу, и домъ, и гумно—и все. У меня всякаго добра много!"—Мы отправились. Отъ на-

шего села до Еськова считалось всего версты три.—„Вотъ она, моя держава!“—загремѣлъ вдругъ Мартынъ Петровичъ, силясь обернуть свою неподвижную голову и разводя рукой направо и налѣво.—„Все мое!“—Усадьба Харлова находилась на вершинѣ пологаго холма; внизу, къ небольшому пруду, лѣпилось нѣсколько плохихъ мужичьихъ избенокъ. У пруда, на плоту, старая баба въ клѣтчатой панёвѣ колотила валькомъ скрученное бѣлье.

— Аксинья?—гаркнулъ Мартынъ Петровичъ, да такъ, что грачи стаей взвились изъ сосѣдняго овсянаго поля....—Мужу портки моешь?

Баба разомъ обернулась и поклонилась въ поясъ.

— Портки, батюшка,—послышался ея слабый голосъ.

— То-то! Вотъ, посмотри, — продолжалъ Мартынъ Петровичъ, пробираясь рысцей вдоль полусгнившаго плетня:—это моя конопля; а та вонъ — крестьянская; разницу видишь! А вотъ это мой садъ; яблони я понасажалъ, и ракиты—тоже я. А то тутъ и древа никакого не было. Вотъ такъ-то—учись!

Мы завернули на дворъ, огороженный тыномъ; прямо противъ воротъ возвышался ветхій-ветхій флигелекъ съ соломенной крышей и крылечкомъ на столбикахъ; въ сторонѣ стоялъ другой, поновѣй, и съ крохотнымъ мезониномъ—но тоже на курьихъ ножкахъ.—„Вотъ, ты опять учись“,—промолвилъ Харловъ:—„вишь, отцы-то наши въ какой хороминкѣ жили; а теперь я вона какія палаты себѣ соорудилъ“.—Палаты эти походили на карточный домикъ. Собакъ пять-шесть, одна другой лохматѣй и безобразнѣй, привѣтствовали насъ лаемъ.—„Овчары!“—замѣтилъ Мартынъ Петровичъ.—„Настоящія крымскія! Цыцъ, оглашенныя! Вотъ возьму — да всѣхъ перевѣшаю!“ На крыльцѣ новаго флигелька показался молодой человѣкъ въ длинномъ нанковомъ балахонѣ, мужъ старшей дочери Мартына Петровича. Проворно подскочивъ къ дрожкамъ, онъ почти-

тельно поддержалъ подъ локоть слѣзавшаго тестя—и даже одной рукой сдѣлалъ примѣръ, будто подхватываетъ исполинскую ногу, которую тотъ, наклонясь впередъ туловищемъ, заносилъ съ размаху черезъ сидѣніе;—потомъ онъ помогъ мнѣ сойти съ лошади.

— Анна! — воскликнулъ Харловъ: — Натальи Николавнинъ сынокъ къ намъ пожаловалъ; попоштовать его надо. Да гдѣ Евлампіюшка? (Анной звали старшую дочь, Евлампіей—меньшую).

— Дома нѣтъ; въ поле за васильками пошла,—отозвалась Анна, показавшись на окошкѣ возлѣ двери.

— Творогъ есть?—спросилъ Харловъ.

— Есть.

— И сливки есть?

— Есть.

— Ну, тащи на столъ, а я имъ пока кабинетъ свой покажу.—Пожалуйте сюда, сюда,—прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ и зазывая меня указательнымъ пальцемъ. У себя въ домѣ онъ меня не „тыкалъ“; надо жъ хозяину быть вѣжливымъ. Онъ повелъ меня по корридору.—Вотъ гдѣ я пребываю,—промолвилъ онъ, шагнувъ бокомъ черезъ порогъ широкой двери, — а вотъ и мой кабинетъ. Милости просимъ.

Кабинетъ этотъ оказался большой комнатой, неоштукатуренной и почти пустой; по стѣнамъ, на неровно вбитыхъ гвоздяхъ, висѣли двѣ нагайки, треугольная порыжѣлая шляпа, одноствольное ружье, сабля, какой-то странный хомутъ съ бляхами, и картинка, изображающая горящую свѣчу подъ вѣтрами; въ одномъ углу стоялъ деревянный диванъ, покрытый пестрымъ ковромъ. Сотни мухъ густо жужжали подъ потолкомъ; впрочемъ, въ комнатѣ было прохладно; только очень сильно разило тѣмъ особеннымъ лѣснымъ запахомъ, который всюду сопровождалъ Мартына Петровича.

— Что жъ, хорошъ кабинетъ? — спросилъ меня Харловъ.

— Очень хорошъ.

— Ты посмотри, вонъ у меня голландскій хомутъ виситъ,—продолжалъ Харловъ, снова впадая въ „тыканіе.“— Чудесный хомутъ! у жида вымѣнялъ. Ты погляди-ка!

— Хомутъ хорошій.

— Самый хозяйственный! Да ты понюхай.... какова кожа? — Я понюхалъ хомутъ. Отъ него несло прѣлой вòрванью—и больше ничего.

— Ну, присядьте — вонъ тамъ, на стульчикѣ, будьте гости, — проговорилъ Харловъ, а самъ опустился на диванъ и словно задремалъ, закрылъ глаза, засопѣлъ даже. Я молча глядѣлъ на него и не могъ довольно надивиться: гора—да и полно! Онъ вдругъ встрепенулся.

— Анна! — закричалъ онъ, и при этомъ его громадный животъ приподнялся и опалъ, какъ волна на морѣ:— что̀ жъ ты? Поворачивайся! Аль не слыхала?

— Все готово, батюшка, пожалуйте, — раздался голосъ его дочери.

Я внутренно подивился быстротѣ, съ которой исполнялись повелѣнія Мартына Петровича, и отправился за нимъ въ гостиную, гдѣ на столѣ, покрытомъ красной скатертью съ бѣлыми разводами, уже была приготовлена закуска: творогъ, сливки, пшеничный хлѣбъ, даже толченый сахаръ съ имбиремъ. Пока я управлялся съ творогомъ, Мартынъ Петровичъ, ласково пробурчавъ:—„Кушай, дружокъ, кушай, голубчикъ, не брезгай нашей деревенской снѣдью“,— опять присѣлъ въ углу, и опять словно задремалъ! Предо мной, неподвижно, съ опущенными глазами, стояла Анна Мартыновна, а въ окно я могъ видѣть, какъ ея мужъ проваживалъ по двору моего клеппера, собственными руками перетирая цѣпочку трензеля.

VII.

Матушка моя не жаловала старшей дочери Харлова; она называла ее гордячкой. Анна Мартыновна почти никогда не являлась къ намъ на поклонъ и, въ присутствіи матушки, держалась чинно и холодно, хотя, по ея милости, и въ пансіонѣ обучалась, и замужъ вышла, и въ день свадьбы получила отъ нея тысячу рублей ассигнаціями, да желтую турецкую шаль, правда, нѣсколько поношенную. Это была женщина роста средняго, сухощавая, очень живая и проворная въ своихъ движеніяхъ, съ русыми, густыми волосами, съ красивымъ, смуглымъ лицомъ, на которомъ нѣсколько странно, но пріятно выдавались блѣдно-голубые, узкіе глаза; носъ она имѣла прямой и тонкій, губы тоже тонкія и подбородокъ „шпилькой“. Всякій, взглянувъ на нее, навѣрное подумалъ бы: „Ну, какая же ты умница—и злюка!“ И со всѣмъ тѣмъ въ ней было что-то привлекательное; даже темныя родинки, разсыпанныя „гречишкой“ по ея лицу, шли къ ней и усиливали чувство, которое она возбуждала. Подсунувъ подъ косынку руки, она украдкой—сверху внизъ (я сидѣлъ, она стояла)—посматривала на меня; недобрая улыбочка бродила по ея губамъ, по щекамъ, въ тѣни длинныхъ рѣсницъ. „Охъ, ты, балованный барченокъ!“ словно говорила эта улыбка. Всякій разъ, когда она дышала, у ней ноздри слегка расширялись—это тоже было нѣсколько странно; но, все-таки, мнѣ казалось, что полюби меня Анна Мартыновна, или только захоти поцѣловать меня своими тонкими, жесткими губами,—я бы отъ восторга до потолка подпрыгнулъ. Я зналъ, что она была очень строга и взыскательна, что бабы и дѣвки боялись ее какъ огня — но что за дѣло! Анна Мартыновна тайно волновала мое воображеніе....

Впрочемъ, мнѣ тогда только минуло пятнадцать лѣтъ,— а въ эти годы!...

Мартынъ Петровичъ опять встрепенулся. — Анна! — крикнулъ онъ: — ты бы на фортепьянахъ побренчала.... Молодые господа это любятъ!

Я оглянулся: въ комнатѣ стояло какое-то жалкое подобіе фортепьянъ.

— Слушаю, батюшка,—отвѣтила Анна Мартыновна.— Только, что же я имъ буду играть? Имъ это не будетъ интересно.

— Такъ чему жъ тебя обучали въ *пансіонѣ*?

— Я все перезабыла.... да и струны полопались.

Голосокъ у Анны Мартыновны былъ очень пріятный, звонкій и словно жалобный.... въ родѣ того, какой бываетъ у хищныхъ птицъ.

— Ну, — проговорилъ Мартынъ Петровичъ, и задумался. — Ну, — началъ онъ опять:—такъ не хотите ли гумно посмотрѣть, полюбопытствовать? Васъ Володька проводитъ.—Эй, Володька!—крикнулъ онъ своему зятю, который все еще расхаживалъ по двору съ моею лошадью: — проводи вотъ ихъ на гумно.... и вообще.... покажь мое хозяйство. А мнѣ соснуть надо! Такъ-то! Счастливо оставаться!

Онъ вышелъ вонъ, и я за нимъ. Анна Мартыновна тотчасъ стала проворно и какъ бы съ досадой убирать со стола. На порогѣ двери я обернулся и поклонился ей; но она словно не замѣтила моего поклона, только опять улыбнулась, да еще злѣе прежняго.

Я взялъ у Харловскаго зятя мою лошадь и повелъ ее въ поводу. Мы вмѣстѣ съ нимъ пошли на гумно, — но такъ какъ ничего въ немъ особенно любопытнаго не открыли, притомъ же онъ во мнѣ, какъ въ молодомъ мальчикѣ, не могъ предполагать отмѣнную любовь къ хозяйству,—то мы и вернулись черезъ садъ на дорогу.

VIII.

Я хорошо зналъ Харловскаго зятя: звали его Слеткинымъ, Владиміромъ Васильевичемъ; онъ былъ сирота, сынъ мелкаго чиновника, повѣреннаго по дѣламъ у матушки и ея воспитанникъ. Сперва помѣстили его въ уѣздное училище, потомъ онъ поступилъ въ „вотчинскую контору“, потомъ записали его на службу по казеннымъ магазинамъ, и наконецъ, женили на дочери Мартына Петровича. Матушка называла его жиденкомъ, и онъ, дѣйствительно, своими курчавыми волосиками, своими черными и вѣчно мокрыми, какъ вареный черносливъ, глазами, своимъ ястребинымъ носомъ и широкимъ краснымъ ртомъ, напоминалъ еврейскій типъ; только цвѣтъ кожи онъ имѣлъ бѣлый и былъ вообще весьма недуренъ собою. Нрава онъ былъ услужливаго, лишь бы дѣло не касалось его личной выгоды. Тутъ онъ тотчасъ терялся отъ жадности, до слезъ даже доходилъ; изъ-за тряпки готовъ канючить цѣлый день, сто разъ напомнитъ о данномъ обѣщаніи, и обижается, и пищитъ, если оно не тотчасъ исполняется. Онъ любилъ таскаться по полямъ съ ружьемъ; и когда случалось ему залучить зайца или утку, съ особеннымъ чувствомъ клалъ свою добычу въ ягдташъ, приговаривая:—„Ну, теперь шалишь, не уйдешь! Теперь *мнѣ* послужишь!“

— Добрый конекъ у васъ, — заговорилъ онъ своимъ шепелявымъ голосомъ, помогая мнѣ взобраться на сѣдло:— вотъ бы мнѣ такую лошадку! Да гдѣ! Счастье мое не такое. Хоть бы вы матушку вашу попросили.... напомнили.

— А она вамъ обѣщала?

— Кабы обѣщала! Нѣтъ; но я полагалъ, что по великому ея благодушеству....

— Вы бы къ Мартыну Петровичу обратились.

— Къ Мартыну Петровичу! — повторилъ протяжно Слеткинъ.—Для него—что̀ я, что̀ какой-нибудь ничтожный казачекъ Максимка—все едино. Какъ есть въ черномъ тѣлѣ насъ содержитъ, и никакой отъ него награды не видать за всѣ труды.

— Неужели?

— Да, ей-Богу же. Какъ скажетъ: „мое слово свято!“ — ну, вотъ точно топоромъ отрубитъ. Проси, не проси—все едино. Да и Анна Мартыновна, супруга моя, такого авантажа передъ нимъ не имѣетъ, какъ Евлампія Мартыновна.

— Ахъ, Господи Боже мой, батюшки! — перебилъ онъ вдругъ самого себя, и съ отчаяніемъ всплеснулъ руками.—Посмотрите: что̀ это! Цѣлый полу-осьминникъ овса, нашего овса, какой-то злодѣй выкосилъ. Каковъ?! Вотъ тутъ и живи! Разбойники, разбойники! Вотъ ужъ, точно, правду говорятъ, что не вѣрь Еськову, Беськову, Ерину, Бѣлину! (такъ назывались четыре окрестныя деревни). Ахъ, ахъ, что это! Рубля, почитай, на полтора, а то и на два—убытку!

Въ голосѣ Слеткина слышались чуть не рыданія. Я толкнулъ лошадь подъ бока и поѣхалъ отъ него прочь.

Восклицанія Слеткина еще долетали до моего слуха, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, попалась мнѣ та самая вторая дочь Харлова, Евлампія, которая, по словамъ Анны Мартыновны, ушла въ поле за васильками. Густой вѣнокъ изъ этихъ цвѣтовъ обвивалъ ея голову. Мы обмѣнялись поклонами молча. Евлампія была тоже очень недурна собой, не хуже сестры, но только въ другомъ родѣ. Роста она была высокаго, сложенія дороднаго; все въ ней было велико: и голова, и ноги, и руки, и бѣлые, какъ снѣгъ, зубы, и особенно глаза, выпуклые, съ поволокой, темно-синіе, какъ стеклярусъ; все въ ней было даже монументально (не даромъ она доводилась Мартыну Петровичу дочкой), но

красиво. Бѣлокурую густую косу она, видимо, не знала куда дѣть и раза три обматывала ее вокрутъ темени. Ротъ у ней былъ прелестный, свѣжій какъ розанъ, малиноваго цвѣта, и когда она говорила, середина верхней губы очень мило приподнималась. Но во взглядѣ ея огромныхъ глазъ было что-то дикое и почти суровое.—„Вольница, казачья кровь“,—такъ отзывался о ней Мартынъ Петровичъ. Я побаивался ея.... Мнѣ эта осанистая красавица напоминала своего батюшку.

Я отъѣхалъ еще немного дальше и услышалъ, что она запѣла ровнымъ, сильнымъ, нѣсколько рѣзкимъ, прямо крестьянскимъ голосомъ; потомъ она вдругъ умолкла. Я оглянулся и съ вершины холма увидалъ ее, стоявшую возлѣ Харловскаго зятя передъ скошеннымъ осьминникомъ овса. Тотъ размахивалъ и указывалъ руками, а она не шевелилась. Солнце освѣщало ея высокую фигуру и ярко голубѣлъ васильковый вѣнокъ на ея головѣ.

IX.

Я уже, кажется, сказывалъ вамъ, господа, что и для этой второй дочери Харлова матушка моя припасла жениха. То былъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ нашихъ сосѣдей, отставной армейскій майоръ, Житковъ, Гаврило Ѳедулычъ, человѣкъ уже не молодой, и, какъ онъ самъ выражался, не безъ самодовольства, впрочемъ, и словно рекомендуя себя: „битый, да ломаный“. Онъ едва разумѣлъ грамотѣ и очень былъ глупъ, но втайнѣ надѣялся попасть къ моей матушкѣ въ управляющіе, ибо чувствовалъ себя „исполнителемъ“.—„Что другое-съ, а зубьё считать у мужичья—это я до тонкости понимаю“,—говаривалъ онъ, чуть не скрипя собственными зубами:—„потому—привыкъ“, — пояснялъ онъ,—„въ прежней моей, значитъ, должности“. — Будь

Житковъ меньше глупъ, онъ бы понялъ, что именно въ управляющіе къ матушкѣ попасть не предстояло ему никакихъ шансовъ, такъ какъ для этого нужно было смѣстить настоящаго управляющаго, нѣкоего Квицинскаго, весьма характернаго и дѣльнаго поляка, которому матушка вполнѣ довѣряла. Лицо у Житкова было длинное, лошадиное, оно все обросло пыльно-бѣлокурыми волосами, даже щеки подъ глазами всѣ заросли; въ самые сильные морозы оно было покрыто обильнымъ пòтомъ, словно росинками. При видѣ матушки онъ немедленно вытягивался въ струнку, голова его начинала дрожать отъ усердія, огромныя руки слегка похлопывали по ляшкамъ, и вся фигура, казалось, такъ и взывала: „Повели!... и я устремлюсь!“ Матушка не обманывалась насчетъ его способностей, что не мѣшало ей, однако, заботиться объ его свадьбѣ съ Евлампіей.

— Только сладишь ли ты съ ней, отецъ мой? — спросила она его однажды.

Житковъ самодовольно улыбнулся.

— Помилуйте, Наталья Николаевна! Цѣлую роту въ порядкѣ содержалъ, по стрункѣ ходили, а это что же-съ? Плевое дѣло.

— То рота, отецъ мой, а то дѣвушка благородная, жена,—замѣтила матушка съ неудовольствіемъ.

— Помилуйте-съ! Наталья Николаевна! — снова воскликнулъ Житковъ.—Это мы все очень понять можемъ. Одно слово: барышня, особа нѣжная!

— Ну! — рѣшила, наконецъ, матушка. — Евлампія себя въ обиду не дастъ.

X.

Однажды — дѣло было въ іюнѣ мѣсяцѣ и день склонялся къ вечеру—человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Мартына Петровича. Матушка удивилась: мы его болѣе недѣли не ви-

дали, но онъ никогда такъ поздно не посѣщалъ насъ.— Что-нибудь случилось! — воскликнула она вполголоса. Лицо Мартына Петровича, когда онъ ввалился въ комнату и тотчасъ же опустился на стулъ возлѣ двери, имѣло такое необычайное выраженіе, оно такъ было задумчиво и даже блѣдно, что матушка моя невольно и громко повторила свое восклицаніе. Мартынъ Петровичъ уставилъ на нее свои маленькіе глаза, помолчалъ, вздохнулъ тяжело, помолчалъ опять и объявилъ, наконецъ, что пріѣхалъ по одному дѣлу.... которое.... такого рода, что по причинѣ....

Пробормотавъ эти несвязныя слова, онъ вдругъ поднялся и вышелъ.

Матушка позвонила, велѣла вошедшему лакею тотчасъ догнать и непремѣнно воротить Мартына Петровича, но тотъ уже успѣлъ сѣсть на свои дрожки и убраться.

На слѣдующее утро матушка, которую странный поступокъ Мартына Петровича и необычайное выраженіе его лица одинаково изумили и даже смутили, собиралась-было послать къ нему нарочнаго, какъ онъ самъ опять появился передъ нею. На этотъ разъ онъ казался спокойнѣе.

— Сказывай, батюшка, сказывай, — воскликнула матушка, какъ только увидѣла его: — что̀ это съ тобою подѣлалось? Я, право, вчера подумала: Господи! подумала я,—ужъ не рехнулся ли старикъ нашъ въ разсудкѣ своемъ?

— Не рехнулся я, сударыня, въ разсудкѣ своемъ, — отвѣчалъ Мартынъ Петровичъ:—не таковскій я человѣкъ. Но мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться.

— О чемъ?

— Только сомнѣваюсь я, будетъ ли вамъ сіе пріятно....

— Говори, говори, отецъ, да попроще. Не волнуй ты меня! къ чему тутъ *сіе?* Говори проще. Али опять меланхолія на тебя нашла?

Харловъ нахмурился. — Нѣтъ, не меланхолія—она у меня къ новолунію бываетъ; а позвольте васъ спросить, сударыня, вы о смерти какъ полагаете?

Матушка всполохнулась.—О чемъ?

— О смерти. Можетъ ли смерть кого ни-на-есть на семъ свѣтѣ пощадить?

— Это ты еще что̀ вздумалъ, отецъ мой? Кто изъ насъ безсмертный? Ужъ на что ты великанъ уродился—а и тебѣ конецъ будетъ.

— Будетъ! охъ, будетъ! — подхватилъ Харловъ и потупился.—Случилось со мною сонное мечтаніе....—протянулъ онъ наконецъ.

— Что̀ ты говоришь?—перебила его матушка.

— Сонное мечтаніе, — повторилъ онъ. — Я вѣдь сновидецъ.

— Ты?

— Я! А вы не знали? — Харловъ вздохнулъ. — Ну, вотъ.... Прилегъ я какъ-то, сударыня, недѣлю тому назадъ слишкомъ, подъ самыя заговѣны къ петрову посту! прилегъ я послѣ обѣда отдохнуть маленько, ну, и заснулъ! и вижу, будто въ комнату ко мнѣ вбѣгъ вороной жеребенокъ. И сталъ тотъ жеребенокъ играть и зубы скалить. Какъ жукъ вороной жеребенокъ.

Харловъ умолкъ.

— Ну?—промолвила матушка.

— И какъ обернется вдругъ этотъ самый жеребенокъ, да какъ лягнетъ меня въ лѣвый локоть, въ самый какъ есть поджилокъ!... Я проснулся! анъ рука не дѣйствуетъ и нога лѣвая тоже. Ну, думаю, параличъ; однако, поразмялся и снова вошелъ въ дѣйствіе: только мурашки долго по суставцамъ бѣгали, и теперь еще бѣгаютъ. Какъ разожму ладонь, такъ и забѣгаютъ.

— Да ты, Мартынъ Петровичъ, какъ-нибудь руку перележалъ.

— Нѣтъ, сударыня; не то вы изволите говорить! Это мнѣ предостереженіе.... Къ смерти моей, значитъ.

— Ну, вотъ еще!—начала-было матушка.

— Предостереженіе! Готовься, молъ, человѣче! И потому я, сударыня, вотъ что̀ имѣю доложить вамъ, ни мало не медля. Не желая, — закричалъ вдругъ Харловъ, — чтобъ та самая смерть, меня, раба Божія, врасплохъ застала, положилъ я такъ-то въ умѣ своемъ: раздѣлить мнѣ теперь же, при жизни, имѣніе мое между двумя моими дочерьми, Анной и Евлампіей, какъ мнѣ Господь Богъ на душу пошлетъ. — Мартынъ Петровичъ остановился, охнулъ и прибавилъ:—Ни мало не медля.

— Что жъ? Это дѣло хорошее,—замѣтила матушка:— только, я думаю, ты напрасно спѣшишь.

— И такъ какъ я желаю въ семъ дѣлѣ, — продолжалъ, еще болѣе возвысивъ голосъ, Харловъ:—должный порядокъ и законность соблюсти, то покорнѣйше прошу вашего сыночка, Дмитрія Семеновича, — васъ я, сударыня, обезпокоивать не осмѣливаюсь,—прошу онаго сыночка, Дмитрія Семеновича, родственнику же моему Бычкову въ прямой долгъ вмѣняю—при совершеніи формальнаго акта и ввода во владѣніе моихъ двухъ дочерей, Анны замужней и Евлампіи дѣвицы—присутствовать; который актъ имѣетъ быть въ дѣйствіе введенъ послѣзавтра, въ двѣнадцатомъ часу дня, въ собственномъ моемъ имѣніи Еськовѣ, Козюлькинѣ тожъ, при участіи предержащихъ властей и чиновъ, кои ужъ суть приглашены.

Мартынъ Петровичъ едва окончилъ эту явно имъ наизусть затверженную и частыми вздохами прерванную рѣчь.... У него словно воздуха въ груди недоставало: его поблѣднѣвшее лицо снова побагровѣло, и онъ нѣсколько разъ утеръ съ него потъ.

— И ты уже составилъ раздѣльный актъ? — спросила матушка.—Когда ты это успѣлъ?

— Успѣлъ.... охъ! Не пимши, не ѣмши....

— Самъ писалъ?

— Володька.... охъ! помогалъ.

— И прошеніе подалъ?

— Подалъ, и палата утвердила, и уѣздному суду предписано, и временное отдѣленіе земскаго суда.... охъ!... къ прибытію назначено.

Матушка усмѣхнулась. — Ты, я вижу, Мартынъ Петровичъ, уже совсѣмъ, какъ слѣдуетъ, распорядился, — и какъ скоро! Знать, денегъ не жалѣлъ?

— Не жалѣлъ, сударыня!

— То-то! А говоришь, что со мной посовѣтоваться желаешь. Что жъ, пускай Митенька ѣдетъ; я и Сувенира съ нимъ отпущу, и Квицинскому скажу.... А Гаврилу Ѳедулыча ты не приглашалъ?

— Гаврила Ѳедулычъ.... господинъ Житковъ.... отъ меня такожде.... извѣщенъ. Ему, какъ жениху, слѣдуетъ!

Мартынъ Петровичъ, видимо, истощилъ весь запасъ своего краснорѣчія. Притомъ, мнѣ всегда казалось, что онъ какъ будто не совсѣмъ благоволилъ къ жениху, пріисканному моей матушкой; быть-можетъ, онъ ожидалъ болѣе выгодной партіи для своей Евлампіюшки.

Онъ поднялся со стула и шаркнулъ ногою. — За согласіе благодаренъ!

— Куда же ты?—спросила матушка.—Посиди; я велю закуску подать.

— Много довольны, — отвѣчалъ Харловъ. — Но не могу.... Охъ! нужно домой.

Онъ попятился и полѣзъ-было, по своему обыкновенію, бокомъ въ дверь.

— Постой, постой, — продолжала матушка:—неужто ты все свое имѣнье безъ остатку дочерямъ предоставляешь?

— Вѣстимо, безъ остатку.

— Ну, а ты самъ.... гдѣ будешь жить?

Харловъ даже руками замахалъ. — Какъ гдѣ? У себя въ домѣ, какъ жилъ *доселѣ*.... такъ и впредь. Какая же можетъ быть перемѣна?

— И ты въ дочеряхъ своихъ и въ зятѣ такъ увѣренъ?

— Это вы про Володьку-то говорить изволите? Про тряпку про эту? Да я его куда хочу пихну, и туда, и сюда.... Какая его власть? А онѣ меня, дочери то-есть, по-гробъ кормить, поить, одѣвать, обувать.... Помилуйте! первая ихъ обязанность! Я жъ имъ недолго глаза мозолить буду. Не за горами смерть-то—за плечами.

— Въ смерти Господь Богъ воленъ, — замѣтила матушка:—а обязанность это ихъ, точно. Только ты меня извини, Мартынъ Петровичъ; старшая у тебя, Анна, гордячка извѣстная, ну, да и вторая волкомъ смотритъ....

— Наталья Николаевна!—перебилъ Харловъ:—что вы это?... Да чтобъ онѣ.... Мои дочери.... Да чтобъ я.... Изъ повиновенья-то выйти? Да имъ и во снѣ.... Противиться? Кому? Родителю?... Смѣть? А проклясть-то ихъ развѣ долго? Въ трепетѣ, да въ покорности вѣкъ свой прожили—и вдругъ!... Господи!

Харловъ раскашлялся, захрипѣлъ.

— Ну, хорошо, хорошо, — поспѣшила успокоить его матушка: — только я все-таки не понимаю, зачѣмъ ты *теперь* дѣлить ихъ вздумалъ? Все равно, послѣ тебя имъ же достанется. Всему этому, я полагаю, твоя меланхолія причиной.

— Э, матушка! — не безъ досады возразилъ Харловъ: — зарядили вы свою меланхолію! Тутъ, быть-можетъ, свыше сила дѣйствуетъ, а вы: меланхолія! Потому, сударыня, вздумалъ я сіе, что я самолично, еще „жимши“, при себѣ хочу рѣшить, кому чѣмъ владѣть, и кого я чѣмъ награжу, тотъ тѣмъ и владѣй, и благо-

дарность чувствуй, и исполняй, и на чемъ отецъ и благодѣтель положилъ, то за великую милость....

Голосъ Харлова опять перервался.

— Ну, полно же, полно, отецъ мой, — перебила его матушка:—а то и впрямь вороной жеребенокъ появится.

— Охъ, Наталья Николаевна, не говорите мнѣ о немъ, — простоналъ Харловъ.—Это смерть моя за мной приходила. Прощенья просимъ. А васъ, сударикъ мой, къ послѣзавтрашнему дню ожидать буду честь имѣть!

Мартынъ Петровичъ вышелъ; матушка посмотрѣла ему вслѣдъ и значительно покачала головою. — Не къ добру это, — прошептала она:—не къ добру. Ты замѣтилъ,— обратилась она ко мнѣ:—онъ говорилъ, а самъ будто отъ солнца все щурится; знай: это примѣта дурная. У такого человѣка тяжело на сердцѣ бываетъ и несчастье ему грозитъ. Поѣзжай послѣзавтра съ Викентіемъ Осиповичемъ и съ Сувенировъ.

XI.

Въ назначенный день большая наша фамильная четверомѣстная карета, запряженная шестерикомъ караковыхъ лошадей, съ главнымъ „лейбъ-кучеромъ“, сѣдобородымъ и тучнымъ Алексѣичемъ, на козлахъ, плавно подкатилась къ крыльцу нашего дома. Важность акта, къ которому намѣревался приступить Харловъ, торжественность, съ которой онъ пригласилъ насъ, подѣйствовали на мою матушку. Она сама отдала приказъ заложить именно этотъ экстраординарный экипажъ и велѣла Сувениру и мнѣ одѣться по-праздничному: она, видимо, желала почтить своего „протежѐ“. Квицинскій—тотъ всегда ходилъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Во всю дорогу Сувениръ трещалъ какъ сорока, хихикалъ, разсуждалъ о томъ, предоставитъ ли ему братецъ что-нибудь, и тутъ же обзывалъ его идоломъ

и кикиморой. Квицинскій, человѣкъ угрюмый, желчный, не выдержалъ наконецъ.—„И охота вамъ“,—заговорилъ онъ со своимъ польскимъ, отчетливымъ акцентомъ,—„такое все несообразное болтать? И неужели невозможно сидѣть смирно безъ этихъ, „никому не нужныхъ (любимое его слово) пустяковъ“?—„Ну, чичасъ“, — пробормоталъ Сувениръ съ неудовольствіемъ и уставилъ свои косые глаза въ окошко. Четверти часа не прошло, ровно бѣжавшія лошадки едва начинали потѣть подъ тонкими ремнями новыхъ сбруй—какъ уже показалась Харловская усадьба. Сквозь настежь растворенныя ворота вкатилась наша карета на дворъ: крошечный форейторъ, едва достававшій ногами до половины лошадинаго корпуса, въ послѣдній разъ съ младенческимъ воплемъ подскочилъ на мягкомъ сѣдлѣ, локти старика Алексѣича одновременно оттопырились и приподнялись—послышалось легкое тпруканіе, и мы остановились. Собаки не встрѣтили насъ лаемъ, дворовые мальчишки въ длинныхъ, слегка, на большихъ животахъ, раскрытыхъ рубахахъ — и тѣ куда-то исчезли. Зять Харлова ожидалъ насъ на порогѣ двери. Помню—меня особенно поразили березки, натыканныя по обѣимъ сторонамъ крыльца, словно въ троицынъ день. „Торжество изъ торжествъ!“ пропѣлъ въ носъ Сувениръ, вылѣзая первый изъ кареты. И точно, торжественность замѣчалась во всемъ. На Харловскомъ зятѣ былъ плисовый галстукъ съ атласнымъ бантомъ и необыкновенно узкій черный фракъ; а у вынырнувшаго изъ-за его спины Максимки волосы до того были смочены квасомъ, что даже капало съ нихъ. Мы вошли въ гостиную и увидали Мартына Петровича, неподвижно возвышавшагося—именно возвышавшагося — посреди комнаты. Не знаю, что почувствовали Сувениръ и Квицинскій при видѣ его колоссальной фигуры, но я ощутилъ нѣчто похожее на благоговѣніе. Мартынъ Петровичъ облекся въ сѣрый, должно-быть, ополченскій, 12-го года, казакинъ съ

чернымъ стоячимъ воротникомъ; бронзовая медаль виднѣлась на его груди, сабля висѣла у бока; лѣвую руку онъ положилъ на рукоятку, правой опирался на столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Два исписанныхъ листа бумаги лежало на этомъ столѣ. Харловъ не шевелился, даже не пыхтѣлъ; и какая важность сказывалась въ его осанкѣ, какая увѣренность въ себѣ, въ своей неограниченной и несомнѣнной власти! Онъ едва привѣтствовалъ насъ кивкомъ и, хрипло промолвивъ: „прошу!“—повелъ указательнымъ пальцемъ лѣвой руки въ направленіи поставленныхъ рядышкомъ стульевъ. У правой стѣны гостиной стояли обѣ дочери Харлова, разодѣтыя по-воскресному: Анна въ зелено-лиловомъ, двуличневомъ платьѣ съ желтымъ шелковымъ поясомъ; Евлампія — въ розовомъ, съ пунцовыми лентами. Возлѣ нихъ торчалъ Житковъ, въ новомъ мундирѣ, съ обычнымъ выраженіемъ тупого и жаднаго ожиданія въ глазахъ и съ бо̀льшимъ противъ обычнаго количествомъ испарины на волосатомъ лицѣ. У лѣвой стѣны гостиной сидѣлъ священникъ, въ изношенной рясѣ табачнаго цвѣта, старый человѣкъ съ жесткими бурыми волосами. Эти волосы и унылые, тусклые глаза и большія заскорузлыя руки, которыя словно его самого бременили и лежали, какъ груды, на колѣняхъ, и выглядывавшіе изъ-подъ рясы смазные сапоги,—все свидѣтельствовало о трудовой, нерадостной жизни: приходъ его былъ очень бѣденъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался исправникъ, жирненькій, блѣдненькій, неопрятный господинчикъ, съ пухлыми, короткими ручками и ножками, съ черными глазами, черными, подстриженными усами, съ постоянной, хоть и веселой, но дрянной улыбочкой на лицѣ: онъ слылъ за великаго взяточника и даже за тирана, какъ выражались въ то время; но не только помѣщики, даже крестьяне привыкли къ нему и любили его. Онъ весьма развязно и нѣсколько насмѣшливо поглядывалъ кругомъ: видно было, что вся эта „процедура“ его забавляла. Въ

сущности, его интересовала одна предстоявшая закуска съ водочкой. Зато сидѣвшій возлѣ него стряпчій, сухопарый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ, узкими бакенбардами отъ уха къ носу, какъ ихъ нàшивали при Александрѣ Первомъ, всей душой принималъ участіе въ распоряженіяхъ Мартына Петровича и не спускалъ съ него своихъ большихъ, серьезныхъ глазъ: отъ очень усиленнаго вниманія и сочувствія онъ все двигалъ и поводилъ губами, не разжимая ихъ однако. Сувениръ къ нему присосѣдился и шопотомъ заговорилъ съ нимъ, объявивъ мнѣ сперва, что это первый по губерніи масонъ. Временное отдѣленіе земскаго суда состоитъ, какъ извѣстно, изъ исправника, стряпчаго и станового; но станового либо вовсе не было, либо онъ до того стушевался, что я его не замѣтилъ; впрочемъ, онъ у насъ въ уѣздѣ носилъ прозвище: „несуществующій“, какъ бываютъ „непомнящіе“. Я сѣлъ подлѣ Сувенира, Квицинскій подлѣ меня. На лицѣ практическаго поляка была написана явная досада на „никому не нужную“ поѣздку, на напрасную трату времени.... „Барыня! барскія русскія фантазіи!“ казалось, шепталъ онъ про себя.... „Ужъ эти мнѣ русскіе!“

XII.

Когда мы всѣ усѣлись, Мартынъ Петровичъ поднялъ плечи, крякнулъ, обвелъ насъ всѣхъ своими медвѣжьими глазками, и, шумно вздохнувъ, началъ такъ:

— Милостивые государи! Я пригласилъ васъ по слѣдующему случаю. Становлюсь я старъ, государи мои, немощи одолѣваютъ.... Уже и предостереженіе мнѣ было, смертный же часъ, яко тать въ нощи, приближается.... Не такъ ли, батюшка? — обратился онъ къ священнику.

Батюшка встрепенулся. — Тако, тако, — прошамшилъ онъ, потрясая бородкой.

— И потому, — продолжалъ Мартынъ Петровичъ, внезапно возвысивъ голосъ:—не желая, чтобы та самая смерть меня врасплохъ застала, положилъ я въ умѣ своемъ.... Мартынъ Петровичъ повторилъ слово въ слово фразу, которую онъ, два дня тому назадъ, произнесъ у матушки. — Въ силу сего моего рѣшенія, — закричалъ онъ еще громче, — сей актъ (онъ ударилъ рукою по лежавшимъ на столѣ бумагамъ) составленъ мною, и предержащія власти въ свидѣтели приглашены, и въ чемъ состоитъ оная моя воля, о томъ слѣдуютъ пункты. Поцарствовалъ, будетъ съ меня!

Мартынъ Петровичъ надѣлъ на носъ свои желѣзные круглые очки, взялъ со стола одинъ изъ исписанныхъ листовъ и началъ:

— Раздѣльный актъ имѣнію отставнаго штыкъ-юнкера и столбоваго дворянина Мартына Харлова, имъ самимъ, въ полномъ и здравомъ умѣ и по собственному благоусмотрѣнію составленный, и въ коемъ съ точностію опредѣляется, какія угодія его двумъ дочерямъ, Аннѣ и Евлампіи (кланяйтесь!—онѣ поклонились), предоставляются, и коимъ образомъ дворовые люди и прочее имущество и живность межъ оными дочерьми подѣляется! Рукою властной!

— Это ихняя бумажка, — шепнулъ, съ неизмѣнной своей улыбочкой, исправникъ Квицинскому:—они ее для красоты слога прочитать желаютъ, а законный актъ составленъ по формѣ, безо всѣхъ этихъ цвѣточковъ.

Сувениръ началъ-было хихикать....

— Согласно съ моею волею!—вмѣшался Харловъ, отъ котораго не ускользнуло замѣчаніе исправника.

— Во всѣхъ пунктахъ согласно,—поспѣшно и весело отвѣчалъ тотъ:—только форму, вы знаете, Мартынъ Петровичъ, никакъ обойти нельзя. И лишнія подробности устранены. Ибо въ пѣгихъ коровъ и турецкихъ селезней палата никакимъ образомъ входить не можетъ.

— Подь сюда, ты! — гаркнулъ Харловъ зятю, который вслѣдъ за нами вошелъ въ комнату и съ подобострастнымъ видомъ остановился у двери. Онъ тотчасъ подскочилъ къ своему тестю.

— На, возьми, читай! А то мнѣ трудно. Только смотри, не лотоши! Чтобы всѣ господа присутствующіе вникнуть могли.

Слеткинъ взялъ листъ въ обѣ руки, и сталъ, трепетно, но внятно, со вкусомъ и чувствомъ, читать раздѣльный актъ. Въ немъ съ величайшею аккуратностью было обозначено, что̀ именно отходило къ Аннѣ, и что̀ къ Евлампіи, и какъ имъ слѣдовало дѣлиться. Харловъ, отъ времени до времени, прерывалъ чтеніе словами:—Слышь, это тебѣ, Анна, за твое усердіе!"—или:—„это тебѣ, Евлампіюшка, жалую!"—и обѣ сестры кланялись, Анна въ поясъ, Евлампія одной головой. Харловъ съ угрюмой важностью посматривалъ на нихъ. „Усадебный домъ" (новый флигелекъ) былъ отданъ имъ Евлампіи,—„яко младшей дочери, по извѣчному обычаю". Голосъ чтеца зазвенѣлъ и задрожалъ, произнося эти непріятныя для него слова; а Житковъ облизнулся. Евлампія искоса глянула на него: будь я на мѣстѣ Житкова, не понравился бы мнѣ этотъ взглядъ. Презрительное выраженіе лица, свойственное Евлампіи, какъ всякой истой русской красавицѣ, на этотъ разъ носило особый оттѣнокъ. Самому себѣ Мартынъ Петровичъ предоставлялъ право жить въ занимаемыхъ имъ комнатахъ и выговаривалъ себѣ, подъ именемъ „опричнаго", полное содержаніе „натуральною провизіею" и десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ на обувь и одежу. Послѣднюю фразу раздѣльнаго акта Харловъ пожелалъ прочесть самъ. „И сію мою родительскую волю",—гласила она,—„дочерямъ моимъ исполнять и наблюдать свято и нерушимо, яко заповѣдь; ибо я, послѣ Бога, имъ отецъ и глава, и никому отчета давать не обязанъ и не давалъ; и будутъ онѣ волю

мою исполнять, то будетъ съ ними мое родительское благословеніе, а не будутъ волю мою исполнять, чего Боже оборони, то постигнетъ ихъ моя родительская неключимая клятва, нынѣ и во-вѣки вѣковъ, аминь!“ Харловъ поднялъ листъ высоко надъ головою. Анна тотчасъ проворно опустилась на колѣни и стукнула о полъ лбомъ; за ней кувырнулся и мужъ ея.—„Ну, а ты что жъ?“—обратился Харловъ къ Евлампіи. Та вся вспыхнула и также поклонилась въ землю; Житковъ нагнулся впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Подпишитесь! — воскликнулъ Харловъ, указывая пальцемъ на конецъ листа.—Здѣсь: Благодарю и принимаю, Анна! Благодарю и принимаю, Евлампія!

Обѣ дочери встали и подписались одна за другой. Слеткинъ всталъ тоже и полѣзъ-было за перомъ, но Харловъ отстранилъ его, ткнувъ его среднимъ перстомъ въ галстукъ, такъ что онъ іокнулъ. Съ минуту длилось молчаніе. Вдругъ Мартынъ Петровичъ словно всхлипнулъ и, пробормотавъ:—„Ну, теперь все ваше!“—отодвинулся въ сторону. Дочери и зять переглянулись, подошли къ нему и стали цѣловать его выше локтя. Въ плечо достать они не могли.

XIII.

Исправникъ прочелъ настоящій, формальный актъ, дарственную запись, составленную Мартыномъ Петровичемъ. Потомъ онъ вмѣстѣ съ стряпчимъ вышелъ на крыльцо и объявилъ собравшимся у воротъ сосѣдямъ, понятымъ, Харловскимъ крестьянамъ и нѣсколькимъ дворовымъ людямъ о совершившемся событіи. Начался вводъ во владѣніе новыхъ двухъ помѣщицъ, которыя также появились на крыльцѣ и на которыхъ исправникъ указывалъ рукою, когда, слегка наморщивъ одну бровь и мгновенно придавъ

своему беззаботному лицу видъ грозный, онъ внушалъ крестьянамъ о „послушаніи“. Онъ бы могъ обойтись и безъ этихъ внушеній: болѣе смирныхъ физіономій, чѣмъ у Харловскихъ крестьянъ, я полагаю, въ природѣ не существуетъ. Облеченные въ худые армяки и прорванные тулупы, но весьма туго подпоясанные, какъ это всегда водится въ торжественныхъ случаяхъ, они стояли неподвижно, какъ каменные, и, какъ только исправникъ испускалъ междометіе въ родѣ: „Слышите, черти! понимаете, дьяволы!“ кланялись вдругъ всѣ разомъ, словно по командѣ; каждый изъ „чертей и дьяволовъ“ крѣпко держалъ свою шапку обѣими руками и не спускалъ взора съ окна, въ которомъ виднѣлась фигура Мартына Петровича. Немного меньше робѣли и самые понятые. — Вамъ извѣстны какія-либо препятствія,—крикнулъ на нихъ исправникъ,—ко введенію во владѣніе сихъ единственныхъ и законныхъ наслѣдницъ и дочерей Мартына Петровича Харлова?“

Всѣ понятые тотчасъ словно съежились.

— Извѣстны, черти?—крикнулъ опять исправникъ.

— Ничего, ваше благородіе, намъ не извѣстно, — мужественно отвѣчалъ одинъ корявый старичекъ, съ остриженной бородой и усами, отставной солдатъ.

— Ну, да и смѣльчакъ же Еремѣичъ! — говорили, расходясь, про него понятые.

Несмотря на просьбы исправника, Харловъ не пожелалъ выйти вмѣстѣ съ дочерьми на крыльцо. —Мои подданные и безъ того моей волѣ покорятся!“ — отвѣчалъ онъ. На него, по совершеніи акта, нашло нѣчто въ родѣ грусти. Лицо его снова поблѣднѣло. Это новое, небывалое выраженіе грусти такъ мало шло къ пространнымъ и добрымъ чертамъ Мартына Петровича, что я рѣшительно не зналъ, что̀ подумать. Ужъ не меланхолія ли на него находитъ? — Крестьяне, очевидно, съ своей стороны также ощущали недоумѣніе. И въ самомъ дѣлѣ: „Баринъ живе-

хонекъ — вонъ онъ стоитъ, да еще какой баринъ: Мартынъ Петровичъ! И вдругъ онъ ими владѣть не будетъ.... Чудеса!" Не знаю, догадался ли Харловъ о томъ, какія мысли бродили въ головахъ его „подданныхъ", захотѣлъ ли онъ въ послѣдній разъ покуражиться, только онъ вдругъ открылъ форточку, приставилъ къ отверстію голову и закричалъ громовымъ голосомъ: „повиноваться!" Потомъ онъ захлопнулъ форточку. Недоумѣніе крестьянъ, конечно, отъ этого не разсѣялось и не уменьшилось. Они еще пуще окаменѣли, и даже какъ бы перестали глядѣть. Группа дворовыхъ (въ числѣ ихъ находились двѣ здоровенныя дѣвки, въ короткихъ ситцахъ и съ такими икрами, подобныхъ которымъ видѣть можно развѣ на страшномъ Судилищѣ Микель Анджело, да еще одинъ, уже совсѣмъ ветхій, отъ древности даже заиндевѣвшій, полуслѣпой человѣкъ въ шаршавой фризовой шинели—онъ, по слухамъ, былъ при Потемкинѣ „валторщикомъ"—казачка Максимку Харловъ себѣ предоставилъ), группа эта выказывала большее оживленіе, чѣмъ крестьяне: она, по крайней мѣрѣ, переминалась на мѣстѣ. Сами новыя помѣщицы держались очень важно, особенно Анна. Стиснувъ свои сухія губы, она упорно глядѣла внизъ.... не много добраго обѣщала дворовымъ ея строгая фигура. Евлампія тоже не поднимала глазъ; только разъ она обернулась, и, словно съ удивленіемъ, медленно окинула взоромъ своего жениха, Житкова, который, вслѣдъ за Слеткинымъ, почелъ нужнымъ также явиться на крыльцо. „Ты здѣсь съ какого права?" казалось, говорили эти красивые, выпуклые глаза. Слеткинъ—тотъ измѣнился больше всѣхъ. Во всемъ существѣ его проявилась торопливая бодрость, словно аппетитъ его пронималъ; движенія головы, ногъ, остались подобострастными попрежнему, но какъ весело расправлялъ онъ руки, какъ хлопотливо передвигалъ лопатками! „Наконецъ, молъ, дорвался!" Окончивъ „процедуру" ввода во владѣніе, исправникъ, у котораго от-

приближенія закуски даже вода подтекла подъ щеками, потеръ себѣ руки тѣмъ особеннымъ манеромъ, который обыкновенно предшествуетъ „вонзанію въ себя первой рюмочки“; но оказалось, что Мартынъ Петровичъ желалъ сперва отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Священникъ облачился въ старую, еле-живую ризу; еле-живой дьячокъ вышелъ изъ кухни, съ трудомъ раздувая ладанъ въ старомъ мѣдномъ паникадилѣ. Молебенъ начался. Харловъ то и дѣло вздыхалъ; класть земные поклоны, онъ, по тучности, не могъ, но, крестясь правой рукою и наклоняя голову, указывалъ перстомъ лѣвой руки на полъ. Слеткинъ такъ и сіялъ, и даже прослезился; Житковъ благородно, по-военному, чуть-чуть помахивалъ пальцами между третьей и четвертой пуговицей мундира; Квицинскій, какъ католикъ, остался въ сосѣдней комнатѣ; зато стрянчій такъ усердно молился, такъ сочувственно вздыхалъ вслѣдъ за Мартыномъ Петровичемъ, и такъ истово шепталъ и жевалъ губами, возводя взоры горѣ, что, глядя на него, я ощутилъ умиленіе и началъ тоже горячо молиться. По окончаніи молебна и водосвятія, причемъ всѣ присутствующіе, даже слѣпой Потемкинскій „валторщикъ“, даже Квицинскій, помочили себѣ глаза святой водой, Анна и Евлампія еще разъ, по приказанію Мартына Петровича, благодарили его земно; и тутъ, наконецъ, наступилъ моментъ завтрака. Кушаній было много, и всѣ превкусныя; мы всѣ наѣлись страшно. Появилась неизбѣжная бутылка донского. Исправникъ, какъ человѣкъ, больше всѣхъ насъ знакомый со свѣтскими обычаями, ну, да и какъ представитель власти, первый провозгласилъ тостъ за здоровье „прекрасныхъ владѣлицъ!“ Потомъ онъ же предложилъ намъ выпить за здравіе наипочтеннѣйшаго и наивеликодушнѣйшаго Мартына Петровича. При словѣ: „великодушнѣйшій“, Слеткинъ взвизгнулъ и бросился цѣловать своего благодѣтеля....—„Ну, хорошо, хорошо, не надо“,—бормоталъ Хар-

ловъ какъ бы съ досадой, отстраняя его локтемъ.... Но тутъ произошелъ не совсѣмъ пріятный, какъ говорится, пассажъ.

XIV.

А именно: Сувениръ, который съ самаго начала завтрака пилъ безостановочно, внезапно поднялся, весь красный какъ буракъ, со стула и, указывая пальцемъ на Мартына Петровича, залился своимъ дряблымъ, дряннымъ смѣхомъ.

— Великодушный! Великодушный!—затрещалъ онъ:— а вотъ, мы посмотримъ, по вкусу ли ему самому придется это великодушіе, когда его, раба божія, голой спиной.... да на снѣгъ!

— Что ты врешь? дуракъ! — презрительно промолвилъ Харловъ.

— Дуракъ! дуракъ! — повторилъ Сувениръ. — Единому Всевышнему Богу извѣстно, кто изъ насъ обоихъ заправскій-то дуракъ. А вотъ вы, братецъ! сестрицу мою, супругу вашу, уморили—за то теперь и самихъ себя похерили.... ха-ха-ха!

— Какъ вы смѣете нашего почтеннаго благодѣтеля обижать? — запищалъ Слеткинъ и, оторвавшись отъ обхваченнаго имъ плеча Мартына Петровича, ринулся на Сувенира. — Да знаете ли, что если нашъ благодѣтель того пожелаетъ, то мы и самый актъ сію минуту уничтожить можемъ?...

— А вы все-таки его голой спиной — на снѣгъ.... — ввернулъ Сувениръ, стушевавшись за Квицинскаго.

— Молчать!—загремѣлъ Харловъ. — Прихлопну тебя, такъ только мокро будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты находился. Да и ты молчи, щенокъ!—обратился онъ къ Слеткину:—не суйся, куда не велятъ! Коли я, Мартынъ Пет-

ровъ Харловъ, порѣшилъ оный раздѣльный актъ составить, то кто же можетъ его уничтожить? противъ моей воли пойти? Да въ свѣтѣ власти такой нѣтъ....

— Мартынъ Петровичъ! — заговорилъ вдругъ сочнымъ басомъ стряпчій; онъ тоже выпилъ много, но отъ этого въ немъ только важности прибавилось. — Ну, а какъ господинъ помѣщикъ правду сказать изволилъ? Дѣло вы совершили великое; ну, а какъ, сохрани Богъ, дѣйствительно.... вмѣсто должной благодарности, да выйдетъ какой аффронтъ?

Я глянулъ украдкой на обѣихъ дочерей Мартына Петровича. Анна такъ и впилась глазами въ говорившаго и ужъ, конечно, болѣе злого, змѣинаго и въ самой злобѣ болѣе красиваго лица я не видывалъ! Евлампія отворотилась и руки скрестила; презрительная усмѣшка болѣе чѣмъ когда-нибудь скрутила ея полныя, розовыя губы.

Харловъ поднялся со стула, разинулъ ротъ, но видно языкъ измѣнилъ ему.... Онъ вдругъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что все въ комнатѣ подпрыгнуло и задребезжало.

— Батюшка,—поспѣшно промолвила Анна:—они насъ не знаютъ и потому такъ о насъ понимаютъ; а вы себѣ не извольте повредить. Напрасно вы гнѣваться изволите; вотъ, у васъ личико словно перекосилось.

Харловъ поглядѣлъ на Евлампію; она не шевелилась, хотя сидѣвшій подлѣ нея Житковъ и толкалъ ее подъ бокъ.

— Спасибо тебѣ, дочь моя Анна, — глухо заговорилъ Харловъ:—ты у меня разумница; я на тебя надѣюсь и на мужа твоего тоже.—Слеткинъ опять взвизгнулъ; Житковъ выставилъ-было грудь и ногой слегка топнулъ; но Харловъ не замѣтилъ его старанія.—Этотъ шалопай,— продолжалъ онъ, указавъ подбородкомъ на Сувенира,— радъ дразнить меня: но вамъ, милостивый государь мой,—

обратился онъ къ стрянчему,—вамъ о Мартынѣ Харловѣ судить не приходится: понятіемъ еще не вышли. И чиновный вы человѣкъ, а слова ваши самыя вздорныя. А впрочемъ, дѣло сдѣлано, рѣшенію моему отмѣны не будетъ.... Ну, и счастливо оставаться! Я уйду. Я здѣсь больше не хозяинъ, я гость. Анна, хлопочи ты, какъ знаешь; а я къ себѣ въ кабинетъ уйду. Довольно!

Мартынъ Петровичъ повернулся къ намъ спиною и, не прибавивъ больше ни слова, медленно вышелъ изъ комнаты.

Внезапное удаленіе хозяина не могло не разстроить нашей компаніи, тѣмъ болѣе, что и обѣ хозяйки тоже въ скорости исчезли. Слеткинъ напрасно старался удержать насъ. Исправникъ не преминулъ упрекнуть стрянчаго въ неумѣстной его откровенности. — Нельзя! — отвѣчалъ тотъ.—Совѣсть заговорила!

— Вотъ и видно, что масонъ, — шепнулъ мнѣ Сувениръ.

— Совѣсть!—возразилъ исправникъ.—Знаемъ мы вашу совѣсть! Такъ же, небось, и у васъ въ карманѣ сидитъ, какъ и у насъ грѣшныхъ!

Священникъ, между тѣмъ, уже стоя на ногахъ, но предчувствуя скорый конецъ трапезы, безпрестанно посылалъ въ ротъ кусокъ за кускомъ.

— А у васъ, я вижу, аппетитъ сильный,—рѣзко замѣтилъ ему Слеткинъ.

— Про запасъ, — отвѣчалъ священникъ со смиренной ужимкой; застарѣлый голодъ слышался въ этомъ отвѣтѣ.

Застучали экипажи.... и мы разъѣхались.

На возвратномъ пути никто не мѣшалъ Сувениру кривляться и болтать, такъ какъ Квицинскій объявилъ, что ему надоѣли всѣ эти „никому не нужныя“ безобразія, и прежде насъ отправился домой пѣшкомъ. На его мѣсто къ намъ въ карету сѣлъ Житковъ; отставной майоръ имѣлъ весьма

недовольный видъ, и то и дѣло, какъ тараканъ, поводилъ усами.

— Что, ваше высокоблагородіе, — лепеталъ Сувениръ:—субординація, знать, подорвана? Погодите, то ли будетъ! Зададутъ феферу и вамъ. Ахъ вы, женишокъ, женишокъ, горе-женишокъ!

Сувенира такъ и разбирало; а бѣдный Житковъ только шевелилъ усами.

Вернувшись домой, я разсказалъ все видѣнное мною матушкѣ. Она выслушала меня до конца и нѣсколько разъ покачала головою. — Не къ добру,—промолвила она:— не нравятся мнѣ всѣ эти новизны!

XV.

На слѣдующій день Мартынъ Петровичъ пріѣхалъ къ обѣду. Матушка поздравила его съ благополучнымъ окончаніемъ затѣяннаго имъ дѣла.—Ты теперь свободный человѣкъ,—сказала она:—и долженъ себя легче чувствовать.

— Легче-то легче, сударыня, — отвѣчалъ Мартынъ Петровичъ, нисколько, однако, не показывая выраженьемъ своего лица, что ему дѣйствительно легче стало.—Можно теперь и о душѣ помыслить, и къ смертному часу, какъ слѣдуетъ, приготовиться.

— А что?—спросила матушка: — мурашки у тебя по рукѣ все бѣгаютъ?

Харловъ раза два сжалъ и разжалъ ладонь лѣвой руки.—Бѣгаютъ, сударыня;—и что я вамъ еще доложу: какъ начну я засыпать, кричитъ кто-то у меня въ головѣ: „берегись!“ „берегись!“

— Это.... нервы,—замѣтила матушка, и заговорила о вчерашнемъ днѣ, намекнула на нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія совершеніе раздѣльнаго акта.

— Ну, да, да, — перебилъ ее Харловъ:—было такъ, кое-что.... неважное. Только вотъ что̀ доложу вамъ,—прибавилъ онъ съ разстановкой.—Не смутили меня вчерась пустыя Сувенировы слова—даже самъ господинъ стряпчій, хоть и обстоятельный онъ человѣкъ—и тотъ не смутилъ меня; а смутила меня....—Тутъ Харловъ запнулся.

— Кто?—спросила матушка.

Харловъ вскинулъ на нее глазами:—Евлампія!

— Евлампія? Дочь твоя? Это какимъ образомъ?

— Помилуйте, сударыня — точно каменная! истуканъ истуканомъ! Неужто же она не чувствуетъ? Сестра ея, Анна—ну, та все какъ слѣдуетъ. Та—тонкая! А Евлампія—вѣдь я ей—что грѣха таить!—много предпочтенія оказывалъ! Неужто же ей не жаль меня? Стало-быть, мнѣ плохо приходится, стало-быть, чую я, что не жилецъ я на сей землѣ, коли все имъ отказываю; и точно каменная! хоть бы гукнула! Кланяться—кланяется, а благодарности не видать.

— Вотъ, постой,—замѣтила матушка,—выдадимъ мы ее за Гаврилу Ѳедулыча.... у него она помягчѣетъ.

Мартынъ Петровичъ опять исподлобья глянулъ на матушку.—Ну, развѣ вотъ Гаврила Ѳедулычъ! Вы, знать, сударыня, на него надѣетесь?

— Надѣюсь.

— Такъ-съ; ну, вамъ лучше знать. А у Евлампіи, доложу вамъ,—что у меня, что у ней: нравъ все едино. Казацкая кровь—а сердце, какъ уголь горячій!

— Да развѣ у тебя такое сердце, отецъ мой?

Харловъ не отвѣчалъ. Наступило небольшое молчаніе.

— Что же ты, Мартынъ Петровичъ, — начала матушка: — какимъ образомъ намѣренъ теперь душу свою спасать? къ Митрофанію съѣздишь или въ Кіевъ? или, можетъ-быть, въ Оптину пустынь отправишься, такъ какъ она по сосѣдству? Тамъ, говорятъ, такой святой про-

явился инокъ.... отцомъ Макаріемъ его зовутъ, никто такого и не запомнитъ! Всѣ грѣхи насквозь видитъ.

— Если она, точно, неблагодарной дочерью окажется,— промолвилъ хриплымъ голосомъ Харловъ, — такъ мнѣ, кажется, легче будетъ ее изъ собственныхъ рукъ убить!

— Что ты! Что ты! Господь съ тобою! Опомнись! — воскликнула матушка. — Какія ты это рѣчи говоришь! Вотъ, то-то вотъ и есть! послушался бы меня намедни, какъ совѣтоваться пріѣзжалъ! А теперь вотъ ты себя мучить будешь—вмѣсто того, чтобы о душѣ помышлять! Мучить ты себя будешь—а локтя все-таки не укусишь! Да! Теперь вотъ ты жалуешься, трусишь....

Этотъ упрекъ, казалось, въ самое сердце кольнулъ Харлова. Вся прежняя его гордыня такъ волной и прилила къ нему. Онъ встряхнулся и подбородкомъ двинулъ впередъ.

— Не таковскій я человѣкъ, сударыня, Наталья Николаевна, чтобы жаловаться или трусить,—угрюмо заговорилъ онъ.—Я вамъ только, какъ благодѣтельницѣ моей и уважаемой особѣ, чувства мои изложить пожелалъ. Но Господь Богъ вѣдаетъ (тутъ онъ поднялъ руку надъ головою), что скорѣе шаръ земной въ раздробленіе придетъ, чѣмъ мнѣ отъ своего слова отступиться, или.... (тутъ онъ даже фыркнулъ) или трусить, или раскаиваться въ томъ, что я сдѣлалъ! Значитъ, были причины! А дочери мои изъ повиновенія не выдутъ, во-вѣки вѣковъ, аминь!

Матушка зажала уши. — Что это, отецъ, какъ труба трубишь! Коли ты въ самомъ дѣлѣ въ домочадцахъ своихъ такъ увѣренъ, ну, и слава тебѣ, Господи! Голову ты мнѣ совсѣмъ размозжилъ.

Мартынъ Петровичъ извинился, вздохнулъ раза два и умолкъ. Матушка опять упомянула о Кіевѣ, объ Оптиной пустынѣ, объ отцѣ Макаріѣ.... Харловъ поддакивалъ, говорилъ, что: „нужно, нужно.... надо будетъ.... о душѣ....“

и только. До самаго отъѣзда онъ не развеселился; отъ времени до времени сжималъ и разжималъ руку, глядѣлъ себѣ на ладонь, говорилъ, что ему страшнѣе всего умереть безъ покаянія, отъ удара, и что онъ зарокъ себѣ далъ: не сердиться, такъ какъ отъ сердца кровь портится и къ головѣ приливаетъ.... Притомъ же, онъ теперь отъ всего отстранился; съ какой стати онъ сердиться будетъ? Пусть другіе теперь трудятся и кровь себѣ портятъ!

Прощаясь съ матушкой, онъ страннымъ образомъ поглядывалъ на нее: задумчиво и вопросительно.... и вдругъ, быстрымъ движеніемъ выхвативъ изъ кармана томъ „Покоющагося Трудолюбца", сунулъ его матушкѣ въ руки.

— Что такое?—спросила она.

— Прочтите.... вотъ тутъ, — торопливо промолвилъ онъ:—гдѣ уголокъ загнутъ, о смерти. Сдается мнѣ, что больно хорошо сказано, а понять никакъ не могу. Не растолкуете-ли вы мнѣ, благодѣтельница? Я вотъ вернусь, а вы мнѣ растолкуете.

Съ этими словами Мартынъ Петровичъ вышелъ.

— Неладно! эхъ, неладно! — замѣтила матушка, какъ только онъ скрылся за дверью—и принялась за „Трудолюбца". На страницѣ, отмѣченной Харловымъ, стояли слѣдующія слова:

„Смерть есть важная и великая работа натуры. Она не что иное, какъ то, что духъ, понеже есть легче, тоньше и гораздо проницательнѣе тѣхъ стихій, коимъ отданъ былъ подъ власть но и самой электрической силы, то онъ химическимъ образомъ чистится и стремится до тѣхъ поръ, пока не ощутитъ равно духовнаго себѣ мѣста...." и т. д. *).

Матушка прочла этотъ пассажикъ раза два, воскликнула: тьфу!—и бросила книгу въ сторону.

---

*) См. «Покоющійся Трудолюбецъ» 1785, II ч. Москва.

Дня три спустя, она получила извѣстіе, что мужъ ея сестры скончался, и, взявъ меня съ собою, отправилась къ ней въ деревню. Матушка располагала провесть у ней мѣсяцъ, но осталась до поздней осени—и мы только въ концѣ сентября вернулись въ нашу деревню.

XVI.

Первое извѣстіе, которымъ встрѣтилъ меня мой камердинеръ Прокофій (онъ же считался господскимъ егеремъ), было то, что вальдшнеповъ налетѣло видимо-невидимо, и что особенно въ березовой рощѣ возлѣ Еськова (Харловскаго имѣнія) они такъ и кишатъ. До обѣда оставалось еще часа три; я тотчасъ схватилъ ружье, ягдташъ, и вмѣстѣ съ Прокофіемъ и лягавой собакой побѣжалъ въ Еськовскую рощу. Вальдшнеповъ въ ней мы нашли дѣйствительно много—и, выпустивши около тридцати зарядовъ, убили штукъ пять. Спѣша съ добычей домой, я увидѣлъ возлѣ дороги пахавшаго мужика. Лошадь его остановилась, и онъ, слезливо и злобно ругаясь, нещадно дергалъ веревочной возжею ея на бокъ загнутую голову. Я вглядѣлся въ несчастную клячу, у которой ребра чуть не прорывались наружу и облитые потомъ бока судорожно и неровно вздымались, какъ кузнечные мѣха, — и тотчасъ призналъ въ ней старую чахлую кобылу со шрамомъ на плечѣ, столько лѣтъ служившую Мартыну Петровичу.

— Г-нъ Харловъ живъ?—спросилъ я Прокофія. Охота насъ обоихъ такъ „всецѣло“ поглотила, что мы до того мгновенья ни о чемъ другомъ не разговаривали.

— Живъ-съ. А что-съ?

— Да вѣдь это его лошадь? Развѣ онъ продалъ ее?

— Лошадь, точно, ихняя-съ; только продавать они ее не продавали; а взяли ее у нихъ—да тому мужичку и отдали.

— Какъ такъ взяли? И онъ согласился?

— Согласія ихняго не спрашивали-съ. Тутъ безъ васъ порядки пошли,—промолвилъ съ легкой усмѣшкой Прокофій въ отвѣтъ на мой удивленный взглядъ:—бѣда! Боже ты мой! Теперь у нихъ Слеткинъ господинъ всѣмъ орудуетъ.

— А Мартынъ Петровичъ?

— А Мартынъ Петровичъ самымъ, какъ есть, послѣднимъ человѣкомъ сталъ. На сухояденьѣ сидитъ — чего больше? Порѣшили его совсѣмъ. Того и смотри, со двора сгонятъ.

Мысль, что можно такого великана *согнать* — никакъ не укладывалась мнѣ въ голову. — А Житковъ-то чего смотритъ? — спросилъ я наконецъ. — Вѣдь онъ женился на второй дочери?

— Женился? — повторилъ Прокофій и на этотъ разъ усмѣхнулся во весь ротъ.—Его и въ домъ-то не пускаютъ. Не надо, молъ; поверни, молъ, оглобли назадъ. Сказанное дѣло: Слеткинъ всѣмъ заправляетъ.

— А невѣста-то что?

— Евлампія-то Мартыновна? Эхъ, баринъ, сказалъ бы я вамъ.... да млады вы суть—вотъ что. Дѣла тутъ подошли такія, что и.... и.... и! Э! да Діанка-то, кажись, стоитъ!

Дѣйствительно, собака моя остановилась, какъ вкопанная, передъ широкимъ дубовымъ кустомъ, которымъ заканчивался узкій оврагъ, выползавшій на дорогу. Мы съ Прокофіемъ подбѣжали къ собакѣ: изъ куста поднялся вальдшнепъ. Мы оба выстрѣлили по немъ, и промахнулись; вальдшнепъ перемѣстился; мы отправились за нимъ.

Супъ уже былъ на столѣ, когда я вернулся. Матушка побранила меня.—„Что это?“—сказала она съ неудовольствіемъ:—„въ первый же день—да къ обѣду ждать себя заставилъ“. Я поднесъ ей убитыхъ вальдшнеповъ; она и не посмотрѣла на нихъ. Кромѣ ея, въ комнатѣ находились Су-

веніръ, Квицинскій и Житковъ. Отставной майоръ забился въ уголъ,—ни дать, ни взять, провинившійся школьникъ; выраженіе его лица являло смѣсь смущенія и досады; глаза его покраснѣли.... Можно было даже подумать, что онъ незадолго передъ тѣмъ всплакнулъ. Матушка продолжала быть не въ духѣ; мнѣ не стоило большого труда догадаться, что поздній мой приходъ былъ тутъ ни при чемъ. Во время обѣда она почти не разговаривала; майоръ изрѣдка возводилъ на нее жалостные взгляды, кушалъ однако, исправно; Сувениръ трепеталъ; Квицинскій сохранялъ обычную увѣренность осанки.

— Викентій Осипычъ, — обратилась къ нему матушка:—прошу васъ послать завтра за Мартыномъ Петровичемъ экипажъ, такъ какъ я извѣстилась, что у него своего не стало; и велите ему сказать, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ, что я желаю его видѣть.

Квицинскій хотѣлъ-было что-то возразить, но удержался.

— И Слеткину дайте знать,—продолжала матушка:—что я ему приказываю ко мнѣ явиться.... Слышите? При....ка....зываю!

— Вотъ, уже, именно.... этого негодяя слѣдуетъ....—началъ вполголоса Житковъ; но матушка такъ презрительно на него посмотрѣла, что онъ тотчасъ отворотился и умолкъ.

— Слышите? Я приказываю!—повторила матушка.

— Слушаю-съ, — покорно, но съ достоинствомъ промолвилъ Квицинскій.

— Не пріѣдетъ Мартынъ Петровичъ! — шепнулъ мнѣ Сувениръ, выходя вмѣстѣ со мною послѣ обѣда изъ столовой.—Вы посмотрите, что̀ съ нимъ сталось! Уму непостижимо!—Я полагаю—онъ что̀ и говорятъ-то ему—ничего не понимаетъ. Да! Прижали ужа вилами!

И Сувениръ залился своимъ дряблымъ смѣхомъ.

XVII.

Предсказаніе Сувенира оказалось справедливымъ. Мартынъ Петровичъ не захотѣлъ поѣхать къ матушкѣ. Она этимъ не удовольствовалась и отправила къ нему письмо; онъ прислалъ ей четвертушку бумаги, на которой крупными буквами были написаны слѣдующія слова: „Ей-же-ей, не могу. Стыдъ убьетъ. Пущай такъ пропадаю. Спасибо. Не мучьте. Харловъ Мартынко". Слеткинъ пріѣхалъ, но не въ тотъ день, когда матушка „приказывала" ему явиться, а цѣлыми сутками позже. Матушка велѣла провести его къ себѣ въ кабинетъ.... Богъ вѣдаетъ, о чемъ у нихъ велась бесѣда, но продолжалась она недолго; съ четверть часа не болѣе. Слеткинъ вышелъ отъ матушки, весь красный, и съ такимъ ядовито-злымъ и дерзостнымъ выраженіемъ лица, что, встрѣтившись съ нимъ въ гостиной, я просто остолбенѣлъ, а тутъ же вертѣвшійся Сувениръ не окончилъ начатаго смѣха. Матушка вышла изъ кабинета тоже вся красная въ лицѣ и объявила во всеуслышаніе, чтобъ г-на Слеткина ни подъ какимъ видомъ къ ней впередъ не допускать; а коли Мартына Петровича дочери вздумаютъ явиться—наглости, дескать, на это у нихъ станетъ—имъ также отказывать. За обѣдомъ она вдругъ воскликнула:—„Каковъ дрянной жиденокъ! Я жъ его за уши изъ грязи вытащила, я жъ его въ люди вывела, онъ всѣмъ, всѣмъ мнѣ обязанъ—и онъ смѣетъ мнѣ говорить, что я напрасно въ ихъ дѣла вмѣшиваюсь! Что Мартынъ Петровичъ блажитъ — и что ему потакать невозможно! Потакать! каково? Ахъ, онъ неблагородный щенокъ! Жиденокъ мерзкій!" — Майоръ Житковъ, который также находился въ числѣ обѣдавшихъ, вообразилъ, что теперь-то ужъ самъ Богъ ему велѣлъ воспользоваться случаемъ и ввернуть свое слово.... но матушка тотчасъ его осадила.—„Ну, ужъ и ты хорошъ, мой отецъ!"—

промолвила она.—„Съ дѣвкой не умѣлъ сладить, а еще офицеръ! Ротой командовалъ! Воображаю, какъ она тебя слушалась! Въ управляющіе мѣтилъ! хорошъ бы вышелъ управляющій!“

Квицинскій, сидѣвшій на концѣ стола, улыбнулся про себя не безъ злорадства, а бѣдный Житковъ только усами повелъ, да брови поднялъ и всѣмъ своимъ волосатымъ лицомъ уткнулся въ салфетку.

Послѣ обѣда онъ вышелъ на крыльцо покурить, по обыкновенію, трубочку — такимъ онъ мнѣ показался жалкимъ и сиротливымъ, что я, хотя его и не долюбливалъ, однако, тутъ присосѣдился къ нему.

— Какъ это у васъ, Гаврила Ѳедулычъ, — началъ я безъ дальнихъ околичностей:—съ Евлампіей Мартыновной дѣло разстроилось? Я полагалъ—вы давно женились.

Отставной майоръ уныло взглянулъ на меня.

— Змѣй подколодный, — началъ онъ, съ горестной старательностью выговаривая каждую букву каждаго слога:—жаломъ своимъ меня уязвилъ и всѣ мои надежды въ жизни—въ прахъ обратилъ! И разсказалъ бы я вамъ, Дмитрій Семеновичъ, всѣ его ехидные поступки, но матушку вашу боюсь прогнѣвить! („Млады вы еще суть“—мелькнуло у меня въ головѣ выраженіе Прокофія). Ужъ и такъ....—Житковъ крякнулъ.

— Терпѣть.... терпѣть.... больше ничего не остается! (Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь). Терпи, старый служака, терпи! Царю служилъ вѣрой-правдой.... безпорочно.... да! Не щадилъ пота-крови, а теперь вотъ до чего довертѣлся! Будь то въ полку — и дѣло отъ меня зависящее — продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія, судорожно насасывая свой черешневый чубукъ, — я бъ его.... я бъ его фухтелями въ три перемѣны.... то-есть, до-отвалу....

Житковъ вынулъ трубку изо рта и устремилъ взоръ

въ пространство, какъ бы внутренно любуясь вызванной имъ картиной.

Сувениръ подбѣжалъ и началъ шпынять майора. Я отошелъ отъ нихъ въ сторону—и рѣшился, во что бы то ни стало, собственными глазами, увидать Мартына Петровича.... Дѣтское мое любопытство было сильно задѣто.

XVIII.

На другой день я опять съ ружьемъ и съ собакой, но безъ Прокофія, отправился въ Еськовскую рощу. День выдался чудесный: я думаю, кромѣ Россіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ подобныхъ дней и не бываетъ. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по сухой листвѣ, какъ оторвавшійся сучекъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтки и падалъ, наконецъ, въ мягкую траву—падалъ навсегда: онъ ужъ не шелохнется, пока не истлѣетъ. Воздухъ ни теплый, ни свѣжій, а только пахучій и словно кисленькій, чуть-чуть, пріятно щипалъ глаза и щеки; тонкая, какъ шелковинка, съ бѣлымъ клубочкомъ по серединѣ, длинная паутина плавно налетала и, прильнувъ къ стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху—знакъ постоянной, теплой погоды. Солнце свѣтило, но такъ кротко, хоть бы лунѣ. Вальдшнепы попадались довольно часто; но я не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія: я зналъ, что роща доходила почти до самой усадьбы Харлова, до самаго плетня его сада—и пробирался въ ту сторону—хоть и не могъ себѣ представить, какъ я въ самую усадьбу проникну, и даже сомнѣвался въ томъ, слѣдовало ли мнѣ стараться проникнуть туда, такъ какъ матушка моя гнѣвалась на новыхъ владѣльцевъ.

Живые человѣческіе звуки почудились мнѣ въ недаль-

немъ разстояніи. Я сталъ прислушиваться.... Кто-то шелъ по лѣсу.... прямо на меня.

— Такъ бы ты и сказалъ, — послышался женскій голосъ.

— Толкуй! — перебилъ другой голосъ, голосъ мужчины.—Нешто можно все разомъ?

Голоса были мнѣ знакомы. Женское голубое платье мелькнуло сквозь порѣдѣвшіе орѣховые кусты; рядомъ съ нимъ показался темный кафтанъ. Еще мгновенье—и на поляну, въ пяти шагахъ отъ меня, вышли Слеткинъ и Евлампія.

Они внезапно смутились. Евлампія тотчасъ отступила назадъ въ кусты. Слеткинъ подумалъ—и приблизился ко мнѣ. На лицѣ его уже не замѣчалось и слѣда того подобострастнаго смиренія, съ которымъ онъ, мѣсяца четыре тому назадъ, расхаживая по двору Харловскаго дома, перетиралъ трензель моей лошади; но и того дерзкаго вызова я на немъ прочесть не могъ, того вызова, которымъ это лицо такъ поразило меня наканунѣ, на порогѣ матушкина кабинета. Оно осталось попрежнему бѣлымъ и пригожимъ, но казалось солиднѣй и шире.

— Что̀ много вальдшнеповъ заполевали?—спросилъ онъ меня, приподнявъ шапку, ухмыляясь и проводя рукою по своимъ чернымъ кудрямъ.—Вы въ нашей рощѣ охотитесь.... Милости просимъ! Мы не препятствуемъ.... Напротивъ!

— Сегодня я ничего не убилъ, — промолвилъ я, отвѣчая на первый его вопросъ: — а изъ рощи вашей я сейчасъ выйду.

Слеткинъ торопливо надѣлъ шапку. — Помилуйте, зачѣмъ же! Мы васъ не гонимъ — и даже очень рады.... Вотъ, и Евлампія Мартыновна тоже скажетъ. Евлампія Мартыновна, пожалуйте сюда! Куда вы забились?

Голова Евлампіи показалась изъ-за кустовъ; но она

не подошла къ намъ. Она еще похорошѣла за послѣднее время—и словно еще выросла и раздобрѣла.

— Мнѣ, признаться сказать,—продолжалъ Слеткинъ:—даже очень пріятно, что „встрѣтился“ съ вами. Вы хоть еще молоды—но разумъ уже имѣете настоящій. Матушка ваша вчерась на меня прогнѣваться изволила—никакихъ отъ меня резоновъ принять не хотѣла, а я, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами доложу: ни въ чемъ я не повиненъ. Съ Мартыномъ Петровичемъ иначе поступать невозможно: совсѣмъ онъ въ младенчество впалъ. Нельзя же намъ исполнять всѣ его капризы, помилуйте. А уваженіе мы ему оказываемъ, какъ слѣдуетъ! Спросите хоть Евлампію Мартыновну.

Евлампія не шевелилась; обычная презрительная улыбка бродила по ея губамъ—и неласково глядѣли красивые глаза.

— Но зачѣмъ же вы, Владиміръ Васильичъ, Мартынъ-Петровичеву лошадь-то продали? (Меня особенно смущала эта лошадь, находящаяся во владѣніи мужика).

— Лошадь-то ихнюю зачѣмъ продали-съ? Да помилосердуйте — куда же она годилась? Только сѣно даромъ ѣла. А у мужика она все-таки пахать можетъ. А Мартыну Петровичу — коли вздумается куда выѣхать — стоитъ только у насъ попросить. Мы въ экипажѣ ему не отказываемъ. Въ нерабочіе дни съ нашимъ удовольствіемъ!

— Владиміръ Васильевичъ! — глухо проговорила Евлампія, какъ бы отзывая его, и все не сходя съ своего мѣста. Она вертѣла около пальцевъ нѣсколько стеблей подорожника и отсѣкала имъ головки, ударяя ихъ другъ о дружку.

— Вотъ еще насчетъ казачка Максимки, — продолжалъ Слеткинъ:—Мартынъ Петровичъ жалуется, зачѣмъ, молъ, мы его у него отняли да въ ученье отдали. Но извольте сами разсудить: ну, что бы онъ сталъ у Мартына

Петровича дѣлать? Баклуши бить; больше ничего. И служить-то, какъ слѣдуетъ, онъ не можетъ: по причинѣ своей глупости и младыхъ лѣтъ. А теперь мы его къ шорнику въ ученіе отдали. Выйдетъ изъ него мастеръ хорошій — и себѣ пользу принесетъ, — и намъ будетъ оброкъ платить. А въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ это вещь важная-съ! Въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ ничего упускать не слѣдуетъ!

„И этого-то человѣка Мартынъ Петровичъ называлъ тряпкой! — подумалъ я. — Но кто же теперь Мартыну Петровичу читаетъ?—спросилъ я.

— Да что̀ читать-то? Была одна книга — да, благо, запропастилась куда-то.... И что̀ за чтеніе въ его лѣта!

— А бреетъ его кто?—опять спросилъ я.

Слеткинъ засмѣялся одобрительно, какъ бы въ отвѣтъ на забавную шутку.—Да никто. Спѣрва онъ себѣ бороду свѣчей подпаливалъ,—а теперь и вовсе запустилъ ее. И чудесно!

— Владиміръ Васильевичъ! — съ настойчивостью повторила Евлампія:—а Владиміръ Васильевичъ!

Слеткинъ сдѣлалъ ей знакъ рукою.

— Обутъ, одѣтъ Мартынъ Петровичъ, кушаетъ тоже, что̀ и мы; чего жъ ему еще? Самъ же онъ увѣрялъ, что больше ничего въ семъ мірѣ не желаетъ, какъ только о душѣ своей заботиться. Хоть бы онъ то̀ сообразилъ, что теперь все—какъ ни какъ—а наше. Говоритъ тоже, что жалованье мы ему не выдаемъ; да у насъ самихъ деньги не всегда бываютъ; и на что онѣ ему, когда на всемъ готовомъ живетъ? А мы съ нимъ по-родственному обращаемся: истинно вамъ говорю. Комнаты, напримѣръ, въ которыхъ онъ жительство имѣетъ, — ужъ какъ намъ нужны! безъ нихъ, просто повернуться негдѣ; а мы— ничего! — терпимъ. Даже о томъ помышляемъ, какъ бы ему развлеченіе доставить. Вотъ, я къ Петрову дню

а-атличные крючки въ городѣ ему купилъ — настоящіе англійскіе: дорогіе крючки! чтобы рыбу удить. У насъ въ пруду караси водятся. Сидѣлъ бы да удилъ! часикъ-другой посидѣлъ—анъ ушица и готова. Самое для старичковъ степенное занятіе!

— Владиміръ Васильевичъ! — въ третій разъ, рѣшительнымъ тономъ проговорила Евлампія и отбросила далеко отъ себя прочь травяные стебли, которые вертѣла въ пальцахъ. — Я уйду! — Ея глаза встрѣтились съ моими. — Я уйду, Владиміръ Васильевичъ! — повторила она и скрылась за кустъ.

— Я сейчасъ, Евлампія Мартыновна, сейчасъ!—крикнулъ Слеткинъ.—Самъ Мартынъ Петровичъ теперь насъ одобряетъ,—продолжалъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ.—Сперва онъ обижался, точно; и даже ропталъ, пока, знаете, не вникъ: человѣкъ онъ былъ, вы изволите помнить, горячій, крутой—бѣда! ну, а нынѣ совсѣмъ тихъ сталъ. Потому—пользу свою увидѣлъ. Маменька ваша—и Боже ты мой! какъ опрокинулась на меня.... Извѣстно: барыня властью своею дорожитъ тоже, не хуже, какъ, бывало, Мартынъ Петровичъ; ну, а вы зайдите сами, посмотрите—да при случаѣ и замолвите словечко. Я Натальи Николаевны благодѣянья очень чувствую; однако, надо же жить и намъ.

— А Житкову какъ же отказано было?—спросилъ я.

— Ѳедулычу-то? Талагаю-то этому? — Слеткинъ плечами пожалъ.—Да помилуйте, на что же онъ могъ быть нуженъ? Вѣкъ свой въ солдатахъ числился—а тутъ хозяйствомъ заняться вздумалъ. Я, говоритъ, могу съ крестьяниномъ расправу чинить. Потому, я привыкъ по рожѣ бить. Ничего-съ онъ не можетъ. И по рожѣ бить нужно умѣючи. А Евлампія Мартыновна сама ему отказала. Совсѣмъ неподходящій человѣкъ. Все наше хозяйство съ нимъ бы пропало!

— Ау!—раздался звучный голосъ Евлампіи.

— Сейчасъ! сейчасъ!—отозвался Слеткинъ. Онъ протянулъ мнѣ руку; я, хоть и неохотно, а пожалъ ее.

— Прощенія просимъ, Дмитрій Семенычъ, — проговорилъ Слеткинъ, выказывая всѣ свои бѣлые зубы.—Стрѣляйте себѣ вальдшнеповъ на здоровье; птица прилетная, никому не принадлежащая; ну, а коли зайчикъ вамъ попадется — вы ужъ его пощадите: это добыча—наша. Да, вотъ еще! не будетъ ли у васъ щеночка отъ вашей сучки? Очень бы одолжили!

— Ау!—раздался снова голосъ Евлампіи.

— Ау! ау!—отозвался Слеткинъ и бросился въ кусты.

XIX.

Помнится, когда я остался одинъ, меня занимала мысль: какъ это Харловъ не прихлопнулъ Слеткина такъ, „чтобы только мокро было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился“— и какъ это Слеткинъ не страшился подобной участи?“ Видно. Мартынъ Петровичъ точно „тихъ“ сталъ, подумалось мнѣ — и еще сильнѣе захотѣлось пробраться въ Еськово и хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на того колосса, котораго я никакъ не могъ вообразить себѣ загнаннымъ и смирнымъ. Я достигнулъ уже опушки—какъ вдругъ изъ подъ самыхъ ногъ моихъ, съ сильнымъ трескомъ крылъ, выскочилъ крупный вальдшнепъ и помчался въ глубь рощи. Я прицѣлился; ружье мое осѣклось. Очень мнѣ стало досадно: птица ужъ больно была хороша, и я рѣшился попытаться, не подниму ли я ее снова? Я пошелъ въ направленія ея полета — и, отойдя шаговъ двѣсти, увидѣлъ на небольшой лужайкѣ, подъ развѣсистой березой—не вальдшнепа—а того же господина Слеткина. Онъ лежалъ на спинѣ, заложивъ обѣ руки подъ голову, и съ довольной улыбкой поглядывалъ

вверхъ, на небо, покачивая лѣвой ногой, закинутой на правое колѣно. Онъ не замѣтилъ моего приближенія. По лужайкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, медленно, съ опущенными глазами, похаживала Евлампія; казалось, она искала чего-то въ травѣ—грибовъ, что ли—изрѣдка наклонялась, протягивала руку — и напѣвала вполголоса. Я остановился тотчасъ и сталъ прислушиваться. Сперва я не могъ понять, что это она такое поетъ, но потомъ я хорошо призналъ слѣдующіе, извѣстные стихи старинной пѣсни:

«Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
Ты убей-ка, ты убей тестя-батюшку.
Ты громи-ка, громи ты тещу-матушку,
А молодую-то жену я и самъ убью!»

Евлампія пѣла все громче и громче; особенно сильно протянула она послѣднія слова. Слеткинъ все лежалъ на спинѣ да и посмѣивался, а она все какъ будто кружила около него.

— Вишь ты! — промолвилъ онъ наконецъ. — И чего имъ только въ голову не взбредетъ!

— А что?—спросила Евлампія.

Слеткинъ слегка приподнялъ голову.—Что? Какія ты это рѣчи произносишь?

— Изъ пѣсни, Володя, ты самъ знаешь, слова не выкинешь,—отвѣчала Евлампія, обернулась и увидѣла меня. Мы оба разомъ вскрикнули, и оба бросились въ разныя стороны.

Я поспѣшно выбрался изъ рощи и, перейдя узенькую полянку, очутился передъ Харловскимъ садомъ.

XX.

Мнѣ некогда — да и не къ чему было размышлять о томъ, что я увидѣлъ. Только вспомнилось мнѣ слово: „при-

суха", которое я недавно передъ тѣмъ узналъ, и значенію котораго я много дивился. Я пошелъ вдоль садоваго плетня и, чрезъ нѣсколько мгновеній, изъ-за серебристыхъ тополей (они еще не потеряли ни одного листа и пышно ширились, и блестѣли) увидалъ дворъ и флигели Мартына Петровича. Вся усадьба показалась мнѣ подчищенной и подтянутой; всюду замѣчались слѣды постояннаго и строгаго надзора. Анна Мартыновна появилась на крыльцѣ и, прищуривъ свои блѣдно-голубые глаза, долго глядѣла въ направленіи рощи.

— Барина видѣлъ? — спросила она проходившаго по двору мужика.

— Владиміръ-Васильича? — отвѣчалъ тотъ, схвативъ съ головы шапку.—Онъ никакъ въ рощу пошелъ.

— Знаю, что въ рощу. Не вернулся онъ? Не видалъ его?

— Не видалъ.... нѣтути.

Мужикъ продолжалъ стоять безъ шапки передъ Анной Мартыновной.

— Ну, ступай, — проговорила она.—Или нѣтъ.... постой.... Мартынъ Петровичъ гдѣ? Знаешь?

— А Мартынъ эвто Петровичъ, — отвѣчалъ мужикъ пѣвучимъ голосомъ, поперемѣнно приподнимая то правую, то лѣвую руку, словно показывая куда-то:—сидитъ тамотка у пруда, съ удою. Въ камышѣ сидитъ и съ удою. Рыбу, что ль, ловитъ, Богъ его знаетъ.

— Хорошо.... Ступай, — повторила Анна Мартыновна;—да подбери колесо,—вишь, валяется.

Мужикъ побѣжалъ исполнять ея приказаніе, а она постояла еще нѣсколько минутъ на крыльцѣ и все смотрѣла въ направленіи рощи. Потомъ она тихонько погрозилась одной рукой и медленно вернулась въ домъ.—Аксютка!—раздался ея повелительный голосъ за дверью.

Анна Мартыновна имѣла видъ раздраженный и какъ-то

особенно крѣпко сжимала свои и безъ того тонкія губы. Одѣта она была небрежно, и прядь развитой косы падала ей на плечо. Но, несмотря ни на небрежность ея одежды, ни на ея раздраженіе, она попрежнему казалась мнѣ привлекательной, и я съ великой охотой поцѣловалъ бы ея узкую, тоже какъ будто злую руку, которою она раза два съ досадой откинула ту развитую прядь.

XXI.

— Неужели же Мартынъ Петровичъ и впрямь сталъ рыболовомъ?—спрашивалъ я самого себя, направляясь къ пруду, находившемуся по ту сторону сада. Я взошелъ на плотину, глянулъ туда, сюда.... Нигдѣ Мартына Петровича не было видно. Я отправился вдоль одного изъ береговъ пруда—и, наконецъ, въ самой почти его головѣ, у небольшого залива, посреди плоскихъ и поломанныхъ стеблей порыжѣлаго камыша, увидѣлъ громадную сѣроватую глыбу.... Я присмотрѣлся: это былъ Харловъ. Безъ шапки, взъерошенный, въ прорванномъ по швамъ холстинномъ кафтанѣ, поджавъ подъ себя ноги, онъ сидѣлъ неподвижно на голой землѣ; такъ неподвижно сидѣлъ онъ, что куличекъ-песочникъ, при моемъ приближеніи, сорвался съ высохшей тины въ двухъ шагахъ отъ него—и полетѣлъ, дрыгая крылышками и посвистывая, надъ водной гладью. Стало-быть, уже давно никто въ его близости не шевелился и не пугалъ его. Вся фигура Харлова до того была необычайна, что собака моя, какъ только увидала его, круто уперлась, поджала хвостъ и зарычала. Онъ чуть-чуть повернулъ голову и уставилъ на меня и на мою собаку свои одичалые глаза. Много его мѣняла борода, хотя короткая, но густая, курчавая, въ бѣлыхъ вихрахъ, на подобіе смушекъ. Въ правой его рукѣ лежалъ конецъ удилища, другой конецъ слабо

колыхался на водѣ. Сердце у меня невольно іокнуло; однако, я собрался съ духомъ, подошелъ къ нему и поздоровался съ нимъ. Онъ медленно заморгалъ, словно спросонья.

— Что̀ это вы, Мартынъ Петровичъ, — началъ я: — рыбу здѣсь ловите?

— Да.... рыбу, — отвѣчалъ онъ сиплымъ голосомъ и дернулъ кверху удилище, на концѣ котораго болтался обрывокъ нитки въ аршинъ и безъ крючка.

— У васъ леса̀ по̀рвана, — замѣтилъ я, и тутъ же увидалъ, что возлѣ Мартына Петровича ни лейки не оказывалось, ни червей.... И какая могла быть ловля въ сентябрѣ?

— Порвана? — промолвилъ онъ и провелъ рукой по лицу.—Но это все едино!

Онъ снова закинулъ свою удочку.

— Натальи Николаевны сынокъ?—спросилъ онъ меня, спустя минуты двѣ, въ теченіе которыхъ я не безъ тайнаго изумленія его разсматривалъ. Онъ, хотя и похудѣлъ сильно, однако, все-таки казался исполиномъ; но въ какое онъ былъ одѣтъ рубище и какъ опустился весь!

— Точно-такъ, — отвѣчалъ я: — я сынъ Натальи Николаевны Б.

— Здравствуетъ?

— Матушка моя здорова. Она очень огорчилась вашимъ отказомъ,—прибавилъ я:—она никакъ не ожидала, что вы не захотите къ ней пріѣхать.

Мартынъ Петровичъ понурился.—А былъ ты тамъ?—спросилъ онъ, качнувъ въ сторону головою.

— Гдѣ?

— Тамъ, на усадьбѣ. Не былъ? Сходи. Что̀ тебѣ здѣсь дѣлать? Сходи. Разговаривать со мной нѣчего. Не люблю.

Онъ помолчалъ.

— Тебѣ бы все съ ружьемъ баловаться! Въ младыхъ

лѣтахъ будучи, и я по этой дорожкѣ бѣгалъ. Только отецъ у меня.... а я его уважалъ, во-какъ! не то, что нынѣшніе. Отхлесталъ отецъ меня арапникомъ—и шабашъ! Полно баловаться! Потому я его уважалъ.... У!... Да....

Харловъ опять помолчалъ.

— А ты здѣсь не оставайся, — началъ онъ снова. — Ты на усадьбу сходи. Тамъ теперь хозяйство идетъ на славу. Володька....—Тутъ онъ на мигъ запнулся.—Володька у меня на всѣ руки. Молодецъ! ну, да и бестія же!

Я не зналъ, что сказать; Мартынъ Петровичъ говорилъ очень спокойно.

— И дочерей посмотри. Ты, чай, помнишь, у меня были дочери. Онѣ тоже хозяйки.... ловкія. А я старъ становлюсь, братъ; отстранился. На покой, знаешь....

„Хорошъ покой!“—подумалъ я, взглянувъ кругомъ.— Мартынъ Петровичъ!—промолвилъ я вслухъ.—Вамъ непремѣнно надо къ намъ пріѣхать.

Харловъ глянулъ на меня. — Ступай, братъ, прочь; вотъ что.

— Не огорчайте маменьку, пріѣзжайте.

— Ступай, братъ, ступай, — твердилъ Харловъ. — Что тебѣ со мной разговаривать?

— Если у васъ экипажа нѣтъ, маменька вамъ свой пришлетъ.

— Ступай!

— Да право же, Мартынъ Петровичъ!

Харловъ опять понурился—и мнѣ показалось, что его потемнѣвшія, какъ бы землей перекрытыя щеки слегка покраснѣли.

— Право, пріѣзжайте, — продолжалъ я. — Что вамъ тутъ сидѣть-то? Себя мучить?

— Какъ такъ мучить, — промолвилъ онъ съ разстановкой.

— Да такъ же—мучить!—повторилъ я.

Харловъ замолчалъ и словно въ думу погрузился.

Ободренный этимъ молчаньемъ, я рѣшился быть откровеннымъ, дѣйствовать прямо, на чистоту. (Не забудьте—мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ).

— Мартынъ Петровичъ!—началъ я, усаживаясь возлѣ него.—Я вѣдь все знаю, рѣшительно все! Я знаю, какъ вашъ зять съ вами поступаетъ — конечно, съ согласія вашихъ дочерей. И теперь вы въ такомъ положеніи.... Но зачѣмъ же унывать?

Харловъ все молчалъ, и только удочку уронилъ; а я-то—какимъ умницей, какимъ философомъ я себя чувствовалъ!

— Конечно, — заговорилъ я снова:—вы поступили неосторожно, что все отдали вашимъ дочерямъ. Это было очень великодушно съ вашей стороны — и я васъ упрекать не стану. Въ наше время это слишкомъ рѣдкая черта! Но если ваши дочери такъ неблагодарны—то вамъ слѣдуетъ оказать презрѣніе.... именно презрѣніе.... и не тосковать....

— Оставь! — прошепталъ вдругъ Харловъ со скрежетомъ зубовъ, и глаза его, уставленные на прудъ, засверкали злобно.... Уйди!

— Но, Мартынъ Петровичъ....

— Уйди, говорятъ.... а то убью!

Я-было совсѣмъ пододвинулся къ нему; но при этомъ послѣднемъ словѣ невольно вскочилъ на ноги. — Что вы такое сказали, Мартынъ Петровичъ?

— Убью, говорятъ тебѣ: уйди! — Дикимъ стономъ, ревомъ вырвался голосъ изъ груди Харлова, но онъ не оборачивалъ головы и продолжалъ съ яростью смотрѣть прямо передъ собой.—Возьму, да брошу тебя со всѣми твоими дурацкими совѣтами въ воду — вотъ ты будешь знать, какъ старыхъ людей безпокоить, молокососъ! „Онъ съ ума сошелъ!“ мелькнуло у меня въ головѣ.

Я взглянулъ на него попристальнѣе и остолбенѣлъ окончательно. Мартынъ Петровичъ плакалъ!! Слезинка за слезинкой катилась съ его рѣсницъ по щекамъ.... а лицо приняло выраженіе совсѣмъ свирѣпое....

— Уйди!—закричалъ онъ еще разъ:—а то убью тебя, ей-Богу! чтобы другимъ повадно не было!

Онъ дрыгнулъ всѣмъ тѣломъ какъ-то въ бокъ и оскалился, точно кабанъ; я схватилъ ружье и бросился бѣжать. Собака съ лаемъ пустилась вслѣдъ за мною. И она тоже испугалась.

Вернувшись домой, я, разумѣется, матушкѣ ни единымъ словомъ не намекнулъ на то, что видѣлъ, но встрѣтившись съ Сувениромъ, я—чортъ знаетъ почему—разсказалъ ему все. Этотъ противный человѣкъ до того обрадовался моему разсказу, такъ визгливо хохоталъ и даже прыгалъ, что я чуть не побилъ его.

— Эхъ! посмотрѣлъ бы я, — твердилъ онъ, задыхаясь отъ смѣха:—какъ этотъ идолъ, „вшедъ“ Харлусъ, залѣзъ въ тину да и сидитъ въ ней....

— Сходите къ нему на прудъ, коли вамъ такъ любопытно.

— Да; а какъ убьетъ?

Очень мнѣ надоѣлъ Сувениръ, и раскаивался я въ своей неумѣстной болтливости.... Житковъ, которому онъ передалъ мой разсказъ, взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе.

— Придется къ полиціи обратиться,—рѣшилъ онъ: — а, пожалуй, и за воинской командой нужно будетъ послать.

Предчувствіе его насчетъ воинской команды не сбылось, — но произошло, дѣйствительно, нѣчто необыкновенное.

XXII.

Въ половинѣ октября, недѣли три спустя послѣ моего свиданія съ Мартыномъ Петровичемъ, я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома—и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода уже пятый день стояла отвратительная; объ охотѣ невозможно было и помышлять. Все живое поспряталось; даже воробьи притихли, а грачи давно пропали. Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безъ всякаго просвѣту небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ,—и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе—и съ визгомъ расплывался по стекламъ. Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что̀ было съ нихъ взять—а вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ—да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ. Грязь по дорогамъ стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу—и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно—не грустно. Казалось, уже никогда не будетъ на свѣтѣ ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть и слизь, и сѣрая мокрота, и сырость кислая—и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть! Вотъ, стоялъ я такъ-то въ раздумьѣ у окна—и помню я: темнота набѣжала внезапная, синяя темнота—хотя часы показывали всего двѣнадцать. Вдругъ мнѣ почудилось, что черезъ нашъ дворъ—отъ воротъ къ крыльцу, промчался медвѣдь! Правда, не на четверенькахъ, а такой, какимъ его рисуютъ, когда онъ поднимается на заднія лапы. Я глазамъ

не вѣрилъ. Если и не медвѣдя я увидалъ, то во всякомъ случаѣ что-то громадное, черное, шершавое.... Не успѣлъ я еще сообразить, что бъ это могло быть, какъ вдругъ раздался внизу неистовый стукъ. Казалось, что-то совсѣмъ неожиданное, что-то страшное ввалилось въ нашъ домъ. Поднялась суета, бѣготня....

Я проворно спустился съ лѣстницы, вскочилъ въ столовую....

Въ дверяхъ гостиной, лицомъ ко мнѣ, стояла, какъ вкопанная, моя матушка; за ней виднѣлось нѣсколько испуганныхъ женскихъ лицъ; дворецкій, два лакея, казачекъ съ раскрытыми отъ изумленія ртами—тискались у двери въ переднюю; а посреди столовой, покрытое грязью, растрепанное, растерзанное, мокрое—мокрое до того, что паръ поднимался кругомъ и вода струйками бѣжала по полу, стояло на колѣняхъ, грузно колыхаясь и какъ бы замирая, то самое чудовище, которое въ моихъ глазахъ промчалось черезъ дворъ! И кто же былъ это чудовище? Харловъ! Я зашелъ сбоку и увидалъ—не лицо его—а голову, которую онъ обхватилъ ладонями по слѣпленнымъ грязью волосамъ. Онъ дышалъ тяжело, судорожно; что-то даже клокотало въ его груди — и на всей этой забрызганной темной массѣ только и можно было различить явственно, что крошечные, дико блуждавшіе бѣлки глазъ. Онъ былъ ужасенъ! Вспомнился мнѣ сановникъ, котораго онъ нѣкогда оборвалъ за сравненіе съ мастодонтомъ. Дѣйствительно: такой видъ должно было имѣть допотопное животное, только-что спасшееся отъ другого, сильнѣйшаго звѣря, напавшаго на него среди вѣковѣчнаго ила первобытныхъ болотъ.

— Мартынъ Петровичъ!—воскликнула, наконецъ, матушка и руками всплеснула.—Ты ли это! Господи, Боже милостивый!

— Я.... я....—послышался прерывистый голосъ, какъ бы съ усиліемъ и болью выпирая каждый звукъ:—охъ! Я!

— Но что это съ тобою, Господи?!

— Наталья Николав.... на.... я къ вамъ.... прямо изъ дому бѣ.... жалъ пѣшкомъ.

— По этакой грязи! Да ты на человѣка не похожъ. Встань, сядь по крайней мѣрѣ.... А вы,—обратилась она къ горничнымъ,—поскорѣй сбѣгайте за полотенцами. Да нѣтъ ли какого сухого платья?—спросила она дворецкаго.

Дворецкій показалъ руками, что гдѣ же, молъ, на такой ростъ?...—А впрочемъ,—одѣяло можно принести,—доложилъ онъ:—не то—попона есть новая.

— Да встань же, встань, Мартынъ Петровичъ, сядь,—повторяла матушка.

— Выгнали меня, сударыня,—простоналъ вдругъ Харловъ—и голову назадъ закинулъ, и руки протянулъ впередъ. — Выгнали, Наталья Николаевна! Родныя дочери, изъ моего же родного пепелища....

Матушка ахнула.

— Что ты говоришь? Выгнали! Экой грѣхъ! экой грѣхъ. (Она перекрестилась). Только встань ты, Мартынъ Петровичъ, сдѣлай милость!

Двѣ горничныя вошли съ полотенцами и остановились передъ Харловымъ. Видно было, что онѣ и придумать не могли, какъ имъ приступиться къ этакой уймѣ грязи.— Выгнали, сударыня, выгнали, твердилъ между тѣмъ Харловъ.—Дворецкій вернулся съ большимъ шерстянымъ одѣяломъ и тоже остановился въ недоумѣніи. Головка Сувенира высунулась изъ-за двери и исчезла.

— Мартынъ Петровичъ! встань! сядь! и разскажи мнѣ все по порядку,—рѣшительнымъ тономъ скомандовала матушка.

Харловъ приподнялся.... Дворецкій хотѣлъ-было ему помочь, но только руку замаралъ и, встряхивая пальцами, отступилъ къ двери. Переваливаясь и шатаясь, Харловъ добрался до стула и сѣлъ. Горничныя опять приблизились

къ нему съ полотенцами, но онъ отстранилъ ихъ движеніемъ руки и отъ одѣяла отказался. Впрочемъ, матушка сама не стала настаивать: обсушить Харлова, очевидно, не было возможности: только слѣды его на полу наскоро подтерли.

XXIII.

— Какъ же это тебя выгнали? — спросила матушка Харлова, какъ только онъ немного „отдышался".

— Сударыня! Наталья Николаевна! — началъ онъ напряженнымъ голосомъ—и опять поразила меня безпокойная бѣготня его бѣлковъ:—буду правду говорить: больше всѣхъ виноватъ я самъ.

— То-то вотъ; не хотѣлъ ты меня тогда послушаться,—промолвила матушка, опускаясь на кресло и слегка помахивая передъ носомъ надушеннымъ платкомъ: очень уже разило отъ Харлова.... въ лѣсномъ болотѣ не такъ сильно пахнетъ.

— Охъ, не тѣмъ я провинился, сударыня, а гордостью. Гордость погубила меня, не хуже царя Навуходоносора. Думалъ я: не обидѣлъ меня Господь Богъ умомъ-разумомъ; коли я что рѣшилъ—стало, такъ и слѣдуетъ.... а тутъ страхъ смерти подошелъ.... Вовсе я сбился! Покажу, молъ, я, на послѣдкахъ, силу да власть свою! Награжу—а они должны по гробъ чувствовать.... (Харловъ вдругъ весь всколыхался....) Какъ пса паршиваго выгнали изъ дому вонъ! Вотъ ихъ какова благодарность!

— Но какимъ же образомъ, — опять начала-было матушка....

— Казачка Максимку отъ меня взяли, — перебилъ ее Харловъ (глаза его продолжали бѣгать, обѣ руки онъ держалъ у подбородка—пальцы въ пальцы):—экипажъ отняли, мѣсячину урѣзали, жалованья выговореннаго не пла-

тили—кругомъ, какъ есть, окарнали—я все молчалъ, все терпѣлъ! И терпѣлъ я по причинѣ.... охъ! опять-таки гордости моей. Чтобы не говорили враги мои лютые: вотъ, молъ, старый дуракъ, теперь кается; да и вы, сударыня, помните, меня предостерегали: локтя, молъ, своего не укусишь!—вотъ, я и терпѣлъ.... Только, сегодня прихожу я къ себѣ въ комнату — а она ужъ занята — и постельку мою въ чуланъ выкинули! Можешь-де и тамъ спать; тебя и такъ за милость терпятъ: намъ-де твоя комната нужна для хозяйства. И это мнѣ говоритъ—кто же! Володька Слеткинъ, смердъ, паскуд....

Голосъ Харлова оборвался.

— Но дочери-то твои? Онѣ-то что же?—спросила матушка.

— А я все терпѣлъ, — продолжалъ Харловъ свое повѣствованіе:—горько, горько мнѣ было во-какъ, и стыдно.... Не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій! Оттого я къ вамъ, матушка, поѣхать не захотѣлъ—отъ этого отъ самаго отъ стыда, отъ сраму! Вѣдь я, матушка моя, все перепробовалъ: и лаской, и угрозой, и усовѣщивалъ-то ихъ, и что ужъ! кланялся.... вотъ такъ-то (Харловъ показалъ какъ онъ кланялся). И все понапрасну! И все то я терпѣлъ! Съ началу-то, на первыхъ-то порахъ, не такія у меня мысли были: возьму, молъ, перебью, перешвыряю всѣхъ, чтобы и на сѣмена не осталось.... Будутъ знать! Ну, а потомъ—покорился! Крестъ, думаю, мнѣ посланъ; къ смерти, значитъ, приготовиться надо. И вдругъ, сегодня, какъ пса! И кто же? Володька! А что вы о дочеряхъ спрашивать изволили, то развѣ въ нихъ есть какая своя воля? Володькины холопки! Да!

Матушка удивилась. — Про Анну я еще это понять могу; она—жена.... Но съ какой стати вторая-то твоя....

— Евлампія-то? Хуже Анны! Вся, какъ есть, совсѣмъ въ Володькины руки отдалась. По той причинѣ она и ва-

шему солдату-то отказала. По его, по Володькину, приказу. Аннѣ—видимое дѣло — слѣдовало бы обидѣться, да она и терпѣть сестры не можетъ—а покоряется! Околдовалъ, проклятый! Да ей же, Аннѣ, вишь, думать пріятно, что вотъ, молъ, ты, Евлампія, какая всегда была гордая, а теперь вонъ что̀ изъ тебя стало!... О.... охъ, охъ! Боже мой, Боже!

Матушка съ безпокойствомъ посмотрѣла на меня. Я отошелъ немножко въ сторону, изъ предосторожности, какъ бы меня не выслали....

— Очень сожалѣю, Мартынъ Петровичъ,—начала она:—что мой бывшій воспитанникъ причинилъ тебѣ столько горя и такимъ нехорошимъ человѣкомъ оказался; но вѣдь и я въ немъ ошиблась.... Кто могъ это ожидать отъ него!

— Сударыня,—простоналъ Харловъ и ударилъ себя въ грудь.—Не могу я снести неблагодарность моихъ дочерей! Не могу, сударыня! Вѣдь я имъ все, все отдалъ! И къ тому же, совѣсть меня замучила. Много.... охъ! много передумалъ я, у пруда сидючи, да рыбу удючи! „Хоть бы ты пользу кому въ жизни сдѣлалъ! размышлялъ я такъ-то:—бѣдныхъ награждалъ, крестьянъ на волю отпустилъ, что-ли, за то, что вѣкъ ихъ заѣдалъ! Вѣдь ты передъ Богомъ за нихъ отвѣтчикъ! Вотъ когда тебѣ отливаются ихъ слезки!“ И какая теперь ихъ судьба: была яма глубокая и при мнѣ—что грѣха таить—а теперь и дна не видать! Эти всѣ грѣхи я на душу взялъ, совѣстью для дѣтей пожертвовалъ, а мнѣ за это шишъ! Изъ дому меня пинькомъ, какъ пса!

— Полно объ этомъ думать, Мартынъ Петровичъ, — замѣтила матушка.

— И какъ онъ мнѣ сказалъ, вашъ-то Володька, — съ новой силой подхватилъ Харловъ:—какъ сказалъ онъ мнѣ, что мнѣ въ моей горенкѣ больше не жить, а я въ самой той горенкѣ каждое бревнышко собственными руками

клалъ—какъ сказалъ онъ мнѣ это—и Богъ знаетъ, что со мной приключилось! Въ головушкѣ помутилось, по̀ сердцу какъ ножомъ.... Ну! либо его зарѣзать, либо изъ дому вонъ!... Вотъ, я и побѣжалъ къ вамъ, благодѣтельница моя, Наталья Николаевна.... и куды-жъ мнѣ было голову приклонить? А тутъ дождь, слякоть.... Я, можетъ, разъ двадцать упалъ! И теперь.... въ этакомъ безобразіи....

Харловъ окинулъ себя взглядомъ и завозился на стулѣ, словно встать собирался.

— Полно тебѣ, полно, Мартынъ Петровичъ, — поспѣшно проговорила матушка:—какая въ томъ бѣда? Что ты полъ-то замаралъ? Эка важность! А я вотъ какое хочу тебѣ предложеніе сдѣлать. Слушай! Отведутъ тебя теперь въ особую комнату, постель дадутъ чистую—ты раздѣнься, умойся, да прилягъ и усни....

— Матушка, Наталья Николаевна! Не уснуть мнѣ!—уныло промолвилъ Харловъ. Въ мозгахъ-то словно молотами стучатъ! Вѣдь меня, какъ тварь непотребную....

— Лягъ, усни, — настойчиво повторила матушка.—А потомъ мы тебя чаемъ напо̀имъ—ну, и потолкуемъ съ тобою. Не унывай, пріятель старинный! Если тебя изъ *твоего* дома выгнали, въ *моемъ* домѣ ты всегда найдешь себѣ пріютъ.... Я вѣдь не забыла, что ты мнѣ жизнь спасъ

— Благодѣтельница!—простоналъ Харловъ и закрылъ лицо руками.—Спасите *вы* меня теперь!

Это воззваніе тронуло мою матушку почти до слезъ.— Охотно готова тебѣ помочь, Мартынъ Петровичъ, всѣмъ, чѣмъ только могу; но ты долженъ обѣщать мнѣ, что будешь впередъ меня слушаться и всякія недобрыя мысли прочь отъ себя оттонишь.

Харловъ принялъ руки отъ лица. — Коли нужно, — промолвилъ онъ,—я вѣдь и простить могу!

Матушка одобрительно кивнула головой. — Очень мнѣ пріятно видѣть тебя въ такомъ истинно-христіанскомъ

расположеніи духа, Мартынъ Петровичъ; но рѣчь объ этомъ впереди. Пока, приведи ты себя въ порядокъ — а главное, усни. Отведи ты Мартына Петровича въ зеленый кабинетъ покойнаго барина, — обратилась матушка къ дворецкому, — и что онъ только потребуетъ, чтобы сію минуту было! Платье его прикажи высушить и вычистить—а бѣлье, какое понадобится, спроси у кастеляншн—слышишь?

— Слушаю,—отвѣчалъ дворецкій.

— А какъ онъ проснется, мѣрку съ него прикажи снять портному; да бороду надо будетъ сбрить. Не сейчасъ, а послѣ.

— Слушаю,—повторилъ дворецкій.—Мартынъ Петровичъ, — пожалуйте.—Харловъ поднялся, посмотрѣлъ на матушку, хотѣлъ-было подойти къ ней, но остановился, отвѣсилъ поясной поклонъ, перекрестился трижды на образъ и пошелъ за дворецкимъ. Вслѣдъ за нимъ и я выскользнулъ изъ комнаты.

XXIV.

Дворецкій привелъ Харлова въ зеленый кабинетъ и тотчасъ побѣжалъ за кастеляншей, такъ какъ бѣлья на постели не оказалось. Сувениръ, встрѣтившій насъ въ передней и вмѣстѣ съ нами вскочившій въ кабинетъ, немедленно принялся, съ кривляньемъ и хохотомъ, вертѣться около Харлова, который, слегка разставивъ руки и ноги, въ раздумьѣ остановился посреди комнаты. Вода все еще продолжала течь съ него.

— Вшедъ! Вшедъ Харлусъ!—пищалъ Сувениръ, перегнувшись на-двое и держа себя за бока.—Великій основатель знаменитаго рода Харловыхъ, воззри на своего потомка. Каковъ онъ есть? Можешь его признать? Ха,

ха, ха! Ваше сіятельство, пожалуйте ручку! отчего это на васъ черныя перчатки?

Я хотѣлъ-было удержать, пристыдить Сувенира.... но не тутъ-то было!

— Приживальщикомъ меня величалъ, дармоѣдомъ! „Нѣтъ, молъ, у тебя своего крова!“ А теперь, небось, такимъ же приживальщикомъ сталъ, какъ и азъ грѣшный! Что̀ Мартынъ Харловъ, что̀ Сувениръ проходимецъ — теперь всѐ едино! Подачками тоже кормиться будетъ! Возьмутъ корку хлѣба завалящую, что̀ собака нюхала, да прочь пошла.... На, молъ, кушай! Ха-ха-ха!

Харловъ все стоялъ неподвижно, уткнувъ голову, разставивъ ноги и руки.

— Мартынъ Харловъ! столбовой дворянинъ!—продолжалъ пищать Сувениръ. — Важность-то какую на себя напустилъ, фу ты, ну ты! Не подходи, молъ, зашибу! А какъ имѣнье свое отъ большого ума сталъ отдавать да дѣлить — куды раскудахтался! „Благодарность!“—кричитъ, „благодарность!“ А меня-то за что обидѣлъ? Не наградилъ? Я, быть-можетъ, лучше бы восчувствовалъ! И значитъ, правду я говорилъ, что посадятъ его голой спиной....

— Сувениръ! — закричалъ я; но Сувениръ не унимался. Харловъ все не трогался; казалось, онъ только теперь начиналъ чувствовать, до какой степени все на немъ было мокро, и ждалъ, когда это съ него все снимутъ. Но дворецкій не возвращался.

— А еще воинъ!—началъ опять Сувениръ.—Въ двѣнадцатомъ году отечество спасалъ! храбрость свою показывалъ! То-то вотъ и есть: съ мерзлыхъ мародеровъ портки стащить, это наше дѣло; а какъ дѣвка на насъ ногой притопнетъ, у насъ у самихъ душа въ портки....

— Сувениръ!—закричалъ я вторично.

Харловъ искоса посмотрѣлъ на Сувенира; онъ, до того

мгновенья, словно и присутствія его не замѣчалъ, и только возгласъ мой возбудилъ его вниманіе.

— Смотри, братъ, — проворчалъ онъ глухо: — не допрыгайся до бѣды!

Сувениръ такъ и покатился со смѣху:—Охъ, какъ вы меня испугали, братецъ почтеннѣйшій! ужъ какъ вы страшны, право! Хоть бы волосики себѣ причесали, а то, сохрани Богъ, засохнутъ, не отмоешь ихъ потомъ; придется скосить косою.—Сувениръ вдругъ расходился.—Еще куражитесь! Голышъ, а куражится! Гдѣ вашъ кровъ теперь, вы лучше мнѣ скажите, вы все имъ хвастались? У меня, дескать, кровъ есть, а ты безкровный! Наслѣдственный, дескать, мой кровъ! (Далось же Сувениру это слово!)

— Господинъ Бычковъ, — промолвилъ я.—Что вы дѣлаете! опомнитесь!

Но онъ продолжалъ трещать, и все прыгалъ, да шмыгалъ около самаго Харлова.... А дворецкій съ кастеляншей все не шли!

Мнѣ жутко становилось. Я начиналъ замѣчать, что Харловъ, который въ теченіе разговора съ моей матушкой постепенно стихалъ, и даже подъ конецъ, повидимому, помирился съ своей участью, снова сталъ раздражаться: онъ задышалъ скорѣе, подъ ушами у него вдругъ словно припухло, пальцы зашевелились, глаза снова забѣгали среди темной маски забрызганнаго лица....

— Сувениръ! Сувениръ! — воскликнулъ я. — Перестаньте, я маменькѣ скажу.

Но Сувеніромъ словно бѣсъ овладѣлъ.

— Да, да, почтеннѣйшій! — затрещалъ онъ опять, — вотъ мы съ вами теперь въ какихъ субтильныхъ обстоятельствахъ обрѣтаемся! А дочки ваши, съ зятькомъ вашимъ, Владиміромъ Васильевичемъ, подъ вашимъ *кровомъ* надъ вами потѣшаются вдоволь! И хоть бы вы ихъ, по

обѣщанію, прòкляли! И на это васъ не хватило! Да и куда вамъ съ Владиміромъ Васильевичемъ тягаться? Еще Володькой его называли! какой онъ для васъ Володька? Онъ—Владиміръ Васильевичъ, господинъ Слеткинъ, помѣщикъ, баринъ, а ты—кто такой?

Неистовый ревъ заглушилъ рѣчь Сувенира.... Харлова взорвало. Кулаки его сжались и поднялись, лицо посинѣло, пѣна показалась на истресканныхъ губахъ, онъ задрожалъ отъ ярости. — Кровъ, — говоришь ты!—загремѣлъ онъ своимъ желѣзнымъ голосомъ:—проклятіе! говоришь ты.... Нѣтъ! я ихъ не прокляну.... Имъ это нипочемъ! А кровъ.... кровъ я ихъ разорю, и не будетъ у нихъ крова, такъ же, какъ у меня! Узнаютъ они Мартына Харлова! Не пропала еще моя сила! Узнаютъ, какъ надо мной издѣваться!... Не будетъ у нихъ крова!

Я обомлѣлъ; я отроду не бывалъ свидѣтелемъ такого безмѣрнаго гнѣва. Не человѣкъ, — дикій звѣрь метался предо мною! Я обомлѣлъ.... а Сувениръ, — тотъ отъ страха подъ столъ забился.

— Не будетъ!—закричалъ Харловъ въ послѣдній разъ, и, чуть не сбивъ съ ногъ входившихъ кастеляншу и дворецкаго, бросился вонъ изъ дому.... Кубаремъ прокатился онъ по двору и исчезъ за воротами.

XXV.

Матушка страшно разсердилась, когда дворецкій пришелъ съ смущеннымъ видомъ доложить о новой и неожиданной отлучкѣ Мартына Петровича. Онъ не осмѣлился утаить причину этой отлучки; я принужденъ былъ подтвердить его слова.—Такъ это все ты!—закричала матушка на Сувенира, который забѣжалъ-было зайцемъ впередъ и даже къ ручкѣ подошелъ:—твой пакостный языкъ всему

виною! — „Помилуйте, я чичасъ, чичасъ....“ залепеталъ заикаясь и закидывая локти за спину, Сувениръ.—„Чичасъ.... чичасъ.... Знаю я твое: „чичасъ!“ — повторила матушка съ укоризной и выслала его вонъ. Потомъ она позвонила, велѣла позвать Квицинскаго и отдала ему приказъ: немедленно отправиться съ экипажемъ въ Еськово, во что бы то ни стало отыскать Мартына Петровича и привезти его.—Безъ него не являйтесь!—заключила она. Сумрачный полякъ молча наклонилъ голову и вышелъ.

Я вернулся къ себѣ въ комнату, снова подсѣлъ къ окну и, помнится, долго размышлялъ о томъ, что̀ у меня на глазахъ совершилось. Я недоумѣвалъ; я никакъ не могъ понять, почему Харловъ, почти безъ ропота переносившій оскорбленія, нанесенныя ему домашними, не могъ совладать съ собою и не перенесъ насмѣшекъ и шпилекъ такого ничтожнаго существа, каковъ былъ Сувениръ. Я не зналъ еще тогда, какая нестерпимая горечь можетъ иной разъ заключаться въ пустомъ упрекѣ, даже когда онъ исходитъ изъ презрѣнныхъ устъ.... Ненавистное имя Слеткина, произнесенное Сувениромъ, упало искрою въ порохъ; наболѣвшее мѣсто не выдержало этого послѣдняго укола.

Прошло около часа. Коляска наша въѣхала на дворъ; но въ ней сидѣлъ нашъ управляющій одинъ. А матушка ему сказала: „безъ *него* не являйтесь!“ Квицинскій торопливо выскочилъ изъ экипажа—и взбѣжалъ на крыльцо. Лицо его являло видъ разстроенный—что съ нимъ почти никогда не бывало. Я тотчасъ спустился внизъ и по его пятамъ пошелъ въ гостиную.

— Ну? привезли его?—спросила матушка.

— Не привезъ, — отвѣчалъ Квицинскій: — и не могъ привезти.

— Это почему? Вы его видѣли?

— Видѣлъ.

— Съ нимъ что̀ случилось? Ударъ?

— Никакъ нѣтъ; ничего не случилось.

— Почему же вы не привезли его?

— А онъ домъ свой разоряетъ.

— Какъ?

— Стоитъ на крышѣ новаго флигеля — и разоряетъ ее. Тесинъ, полагать надо, съ сорокъ или больше уже слетѣло; рѣшетинъ тоже штукъ пять. („Крова у нихъ не будетъ!“ вспомнились мнѣ слова Харлова).

Матушка уставилась на Квицинскаго.—Одинъ.... на крышѣ стоитъ и крышу разоряетъ?

— Точно такъ-съ. Ходитъ по настилкѣ чердака и направо, да налѣво ломаетъ. Сила у него, вы изволите знать, сверхчеловѣческая! Ну, и крыша, надо правду сказать, лядащая: выведена въ разбѣжку, — шалёвками забрана, гвозди—однотесъ *).

Матушка посмотрѣла на меня, какъ бы желая удостовѣриться, не ослышалась-ли она какъ-нибудь.—Шалёвками въ разбѣжку, — повторила она, явно не понимая значенія ни одного изъ этихъ словъ....

— Ну, такъ что же вы?—проговорила она наконецъ.

— Пріѣхалъ за инструкціями. Безъ людей ничего не подѣлаешь. Тамошніе крестьяне всѣ со страха попрятались.

— А дочери-то его—что же?

— И дочери — ничего. Бѣгаютъ зря.... голосятъ.... Что толку?

— И Слеткинъ тамъ?

— Тамъ тоже. Пуще всѣхъ вопитъ—но подѣлать ничего не можетъ.

---

*) Крыша выводится „въ разбивку» или „въ разбѣжку“, когда между каждыми двумя тесинами оставляется пустое пространство, закрываемое сверху другой тесиной; такая крыша дешевле, но менѣе прочна. Шалёвкой называется самая тонкая доска въ $^1/_2$ вершка; обыкновенная тесина—въ $^3/_4$ вершка.

— И Мартынъ Петровичъ на крышѣ стоитъ?

— На крышѣ.... то-есть на чердакѣ—и крышу разоряетъ.

— Да, да,—проговорила матушка:—шалёвками....

Казусъ, очевидно, предстоялъ необыкновенный.

Что было предпринять? Послать въ городъ за исправникомъ, собрать крестьянъ? Матушка совсѣмъ потерялась.

Пріѣхавшій къ обѣду Житковъ тоже потерялся. Правда, онъ упомянулъ опять о воинской командѣ, а впрочемъ, никакого совѣта не преподалъ и только глядѣлъ подчиненно и преданно. Квицинскій, видя, что никакихъ инструкцій ему не добиться, доложилъ—со свойственной ему презрительной почтительностью—моей матушкѣ, что если она разрѣшитъ ему взять нѣсколько конюховъ, садовниковъ и другихъ дворовыхъ, то онъ попытается....

— Да, да, — перебила его матушка: — попытайтесь, любезный Викентій Осипычъ! Только поскорѣе, пожалуйста, а я все беру на свою отвѣтственность!

Квицинскій холодно улыбнулся. — Одно напередъ позвольте объяснить вамъ, сударыня: за результатъ невозможно ручаться, ибо сила у господина Харлова большая и отчаянность тоже; очень ужъ онъ оскорбленнымъ себя почитаетъ!

— Да, да, — подхватила матушка: — и всему виною этотъ гадкій Сувениръ! Никогда я этого ему не прощу. Ступайте, возьмите людей, поѣзжайте, Викентій Осипычъ!

— Вы, господинъ управляющій, веревокъ побольше захватите—да пожарныхъ крючьевъ,—промолвилъ басомъ Житковъ: — и коли сѣть имѣется — то и ее тоже взять недурно. У насъ вотъ такъ-то однажды въ полку....

— Не извольте учить меня, милостивый государь, — перебилъ съ досадой Квицинскій: — я и безъ васъ знаю, что нужно.

Житковъ обидѣлся и объявилъ, что такъ какъ онъ полагалъ, что и его позовутъ....

— Нѣтъ, нѣтъ! — вмѣшалась матушка. — Ты ужъ лучше оставайся.... Пускай Викентій Осипычъ одинъ дѣйствуетъ.... Ступайте, Викентій Осипычъ!

Житковъ еще пуще обидѣлся, а Квицинскій поклонился и вышелъ.

Я бросился въ конюшню, самъ наскоро осѣдлалъ свою верховую лошадку и пустился вскачь по дорогѣ къ Еськову.

XXVI.

Дождикъ пересталъ; но вѣтеръ дулъ съ удвоенной силой—прямо мнѣ навстрѣчу. На полдорогѣ сѣдло подо мною чуть не перевернулось: подпруга ослабла; я слѣзъ и принялся зубами натягивать ремни.... Вдругъ слышу: кто-то зоветъ меня по имени.... Сувениръ бѣжалъ ко мнѣ по зеленямъ. — Что, батенька, — кричалъ онъ мнѣ еще издали:—любопытство одолѣло? Да и нельзя.... Вотъ и я туда же, прямикомъ, по Харловскому слѣду.... Вѣдь этакой штуки умрешь—не увидишь!

— На дѣло рукъ своихъ хотите полюбоваться,—промолвилъ я съ негодованіемъ, вскочилъ на лошадь и снова поднялъ ее въ галопъ; но неугомонный Сувениръ не отставалъ отъ меня, и даже на бѣгу хохоталъ и кривлялся. Вотъ, наконецъ, и Еськово—вотъ и плотина, а тамъ длинный плетень и ракитникъ усадьбы.... Я подъѣхалъ къ воротамъ, слѣзъ, привязалъ лошадь и остановился въ изумленіи.

Отъ передней трети крыши на новомъ флигелькѣ, отъ мезонина, оставался одинъ остовъ; дрань и тесины лежали безпорядочными грудами съ обѣихъ сторонъ флигеля на землѣ. Положимъ, крыша была, по выраженію Квицин-

скаго, лядащая; но, все же, дѣло было невѣроятное! По настилкѣ чердака, вздымая пыль и соръ, неуклюже-проворно двигалась исчерна-сѣрая масса и то раскачивала оставшуюся, изъ кирпича сложенную, трубу (другая уже повалилась), то отдирала тесину и бросала ее къ низу, то хваталась за самыя стропила. То былъ Харловъ. Совершеннымъ медвѣдемъ показался онъ мнѣ и тутъ: и голова, и спина, и плечи—медвѣжьи, и ставилъ онъ ноги широко, не разгибая ступни—тоже по медвѣжьему. Рѣзкій вѣтеръ обдувалъ его со всѣхъ сторонъ, вздымая его склоченные волосы; страшно было видѣть, какъ мѣстами краснѣло его голое тѣло сквозь прорѣхи разорваннаго платья; страшно было слышать его дикое, хриплое бормотаніе. На дворѣ было людно; бабы, мальчишки, дворовыя дѣвки жались вдоль забора; нѣсколько крестьянъ сбилось поодаль въ отдѣльную кучу. Знакомый мнѣ старикъ-попъ стоялъ безъ шляпы на крыльцѣ другого флигеля и, схвативъ мѣдный крестъ обѣими руками, время отъ времени, молча и безнадежно поднималъ и какъ бы показывалъ его Харлову. Рядомъ съ попомъ стояла Евлампія и, прислонившись спиною къ стѣнѣ, неподвижно смотрѣла на отца; Анна—то высовывала голову изъ окошка, то исчезала, то выскакивала на дворъ, то возвращалась въ домъ; Слеткинъ — весь блѣдный, желтый, въ старомъ шлафрокѣ, въ ермолкѣ, съ одноствольнымъ ружьемъ въ рукахъ, перебѣгалъ короткими шагами съ мѣста на мѣсто. Онъ совсѣмъ, какъ говорится, ожидовѣлъ: задыхался, грозился, трясся, цѣлился въ Харлова, потомъ закидывалъ ружье за плечо,—цѣлился опять, кричалъ, плакалъ.... Увидавъ меня съ Сувениромъ, онъ такъ и ринулся къ намъ.

— Посмотрите, посмотрите, что̀ тутъ происходитъ! — завизжалъ онъ:—посмотрите! Онъ съ ума сошелъ, взбѣленился.... и вотъ что дѣлаетъ! Я ужъ за полиціей послалъ—да никто не ѣдетъ! Никто не ѣдетъ! Вотъ если я

въ него выстрѣлю, съ меня законъ взыскать не можетъ, потому что всякій человѣкъ въ правѣ защищать свою собственность! А я выстрѣлю!... Ей-Богу, выстрѣлю!

Онъ подскочилъ къ дому.

— Мартынъ Петровичъ, берегитесь! Если вы не сойдете—я выстрѣлю!

— Стрѣляй!—раздался съ крыши хриплый голосъ. — Стрѣляй! А вотъ тебѣ пока гостинецъ!

Длинная доска полетѣла сверху — и, перевернувшись раза два на воздухѣ, брякнулась на земь у самыхъ ногъ Слеткина. Тотъ такъ и взвился, а Харловъ захохоталъ.

— Господи Іисусе!—пролепеталъ кто-то за моей спиною. Я оглянулся: Сувениръ. „А! подумалъ я; пересталъ теперь смѣяться!“

Слеткинъ схватилъ близъ стоявшаго мужика за шиворотъ.

— Да полѣзай, полѣзай же, полѣзайте, черти,—вопилъ онъ, тряся его изо всей силы:—спасайте мое имущество!

Мужикъ ступилъ раза два, закинулъ голову, помахалъ руками, закричалъ: эй! вы! господинъ! — потолокся на мѣстѣ и верть назадъ.

— Лѣстницу! лѣстницу несите!—обратился Слеткинъ къ прочимъ крестьянамъ.

— А гдѣ ее взять?—послышалось ему въ отвѣтъ.

— И хоть бы лѣстница была,—промолвилъ не спѣша, одинъ голосъ: — кому жъ охота лѣзть? Нашли дураковъ! Онъ те шею свернетъ—мигомъ!

— С'часъ убіетъ, — проговорилъ одинъ молодой бѣлокурый парень съ придурковатымъ лицомъ.

— А то нешто нѣтъ? — подхватили остальные. Мнѣ показалось, что не будь даже явной опасности, мужики все-таки неохотно исполнили бы приказаніе своего новаго помѣщика. Чуть ли не одобряли они Харлова—хоть и удивлялъ онъ ихъ.

— Ахъ, вы, разбойники!—застоналъ Слеткинъ:—вотъ я васъ всѣхъ....

Но тутъ съ тяжкимъ грохотомъ бухнула послѣдняя труба и среди мгновенно взвившагося облака желтой пыли, Харловъ, испустивъ пронзительный крикъ и высоко поднявъ окровавленныя руки, повернулся къ намъ лицомъ. Слеткинъ опять въ него прицѣлился.

Евлампія отдернула его за локоть.

— Не мѣшай!—свирѣпо вскинулся онъ на нее.

— А ты — не смѣй! — промолвила она — и синіе ея глаза грозно сверкнули изъ-подъ надвинутыхъ бровей. Отецъ свой домъ разоряетъ. Его добро.

— Врешь: наше!

— Ты говоришь: наше;—а я говорю: его.

Слеткинъ зашипѣлъ отъ злобы; Евлампія такъ и уперлась ему въ лицо глазами.

— А, здорово! здорово, дочка любезная! — загремѣлъ сверху Харловъ.—Здорово, Евлампія Мартыновна! Какъ живешь-можешь со своимъ пріятелемъ?—Хорошо-ли цѣлуетесь, милуетесь?

— Отецъ!—послышался звучный голосъ Евлампіи.

— Что, дочка? — отвѣчалъ Харловъ и пододвинулся къ самому краю стѣны. На лицѣ его, сколько я могъ разобрать, появилась странная усмѣшка,—свѣтлая, веселая,— и именно потому особенно-страшная, недобрая усмѣшка.... Много лѣтъ спустя я видѣлъ такую же точно усмѣшку на лицѣ одного къ смерти приговореннаго.

— Перестань, отецъ; сойди (Евлампія не говорила ему: „батюшка“). Мы виноваты; все тебѣ возвратимъ. Сойди.

— А ты что за насъ распоряжаешься? — вмѣшался Слеткинъ. Евлампія только пуще брови нахмурила.

— Я свою часть тебѣ возвращу — все отдамъ. Перестань, сойди, отецъ! Прости насъ; прости меня.

Харловъ все продолжалъ усмѣхаться. — Поздно, голубушка, — заговорилъ онъ, и каждое его слово звенѣло, какъ мѣдь.—Поздно шевельнулась каменная твоя душа! Подъ гору покатилось—теперь не удержишь! И не смотри ты на меня теперь! Я—пропащій человѣкъ! Ты посмотри лучше на своего Володьку: вишь, какой красавчикъ выискался! Да на свою ехидную сестру посмотри: вонъ, ея лисій носъ изъ окошка выставляется, вонъ она муженькато подускиваетъ! Нѣтъ, сударики! Захотѣли вы меня крова лишить—такъ не оставлю же я и вамъ бревна на бревнѣ! Своими руками клалъ, своими же руками разорю—какъ есть одними руками! Видите, и топора не взялъ!

Онъ фукнулъ себѣ на обѣ ладони и опять ухватился за стропила.

— Полно, отецъ, — говорила межъ тѣмъ Евлампія, и голосъ ея сталъ какъ-то чудно ласковъ: — не поминай прошлаго. Ну, повѣрь же мнѣ; ты всегда мнѣ вѣрилъ. Ну, сойди; приди ко мнѣ въ свѣтелку, на мою постель мягкую. Я обсушу тебя, да согрѣю; раны твои перевяжу, вишь, ты руки себѣ ободралъ. Будешь ты жить у меня, какъ у Христа за пазухой, кушать сладко—а спать еще слаще того. Ну, были виноваты! ну, зазнались, согрѣшили; ну, прости!

Харловъ покачалъ головою. — Расписывай! Повѣрю я вамъ, какъ бы не такъ! Убили вы во мнѣ вѣру-то! Все убили! Былъ я орломъ—и червякомъ для васъ сдѣлался.... а вы—и червяка давить? Полно! Я тебя любилъ, сама знаешь,—а только теперь ты мнѣ не дочь—и я тебѣ не отецъ.... Я—пропащій человѣкъ! Не мѣшай! А ты, стрѣляй же, трусъ, горе-богатырь! — гаркнулъ вдругъ Харловъ на Слеткина.—Что все только цѣлишься? Али законъ вспомнилъ: коли принявшій даръ учинитъ покушеніе на жизнь дателя,—заговорилъ Харловъ съ разстановкой:— то датель властенъ все назадъ потребовать? Ха, ха, не

бойся, законникъ! Я не потребую—я самъ все покончу.... Валяй!

— Отецъ!—въ послѣдній разъ взмолилась Евлампія.

— Молчи!

— Мартынъ Петровичъ! братецъ, простите великодушно!—пролепеталъ Сувениръ.

— Отецъ, голубчикъ!

— Молчи, сука! — крикнулъ Харловъ. На Сувенира онъ и не посмотрѣлъ—и только сплюнулъ въ его сторону.

XXVII.

Въ это мгновенье Квицинскій со всей своей свитой—на трехъ телѣгахъ—появился у воротъ. Усталыя лошади фыркали, люди одинъ за однимъ соскакивали въ грязь.

— Эге!—закричалъ во все горло Харловъ.—Армія.... вотъ она, армія! Цѣлую армію противъ меня выставляютъ. Хорошо же! Только предваряю, кто ко мнѣ сюда на крышу пожалуетъ — и того я вверхъ тормашками внизъ спущу! Я хозяинъ строгій, не въ пору гостей не люблю! Такъ-то!

Онъ уцѣпился обѣими руками за переднюю пару стропилъ, за такъ-называемыя „ноги“ фронтона — и началъ усиленно ихъ раскачивать. Свѣсившись съ краю настилки, онъ какъ бы тащилъ ихъ за собою, мѣрно напѣвая по бурлацкому: „Еще разикъ! еще разъ! ухъ!“

Слеткинъ подбѣжалъ къ Квицинскому и началъ-было жаловаться и хныкать.... Тотъ попросилъ его „не мѣшать“ и приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана. Самъ онъ сталъ впереди дома и началъ, въ видѣ диверсіи, объяснять Харлову, что не дворянское онъ затѣялъ дѣло....

— Еще разикъ! еще разъ!—напѣвалъ Харловъ.

....Что Наталья Николаевна весьма недовольна его поступками и не того отъ него ожидала....

— Еще разикъ! еще разъ! ухъ! — напѣвалъ Харловъ—....а между тѣмъ Квицинскій отрядилъ четырехъ самыхъ здоровыхъ и смѣлыхъ конюховъ на противоположную сторону дома, съ тѣмъ, чтобы они сзади взобрались на крышу. Отъ Харлова, однако, не ускользнулъ планъ аттаки; онъ вдругъ бросилъ стропила и проворно побѣжалъ къ задней части мезонина. Видъ его до того былъ страшенъ, что два конюха, которые успѣли уже взобраться на чердакъ, мигомъ спустились обратно на землю по водосточной трубѣ, къ немалому удовольствію и даже хохоту дворовыхъ мальчишекъ. Харловъ потрясъ имъ вслѣдъ кулакомъ и, вернувшись къ передней части дома, опять ухватился за стропила и сталъ ихъ опять раскачивать, опять попѣвая по-бурлацки.

Онъ вдругъ остановился, воззрѣлся....

— Максимушка, другъ! пріятель!—воскликнулъ онъ:—тебя ли я вижу?

Я оглянулся.... Отъ толпы крестьянъ дѣйствительно отдѣлился казачекъ Максимка, и, ухмыляясь и скаля зубы, вышелъ впередъ. Его хозяинъ, шорникъ, вѣроятно, отпустилъ его домой на побывку.

— Полѣзай ко мнѣ, Максимушка, слуга мой вѣрный,—продолжалъ Харловъ: — станемъ вмѣстѣ отбиваться отъ лихихъ татарскихъ людей, отъ воровъ литовскихъ!

Максимка, все продолжая ухмыляться, немедленно полѣзъ на крышу.... Но его схватили и оттащили — Богъ знаетъ почему — развѣ для примѣра другимъ; помощи большой онъ Мартыну Петровичу не оказалъ бы.

— Ну, хорошо же! Добро же!—промолвилъ Харловъ угрожающимъ голосомъ и снова взялся за стропила.

— Викентій Осиповичъ! позвольте я выстрѣлю, — обратился Слеткинъ къ Квицинскому:—я, вѣдь, больше для страха, ружье у меня заряжено бекасинникомъ.—Но не успѣлъ еще отвѣтить ему Квицинскій, какъ передняя

пара стропилъ, яростно раскачанная желѣзными руками Харлова, накренилась, затрещала и рухнула на дворъ—и вмѣстѣ съ нею, не будучи въ силахъ удержаться, рухнулъ самъ Харловъ и грузно треснулся о-земь. Всѣ вздрогнули, ахнули.... Харловъ лежалъ неподвижно на груди, а въ спину ему уперся продольный верхній брусъ крыши, конекъ, который послѣдовалъ за упавшимъ фронтономъ.

XXVIII.

Къ Харлову подскочили, свалили долой съ него брусъ, повернули его навзничь; лицо его было безжизненно, у рта показалась кровь; онъ не дышалъ. „Духъ отшибло"—пробормотали подошедшіе мужики. Побѣжали за водой къ колодцу, принесли цѣлое ведро, окатили Харлову голову; грязь и пыль сошли съ лица, но безжизненный видъ оставался тотъ же. Притащили скамейку, поставили ее у самаго флигеля и, съ трудомъ приподнявши громадное тѣло Мартына Петровича, посадили его, прислонивъ голову къ стѣнѣ. Казачекъ Максимка приблизился, сталъ на одно колѣно и, далеко отставивъ другую ногу, какъ-то театрально поддерживалъ руку бывшаго своего барина. Евлампія, блѣдная какъ сама смерть, стала прямо передъ отцомъ, неподвижно устремивъ на него свои огромные глаза. Анна съ Слеткинымъ не подходили близко. Всѣ молчали, всѣ ждали чего-то. Наконецъ, послышались прерывистые, хлопающіе звуки въ горлѣ Харлова—точно онъ захлебывался.... Потомъ онъ слабо повелъ одной—правой рукой (Максимка поддерживалъ лѣвую), раскрылъ одинъ—правый глазъ и, медленно проведя около себя взоромъ, словно какимъ-то страшнымъ пьянствомъ пьяный, охнулъ — произнесъ, картавя: — рас....шибся....—и, какъ бы подумавъ немного, прибавилъ: — вотъ онъ, воро....ной жере....бенокъ! — Кровь

вдругъ густо хлынула у него изо рта — все тѣло затрепетало....

„Конецъ!“ подумалъ я.... Но Харловъ открылъ еще — все тотъ же правый глазъ (лѣвое вѣко не шевелилось, какъ у мертвеца)—и, вперивъ его на Евлампію, произнесъ едва слышно:—Ну, доч....ка. Тебя я не про....— Квицинскій рѣзкимъ движеніемъ руки подозвалъ попа, который все еще стоялъ на крыльцѣ флигеля.... Старикъ приблизился, путаясь слабыми колѣнями въ тѣсной рясѣ. Но вдругъ ноги Харлова какъ-то безобразно повело, и животъ тоже; по лицу, снизу вверхъ, прошла неровная судорога—точно такъ же исказилось и задрожало лицо Евлампіи. Максимка началъ креститься.... Мнѣ стало жутко, я побѣжалъ къ воротамъ и, не оглядываясь, приникъ къ нимъ грудью. Минуту спустя что-то тихо прогудѣло по всѣмъ устамъ сзади меня — и я понялъ, что Мартына Петровича не стало.

Ему брусомъ затылокъ проломило, и грудь онъ себѣ раздробилъ, какъ оказалось при вскрытіи.

XXIX.

Что онъ хотѣлъ сказать ей, умирая? спрашивалъ я самого себя, возвращаясь домой на своемъ клепперѣ: „Я тебя не про....клинаю? или не про....щаю?“ Дождикъ опять полилъ, но я ѣхалъ шагомъ. Мнѣ хотѣлось подольше остаться одному, хотѣлось безвозбранно предаться моимъ размышленіямъ. Сувениръ отправился на одной изъ телѣгъ, прибывшихъ съ Квицинскимъ. Какъ я ни былъ молодъ и легкомысленъ въ то время, но внезапная, общая (не въ однихъ частностяхъ) перемѣна, постоянно вызываемая во всѣхъ сердцахъ неожиданнымъ или ожиданнымъ (все равно!) появленіемъ смерти, ея

торжественность, важность и правдивость—не могли не поразить меня. Я и былъ пораженъ.... но со всѣмъ тѣмъ мой смущенный, дѣтскій взоръ замѣтилъ тотчасъ многое: онъ замѣтилъ, какъ Слеткинъ, проворно и робко, словно краденую вещь, швырнулъ въ сторону ружье, какъ онъ и жена его оба мгновенно стали предметомъ хотя безмолвнаго, но общаго отчужденія, какъ сдѣлалось пусто вокругъ нихъ.... На Евлампію, хотя вина ея была, вѣроятно, не меньше сестриной, это отчужденіе не распространялось. Она даже нѣкоторое сожалѣніе къ себѣ возбудила, когда повалилась въ ноги скончавшемуся отцу. Но что и она была виновата—это все-таки чувствовалось всѣми.—„Обидѣли старика“,—промолвилъ одинъ сѣдоватый, головастый крестьянинъ, опираясь, какъ нѣкій древній судья, обѣими руками и бородою на длинную палку:—„на вашей душѣ грѣхъ! Обидѣли!“—Это слово: „обидѣли!“ тотчасъ было принято всѣми, какъ безповоротный приговоръ. Правосудіе народное сказалось, я понялъ это немедленно. Я замѣтилъ также, что на первыхъ порахъ Слеткинъ не *смѣлъ* распоряжаться. Безъ него подняли и понесли тѣло въ домъ; не спросясь его, священникъ отправился за нужными вещами въ церковь, а староста побѣжалъ въ деревню справлять подводу въ городъ. Сама Анна Мартыновна не рѣшилась обычнымъ начальническимъ тономъ приказать поставить самоваръ, „чтобъ теплая вода была—обмыть покойника“. Ея приказаніе походило на просьбу—и отвѣчали ей грубо....

Меня же все занималъ вопросъ: что̀ онъ собственно хотѣлъ сказать своей дочери? Простить ли онъ ее хотѣлъ, или проклясть? Я рѣшилъ, наконецъ, что—простить.

Дня черезъ три происходили похороны Мартына Петровича, на счетъ матушки, которая очень огорчилась его смертью и приказала не жалѣть издержекъ. Сама она не поѣхала въ церковь—потому что не хотѣла, какъ она вы-

ражалась, видѣть тѣхъ двухъ мерзавокъ и гадкаго того жиденка; но послала Квицинскаго, меня и Житкова, котораго, впрочемъ, съ того времени иначе уже не величала, какъ бабой. Сувенира она на глаза къ себѣ не пускала и долго потомъ еще гнѣвалась на него, называя его убійцей своего друга. Опала эта была ему весьма чувствительна; онъ постоянно расхаживалъ на цыпочкахъ по комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ находилась матушка, предавался какой-то тревожной и подлой меланхоліи, вздрагивалъ и шепталъ: чичасъ!

Въ церкви и во время процессіи, Слеткинъ показался мнѣ снова попавшимъ „въ свою тарелку“. Онъ распоряжался и суетился попрежнему и жадно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не тратилось лишней копѣйки, хотя дѣло не касалось, собственно, его кармана. Максимка, въ новомъ, тоже моей матушкой пожалованномъ казакинѣ, выводилъ на клиросѣ такія теноровыя ноты, что въ искренности его преданности покойнику, конечно, уже никто сомнѣваться не могъ! Обѣ сестры были, какъ слѣдуетъ, въ траурныхъ платьяхъ—но казались болѣе смущенными, чѣмъ огорченными, особенно Евлампія. Анна приняла на себя смиренный и постный видъ, впрочемъ, не силилась плакать, и все только проводила своей красивой, сухой рукой по волосамъ и щекѣ. Евлампія все задумывалась. То общее, безповоротное отчужденіе, осужденіе, какое я замѣтилъ въ день смерти Харлова, чудилось мнѣ и теперь на всѣхъ лицахъ бывшихъ въ церкви людей во всѣхъ ихъ движеніяхъ, въ ихъ взглядахъ—но еще степеннѣе и какъ бы безучастнѣе. Казалось, всѣ эти люди знали, что грѣхъ, въ который впало Харловское семейство, тотъ великій грѣхъ — поступилъ теперь въ вѣдѣніе единаго праведнаго Судіи, и что, слѣдовательно, имъ уже не для чего было безпокоиться и негодовать. Они усердно молились за душу покойника, кото-

раго при жизни особенно не любили, даже боялись. Очень уже круто наступила смерть.

— И хоть бы испивалъ, братецъ ты мой, — говорилъ на паперти одинъ мужикъ другому.

— И не пимши да захмѣлѣешь, — отвѣчалъ тотъ. — Каковъ случай выдетъ.

— Обидѣли, — повторилъ первый мужикъ рѣшающее слово.

— Обидѣли,—промолвили за нимъ другіе.

— А вѣдь покойный самъ васъ притѣснялъ? — спросилъ я одного мужика, въ которомъ я призналъ Харловскаго крестьянина.

— Баринъ былъ, извѣстно, — отвѣчалъ мужикъ: — а все-таки.... обидѣли его!

— Обидѣли....—опять послышалось въ толпѣ.

У могилы Евлампія стояла тоже словно потерянная. Раздумье ее разбирало.... тяжкое раздумье. Я замѣтилъ, что съ Слеткинымъ, который нѣсколько разъ съ ней заговаривалъ, она обращалась, какъ бывало съ Житковымъ—и еще хуже.

Нѣсколько дней спустя, въ нашемъ околоткѣ распространился слухъ, что Евлампія Мартыновна Харлова навсегда ушла изъ родительскаго дома, предоставивъ сестрѣ и свояку все доставшееся ей имѣніе — и взявши только нѣсколько сотъ рублей.... — Откупилась, видно, Анна-то! — замѣтила моя матушка: — только у насъ съ тобою, — прибавила она, обратившись къ Житкову, съ которымъ играла въ пикетъ — онъ замѣнилъ ей Сувенира: — руки неумѣлыя! — Житковъ уныло глянулъ на свои мощныя длани.... „Онѣ-то, неумѣлыя!“ казалось, думалось ему....

Скоро потомъ мы съ матушкой переѣхали на жительство въ Москву—и много минуло лѣтъ прежде, чѣмъ мнѣ пришлось увидѣть обѣихъ дочерей Мартына Петровича.

XXX.

Но я увидалъ ихъ. Съ Анной Мартыновной я встрѣтился самымъ обыкновеннымъ образомъ. Посѣтивъ, послѣ кончины матушки, нашу деревню, въ которую я не заѣзжалъ больше пятнадцати лѣтъ, я получилъ отъ посредника приглашеніе—(тогда по всей Россіи, съ незабытой доселѣ медленностью, происходило размежеваніе черезполосицы)—приглашеніе прибыть, для совѣщанія съ прочими владѣльцами нашей дачи, въ имѣніе помѣщицы вдовы Анны Слеткиной. Извѣстіе о несуществованіи болѣе на семъ свѣтѣ матушкина „жиденка“ съ черносливообразными глазами, нисколько, признаюсь, меня не опечалило; но мнѣ было интересно взглянуть на его вдову. Она слыла у насъ за отличнѣйшую хозяйку. И точно: ея имѣніе и усадьба, и самый домъ—(я невольно взглянулъ на крышу; она была желѣзная)—все оказалось въ превосходномъ порядкѣ, все было аккуратно, чисто прибрано, гдѣ нужно—выкрашено, хоть бы у нѣмки. Сама Анна Мартыновна, конечно, постарѣла; но та особенная, сухая и какъ бы злая прелесть, которая нѣкогда такъ меня возбуждала—не совсѣмъ ее покинула. Одѣта она была по деревенскому, но изящно. Она приняла насъ не радушно — это слово къ ней не шло—но вѣжливо, и, увидавъ меня, свидѣтеля того страшнаго происшествія, даже бровью не повела. Ни о моей матушкѣ, ни о своемъ отцѣ, ни о сестрѣ, ни о мужѣ она даже на заикнулась, точно воды въ ротъ набрала.

Были у ней двѣ дочери, обѣ прехорошенькія, стройненькія, съ милыми личиками, съ веселымъ и ласковымъ выраженіемъ въ черныхъ глазахъ; былъ и сынъ, немножко смахивавшій на отца, но тоже мальчикъ хоть куда! Во время преній между владѣльцами, Анна Мартыновна дер-

жалась спокойно, съ достоинствомъ, не выказывая ни особеннаго упорства, ни особеннаго корыстолюбія. Но никто вѣрнѣе ея не понималъ своихъ выгодъ и не умѣлъ убѣдительнѣе выставлять и защищать свои права; всѣ „подходящіе“ законы, даже министерскіе циркуляры были ей хорошо извѣстны; говорила она немного и тихимъ голосомъ, но каждое слово попадало въ цѣль. Кончилось тѣмъ, что мы на всѣ ея требованія изъявили согласіе и такихъ понадѣлали уступокъ, что оставалось только удивляться. На возвратномъ пути иные господа помѣщики даже самихъ себя выругали; всѣ кряхтѣли и покачивали головами.

— Экая баба умница!—говорилъ одинъ.

— Продувная шельма! — вмѣшался другой, менѣе деликатный владѣлецъ:—мягко стелетъ, да жестко спать!

— Да и скряга же! — прибавилъ третій: — рюмка водки и кусочекъ икры на брата—это что же такое?

— Чего отъ нея ждать? — брякнулъ вдругъ одинъ, до того безмолвный помѣщикъ: — кому же неизвѣстно, что она мужа своего отравила?

Къ удивленію моему, никто не почелъ нужнымъ опровергнуть такое ужасное, навѣрное ни на чемъ не основанное обвиненіе! Это тѣмъ болѣе меня удивило, что, несмотря на приведенныя мною бранчивыя выраженія, уваженіе къ Аннѣ Мартыновнѣ чувствовали всѣ, не исключая неделикатнаго владѣльца. Посредникъ, — тотъ даже въ паѳосъ впалъ.

— Возведи ее на тронъ, — воскликнулъ онъ: — та же Семирамида или Екатерина Вторая! Повиновеніе крестьянъ — образцовое.... Воспитаніе дѣтей — образцовое! Голова! Мозги!

Семирамиду и Екатерину въ сторону — но не было сомнѣнія въ томъ, что Анна Мартыновна вела жизнь весьма счастливую. Довольствомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, пріятной тишиной душевнаго здоровья такъ и вѣяло отъ нея

самой, отъ ея семьи, отъ всего ея быта. Насколько она заслуживала это счастье.... это другой вопросъ. Впрочемъ, подобные вопросы ставятся только въ молодости. Все на свѣтѣ, и хорошее, и дурное—дается человѣку не по его заслугамъ, а вслѣдствіе какихъ-то еще неизвѣстныхъ, но логическихъ законовъ, на которые я даже указать не берусь, хоть иногда мнѣ кажется, что я смутно чувствую ихъ.

XXXI.

Я освѣдомился у посредника объ Евлампіи Мартыновнѣ—и узналъ, что она, какъ ушла изъ дому, такъ и пропала безъ вѣсти — и, „вѣроятно, теперь уже давно воспарила въ горнія".

Такъ выразился нашъ посредникъ.... но я убѣжденъ, что я *видѣлъ* Евлампію, что я встрѣтился съ нею. Именно вотъ какъ.

Года четыре послѣ моего свиданія съ Анной Мартыновной, я поселился на лѣто въ Муринѣ, небольшой деревушкѣ около Петербурга, хорошо извѣстной дачникамъ средней руки. Охота около Мурина была въ то время недурна — и я ходилъ съ ружьемъ чуть не каждый день. Былъ у меня товарищъ, нѣкто Викуловъ, изъ мѣщанъ—очень неглупый и добрый малый—но, какъ онъ самъ про себя выражался, совершенно „потеряннаго" поведенія. Гдѣ только не былъ этотъ человѣкъ, и чѣмъ онъ не былъ! Ничего-то его удивить не могло, все-то онъ зналъ—но любилъ онъ только охоту—да вино. Вотъ, однажды возвращались мы съ нимъ въ Мурино, и пришлось намъ миновать одинокій домъ, стоящій у перекрестка двухъ дорогъ и обнесенный высокимъ и тѣснымъ частоколомъ. Не въ первый разъ видѣлъ я этотъ домъ, и всякій разъ онъ возбуждалъ мое любопытство: въ немъ было что-то таинственное,

замкнутое, угрюмо-нѣмое, что-то напоминавшее острогъ или больницу. Съ дороги только и можно было видѣть, что его крутую, темной краской выкрашенную крышу. Во всемъ заборѣ находились одни ворота, и тѣ казались наглухо запертыми; никакого звука не слышалось никогда за ними. Со всѣмъ тѣмъ вы чувствовали, что въ этомъ домѣ непремѣнно кто-нибудь обитаетъ: онъ вовсе не являлъ видъ заброшеннаго жилья. Напротивъ, все въ немъ было такъ прочно и плотно и дюже, что хоть осаду выдерживай!

— Что за крѣпость такая?—спросилъ я у своего товарища.—Не знаете?

Викуловъ лукаво прищурился.—Чудное, небось, строеніе? Много съ него здѣшнему исправнику дохода!

— Какъ такъ?

— Да такъ же. О хлыстахъ-раскольникахъ — вотъ, что безъ поповъ живутъ—небось, слыхали?

— Слыхалъ.

— Ну, вотъ тутъ ихъ главная матка обрѣтается.

— Женщина?

— Да—матка; богородица по-ихнему.

— Что вы?

— Я жъ вамъ говорю. Строгая, говорятъ, такая.... Командирша! Тысячами ворочаетъ! Взялъ бы я, да всѣхъ этихъ богородицъ.... Да что толковать!

Онъ позвалъ своего Пегашку, удивительную собаку, съ превосходнымъ чутьемъ, но безъ всякаго понятія о стойкѣ. Викуловъ принужденъ былъ подвязывать ей заднюю лапу, чтобъ она не такъ неистово бѣгала.

Слова его запали мнѣ въ память. Я, бывало, нарочно сворачивалъ въ сторону, чтобы пройти мимо таинственнаго дома. Вотъ, однажды, поравнялся я съ нимъ, какъ вдругъ — о чудо! засовъ загремѣлъ за воротами, ключъ завизжалъ въ замкѣ — потомъ самыя ворота тихонько растворились — показалась могучая лошадиная голова съ

заплетенной чолкой подъ расписной дугой—и, не спѣша, выкатила на дорогу небольшая телѣжка въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ ѣздятъ барышники и наѣздники изъ купцовъ. На кожаной подушкѣ телѣжки, ближе ко мнѣ, сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати, замѣчательно красивой и благообразной наружности, въ опрятномъ черномъ армякѣ и низко на лобъ надѣтомъ черномъ картузѣ; онъ степенно правилъ откормленнымъ, какъ печь широкимъ конемъ; а рядомъ съ мужчиной, по ту сторону телѣжки, сидѣла женщина высокаго роста, прямая какъ стрѣла. Голову ея покрывала дорогая черная шаль; одѣта она была въ короткій бархатный шушунъ оливковаго цвѣта и темно-синюю мериносовую юбку; бѣлыя руки, чинно сложенныя у груди, поддерживали другъ дружку. Телѣжка завернула по дорогѣ налѣво—и женщина очутилась въ двухъ шагахъ отъ меня; она слегка повела головою—и я узналъ Евлампію Харлову. Я узналъ ее немедленно, я ни единаго мгновенія не колебался, да и нельзя было колебаться: такихъ глазъ, какъ у ней—и особенно такого склада губъ — надменнаго и чувственнаго—я ни у кого не видывалъ. Лицо ея стало длиннѣе и суше, кожа потемнѣла, кой-гдѣ виднѣлись морщины; но особенно измѣнилось выраженіе этого лица! Трудно передать словами, до чего оно стало самоувѣренно, строго, горделиво! Не простымъ спокойствіемъ власти—пресыщеніемъ власти дышала каждая черта; въ небрежномъ взорѣ, который она на меня уронила—сказывалась давнишняя, застарѣлая привычка встрѣчать одну благоговѣйную, безотвѣтную покорность. Эта женщина—очевидно—жила, окруженная не поклонниками—а рабами; она, очевидно, даже забыла то время, когда какое-либо ея повелѣніе или желаніе—не было тотчасъ исполнено! Я громко назвалъ ее по имени и по отчеству; она чуть-чуть дрогнула, вторично посмотрѣла на меня—не съ испугомъ—а съ презрительнымъ гнѣвомъ: кто, молъ, смѣетъ

меня безпокоить? — и, едва раскрывъ губы, произнесла повелительное слово. Сидѣвшій рядомъ съ ней мужчина встрепенулся, съ размаху ударилъ возжей по лошади — та двинулась впередъ шибкой и крупной рысью — и телѣга скрылась.

Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ болѣе Евлампіи. Какимъ образомъ дочь Мартына Петровича попала въ хлыстовскія богородицы—я и представить себѣ не могу; но кто знаетъ, быть-можетъ, она основала толкъ, который назовется— или уже теперь называется, по ея имени—Евлампіевщиной? Все бываетъ, все случается.

И вотъ, что̀ я имѣлъ сказать вамъ о моемъ степномъ „королѣ Лирѣ, о семействѣ его и поступкахъ его“.

Разсказчикъ умолкъ — а мы потолковали немного, да и разошлись во-свояси.

Веймаръ, 1870.

ВЕШНІЯ ВОДЫ.

«Веселые годы,
«Счастливые дни—
«Какъ вешнія воды
«Промчались они!»
Изъ стариннаго романса.

....Часу во второмъ ночи онъ вернулся въ свой кабинетъ. Онъ выслалъ слугу, зажегшаго свѣчки—и, бросившись въ кресло около камина, закрылъ лицо обѣими руками.

Никогда еще онъ не чувствовалъ такой усталости—тѣлесной и душевной. Цѣлый вечеръ онъ провелъ съ пріятными дамами, съ образованными мужчинами; нѣкоторыя изъ дамъ были красивы, почти всѣ мужчины отличались умомъ и талантами—самъ онъ бесѣдовалъ весьма успѣшно и даже блистательно.... и, со всѣмъ тѣмъ, никогда еще то „taedium vitae“, о которомъ говорили ужъ римляне, то „отвращеніе къ жизни“—съ такой неотразимой силой не овладѣвало имъ, не душило его. Будь онъ нѣсколько помоложе—онъ заплакалъ бы отъ тоски, отъ скуки, отъ раздраженія: горечь ѣдкая и жгучая, какъ горечь полыни, наполняла всю его душу. Что-то неотвязчиво-постылое, про-

тивно-тяжкое, со всѣхъ сторонъ обступило его, какъ осенняя, темная ночь;—и онъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ этой темноты, отъ этой горечи. На сонъ нечего было разсчитывать: онъ зналъ, что онъ не заснетъ.

Онъ принялся размышлять.... медленно, вяло и злобно. Онъ размышлялъ о суетѣ, ненужности, о пошлой фальши всего человѣческаго. Всѣ возрасты постепенно проходили передъ его мысленнымъ взоромъ — (ему самому недавно минулъ 52-й годъ)—и ни одинъ не находилъ пощады передъ нимъ. Вездѣ все то же вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнее, то же толченіе воды, то же, на половину добросовѣстное, на половину сознательное самообольщеніе,—чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало,—а тамъ вдругъ, ужъ точно какъ снѣгъ на голову, нагрянетъ старость — и вмѣстѣ съ нею тотъ постоянно-возрастающій, все разъѣдающій и подтачивающій страхъ смерти.... и бухъ въ бездну! Хорошо еще, если такъ разыграется жизнь!—А то, пожалуй, передъ концомъ, пойдутъ какъ ржа по желѣзу, немощи, страданія.... Не бурными волнами покрытымъ, какъ описываютъ поэты, представлялось ему жизненное море; нѣтъ:—онъ воображалъ себѣ это море невозмутимо-гладкимъ, неподвижнымъ и прозрачнымъ до самаго темнаго дна; самъ онъ сидитъ въ маленькой, валкой лодкѣ—а тамъ, на этомъ темномъ, илистомъ днѣ, на подобіе громадныхъ рыбъ, едва виднѣются безобразныя чудища: всѣ житейскіе недуги, болѣзни, горести, безуміе, бѣдность, слѣпота.... Онъ смотритъ: и вотъ, одно изъ чудищъ выдѣляется изъ мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнѣе, все отвратительно-явственнѣе.... Еще минута—и перевернется подпертая имъ лодка! Но вотъ, оно опять какъ будто тускнѣетъ, оно удаляется, опускается на дно—и лежитъ оно тамъ, чуть-чуть шевеля плёсомъ.... Но день урочный придетъ—и перевернетъ оно лодку.

Онъ тряхнулъ головою, вскочилъ съ кресла, раза два прошелся по комнатѣ, присѣлъ къ письменному столу и, выдвигая одинъ ящикъ за другимъ, сталъ рыться въ своихъ бумагахъ, въ старыхъ, бо̀льшею частью женскихъ, письмахъ. Онъ самъ не зналъ, для чего онъ это дѣлалъ; онъ ничего не искалъ—онъ просто хотѣлъ какимъ-нибудь внѣшнимъ занятіемъ отдѣлаться отъ мыслей, его томившихъ. Развернувъ наудачу нѣсколько писемъ—(въ одномъ изъ нихъ оказался засохшій цвѣтокъ, перевязанный полинявшей ленточкой) — онъ только плечами пожалъ, и, глянувъ на каминъ, отбросилъ ихъ въ сторону, вѣроятно, сбираясь сжечь весь этотъ ненужный хламъ. Торопливо засовывая руки то въ одинъ, то въ другой ящикъ, онъ вдругъ широко раскрылъ глаза, и медленно вытащивъ наружу небольшую осьмиугольную коробку стариннаго покроя, медленно приподнялъ ея крышку. Въ коробкѣ, подъ двойнымъ слоемъ пожелтѣвшей хлопчатой бумаги, находился маленькій гранатовый крестикъ.

Нѣсколько мгновеній съ недоумѣніемъ разсматривалъ онъ этотъ крестикъ—и вдругъ слабо вскрикнулъ.... Не то сожалѣніе, не то радость изобразили его черты. Подобное выраженіе являетъ лицо человѣка, когда ему приходится внезапно встрѣтиться съ другимъ человѣкомъ, котораго онъ давно потерялъ изъ виду, котораго нѣжно любилъ когда-то, и который неожиданно возникаетъ теперь передъ его взоромъ, все тотъ же—и весь измѣненный годами.

Онъ всталъ—и, возвратясь къ камину, сѣлъ опять въ кресло—и опять закрылъ руками лицо.... „Почему сегодня? именно сегодня?“ думалось ему—и вспомнилъ онъ многое, давно прошедшее.

Вотъ что̀ вспомнилъ онъ....

Но нужно сперва сказать его имя, отчество и фамилію. Его звали Санинымъ, Дмитріемъ Павловичемъ.

Вотъ что̀ онъ вспомнилъ:

I.

Дѣло было лѣтомъ 1840-го года. Санину минулъ 22-й годъ, и онъ находился во Франкфуртѣ, на возвратномъ пути изъ Италіи въ Россію. Человѣкъ онъ былъ съ небольшимъ состояніемъ, но независимый, почти безсемейный. У него, по смерти отдаленнаго родственника, оказалось нѣсколько тысячъ рублей—и онъ рѣшился прожить ихъ за границею, передъ поступленіемъ на службу, передъ окончательнымъ возложеніемъ на себя того казеннаго хомута, безъ котораго обезпеченное существованіе стало для него немыслимымъ. Санинъ въ точности исполнилъ свое намѣреніе, и такъ искусно распорядился, что въ день прибытія во Франкфуртъ у него оказалось ровно столько денегъ, сколько нужно было для того, чтобы добраться до Петербурга. Въ 1840-мъ году желѣзныхъ дорогъ существовала самая малость; г-да туристы разъѣзжали въ дилижансахъ. Санинъ взялъ мѣсто въ „бейвагенѣ“; но дилижансъ отходилъ только въ 11-мъ часу вечера. Времени оставалось много. Къ счастью, погода стояла прекрасная—и Санинъ, пообѣдавъ въ знаменитой тогдашней гостинницѣ „Бѣлаго-Лебедя“, отправился бродить по городу. Зашелъ посмотрѣть Даннекерову Аріадну, которая ему понравилась мало, посѣтилъ домъ Гёте, изъ сочиненій котораго онъ, впрочемъ, прочелъ одного Вертера — и то во французскомъ переводѣ; погулялъ по берегу Майна, поскучалъ, какъ слѣдуетъ добропорядочному путешественнику; наконецъ, въ шестомъ часу вечера, усталый, съ запыленными ногами, очутился въ одной изъ самыхъ незначительныхъ улицъ Франкфурта. Эту улицу онъ долго потомъ забыть не могъ. На одномъ изъ немногочисленныхъ ея домовъ онъ увидѣлъ вывѣску: „Итальянская кондитерская Джіованни Розелли“ заявляла о себѣ про-

хожимъ. Санинъ зашелъ въ нее, чтобы выпить стаканъ лимонаду; но въ первой комнатѣ, гдѣ за скромнымъ прилавкомъ, на полкахъ крашенаго шкапа, напоминая аптеку, стояло нѣсколько бутылокъ съ золотыми ярлыками и столько же стеклянныхъ банокъ съ сухарями, шоколадными лепешками и леденцами — въ этой комнатѣ не было ни души; только сѣрый котъ жмурился и мурлыкалъ, перебирая лапками на высокомъ плетеномъ стулѣ, возлѣ окна, — и, ярко рдѣя въ косомъ лучѣ вечерняго солнца, большой клубокъ красной шерсти лежалъ на полу, рядомъ съ опрокинутой корзинкой изъ рѣзного дерева. Смутный шумъ слышался въ сосѣдней комнатѣ. Санинъ постоялъ—и, давъ колокольчику на дверяхъ прозвенѣть до конца, произнесъ, возвысивъ голосъ: „Никого здѣсь нѣтъ?“ Въ то же мгновеніе дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась—и Санину поневолѣ пришлось изумиться.

II.

Въ кондитерскую, съ разсыпанными по обнаженнымъ плечамъ темными кудрями, съ протянутыми впередъ обнаженными руками, порывисто вбѣжала дѣвушка лѣтъ девятнадцати, и, увидѣвъ Санина, тотчасъ бросилась къ нему, схватила его за руку и повлекла за собою, приговаривая задыхавшимся голосомъ: „скорѣй, скорѣй, сюда, спасите!“ Не изъ нежеланія повиноваться, а просто отъ избытка изумленія, Санинъ не тотчасъ послѣдовалъ за дѣвушкой—и какъ бы уперся на мѣстѣ: онъ въ жизни не видывалъ подобной красавицы. Она обернулась къ нему, — и съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, во взглядѣ, въ движеніи сжатой руки, судорожно поднесенной къ блѣдной щекѣ, произнесла: „да идите же, идите!“—что онъ тотчасъ ринулся за нею въ раскрытую дверь.

Въ комнатѣ, куда онъ вбѣжалъ вслѣдъ за дѣвушкой,

на старомодномъ диванѣ изъ конскаго волоса, лежалъ, весь бѣлый—бѣлый съ желтоватыми отливами, какъ воскъ или какъ древній мраморъ, — мальчикъ лѣтъ четырнадцати, поразительно похожій на дѣвушку, очевидно ея братъ. Глаза его были закрыты, тѣнь отъ черныхъ густыхъ волосъ падала пятномъ на словно окаменѣлый лобъ, на недвижныя тонкія брови; изъ-подъ посинѣвшихъ губъ виднѣлись стиснутые зубы. Казалось, онъ не дышалъ;— одна рука опустилась на полъ, другую онъ закинулъ за голову. Мальчикъ былъ одѣтъ и застегнутъ; тѣсный галстукъ сжималъ его шею.

Дѣвушка съ воплемъ бросилась къ нему. Онъ умеръ, онъ умеръ!—вскричала она:—сейчасъ онъ тутъ сидѣлъ, говорилъ со мною—и вдругъ упалъ и сдѣлался недвижимъ.... Боже мой! неужели нельзя помочь? И мамы нѣтъ! Панталеоне, Панталеоне, что же докторъ?—прибавила она вдругъ по-итальянски:—Ты ходилъ за докторомъ?

— Синьора, я не ходилъ, я послалъ Луизу,—раздался хриплый голосъ за дверью,—и въ комнату, ковыляя на кривыхъ ножкахъ, вошелъ маленькій старичекъ въ лиловомъ фракѣ съ черными пуговицами, высокомъ бѣломъ галстукѣ, нанковыхъ короткихъ панталонахъ и синихъ шерстяныхъ чулкахъ. Его крошечное личико совершенно исчезало подъ цѣлой громадой сѣдыхъ, желѣзнаго цвѣта волосъ. Со всѣхъ сторонъ круто подымаясь кверху и падая обратно растрепанными косицами, они придавали фигурѣ старичка сходство съ хохлатой курицей—сходство тѣмъ болѣе поразительное, что подъ ихъ темно-сѣрой массой только и можно было разобрать, что̀ заостренный носъ, да круглые желтые глаза.

— Луиза скорѣй сбѣгаетъ, а я не могу бѣгать,—продолжалъ старичекъ по-итальянски, поочередно поднимая плоскія, подагрическія ноги, обутыя въ высокіе башмаки съ бантиками:—а я вотъ воды принесъ.

Своими сухими, корявыми пальцами онъ стискивалъ длинное горлышко бутылки.

— Но Эмиль пока умретъ!—воскликнула дѣвушка и протянула руку къ Санину.—О, мой господинъ, о, mein Herr!—Неужели вы не можете помочь?

— Надо ему кровь пустить — это ударъ, — замѣтилъ старичекъ, носившій имя Панталеоне.

Хотя Санинъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, однако, одно онъ зналъ достовѣрно: съ четырнадцатилѣтними мальчиками ударовъ не случается.

— Это обморокъ, а не ударъ,—проговорилъ онъ, обратясь къ Панталеоне.—Есть у васъ щетки?

Старичекъ приподнялъ свое личико.—Что?

— Щетки, щетки,—повторилъ Санинъ по-нѣмецки и по-французски.—Щетки,—прибавилъ онъ, показывая видъ, что чиститъ себѣ платье.

Старичекъ наконецъ его понялъ.

— А, щетки! Spazzette! Какъ не быть щетокъ!

— Давайте ихъ сюда; мы снимемъ съ него сюртукъ—и станемъ растирать его.

— Хорошо.... Benone! А воду на голову не надо вылить?

— Нѣтъ.... послѣ; ступайте теперь поскорѣе за щетками.

Панталеоне поставилъ бутылку на полъ, выбѣжалъ вонъ и тотчасъ вернулся съ двумя щетками, одной головной и одной платяной. Курчавый пудель сопровождалъ его и, усиленно вертя хвостомъ, съ любопытствомъ оглядывалъ старика, дѣвушку и даже Санина—какъ бы желая знать, что̀ значила вся эта тревога?

Санинъ проворно снялъ сюртукъ съ лежавшаго мальчика, разстегнулъ воротъ, засучилъ рукава его рубашки—и, вооружившись щеткой, началъ изо всѣхъ силъ тереть ему грудь и руки. Панталеоне такъ же усердно теръ дру-

гой—головной щеткой—по его сапогамъ и панталонамъ. Дѣвушка бросилась на колѣни возлѣ дивана и, схвативъ обѣими руками голову, не мигая ни однимъ вѣкомъ, такъ и впилась въ лицо своему брату.

Санинъ самъ теръ,—а самъ искоса посматривалъ на нее. Боже мой! какая же это была красавица!

III.

Носъ у ней былъ нѣсколько великъ, но красиваго, орлинаго ладу: верхнюю губу чуть-чуть оттѣнялъ пушокъ; зато цвѣтъ лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновая кость или молочный янтарь, волнистый лоскъ волосъ, какъ у Аллоріевой Юдиѳи въ Палаццо-Питти — и особенно глаза, темно-сѣрые, съ черной каемкой вокругъ зеницъ, великолѣпные, торжествующіе глаза,—даже теперь, когда испугъ и горе омрачили ихъ блескъ.... Санину невольно вспомнился чудесный край, откуда онъ возвращался.... Да онъ и въ Италіи не встрѣчалъ ничего подобнаго! Дѣвушка дышала рѣдко и неровно; казалось, она всякій разъ ждала, не начнетъ ли братъ ея дышать?

Санинъ продолжалъ растирать его; но онъ глядѣлъ не на одну дѣвушку. Оригинальная фигура Панталеоне также привлекла его вниманіе. Старикъ совсѣмъ ослабѣлъ и запыхался; при каждомъ ударѣ щеткой подпрыгивалъ и визгливо кряхтѣлъ, а огромныя космы волосъ, смоченныя потомъ, грузно раскачивались изъ стороны въ сторону, словно корни крупнаго растенія, подмытые водою.

— Снимите, по крайней мѣрѣ, съ него сапоги, — хотѣлъ-было сказать ему Санинъ....

Пудель, вѣроятно возбужденный необычайностью всего происходившаго, вдругъ припалъ на переднія лапы — и принялся лаять.

— Tartaglia—canaglia!—зашипѣлъ на него старикъ....

Но въ это мгновеніе лицо дѣвушки преобразилось. Ея брови приподнялись, глаза стали еще больше и засіяли радостью....

Санинъ оглянулся.... По лицу молодого человѣка выступила краска; вѣки шевельнулись.... ноздри дрогнули. Онъ потянулъ воздухъ сквозь все еще стиснутые зубы, вздохнулъ....

— Эмиль!—крикнула дѣвушка....—Эміліо міо!

Медленно раскрылись большіе черные глаза. Они глядѣли еще тупо, но уже улыбались—слабо; та же слабая улыбка спустилась на блѣдныя губы. Потомъ онъ двинулъ повислой рукою — и съ размаху положилъ ее себѣ на грудь.

— Эміліо!—повторила дѣвушка, и приподнялась. Выраженіе ея лица было такъ сильно и ярко, что казалось, вотъ, сейчасъ либо слезы у нея брызнутъ, либо вырвется хохотъ.

— Эмиль! Что такое? Эмиль!—послышалось за дверью— и въ комнату проворными шагами вошла опрятно одѣтая дама съ серебристо-сѣдыми волосами и смуглымъ лицомъ. Мужчина пожилыхъ лѣтъ выступалъ за нею слѣдомъ; голова служанки мелькнула у него за плечами.

Дѣвушка побѣжала къ нимъ навстрѣчу.

— Онъ спасенъ, мама, онъ живъ!—воскликнула она, судорожно обнимая вошедшую даму.

— Да что такое?—повторила она.—Я возвращаюсь.... и вдругъ встрѣчаю г-на доктора и Луизу....

Дѣвушка принялась разсказывать, что̀ случилось, а докторъ подошелъ къ больному, который все болѣе и болѣе приходилъ въ себя — и все продолжалъ улыбаться: онъ словно начиналъ стыдиться надѣланной имъ тревоги.

— Вы, я вижу, его растирали щетками,—обратился докторъ къ Санину и Панталеоне:—и прекрасно сдѣлали....

Очень хорошая мысль.... а вотъ, мы теперь посмотримъ, какія еще средства....

Онъ пощупалъ у молодого человѣка пульсъ. — Гм! Покажите-ка языкъ!

Дама заботливо наклонилась къ нему. Онъ еще откровеннѣе улыбнулся, взвелъ на нее глаза—и покраснѣлъ....

Санину пришло на мысль, что онъ становится лишнимъ; онъ вышелъ въ кондитерскую. Но не успѣлъ онъ еще взяться за ручку уличной двери, какъ дѣвушка опять появилась передъ нимъ и остановила его.

— Вы уходите,—начала она, ласково заглядывая ему въ лицо;—я васъ не удерживаю, но вы должны непремѣнно прійти къ намъ сегодня вечеромъ: мы вамъ такъ обязаны—вы, можетъ-быть, спасли брата—мы хотимъ благодарить васъ—мама хочетъ. Вы должны сказать намъ, кто вы, вы должны порадоваться вмѣстѣ съ нами....

— Но я уѣзжаю сегодня въ Берлинъ,—заикнулся-было Санинъ.

— Вы еще успѣете,—съ живостью возразила дѣвушка.— Придите къ намъ черезъ часъ, на чашку шоколада. Вы обѣщаетесь? А мнѣ нужно опять къ нему! Вы придете?

Что оставалось дѣлать Санину?

— Приду,—отвѣчалъ онъ.

Красавица быстро пожала ему руку, выпорхнула вонъ—и онъ очутился на улицѣ.

IV.

Когда Санинъ, часа полтора спустя, вернулся въ кондитерскую Розелли, его тамъ приняли какъ родного. Эмиліо сидѣлъ на томъ же самомъ диванѣ, на которомъ его растирали; докторъ прописалъ ему лекарство и рекомендовалъ „большую осторожность въ испытаніи ощущеній“,—

такъ какъ субъектъ темперамента нервическаго и съ наклонностью къ болѣзнямъ сердца. Онъ и прежде подвергался обморокамъ; но никогда припадокъ не былъ такъ продолжителенъ и силенъ. Впрочемъ, докторъ объявилъ, что всякая опасность миновалась. Эмиль одѣтъ былъ, какъ приличествуетъ выздоравливающему, въ просторный шлафрокъ; мать намотала ему голубую шерстяную косынку вокругъ шеи; но видъ онъ имѣлъ веселый, почти праздничный; да и все кругомъ имѣло праздничный видъ. Передъ диваномъ, на кругломъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, возвышался наполненный душистымъ шоколадомъ, окруженный чашками, графинами съ сиропомъ, бисквитами и булками, даже цвѣтами — огромный фарфоровый кофейникъ; шесть тонкихъ восковыхъ свѣчей горѣло въ двухъ старинныхъ серебряныхъ шандалахъ; съ одной стороны дивана, вольтеровское кресло раскрывало свои мягкія объятія—и Санина посадили именно въ это кресло. Всѣ обитатели кондитерской, съ которыми ему пришлось познакомиться въ тотъ день, находились налицо, не исключая пуделя Тарталья и кота; всѣ казались несказанно счастливыми; пудель даже чихалъ отъ удовольствія; одинъ котъ, попрежнему, все жеманился и жмурился. Санина заставили объяснить, кто онъ родомъ, и откуда, и какъ его зовутъ; когда онъ сказалъ, что онъ русскій—обѣ дамы немного удивились и даже ахнули,—и тутъ же, въ одинъ голосъ, объявили, что онъ отлично выговариваетъ по-нѣмецки; но что если ему удобнѣе выражаться по-французски, то онъ можетъ употреблять и этотъ языкъ — такъ какъ онѣ обѣ хорошо его понимаютъ и выражаются на немъ. Санинъ немедленно воспользовался этимъ предложеніемъ. „Санинъ! Санинъ!“ Дамы никакъ не ожидали, что русская фамилія можетъ быть такъ легко произносима. Имя его: „Димитрій“, также весьма понравилось. Старшая дама замѣтила, что она въ молодости слышала прекрасную оперу:

„Demetrio e Polibio“—но что „Dimitri“ гораздо лучше, чѣмъ „Demetrio“. Такимъ манеромъ, Санинъ бесѣдовалъ около часу. Съ своей стороны, дамы посвятили его во всѣ подробности собственной жизни. Говорила больше мать, дама съ сѣдыми волосами. Санинъ узналъ отъ нея, что имя ея — Леонора Розелли; что она осталась вдовою послѣ мужа своего, Джіованни Баттиста Розелли, который двадцать-пять лѣтъ тому назадъ поселился во Франкфуртѣ, въ качествѣ кондитера; что Джіованни Баттиста былъ родомъ изъ Виченцы, и очень хорошій, хотя немного вспыльчивый и заносчивый человѣкъ, и къ тому республиканецъ! При этихъ словахъ г-жа Розелли указала на его портретъ, писанный масляными красками и висѣвшій надъ диваномъ. Должно полагать, что живописецъ—„тоже республиканецъ!“ какъ со вздохомъ замѣтила г-жа Розелли—не вполнѣ умѣлъ уловлять сходство — ибо на портретѣ покойный Джіованни Баттиста являлся какимъ-то сумрачнымъ и суровымъ бригантомъ—въ родѣ Ринальдо-Ринальдини! Сама г-жа Розелли была уроженка „стариннаго и прекраснаго города Пармы, гдѣ находится такой чудный куполъ, расписанный безсмертнымъ Корреджіо!“ Но отъ давняго пребыванія въ Германіи она почти совсѣмъ онѣмечилась. Потомъ она прибавила, грустно покачавъ головою, что у ней только и осталось, что вотъ *эта* дочь, да вотъ *этотъ* сынъ (она указала на нихъ поочередно пальцемъ); — что дочь зовутъ—Джеммой, а сына — Эмиліемъ; что оба они очень хорошія и послушныя дѣти—особенно Эмиліо.... („Я не послушна!“ ввернула тутъ дочь: — „охъ, ты тоже республиканка!“ отвѣтила мать);—что дѣла, конечно, идутъ теперь хуже, чѣмъ при мужѣ, который по кондитерской части былъ великій мастеръ.... (Un grand'uomo! съ суровымъ видомъ подхватилъ Панталеоне); но что, все-таки, славу Богу, жить еще можно!

V.

Джемма слушала мать—и то посмѣивалась, то вздыхала, то гладила ее по плечу, то грозила ей пальцемъ, то посматривала на Санина; наконецъ, она встала, обняла и поцѣловала мать въ шею—въ „душку", отчего та много смѣялась и даже пищала. Панталеоне былъ также представленъ Санину. Оказалось, что онъ былъ когда-то оперным пѣвцомъ, для баритонныхъ партій, но уже давно прекратилъ свои театральныя занятія и состоялъ въ семействѣ Розелли чѣмъ-то среднимъ между другомъ дома и слугою. Несмотря на весьма долговременное пребываніе въ Германіи, онъ нѣмецкому языку выучился плохо, и только умѣлъ браниться на немъ, немилосердно коверкая даже и бранныя слова. „Феррофлукто спиччебуббіо!" обзывалъ онъ чуть не каждаго нѣмца. Итальянскій же языкъ выговаривалъ въ совершенствѣ—ибо былъ родомъ изъ Синигальи, гдѣ слышится „lingua toscana in bocca romana!" Эмиліо, видимо, нѣжился и предавался пріятнымъ ощущеніямъ человѣка, который только-что избѣгнулъ опасности или выздоравливаетъ; да и кромѣ того, по всему можно было замѣтить, что домашніе его баловали. Онъ застѣнчиво поблагодарилъ Санина, а впрочемъ, больше налегалъ на сиропъ и на конфеты. Санинъ принужденъ былъ выпить двѣ большія чашки превосходнаго шоколада и съѣсть замѣчательное количество бисквитовъ: онъ только-что проглотилъ одинъ, а Джемма уже подноситъ ему другой—и отказаться нѣтъ возможности! Онъ скоро почувствовалъ себя какъ дома: время летѣло съ невѣроятной быстротой. Ему пришлось много разсказывать—о Россіи вообще, о русскомъ климатѣ, о русскомъ обществѣ; о русскомъ мужикѣ—и особенно о казакахъ; о войнѣ двѣнадцатаго года, о Петрѣ Великомъ, о Кремлѣ и о русскихъ пѣсняхъ и о колоколахъ. Обѣ дамы имѣли весьма

слабое понятіе о нашей пространной и отдаленной родинѣ; г-жа Розелли или, какъ ее чаще звали, фрау Леноре, даже повергла Санина въ изумленіе вопросомъ: существуетъ ли еще знаменитый, построенный въ прошломъ столѣтіи, ледяной домъ въ Петербургѣ, о которомъ она недавно прочла такую любопытную статью въ одной изъ книгъ ея покойнаго мужа: Bellezze delle arti? — А въ отвѣтъ на восклицаніе Санина: „неужели же вы полагаете, что въ Россіи никогда не бываетъ лѣта?!“ фрау Леноре возразила, что она до сихъ поръ такъ себѣ представляла Россію: вѣчный снѣгъ, всѣ ходятъ въ шубахъ и всѣ военные—но гостепріимство чрезвычайное, и всѣ крестьяне очень послушны! Санинъ постарался сообщить ей и ея дочери свѣдѣнія болѣе точныя. Когда рѣчь коснулась русской музыки, его тотчасъ попросили спѣть какую-нибудь русскую арію и указали на стоявшее въ комнатѣ крошечное фортепіано, съ черными клавишами вмѣсто бѣлыхъ, и бѣлыми вмѣсто черныхъ. Онъ повиновался безъ дальнихъ околичностей и, аккомпанируя себѣ двумя пальцами правой и тремя (большимъ, среднимъ и мизинцемъ) лѣвой—спѣлъ, тоненькимъ носовымъ теноркомъ, сперва: „Сарафанъ“,—потомъ: „По улицѣ мостовой“. Дамы похвалили его голосъ и музыку, но болѣе восхищались мягкостью и звучностью русскаго языка, и потребовали перевода текста. Санинъ исполнилъ ихъ желаніе—но такъ какъ слова „Сарафана“ и особенно: „По улицѣ мостовой“ (sur une rue pavée une jeune fille allait à l'eau—онъ такъ передалъ смыслъ оригинала)—не могли внушить его слушательницамъ высокое понятіе о русской поэзіи, то онъ сперва продекламировалъ, потомъ перевелъ, потомъ спѣлъ Пушкинское: „Я помню чудное мгновенье“, положенное на музыку Глинкой, минорные куплеты котораго онъ слегка перевралъ. Тутъ дамы пришли въ восторгъ—фрау Леноре даже открыла въ русскомъ языкѣ удивительное сходство съ итальянскимъ. „Мгновенье“—„o, vieni“—„со мной“—

„siam noi“—и т. п. Даже имена: Пушкинъ (она выговаривала: Пуссекинъ)—и Глинка звучали ей чѣмъ-то роднымъ. Санинъ, въ свою очередь, попросилъ дамъ что-нибудь спѣть: онѣ также не стали чиниться. Фрау Леноре сѣла за фортепіано и вмѣстѣ съ Джеммой спѣла нѣсколько дуэттино и „сторнелло“. У матери былъ когда-то хорошій контральтъ; голосъ дочери былъ нѣсколько слабъ, но пріятенъ.

VI.

Но не голосомъ Джеммы — ею самою любовался Санинъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько позади и сбоку, и думалъ про себя, что никакая пальма—даже въ стихахъ Бенедиктова, тогдашняго моднаго поэта—не въ состояніи соперничать съ изящною стройностью ея стана. Когда же она, на чувствительныхъ ноткахъ, возводила кверху глаза—ему казалось, что нѣтъ такого неба, которое не разверзлось бы передъ такимъ взоромъ. Даже старикъ Панталеоне, который, прислонясь плечомъ къ притолкѣ двери и уткнувъ подбородокъ и ротъ въ просторный галстукъ, слушалъ важно, съ видомъ знатока — даже тотъ любовался лицомъ прекрасной дѣвушки и дивился ему—а, кажется, долженъ былъ онъ къ нему привыкнуть! Окончивъ свои дуэттино съ дочерью, фрау Леноре замѣтила, что у Эмиліо голосъ отличный, настоящее серебро—но что онъ теперь вступилъ въ тотъ возрастъ, когда голосъ мѣняется — (онъ, дѣйствительно, говорилъ какимъ-то безпрестанно ломавшимся басомъ)—и что по этой причинѣ ему запрещено пѣть; а что вотъ Панталеоне могъ бы, въ честь гостя, тряхнуть стариной! Панталеоне тотчасъ принялъ недовольный видъ, нахмурился, взъерошилъ волосы и объявилъ, что онъ уже давно все это бросилъ, хотя дѣйствительно могъ, въ молодости, постоять за себя—да и вообще принадлежалъ къ

той великой эпохѣ, когда существовали настоящіе, классическіе пѣвцы—не чета теперешнимъ пискунамъ! и настоящая школа пѣнія; что ему, Панталеоне Чиппатола изъ Варѣзе, поднесли однажды въ Моденѣ лавровый вѣнокъ, и даже по этому случаю выпустили въ театрѣ нѣсколько бѣлыхъ голубей; что, между прочимъ, одинъ русскій князь Тарбускій—„il principe Tarbusski“,—съ которымъ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, постоянно за ужиномъ звалъ его въ Россію, обѣщалъ ему горы золота, горы!... но что онъ не хотѣлъ разстаться съ Италіей, съ страною Данта — il paese del Dante! — потомъ, конечно, произошли.... несчастныя обстоятельства, онъ самъ былъ неосторожень.... Тутъ старикъ перервалъ самого себя, вздохнулъ глубоко раза два, потупился—и снова заговорилъ о классической эпохѣ пѣнія, о знаменитомъ тенорѣ Гарсіа, къ которому питалъ благоговѣйное, безграничное уваженіе. „Вотъ былъ человѣкъ!“ воскликнулъ онъ. Никогда великій Гарсіа—„il gran Garcia“—не унижался до того, чтобы пѣть, какъ теперешніе теноришки—tenoreccі—фальцетомъ: всё грудью, грудью, voce di petto, si! Старикъ крѣпко постучалъ маленькимъ засохшимъ кулачкомъ по собственному жабо! И какой актеръ! Вулканъ, signori miei, вулканъ, un Vesuvio! Я имѣлъ честь и счастіе пѣть вмѣстѣ съ нимъ въ оперѣ dell'illustrissimo maestro Россини — въ Отелло! Гарсіа былъ Отелло—я былъ Яго—и когда онъ произносилъ эту фразу....

Тутъ Панталеоне сталъ въ позитуру и запѣлъ дрожавшимъ и сиплымъ, но все еще патетическимъ голосомъ:

L'i.... ra daver.... so daver....
Io più no.... no.... no.... nov temerò!

— „Театръ трепеталъ, signori miei! но и я не отставалъ; и я тоже за нимъ:

L'i.... ra daver.... so daver.... so il fato
Temèr più non dovro!

— „И вдругъ онъ—какъ молнія, какъ тигръ: Morro!... ma vendicato....

— „Или вотъ еще, когда онъ пѣлъ.... когда онъ пѣлъ эту знаменитую арію изъ „Matrimonio segreto:“ Pria che spunti.... Тутъ онъ, il gran Garcia, послѣ словъ: I cavall di galoppo — дѣлалъ на словахъ: Senza posa cacciera — послушайте, какъ это изумительно, com'è stupendo! Тутъ онъ дѣлалъ....“ Старикъ началъ-было какую-то необыкновенную фіоритуру—и на десятой нотѣ запнулся, закашлялся и, махнувъ рукою, отвернулся и пробормоталъ:—„Зачѣмъ вы меня мучите?“ Джемма тотчасъ же вскочила со стула и, громко хлопая въ ладоши, съ крикомъ: браво!... браво! побѣжала къ бѣдному отставному Яго и обѣими руками ласково потрепала его по плечамъ. Одинъ Эмиль безжалостно смѣялся. Cet âge est sans pitié—этотъ возрастъ не знаетъ жалости,—сказалъ уже Лафонтенъ.

Санинъ попытался утѣшить престарѣлаго пѣвца и заговорилъ съ нимъ на итальянскомъ языкѣ—(онъ слегка его нахватался во время своего послѣдняго путешествія)—заговорилъ о „paese del Dante, dove il si suona“. Эта фраза, вмѣстѣ съ „Lasciate ogni speranza“—составляла весь поэтическій итальянскій багажъ молодого туриста; но Панталеоне не поддался на его заискиванія. Глубже чѣмъ когда-либо уткнувъ подбородокъ въ галстукъ и угрюмо пуча глаза, онъ снова уподобился птицѣ, да еще сердитой,—вѣрону что ли, или коршуну. Тогда Эмиль, мгновенно и легко краснѣя, какъ это обыкновенно случается съ балованными дѣтьми,—обратился къ сестрѣ и сказалъ ей, что если она желаетъ занять гостя, то ничего она не можетъ придумать лучшаго, какъ прочесть ему одну изъ комедіекъ Мальца, которыя она такъ хорошо читаетъ. Джемма засмѣялась, ударила брата по рукѣ, воскликнула, что онъ „всегда такое придумаетъ!“ Однако, тотчасъ пошла въ свою комнату и, вернувшись оттуда съ небольшой книжкой

въ рукѣ, усѣлась за столомъ передъ лампой, оглянулась, подняла палецъ—„молчать-дескать!“—чисто итальянскій жестъ—и принялась читать.

VII.

Мальцъ былъ франкфуртскій литераторъ 30-хъ годовъ, который въ своихъ коротенькихъ и легко набросанныхъ комедійкахъ, писанныхъ на мѣстномъ нарѣчіи, выводилъ, съ забавнымъ и бойкимъ, хотя и не глубокимъ юморомъ,—мѣстные, франкфуртскіе типы. Оказалось, что Джемма читала, точно, превосходно—совсѣмъ по-актерски. Она оттѣняла каждое лицо и отлично выдерживала его характеръ, пуская въ ходъ свою мимику, унаслѣдованную ею вмѣстѣ съ итальянскою кровью; не щадя ни своего нѣжнаго голоса, ни своего прекраснаго лица, она, когда нужно было представить либо выжившую изъ ума старуху, либо глупаго бургомистра — корчила самыя уморительныя гримасы, ёжила глаза, морщила носъ, картавила, пищала.... Сама, во время чтенія, она не смѣялась; но когда слушатели (за исключеніемъ, правда, Панталеоне: онъ тотчасъ съ негодованіемъ удалился, какъ только зашла рѣчь о quel ferro-fiucto Tedesco), когда слушатели прерывали ее взрывомъ дружнаго хохота—она, опустивъ книгу на колѣни, звонко хохотала сама, закинувъ голову назадъ — и черныя ея кудри прыгали мягкими кольцами по шеѣ и по сотрясеннымъ плечамъ. Хохотъ прекращался—она тотчасъ поднимала книгу, и, снова придавъ чертамъ своимъ надлежащій складъ, серьезно принималась за чтеніе. Санинъ не могъ довольно надивиться ей; его особенно поражало то: какимъ чудомъ такое идеально-прекрасное лицо принимало вдругъ такое комическое, иногда почти тривіальное выраженіе? Менѣе удовлетворительно читала Джемма роли молодыхъ

дѣвицъ—такъ-называемыхъ „jeunes premières“; особенно любовныя сцены не удавались ей; она сама это чувствовала, и потому придавала имъ легкій оттѣнокъ насмѣшливости—словно она не вѣрила всѣмъ этимъ восторженнымъ клятвамъ и возвышеннымъ рѣчамъ, отъ которыхъ, впрочемъ, самъ авторъ воздерживался—по мѣрѣ возможности.

Санинъ не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ вечеръ—и только тогда вспомнилъ о предстоявшемъ путешествіи, когда часы пробили десять часовъ. Онъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Что съ вами?—спросила фрау Леноре.

— Да я долженъ былъ сегодня уѣхать въ Берлинъ—и уже мѣсто взялъ въ дилижансѣ!

— А когда отходитъ дилижансъ?

— Въ половинѣ одиннадцатаго!

— Ну, такъ вы уже не успѣете,—замѣтила Джемма;—оставайтесь.... я еще почитаю.

— Вы всѣ деньги заплатили или только задатокъ дали?—полюбопытствовала фрау Леноре.

— Всѣ!—съ печальной ужимкой возопилъ Санинъ.

Джемма посмотрѣла на него, прищуривъ глаза—и разсмѣялась, а мать ее побранила.—Молодой человѣкъ пòпусту деньги затратилъ—а ты смѣешься!

— Ничего,—отвѣчала Джемма:—это его не разоритъ, а мы постараемся его утѣшить. Хотите лимонаду?

Санинъ выпилъ стаканъ лимонада, Джемма снова принялась за Мальца—и все опять пошло какъ по маслу.

Часы пробили двѣнадцать. Санинъ сталъ прощаться.

— Вы теперь нѣсколько дней должны остаться во Франкфуртѣ,—сказала ему Джемма:—куда вамъ спѣшить? Веселѣй въ другомъ городѣ не будетъ.—Она помолчала.—Право, не будетъ,—прибавила она и улыбнулась. Санинъ ничего не отвѣчалъ и подумалъ, что въ силу пустоты своего

кошелька, ему поневолѣ придется остаться во Франкфуртѣ, пока не придетъ отвѣтъ отъ одного берлинскаго пріятеля, къ которому онъ собирался обратиться за деньгами.

— Оставайтесь, оставайтесь,—промолвила и фрау Леноре.—Мы познакомимъ васъ съ женихомъ Джеммы, г-мъ Карломъ Клюберомъ. Онъ сегодня не могъ прійти, потому что онъ очень занятъ у себя въ магазинѣ.... вы навѣрное видѣли на Цейлѣ самый большой магазинъ суконъ и шелковыхъ матерій? Ну, такъ онъ тамъ главнымъ. Но онъ очень будетъ радъ вамъ отрекомендоваться.

Санина это извѣстіе — Богъ вѣдаетъ почему — слегка огорошило. „Счастливчикъ этотъ женихъ!“ мелькнуло у него въ умѣ. Онъ посмотрѣлъ на Джемму — и ему показалось, что онъ подмѣтилъ насмѣшливое выраженіе въ ея глазахъ. Онъ началъ раскланиваться.

— До завтра? Неправда ли, до завтра?—спросила фрау Леноре.

— До завтра!—произнесла Джемма не вопросительнымъ, а утвердительнымъ тономъ, какъ будто это иначе и быть не могло.

— До завтра!—отозвался Санинъ.

Эмиль, Панталеоне и пудель Тарталья проводили его до угла улицы. Панталеоне не утерпѣлъ, чтобы не выразить своего неудовольствія по поводу Джеммина чтенія.

— Какъ ей не стыдно! Кривляется, пищитъ—una caricatura! Ей бы Меропу представлять или Клитемнестру—нѣчто великое, трагическое, а она передразниваетъ какую-то скверную нѣмку! Этакъ и я могу.... Мерцъ, керцъ, смерцъ,—прибавилъ онъ хриплымъ голосомъ, уткнувъ лицо впередъ и растопыря пальцы. Тарталья залаялъ на него, а Эмиль расхохотался. Старикъ круто повернулъ назадъ.

Санинъ возвратился въ гостинницу „Бѣлаго-Лебедя“—(онъ оставилъ тамъ свои вещи въ общей залѣ)—въ довольно смутномъ настроеніи духа. Всѣ эти нѣмецко-фран-

цузско-итальянскіе разговоры такъ и звенѣли у него въ ушахъ.

— Невѣста!—шепталъ онъ, уже лежа въ постели, въ отведенномъ ему скромномъ нумерѣ. — Да и красавица же! Но къ чему я остался?

Однако на слѣдующій день онъ послалъ письмо къ берлинскому пріятелю.

VIII.

Онъ не успѣлъ еще одѣться, какъ кельнеръ доложилъ ему о приходѣ двухъ господъ. Одинъ изъ нихъ оказался Эмилемъ; другой, видный и рослый молодой мужчина, съ благообразнѣйшимъ лицомъ, былъ герръ Карлъ Клюберъ, женихъ прекрасной Джеммы.

Должно полагать, что въ то время, въ цѣломъ Франкфуртѣ, ни въ одномъ магазинѣ не существовало такого вѣжливаго, приличнаго, важнаго, любезнаго главнаго комми, каковымъ являлся г-нъ Клюберъ. Безукоризненность его туалета стояла на одной высотѣ съ достоинствомъ его осанки, съ изящностью—немного, правда, чопорной и сдержанной, на англійскій ладъ (онъ провелъ два года въ Англіи)—но все-таки плѣнительной изящностью его манеръ! Съ перваго взгляда становилось явно, что этотъ красивый, нѣсколько строгій, отлично воспитанный и превосходно вымытый молодой человѣкъ привыкъ повиноваться высшимъ и повелѣвать низшимъ, и что за прилавкомъ своего магазина онъ неизбѣжно долженъ былъ внушать уваженіе самимъ покупателямъ! Въ сверхъестественной его честности не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: стоило только взглянуть на его туго накрахмаленные воротнички! И голосъ у него оказался такой, какого слѣдовало ожидать: густой и самоувѣренно-сочный, но не слишкомъ громкій, съ нѣкото-

рой даже ласковостью въ тембрѣ. Такимъ голосомъ особенно удобно отдавать приказанія подчиненнымъ комми: „покажите, молъ, ту штуку пунсоваго ліонскаго бархата!“—или: „подайте стулъ этой дамѣ!“

Г-нъ Клюберъ началъ съ того, что отрекомендовался, при чемъ такъ благородно наклонилъ станъ, такъ пріятно сдвинулъ ноги и такъ учтиво тронулъ каблукомъ о каблукъ, что всякій непремѣнно долженъ былъ почувствовать: „у этого человѣка и бѣлье, и душевныя качества—перваго сорта!“ Отдѣлка обнаженной правой руки—(въ лѣвой, облеченной въ шведскую перчатку, онъ держалъ до зеркальности вылощенную шляпу, на днѣ которой лежала другая перчатка)—отдѣлка этой правой руки, которую онъ скромно, но съ твердостью протянулъ Санину — превосходила всякое вѣроятіе: каждый ноготь былъ въ своемъ родѣ совершенство! Потомъ онъ сообщилъ, на отборнѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ, что желалъ заявить свое почтеніе и свою признательность г-ну иностранцу, который оказалъ такую важную услугу будущему его родственнику, брату его невѣсты; при этомъ онъ повелъ лѣвой рукой, державшей шляпу, въ направленіи Эмиля, который словно застыдился и, отвернувшись къ окну, положилъ палецъ въ ротъ. Г-нъ Клюберъ прибавилъ, что почтетъ себя счастливымъ, если съ своей стороны будетъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь пріятное г-ну иностранцу. Санинъ отвѣчалъ, не безъ нѣкотораго труда, тоже по-нѣмецки, что онъ очень радъ.... что услуга его была маловажная.... и просилъ своихъ гостей присѣсть. Герръ Клюберъ поблагодарилъ—и, мгновенно раскинувъ фалды фрака, опустился на стулъ—но опустился такъ легко и держался на немъ такъ непрочно, что нельзя было не понять: „человѣкъ этотъ сѣлъ изъ вѣжливости — и сейчасъ опять вспорхнетъ!“ И дѣйствительно, онъ немедленно вспорхнулъ и, стыдливо переступивъ два раза ногами, словно танцуя, объявилъ, что, къ

сожалѣнію, не можетъ долѣе остаться, ибо спѣшитъ въ свой магазинъ—дѣла прежде всего!—но такъ какъ завтра воскресенье — то онъ, съ согласія фрау Леноре и фрейлейнъ Джеммы, устроилъ увеселительную прогулку въ Соденъ, на которую честь имѣетъ пригласить г-на иностранца — и питаетъ надежду, что онъ не откажется украсить ее своимъ присутствіемъ. Санинъ не отказался ее украсить — и герръ Клюберъ отрекомендовался вторично, и ушелъ, пріятно мелькая панталонами нѣжнѣйшаго гороховаго цвѣта и столь же пріятно поскрипывая подошвами наиновѣйшихъ сапоговъ.

IX.

Эмиль, который продолжалъ стоять лицомъ къ окну, даже послѣ приглашенія Санина: „присѣсть“—сдѣлалъ налѣво кругомъ, какъ только будущій его родственникъ вышелъ—и, ужимаясь по-ребячески и краснѣя, спросилъ Санина, можетъ ли онъ еще немного у него остаться! „Мнѣ сегодня гораздо лучше, — прибавилъ онъ: — но докторъ запретилъ мнѣ работать“.

— Оставайтесь! Вы мнѣ нисколько не мѣшаете,—воскликнулъ немедленно Санинъ, который, какъ всякій истый русскій, радъ былъ ухватиться за первый попавшійся предлогъ, лишь бы не быть самому поставлену въ необходимость что-нибудь дѣлать.

Эмиль поблагодарилъ его—и въ самое короткое время совершенно освоился и съ нимъ, и съ его квартирой: разсматривалъ его вещи, разспрашивалъ чуть не о каждой изъ нихъ: гдѣ онъ ее купилъ и какое ея достоинство? Помогъ ему выбриться, причемъ замѣтилъ, что онъ напрасно не отпускаетъ себѣ усовъ; — сообщилъ ему, наконецъ, множество подробностей о своей матери, о сестрѣ, о

Панталеоне, даже о пуделѣ Тартальѣ, обо всемъ ихъ житьѣ-бытьѣ. Всякое подобіе робости исчезло въ Эмилѣ; онъ вдругъ почувствовалъ чрезвычайное влеченіе къ Санину—и вовсе не потому, что тотъ наканунѣ спасъ его жизнь, а потому, что человѣкъ онъ былъ такой симпатическій! Онъ не замедлилъ довѣрить Санину всѣ свои тайны. Съ особеннымъ жаромъ настаивалъ онъ на томъ, что мама его непремѣнно хочетъ сдѣлать изъ него купца—а онъ *знаетъ*, знаетъ навѣрное, что рожденъ художникомъ, музыкантомъ, пѣвцомъ; что театръ — его настоящее призваніе; что даже Панталеоне его поощряетъ, но что г-нъ Клюберъ поддерживаетъ мàму, на которую имѣетъ большое вліяніе; что самая мысль сдѣлать изъ него торгаша принадлежитъ собственно г-ну Клюберу, по понятіямъ котораго ничего въ мірѣ не можетъ сравниться съ званіемъ купца! Продавать сукно и бархатъ и надувать публику, брать съ нея „Narren-oder Russen-Preise“ (дурацкія—или русскія цѣны)—вотъ его идеалъ! *)

— Ну, что жъ! теперь надо идти къ намъ!—воскликнулъ онъ, какъ только Санинъ окончилъ свой туалетъ и написалъ письмо въ Берлинъ.

— Теперь еще рано,—замѣтилъ Санинъ.

— Это ничего не значитъ,—промолвилъ Эмиль, ласкаясь къ нему.—Пойдемте! Мы завернемъ на почту—а оттуда къ намъ. Джемма вамъ такъ рада будетъ! Вы у насъ позавтракаете.... Вы можете сказать что-нибудь мамѣ обо мнѣ, о моей карьерѣ....

— Ну, пойдемте, — сказалъ Санинъ—и они отправились.

---

*) Въ прежнія времена — да, пожалуй, и теперь это не перевелось — когда, начиная съ мая мѣсяца, множество русскихъ появлялось во Франкфуртѣ — во всѣхъ магазинахъ цѣны увеличивались и получали названіе: «Russen—или—увы!—Narren-Preise».

X.

Джемма ему, дѣйствительно, обрадовалась, и фрау Леноре его очень дружелюбно привѣтствовала: видно было, что онъ наканунѣ произвелъ на обѣихъ впечатлѣніе хорошее. Эмиль побѣжалъ распоряжаться насчетъ завтрака, предварительно шепнувъ Санину на ухо: „не забудьте!“

— Не забуду,—отвѣчалъ Санинъ.

Фрау Ленорѣ не совсѣмъ здоровилось: она страдала мигренью — и, полулежа въ креслѣ, старалась не шевелиться. На Джеммѣ была широкая желтая блуза, перехваченная чернымъ кожанымъ поясомъ; она тоже казалась утомленной и слегка поблѣднѣла; темноватые круги оттѣняли ея глаза, но блескъ ихъ не умалился отъ того, а блѣдность придавала что-то таинственное и милое классически строгимъ чертамъ ея лица. Санина въ тотъ день особенно поразила изящная красота ея рукъ: когда она поправляла и поддерживала ими свои темныя, лоснистыя кудри — взоръ его не могъ оторваться отъ ея пальцевъ, гибкихъ и длинныхъ, и отдѣленныхъ другъ отъ дружки, какъ у Рафаэлевой Форнарины.

На дворѣ было очень жарко; послѣ завтрака Санинъ хотѣлъ-было удалиться, но ему замѣтили, что въ такой день лучше всего не двигаться съ мѣста — и онъ согласился; онъ остался. Въ задней комнатѣ, въ которой онъ сидѣлъ съ своими хозяйками, царствовала прохлада; окна выходили въ небольшой садикъ, заросшій акаціями. Множество пчелъ, осъ и шмелей дружно и жадно гудѣло въ ихъ густыхъ вѣткахъ, осыпанныхъ золотыми цвѣтами; сквозь полу-закрытыя ставни и опущенныя шторы проникалъ въ комнату этотъ немолчный звукъ: онъ говорилъ о зноѣ, разлитомъ во внѣшнемъ воздухѣ—и тѣмъ слаще становилась прохлада закрытаго и уютнаго жилья.

Санинъ разговаривалъ много, по вчерашнему, но не о Россіи и не о русской жизни. Желая угодить своему молодому другу, котораго тотчасъ послѣ завтрака услали къ г-ну Клюберу — практиковаться въ бухгалтеріи—онъ навелъ рѣчь на сравнительныя выгоды и невыгоды художества и коммерціи. Онъ не удивился тому, что фрау Леноре держала сторону коммерціи — онъ это ожидалъ; но и Джемма раздѣляла ея мнѣніе.

— Коли ты художникъ—и особенно пѣвецъ, — утверждала она, энергически двигая рукою сверху внизъ,—будь непремѣнно на первомъ мѣстѣ! Второе уже никуда не годится; а кто знаетъ, можешь ли ты достигнуть перваго мѣста?—Панталеоне, который также участвовалъ въ разговорѣ — (ему, какъ давнишнему слугѣ и старому человѣку, дозволялось даже сидѣть на стулѣ въ присутствіи хозяевъ; итальянцы вообще не строги насчетъ этикета)—Панталеоне, разумѣется, стоялъ горой за художество. Правду сказать, доводы его были довольно слабы: онъ больше всего толковалъ о томъ, что нужно прежде всего обладать d'un certo estro d'inspirazione — нѣкимъ порывомъ вдохновенья! Фрау Леноре замѣтила ему, что и онъ, конечно, обладалъ этимъ „estro“,—а между тѣмъ....—Я имѣлъ враговъ,—сумрачно замѣтилъ Панталеоне.—Да почему же ты знаешь—(итальянцы, какъ извѣстно, легко „тыкаются“)—что у Эмиля враговъ не будетъ, если даже и откроется въ немъ это „estro?“—Ну, такъ дѣлайте изъ него торгаша, — съ досадой промолвилъ Панталеоне:—а Джіован'Баттиста такъ бы не поступилъ, хотя самъ былъ кондитеромъ! — Джіован'Баттиста, мужъ мой, былъ человѣкъ благоразумный — и если онъ въ молодости увлекался....—Но уже старикъ ничего слышать не хотѣлъ— и удалился, еще разъ проговоривъ съ укоризной: А! Джіован'Баттиста!... Джемма воскликнула, что если бъ Эмиль чувствовалъ себя патріотомъ и желалъ посвятить всѣ силы

свои освобожденію Италіи—то, конечно, для такого высокаго и священнаго дѣла можно пожертвовать обезпеченной будущностью—но не для театра! Тутъ фрау Леноре пришла въ волненіе и начала умолять свою дочь не сбивать съ толку, по крайней мѣрѣ, брата—и удовольствоваться тѣмъ, что она сама такая отчаянная республиканка! Произнесши эти слова, фрау Леноре заохала и стала жаловаться на голову, которая у нея была „готова лопнуть". (Фрау Леноре, изъ уваженія къ гостю, говорила съ дочерью по-французски).

Джемма тотчасъ принялась ухаживать за нею, тихонько дула ей на лобъ, намочивъ его сперва одеколономъ, тихонько цѣловала ея щеки, укладывала ей голову въ подушки, запрещала ей говорить—и опять ее цѣловала. Потомъ, обратившись къ Санину, она начала разсказывать ему, полушутливымъ, полу-тронутымъ тономъ — какая у ней отличная мать, и какая она была красавица! „Что̀ я говорю: была! она и теперь — прелесть. Посмотрите, посмотрите, какіе у ней глаза!"

Джемма мгновенно достала изъ кармана бѣлый платокъ, закрыла имъ лицо матери — и медленно опуская кайму сверху внизъ—обнажила постепенно лобъ, брови и глаза фрау Леноры; подождала и попросила открыть ихъ. Та повиновалась, Джемма вскрикнула отъ восхищенія (глаза у фрау Леноры были, дѣйствительно, очень красивы — и быстро скользнувъ платкомъ по нижней, менѣе правильной части лица своей матери, снова бросилась ее цѣловать. Фрау Леноре смѣялась и слегка отворачивалась, и съ притворнымъ усиліемъ отстраняла свою дочь. Та тоже притворялась, что борется съ матерью, и ласкалась къ ней—но не по-кошачьи, не на французскій манеръ, а съ той итальянской граціей, въ которой всегда чувствуется присутствіе силы.

Наконецъ фрау Леноре объявила, что устала.... Тогда

Джемма тотчасъ присовѣтовала ей заснуть немножко, тутъ же, на креслѣ,—а мы съ господиномъ русскимъ—„avec le monsieur russe"—будемъ такъ тихи, такъ тихи.... какъ маленькія мыши.... „comme des petites souris". Фрау Леноре улыбнулась ей въ отвѣтъ, закрыла глаза и, повздыхавъ немного, задремала. Джемма проворно опустилась на скамейку возлѣ нея, и уже не шевельнулась болѣе, только изрѣдка подносила палецъ одной руки къ губамъ—другою она поддерживала подушку за головою матери—и чуть-чуть шикала, искоса посматривая на Санина, когда тотъ позволялъ себѣ малѣйшее движеніе. Кончилось тѣмъ, что и онъ словно замеръ—и сидѣлъ неподвижно, какъ очарованный, и всѣми силами души своей любовался картиной, которую представляли ему и эта полу-темная комната, гдѣ тамъ и сямъ, яркими точками рдѣли вставленныя въ зеленые, старинные стаканы свѣжія, пышныя розы — и эта заснувшая женщина съ скромно-подобранными руками и добрымъ усталымъ лицомъ, окаймленнымъ снѣжной бѣлизной подушки, и это молодое, чутко-настороженное и тоже доброе, умное, чистое и несказанно-прекрасное существо съ такими черными глубокими, залитыми тѣнью и все-таки свѣтившимися глазами.... Что̀ это? Сонъ? Сказка? И какимъ образомъ *онъ* тутъ?

XI.

Колокольчикъ звякнулъ надъ наружной дверью. Молодой крестьянскій парень въ мѣховой шапкѣ и красномъ жилетѣ вошелъ съ улицы въ кондитерскую. Съ самаго утра ни одинъ покупатель не заглядывалъ въ нее.... — Вотъ такъ-то мы торгуемъ!—замѣтила со вздохомъ, во время завтрака, фрау Леноре Санину. Она продолжала дремать; Джемма боялась принять руку отъ подушки и шепнула Са-

нину: „Ступайте, поторгуйте вы за меня!“ Санинъ тотчасъ же на цыпочкахъ вышелъ въ кондитерскую. Парню требовалось четверть фунта мятныхъ лепешекъ.—Сколько съ него?—шопотомъ спросилъ Санинъ черезъ дверь у Джеммы.—Шесть крейцеровъ!—такимъ же шопотомъ отвѣчала она. Санинъ отвѣсилъ четверть фунта, отыскалъ бумажку, сдѣлалъ изъ нея рожокъ, завернулъ лепешки, просыпалъ ихъ, завернулъ опять, опять просыпалъ, отдалъ ихъ наконецъ, получилъ деньги.... Парень глядѣлъ на него съ изумленіемъ, переминая свою шапку на желудкѣ, а въ сосѣдней комнатѣ Джемма, зажавъ ротъ, помирала со смѣху. Не успѣлъ этотъ покупатель удалиться, какъ явился другой, потомъ третій.... „А видно рука у меня легкая!“ подумалъ Санинъ. Второй потребовалъ стаканъ оршаду, третій—полфунта конфетъ. Санинъ удовлетворилъ ихъ, съ азартомъ стуча ложечками, передвигая блюдечки и лихо запуская пальцы въ ящикъ и банки. При разсчетѣ оказалось, что оршадъ онъ продешевилъ, а за конфеты взялъ два крейцера лишнихъ. Джемма не переставала смѣяться въ тихомолку, да и самъ Санинъ ощущалъ веселость необычайную, какое-то особенно-счастливое настроеніе духа. Казалось, вѣкъ стоялъ бы онъ такъ за прилавкомъ, да торговалъ бы конфетами и оршадомъ, между тѣмъ какъ то милое существо смотритъ на него изъ-за двери дружелюбно-насмѣшливыми глазами, а лѣтнее солнце, пробиваясь сквозь мощную листву растущихъ передъ окнами каштановъ, наполняетъ всю комнату зеленоватымъ золотомъ полуденныхъ лучей, полуденныхъ тѣней, и сердце нѣжится сладкой истомой лѣни, безпечности и молодости—молодости первоначальной!

Четвертый посѣтитель потребовалъ чашку кофе; пришлось обратиться къ Панталеоне (Эмиль все еще не возвращался изъ магазина г-на Клюбера). Санинъ снова подсѣлъ къ Джеммѣ. Фрау Леноре продолжала дремать, къ

великому удовольствію ея дочери.—У мамы во время сна мигрень проходитъ—замѣтила она. Санинъ заговорилъ—конечно, попрежнему, шопотомъ, — о своей „торговлѣ“; пресерьезно освѣдомлялся о цѣнѣ разныхъ „кондитерскихъ“ товаровъ; Джемма такъ же серьезно называла ему эти цѣны, и, между тѣмъ, оба внутренно и дружно смѣялись, какъ бы сознавая, что разыгрываютъ презабавную комедію. Вдругъ, на улицѣ, шарманка заиграла арію изъ „Фрейшюца“: Durch die Felder, durch die Auen....“ Плаксивые звуки заныли, дрожа и посвистывая, въ неподвижномъ воздухѣ. Джемма вздрогнула.... „Онъ разбудитъ маму!“ Санинъ немедленно выскочилъ на улицу, сунулъ шарманщику нѣсколько крейцеровъ въ руку—и заставилъ его замолчать и удалиться. Когда онъ возвратился, Джемма поблагодарила его легкимъ кивкомъ головы, и, задумчиво улыбнувшись, сама принялась чуть слышно напѣвать красивую веберовскую мелодію, которою Максъ выражаетъ всѣ недоумѣнія первой любви. Потомъ она спросила Санина, знаетъ ли онъ „Фрейшюца“, любитъ ли Вебера, и прибавила, что хотя она сама итальянка, но *такую* музыку любитъ больше всего. Съ Вебера разговоръ соскользнулъ на поэзію и романтизмъ, на Гофмана, котораго тогда еще всѣ читали....

А фрау Леноре все дремала, и даже похрапывала чуть-чуть, да лучи солнца, узкими полосками прорывавшіеся сквозь ставни, незамѣтно, но постоянно передвигались и путешествовали по полу, по мебелямъ, по платью Джеммы, по листьямъ и лепесткамъ цвѣтовъ.

XII.

Оказалось, что Джемма не слишкомъ жаловала Гофмана и даже находила его.... скучнымъ! Фантастически-туманный, сѣверный элементъ его разсказовъ былъ мало до-

ступенъ ея южной, свѣтлой натурѣ. „Это все сказки, все это для дѣтей писано!“ увѣряла она, не безъ пренебреженія. Отсутствіе поэзіи въ Гофманѣ тоже смутно чувствовалось ею. Но была одна у него повѣсть, заглавіе которой она, впрочемъ, позабыла, и которая ей очень нравилась; собственно говоря, ей нравилось только начало этой повѣсти: конецъ она или не прочла, или тоже позабыла. Дѣло шло объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который гдѣ-то, чуть ли не въ кондитерской, встрѣчаетъ дѣвушку поразительной красоты, гречанку; ее сопровождаетъ таинственный и странный злой старикъ. Молодой человѣкъ съ перваго взгляда влюбляется въ дѣвушку; она смотритъ на него такъ жалобно, словно умоляетъ его освободить ее.... Онъ удаляется на мгновенье — и, возвратившись въ кондитерскую, ужъ не находитъ ни дѣвушки, ни старика; бросается ее отыскивать, безпрестанно натыкается на самые свѣжіе ихъ слѣды, гоняется за ними—и никоимъ образомъ, нигдѣ, никогда не можетъ ихъ достигнуть. Красавица на вѣки-вѣковъ исчезаетъ для него—и не въ силахъ онъ забыть ея умоляющій взглядъ, и терзается онъ мыслью, что, быть-можетъ, все счастье его жизни ускользнуло изъ его рукъ.

Гофманъ едва ли такимъ образомъ оканчиваетъ свою повѣсть; но такою она сложилась, такою осталась въ памяти Джеммы.

— Мнѣ кажется,—промолвила она:—подобныя свиданія и подобныя разлуки случаются на свѣтѣ чаще, чѣмъ мы думаемъ.

Санинъ промолчалъ.... и, немного спустя, заговорилъ.... о г-нѣ Клюберѣ. Онъ въ первый разъ упомянулъ о немъ: онъ ни разу не вспомнилъ о немъ до того мгновенія.

Джемма промолчала въ свою очередь и задумалась, слегка кусая ноготь указательнаго пальца, и устремивъ глаза въ сторону. Потомъ она похвалила своего жениха,

упомянула объ устроенной имъ на завтрашній день прогулкѣ и, быстро глянувъ на Санина, замолчала опять.

Санинъ не зналъ, о чемъ завести рѣчь.

Эмиль шумно вбѣжалъ и разбудилъ фрау Леноре.... Санинъ обрадовался его появленію.

Фрау Леноре встала съ кресла. Явился Панталеоне и объявилъ, что обѣдъ готовъ. Домашній другъ, эксъ-пѣвецъ и слуга исправлялъ также должность повара.

XIII.

Санинъ остался и послѣ обѣда. Его не отпускали все подъ тѣмъ же предлогомъ ужаснаго зноя,—а когда зной свалилъ, ему предложили отправиться въ садъ, пить кофе въ тѣни акацій. Санинъ согласился. Ему было очень хорошо. Въ однообразно-тихомъ и плавномъ теченіи жизни таятся великія прелести — и онъ предавался имъ съ наслажденіемъ, не требуя ничего особеннаго отъ настоящаго дня, но и не думая о завтрашнемъ, не вспоминая о вчерашнемъ. Чего стòила одна близость такой дѣвушки, какова была Джемма? Онъ скоро разстанется съ нею, и, вѣроятно, навсегда; но пока одинъ и тотъ же челнокъ, какъ въ Уландовомъ романсѣ, несетъ ихъ по жизненнымъ укрощеннымъ струямъ — радуйся, наслаждайся, путешественникъ! И все казалось пріятнымъ и милымъ счастливому путешественнику. Фрау Леноре предложила ему сразиться съ нею и съ Панталеоне въ „тресетте“, выучила его этой несложной итальянской карточной игрѣ—обыграла его на нѣсколько крейцеровъ—и онъ былъ очень доволенъ; Панталеоне, по просьбѣ Эмиля, заставилъ пуделя Тарталью продѣлать всѣ свои штуки—и Тарталья прыгалъ черезъ палку, „говорилъ“, т.-е. лаялъ, чихалъ, запиралъ дверь носомъ, притащилъ стоптанную

туфлю своего хозяина—и наконецъ, съ старымъ киверомъ на головѣ, представлялъ маршала Бернадотта, подвергающагося жестокимъ упрекамъ императора Наполеона за измѣну. Наполеона представлялъ, разумѣется, Панталеоне—и представлялъ очень вѣрно: скрестилъ руки на груди, нахлобучилъ трехъ-уголку на глаза — и говорилъ грубо и рѣзко, на французскомъ, но, Боже! на *какомъ* французскомъ языкѣ! Тарталья сидѣлъ передъ своимъ владыкой, весь скорчившись, поджавши хвостъ и смущенно моргая и щурясь подъ козырькомъ косо-надвинутаго кивера; отъ времени до времени, когда Наполеонъ возвышалъ голосъ, Бернадоттъ поднимался на заднія лапы. „Fuori, traditore!“ закричалъ наконецъ Наполеонъ, позабывъ въ избыткѣ раздраженія, что ему слѣдовало до конца выдержать свой французскій характеръ—и Бернадоттъ опрометью бросился подъ диванъ, но тотчасъ же выскочилъ оттуда съ радостнымъ лаемъ, какъ бы давая тѣмъ знать, что представленіе кончено. Всѣ зрители много смѣялись—и Санинъ больше всѣхъ.

У Джеммы былъ особенно-милый, непрестанный, тихій смѣхъ съ маленькими презабавными взвизгиваньями.... Санина такъ и разбирало отъ этого смѣха—расцѣловалъ бы онъ ее за эти взвизгиванья!

Ночь наступила наконецъ. Надо жъ было и честь знать! Простившись нѣсколько разъ со всѣми, сказавши всѣмъ понѣскольку разъ: до завтра! (съ Эмилемъ онъ даже облобызался) Санинъ отправился домой и понесъ съ собою образъ молодой дѣвушки, то смѣющейся, то задумчивой, то спокойной и даже равнодушной — но постоянно привлекательной! Ея глаза, то широко-раскрытые и свѣтлые, и радостные, какъ день, то полузастланные рѣсницами и глубокіе, и темные, какъ ночь, такъ и стояли передъ его глазами, странно и сладко проникая всѣ другіе образы и представленія.

О г-нѣ Клюберѣ, о причинахъ, побудившихъ его остаться во Франкфуртѣ — словомъ, о всемъ томъ, что̀ волновало его наканунѣ—онъ не подумалъ ни разу.

XIV.

Надо жъ, однако, сказать нѣсколько словъ о самомъ Санинѣ.

Во-первыхъ, онъ былъ очень и очень недуренъ собою. Статный, стройный ростъ, пріятныя, немного расплывчатыя черты, ласковые голубоватые глазки, золотистые волосы, бѣлизна и румянецъ кожи—а главное: то простодушно-веселое, довѣрчивое, откровенное, на первыхъ порахъ нѣсколько глуповатое выраженіе, по которому въ прежнія времена тотчасъ можно было признать дѣтей степенныхъ дворянскихъ семей, „отецкихъ“ сыновей, хорошихъ баричей, родившихся и утучнённыхъ въ нашихъ привольныхъ полустепныхъ краяхъ;—походочка съ запинкой, голосъ съ пришепёткой, улыбка какъ у ребенка, чуть только взглянешь на него.... наконецъ, свѣжесть, здоровье—и мягкость, мягкость, мягкость,—вотъ вамъ весь Санинъ. А во-вторыхъ, онъ и глупъ не былъ, и понабрался кое-чего. Свѣжимъ онъ остался, несмотря на заграничную поѣздку: тревожныя чувства, обуревавшія лучшую часть тогдашней молодежи, были ему мало извѣстны.

Въ послѣдне время, въ нашей литературѣ, послѣ тщетнаго исканія „новыхъ людей“, начали выводить юношей, рѣшившихся, во что бы то ни стало, быть свѣжими.... свѣжими, какъ фленсбургскія устрицы, привозимыя въ С.-Петербургъ.... Санинъ не походилъ на нихъ. Ужъ коли пошло дѣло на сравненія, онъ скорѣе напоминалъ молодую кудрявую, недавно привитую яблоню въ нашихъ черноземныхъ садахъ,—или, еще лучше: выхоленнаго, гладкаго,

толстоногаго, нѣжнаго трехлѣтка бывшихъ „господскихъ“ конскихъ заводовъ, котораго только-что начали подгàнивать на кордѣ.... Тѣ, которые сталкивались съ Санинымъ впослѣдствіи, когда жизнь порядкомъ его поломала и молодой, наигранный жирокъ давно съ него соскочилъ— видѣли въ немъ уже совсѣмъ иного человѣка.

На слѣдующій день, Санинъ лежалъ еще въ постели, какъ уже Эмиль, въ праздничномъ платьѣ, съ тросточкой въ рукѣ и сильно напомаженный, ворвался къ нему въ комнату и объявилъ, что герръ Клюберъ сейчасъ прибудетъ съ каретой, что погода обѣщаетъ быть удивительной, что у нихъ уже все готово, но что мàма не поѣдетъ, потому что у нея опять разболѣлась голова. Онъ сталъ торопить Санина, увѣряя его, что нельзя терять минуты.... И дѣйствительно: г. Клюберъ засталъ Санина еще за туалетомъ. Постучался въ дверь, вошелъ, поклонился, изогнулъ станъ, выразилъ готовность ждать, сколько угодно—и сѣлъ, изящно опираясь шляпой о колѣно. Благообразный коммѝ расфрантился и раздушился на пропалую: каждое движеніе его сопровождалось усиленнымъ наплывомъ тончайшаго аромата. Онъ прибылъ въ просторной, открытой каретѣ, такъ-называемомъ ландò, запряженномъ двумя сильными и рослыми, хоть и не красивыми лошадьми. Четверть часа спустя, Санинъ, Клюберъ и Эмиль въ этой самой каретѣ торжественно подкатили къ крыльцу кондитерской. Г-жа Розелли рѣшительно отказалась участвовать въ прогулкѣ; Джемма хотѣла остаться съ матерью; но та ее, какъ говорится, прогнала.

— Мнѣ никого не нужно, — увѣряла она; — я буду спать. Я бы и Панталеоне съ вами отправила — да некому будетъ торговать.

— Можно взять Тарталью?—спросилъ Эмиль.

— Конечно, можно.

Тарталья немедленно, съ радостными усиліями, вскарабкался на козлы и сѣлъ, облизываясь; видно, дѣло ему было привычное. Джемма надѣла большую соломенную шляпу съ коричневыми лентами, шляпа эта спереди пригибалась книзу, заслоняя почти все лицо отъ солнца. Черта тѣни останавливалась надъ самыми губами: онѣ рдѣли дѣвственно и нѣжно, какъ лепестки столиственной розы, и зубы блистали украдкой — тоже невинно, какъ у дѣтей. Джемма сѣла на заднемъ мѣстѣ, рядомъ съ Санинымъ; Клюберъ и Эмиль сѣли напротивъ. Блѣдная фигура фрау Леноре показалась у окна, Джемма махнула ей платкомъ—и лошади тронулись.

XV.

Соденъ — небольшой городокъ въ получасовомъ разстоянія отъ Франкфурта. Онъ лежитъ въ красивой мѣстности, на отрогахъ Таунуса, и извѣстенъ у насъ въ Россіи своими водами, будто бы полезными для людей съ слабой грудью. Франкфуртцы ѣздятъ туда больше для развлеченія, такъ какъ Соденъ обладаетъ прекраснымъ паркомъ и разными „виртшафтами“, гдѣ можно пить пиво и кофе въ тѣни высокихъ липъ и кленовъ. Дорога отъ Франкфурта до Содена идетъ по правому берегу Майна и вся обсажена фруктовыми деревьями. Пока карета тихонько катилась по отличному шоссе, Санинъ украдкой наблюдалъ за тѣмъ, какъ Джемма обращалась со своимъ женихомъ: онъ въ первый разъ видѣлъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. *Она* держалась спокойно и просто—но нѣсколько сдержаннѣе и серьезнѣе обыкновеннаго; *онъ* смотрѣлъ снисходительнымъ наставникомъ, разрѣшившимъ и самому себѣ и своимъ подчиненнымъ скромное и вѣжливое удовольствіе. Особенныхъ ухаживаній за Джеммой, того, что̀ французы называютъ „ет-

pressement", Санинъ въ немъ не замѣтилъ. Видно было, что г. Клюберъ считалъ это дѣло покончennымъ, а потому и не имѣлъ причины хлопотать или волноваться. Но снисходительность не покидала его ни на одинъ мигъ! Даже во время большой передобѣденной прогулки по лѣсистымъ горамъ и долинамъ за Соденомъ, даже наслаждаясь красотами природы, онъ относился къ ней, къ этой самой природѣ, все съ тою же снисходительностью, сквозь которую изрѣдка прорывалась обычная начальническая строгость. Такъ, напримѣръ, онъ замѣтилъ про одинъ ручей, что онъ слишкомъ прямо протекаетъ по ложбинѣ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать нѣсколько живописныхъ изгибовъ; не одобрялъ также поведенія одной птицы—зяблика, которая не довольно разнообразила свои колѣна. Джемма не скучала и даже, повидимому, ощущала удовольствіе; но прежней Джеммы—Санинъ въ ней не узналъ: не то, чтобы тѣнь на нее набѣжала—никогда ея красота не была лучезарнѣй—но душа ея ушла въ себя, внутрь. Распустивъ зонтикъ и не разстегнувъ перчатокъ, она гуляла степенно, не спѣша,—какъ гуляютъ образованныя дѣвицы—и говорила мало. Эмиль тоже чувствовалъ стѣсненіе, а Санинъ и подавно. Его, между прочимъ, нѣсколько конфузило то обстоятельство, что разговоръ постоянно шелъ на нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ Тарталья не унывалъ! Съ бѣшенымъ лаемъ мчался онъ за попадавшимися ему дроздами, перепрыгивалъ рытвины, пни, корчаги, бросался съ размаху въ воду и торопливо локалъ ее, отряхался, взвизгивалъ—и снова летѣлъ стрѣлою, закинувъ красный языкъ на самое плечо. Г. Клюберъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что̀ полагалъ нужнымъ для увеселенія компаніи: попросилъ ее усѣсться въ тѣни развѣсистаго дуба—и, доставъ изъ бокового кармана небольшую книжечку, подъ заглавіемъ: Knallerbsen — oder du sollst und wirst lachen!" (Петарды — или ты долженъ и будешь смѣяться!) принялся читать разбирательные анек-

доты, которыми эта книжечка была наполнена. Прочелъ ихъ штукъ двѣнадцать; однако, веселости возбудилъ мало: одинъ Санинъ, изъ приличія, скалилъ зубы, да самъ онъ, г. Клюберъ, послѣ каждаго анекдота, производилъ короткій, дѣловой — и все-таки снисходительный смѣхъ. Къ двѣнадцати часамъ вся компанія вернулась въ Соденъ, въ лучшій тамошній трактиръ.

Предстояло распорядиться объ обѣдѣ.

Г-нъ Клюберъ предложилъ-было совершить этотъ обѣдъ въ закрытой со всѣхъ сторонъ бесѣдкѣ — „im Gartensalon“; но тутъ Джемма вдругъ взбунтовалась и объявила, что не будетъ иначе обѣдать, какъ на воздухѣ, въ саду, за однимъ изъ маленькихъ столовъ, поставленныхъ передъ трактиромъ; что ей наскучило быть все съ одними и тѣми же лицами, и что она хочетъ видѣть другія. За нѣкоторыми изъ столиковъ уже сидѣли группы новоприбывшихъ гостей.

Пока г. Клюберъ, снисходительно покорившись „капризу своей невѣсты“, ходилъ совѣтоваться съ оберъ-кельнеромъ, Джемма стояла неподвижно, опустивъ глаза и стиснувъ губы; она чувствовала, что Санинъ неотступно и какъ бы вопросительно глядѣлъ на нее—это, казалось, ее сердило. Наконецъ, г. Клюберъ вернулся, объявилъ, что черезъ полчаса обѣдъ будетъ готовъ, и предложилъ до тѣхъ поръ поиграть въ кегли, прибавивъ, что это очень хорошо для аппетита, хе, хе, хе! Въ кегли онъ игралъ мастерски; бросая шаръ, принималъ удивительно-молодцоватыя позы, щегольски игралъ мускулами, щегольски взмахивалъ и потрясалъ ногою. Въ своемъ родѣ онъ былъ атлетъ—и сложенъ превосходно! И руки у него были такія бѣлыя и красивыя, и утиралъ онъ ихъ такимъ богатѣйшимъ, золотисто-пестрымъ, индійскимъ фуляромъ!

Наступилъ моментъ обѣда—и все общество усѣлось за столикъ.

XVI.

Кому не извѣстно, что̀ такое нѣмецкій обѣдъ? Водянистый супъ съ шишковатыми клёцками и корицей, разварная говядина, сухая какъ пробка, съ приросшимъ бѣлымъ жиромъ, ослизлымъ картофелемъ, пухлой свеклой и жеваннымъ хрѣномъ, посинѣлый угорь съ капорцами и уксусомъ, жареное съ вареньемъ и неизбѣжная „Mehlspeise“, нѣчто въ родѣ пуддинга, съ кисловатой красной подливкой; за то вино и пиво—хоть куда! Точно такимъ обѣдомъ попотчивалъ Соденскій трактирщикъ своихъ гостей. Впрочемъ, самый обѣдъ прошелъ благополучно. Особеннаго оживленія, правда, не замѣчалось; оно не появилось даже тогда, когда г. Клюберъ провозгласилъ тостъ за „то, что̀ мы любимъ!“ (Was wir lieben!). Ужъ очень все было пристойно и прилично. Послѣ обѣда подали кофе, жидкій, рыжеватый, прямо нѣмецкій кофе. Г-нъ Клюберъ, какъ истый кавалеръ, попросилъ у Джеммы позволенія закурить сигару.... Но тутъ, вдругъ, случилось нѣчто непредвидѣнное, и ужъ точно непріятное—и даже неприличное!

За однимъ изъ сосѣднихъ столиковъ помѣстилось нѣсколько офицеровъ майнцскаго гарнизона. По ихъ взглядамъ и перешептываньямъ можно было легко догадаться, что красота Джеммы поразила ихъ; одинъ изъ нихъ, вѣроятно, уже успѣвшій побывать во Франкфуртѣ, то и дѣло посматривалъ на нее, какъ на фигуру, ему хорошо знакомую: онъ, очевидно, зналъ, кто она такая. Онъ вдругъ поднялся и, со стаканомъ въ рукѣ,—гг. офицеры сильно подпили и вся скатерть передъ ними была установлена бутылками,—приблизился къ тому столу, за которымъ сидѣла Джемма. Это былъ очень молодой, бѣлобрысый человѣкъ, съ довольно пріятными и даже симпатическими чертами

лица; но выпитое имъ вино исказило ихъ: его щеки подергивало, воспаленные глаза блуждали и приняли выраженіе дерзостное. Товарищи сначала пытались удержать его, но потомъ пустили: была не была—что̀, молъ, изъ этого выйдетъ?

Слегка покачиваясь на ногахъ, офицеръ остановился передъ Джеммой, и насильственно-крикливымъ голосомъ, въ которомъ, мимо его воли, все-таки высказывалась борьба съ самимъ собою, произнесъ: „Пью за здоровье прекраснѣйшей кофейницы въ цѣломъ Франкфуртѣ, въ цѣломъ мірѣ—(онъ разомъ „хлопнулъ“ стаканъ) и въ возмездіе беру этотъ цвѣтокъ, сорванный ея божественными пальчиками!“ Онъ взялъ со стола розу, лежавшую передъ приборомъ Джеммы. Сначала она изумилась, испугалась и поблѣднѣла страшно.... потомъ испугъ въ ней смѣнился негодованіемъ; она вдругъ покраснѣла вся, до самыхъ волосъ,—и ея глаза, прямо устремленные на оскорбителя, въ одно и то же время потемнѣли и вспыхнули, наполнились мракомъ, загорѣлись огнемъ неудержимаго гнѣва. Офицера, должно-быть, смутилъ этотъ взглядъ; онъ пробормоталъ что-то невнятное, поклонился—и пошелъ назадъ, къ своимъ. Они встрѣтили его смѣхомъ и легкимъ рукоплесканьемъ.

Г-нъ Клюберъ внезапно поднялся со стула и, вытянувшись во весь свой ростъ и надѣвъ шляпу, съ достоинствомъ, но не слишкомъ громко, произнесъ: „Это неслыхано! Неслыханная дерзость!“ („Unerhört! Unerhörte Frechheit“) и тотчасъ же, строгимъ голосомъ подозвавъ къ себѣ кельнера, потребовалъ немедленнаго разсчета.... мало того: приказалъ заложить карету, причемъ прибавилъ, что къ нимъ порядочнымъ людямъ ѣздить нельзя, ибо они подвергаются оскорбленіямъ! При этихъ словахъ, Джемма, которая продолжала сидѣть на своемъ мѣстѣ, не шевелясь,—ея грудь рѣзко и высоко поднималась—Джемма перевела глаза свои на г. Клюбера.... и такъ же пристально,

такимъ же точно взоромъ посмотрѣла на него, какъ и на офицера. Эмиль просто дрожалъ отъ бѣшенства.

— Встаньте, мейнъ фрейлейнъ,—промолвилъ все съ той же строгостью г. Клюберъ:—здѣсь вамъ неприлично оставаться. Мы расположимся тамъ, въ трактирѣ!

Джемма поднялась молча: онъ подставилъ ей руку калачикомъ, она подала ему свою—и онъ направился къ трактиру величественной походкой, которая, такъ же какъ и осанка его, становилась все величественнѣй и надменнѣй, чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ мѣста, гдѣ происходилъ обѣдъ. Бѣдный Эмиль поплелся вслѣдъ за ними.

Но пока г. Клюберъ разсчитывался съ кельнеромъ, которому онъ, въ видѣ штрафа, не далъ на водку ни одного крейцера, Санинъ быстрыми шагами подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли офицеры—и, обратившись къ оскорбителю Джеммы (онъ въ это мгновенье давалъ своимъ товарищамъ поочередно нюхать ея розу)—произнесъ отчетливо, по-французски:—„То, что̀ вы сейчасъ сдѣлали, милостивый государь, недостойно честнаго человѣка, недостойно мундира, который вы носите,—и я пришелъ вамъ сказать, что вы дурно-воспитанный нахалъ!“ — Молодой человѣкъ вскочилъ на ноги, но другой офицеръ, постарше, остановилъ его движеніемъ руки, заставилъ сѣсть—и, повернувшись къ Санину, спросилъ его, тоже по-французски: „Что̀, онъ родственникъ, братъ или женихъ той дѣвицы?“

— Я ей совсѣмъ чужой человѣкъ, — воскликнулъ Санинъ:—я русскій,—но я не могу равнодушно видѣть такую дерзость; впрочемъ, вотъ моя карточка и мой адресъ: г. офицеръ можетъ отыскать меня.

Сказавъ эти слова, Санинъ бросилъ на столъ свою визитную карточку и въ то же время проворно схватилъ Джеммину розу, которую одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ офицеровъ уронилъ къ себѣ на тарелку. Молодой человѣкъ снова хотѣлъ-было вскочить со стула, но товарищъ снова

остановилъ его, промолвивъ: „Дёнгофъ, тише!“ (Dönhof, sei still). Потомъ самъ приподнялся—и, приложась къ козырьку рукою, не безъ нѣкотораго оттѣнка почтительности въ голосѣ и манерахъ, сказалъ Санину, что завтра утромъ одинъ офицеръ ихъ полка будетъ имѣть честь явиться къ нему на квартиру. Санинъ отвѣчалъ короткимъ поклономъ—и поспѣшно вернулся къ своимъ пріятелямъ.

Г-нъ Клюберъ притворился, что вовсе не замѣтилъ ни отсутствія Санина, ни его объясненія съ гг. офицерами; онъ понукалъ кучера, запрягавшаго лошадей, и сильно гнѣвался на его медлительность. Джемма тоже ничего не сказала Санину, даже не взглянула на него: по сдвинутымъ ея бровямъ, по губамъ, поблѣднѣвшимъ и сжатымъ, по самой ея неподвижности можно было понять, что у ней нехорошо на душѣ. Одинъ Эмиль явно желалъ заговорить съ Санинымъ, желалъ разспросить его: онъ видѣлъ, какъ Санинъ подошелъ къ офицерамъ, видѣлъ, какъ онъ подалъ имъ что-то бѣлое, — клочекъ бумажки, записку, карточку.... Сердце билось у бѣднаго юноши, щеки пылали, онъ готовъ былъ броситься на шею къ Санину, готовъ былъ заплакать или идти тотчасъ, вмѣстѣ съ нимъ, расколотить въ пухъ и прахъ всѣхъ этихъ противныхъ офицеровъ! Однако, онъ удержался и удовольствовался тѣмъ, что внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего благороднаго русскаго друга.

Кучеръ наконецъ заложилъ лошадей; все общество сѣло въ карету. Эмиль, вслѣдъ за Тартальей, взобрался на козлы; ему тамъ было привольнѣе, да и Клюберъ, котораго онъ видѣть не могъ равнодушно, не торчалъ передъ нимъ.

Во всю дорогу герръ Клюберъ разглагольствовалъ.... и разглагольствовалъ одинъ; никто, никто не возражалъ ему, да никто и не соглашался съ нимъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, какъ напрасно не послушались его, когда онъ предлагалъ обѣдать въ закрытой бесѣдкѣ. Никакихъ непріятностей бы не произошло! Потомъ онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ и даже либеральныхъ сужденій насчетъ того, какъ правительство непростительно потакаетъ офицерамъ, не наблюдаетъ за ихъ дисциплиной и не довольно уважаетъ гражданскій элементъ общества—(die bürgerliche Element in der Societät!)—и какъ отъ этого, со временемъ, возрождаются неудовольствія, отъ которыхъ уже недалеко до революціи, чему печальнымъ примѣромъ (тутъ онъ вздохнулъ сочувственно, но строго)—печальнымъ примѣромъ служитъ Франція! Однако, тутъ же присовокупилъ, что лично благоговѣетъ передъ властью и никогда.... никогда!... революціонеромъ не будетъ — но не можетъ не выразить своего.... неодобренія при видѣ такой распущенности! Потомъ прибавилъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о нравственности и безнравственности, о приличіи и чувствѣ достоинства.

Въ теченіе всѣхъ этихъ „разглагольствованій“, Джемма, которая уже во время дообѣденной прогулки не совсѣмъ казалась довольной г-мъ Клюберомъ — оттого она и держалась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Санина и какъ бы смущалась его присутствіемъ—Джемма явно стала стыдится своего жениха! Подъ конецъ поѣздки она положительно страдала, и хотя, попрежнему, не заговаривала съ Санинымъ, но вдругъ бросила на него умоляющій взоръ.... Съ своей стороны, онъ ощущалъ гораздо болѣе жалости къ ней, чѣмъ негодованія противъ г-на Клюбера; онъ даже втайнѣ, полусознательно радовался всему, что̀ случилось въ продолженіе того дня, хотя и могъ ожидать вызова на слѣдующее утро.

Мучительная эта partie de plaisir прекратилась наконецъ. Высаживая передъ кондитерской Джемму изъ кареты, Санинъ, ни слова не говоря, положилъ ей въ руку возвращенную имъ розу. Она вся вспыхнула, стиснула его руку и мгновенно спрятала розу. Онъ не хотѣлъ войти въ домъ, хотя вечеръ только-что начинался. Она сама его не пригласила. Притомъ, появившійся на крыльцѣ Панталеоне объявилъ, что фрау Леноре почиваетъ. Эмиліо застѣнчиво простился съ Санинымъ; онъ словно дичился его: ужъ очень онъ ему удивлялся. Клюберъ отвезъ Санина на его квартиру и чопорно раскланялся съ нимъ. Правильно устроенному нѣмцу, при всей его самоувѣренности, было неловко. Да и всѣмъ было неловко.

Впрочемъ, въ Санинѣ это чувство — чувство неловкости—скоро разсѣялось. Оно замѣнилось неопредѣленнымъ, но пріятнымъ, даже восторженнымъ настроеніемъ. Онъ расхаживалъ по комнатѣ, ни о чемъ не хотѣлъ думать, посвистывалъ—и былъ очень доволенъ собою.

XVII.

„Буду ждать г-на офицера для объясненія до 10-ти часовъ утра“, размышлялъ онъ на слѣдующее утро, совершая свой туалетъ, „а тамъ пусть онъ меня отыскиваетъ!“ Но нѣмецкіе люди встаютъ рано: девяти часовъ еще не пробило, какъ уже кельнеръ доложилъ Санину, что г-нъ подпоручикъ (der Herr Seconde Lieutenant) фонъ-Рихтеръ желаетъ его видѣть. Санинъ проворно накинулъ сюртукъ и приказалъ „просить“. Г-нъ Рихтеръ оказался, противъ ожиданія Санина, весьма молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ. Онъ старался придать важности выраженію своего безбородаго лица, — но это ему не удавалось вовсе: онъ даже не могъ скрыть свое смущеніе—и, садясь на стулъ, чуть не упалъ, зацѣпив-

шись за саблю. Запинаясь и заикаясь, онъ объявилъ Санину, на дурномъ французскомъ языкѣ, что пріѣхалъ съ порученіемъ отъ своего пріятеля, барона фонъ-Дёнгофа; что порученіе это состояло въ истребованіи отъ г-на фонъ-Занинъ извиненія въ употребленныхъ имъ наканунѣ оскорбительныхъ выраженіяхъ; и что въ случаѣ отказа со стороны г-на фонъ-Занинъ—баронъ фонъ-Дёнгофъ желаетъ сатисфакціи. Санинъ отвѣчалъ, что извиняться онъ не намѣренъ, а сатисфакцію дать готовъ. Тогда г. фонъ-Рихтеръ, все такъ же запинаясь, спросилъ, съ кѣмъ, въ которомъ часу и въ которомъ мѣстѣ придется ему вести нужные переговоры? Санинъ отвѣчалъ, что онъ можетъ прійти къ нему часа черезъ два, и что до тѣхъ поръ онъ, Санинъ, постарается сыскать секунданта. („Кого я, къ чорту, возьму въ секунданты?“ думалъ онъ между тѣмъ про себя). Г-нъ фонъ-Рихтеръ всталъ и началъ раскланиваться.... но на порогѣ двери остановился, какъ бы почувствовавъ угрызеніе совѣсти,— и, повернувшись къ Санину, промолвилъ, что его пріятель, баронъ фонъ-Дёнгофъ, не скрываетъ отъ самого себя.... нѣкоторой степени.... собственной вины во вчерашнемъ происшествіи — и потому удовлетворился бы легкими извиненіями — „des exghizes léchères“. На это Санинъ отвѣчалъ, что никакихъ извиненій, ни тяжелыхъ, ни легкихъ, онъ давать не намѣренъ, такъ какъ онъ виноватымъ себя не почитаетъ. — „Въ такомъ случаѣ, возразилъ г. фонъ-Рихтеръ, и покраснѣлъ еще болѣе:— надо будетъ помѣняться дружелюбными выстрѣлами — des goups de pisdolet à l'amiaple!“

— Этого я уже совершенно не понимаю, — замѣтилъ Санинъ:—на воздухъ намъ стрѣлять, что ли?

— О, не то, не такъ,—залепеталъ окончательно сконфузившійся подпоручикъ:—но я полагалъ, что такъ какъ дѣло происходитъ между порядочными людьми.... Я по-

говорю съ вашимъ секундантомъ,—перебилъ онъ самого себя—и удалился.

Санинъ опустился на стулъ, какъ только тотъ вышелъ, и уставился на полъ. — „Что, молъ, это такое? Какъ это вдругъ такъ завертѣлась жизнь? Все прошедшее, все будущее вдругъ стушевалось, пропало — и осталось только то, что я во Франкфуртѣ съ кѣмъ-то за что-то дерусь“. Вспомнилась ему одна его сумасшедшая тетушка, которая, бывало, все подплясывала и напѣвала:

«Подпоручикъ!
Мой огурчикъ!
Мой амурчикъ!
Пропляши со мной, голубчикъ!»

И онъ захохоталъ и пропѣлъ, какъ она: „Подпоручикъ! пропляши со мной, голубчикъ!“—Однако, надо дѣйствовать, не терять времени,—воскликнулъ онъ громко—вскочилъ и увидалъ передъ собой Панталеоне, съ записочкой въ рукѣ.

— Я нѣсколько разъ стучался, но вы не отвѣчали; я подумалъ, что васъ дома нѣтъ, — промолвилъ старикъ и подалъ ему записку.—Отъ синьорины Джеммы.

Санинъ взялъ записку,—какъ говорится, машинально—распечаталъ и прочелъ ее. Джемма писала ему, что она весьма безпокоится по поводу извѣстнаго ему дѣла, и желала бы свидѣться съ нимъ тотчасъ.

— Синьорина безпокоится,—началъ Панталеоне, которому, очевидно, было извѣстно содержаніе записки;—она велѣла мнѣ посмотрѣть что вы дѣлаете, и привести васъ къ ней.

Санинъ взглянулъ на стараго итальянца—и задумался. Внезапная мысль сверкнула въ его головѣ. Въ первый мигъ она показалась ему странной до невозможности....

„Однако.... почему же нѣтъ?“ — спросилъ онъ самого себя.

— Г-нъ Панталеоне!—произнесъ онъ громко.

Старикъ встрепенулся, уткнулъ подбородокъ въ галстукъ и уставился на Санина.

— Вы знаете,—продолжалъ Санинъ:—что̀ произошло вчера?

Панталеоне пожевалъ губами и тряхнулъ своимъ огромнымъ хохломъ.—Знаю.

(Эмиль только-что вернулся, разсказалъ ему все).

— А! знаете!—Ну, такъ вотъ что. Сейчасъ отъ меня вышелъ офицеръ. Тотъ нахалъ вызываетъ меня на поединокъ.—Я принялъ его вызовъ.—Но у меня нѣтъ секунданта. Хотите *вы* быть моимъ секундантомъ?

Панталеоне дрогнулъ и такъ высоко поднялъ брови, что онѣ скрылись у него подъ нависшими волосами.

— Вы непремѣнно должны драться?—проговорилъ онъ наконецъ, по-итальянски; до того мгновенія онъ изъяснялся по-французски.

— Непремѣнно. Иначе поступить—значило бы опозорить себя навсегда.

— Гмъ.—Если я не соглашусь пойти къ вамъ въ секунданты—то вы будете искать другого?

— Буду.... непремѣнно.

Панталеоне потупился.—Но позвольте васъ спросить, синьоръ де-Цанини, не броситъ ли вашъ поединокъ нѣкоторую неблаговидную тѣнь на репутацію одной персоны?

— Не полагаю; но, какъ бы то ни было,—дѣлать нечего.

— Гмъ! — Панталеоне совсѣмъ ушелъ въ свой галстукъ.—Ну, а тотъ феррофлукто Клуберіо,—что же онъ?—воскликнулъ онъ вдругъ и вскинулъ лицо кверху.

— Онъ? Ничего.

— Кэ (Che!) *) Панталеоне презрительно пожалъ пле-

*) Непереводимое итальянское восклицаніе, въ родѣ нашего: Ну!

чами.—Я долженъ, во всякомъ случаѣ, благодарить васъ,—произнесъ онъ, наконецъ, невѣрнымъ голосомъ—что вы и въ теперешнемъ моемъ уничиженіи умѣли признать во мнѣ порядочнаго человѣка—un galant'uomo! — Поступая такимъ образомъ, вы сами выказали себя настоящимъ galant'uomo. Но я долженъ обдумать ваше предложеніе.

— Время не терпитъ, любезный г. Чи....чиппа....

— Тòла,—подсказалъ старикъ.—Я прошу всего одинъ часъ на размышленіе.—Тутъ замѣшана дочь моихъ благодѣтелей.... И потому я долженъ, я обязанъ—подумать!!.. Черезъ часъ.... черезъ три-четверти часа — вы узнаете мое рѣшеніе.

— Хорошо; я подожду.

— А теперь.... какой же я дамъ отвѣтъ синьоринѣ Джеммѣ?

Санинъ взялъ листокъ бумаги, написалъ на немъ: „Будьте покойны, моя дорогая пріятельница, часа черезъ три я приду къ вамъ—и все объяснится. Душевно васъ благодарю за участіе“—и вручилъ этотъ листикъ Панталеоне.

Тотъ бережно положилъ его въ боковой карманъ — и еще разъ повторивъ: черезъ часъ!—направился-было къ дверямъ; но круто повернулъ назадъ, подбѣжалъ къ Санину, схватилъ его руку — и, притиснувъ ее къ своему жабо, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: „Благородный юноша! Великое сердце! (Nobil giovanotto! Gran cuore!)—позвольте слабому старцу (a un vecchiotto!) пожать вашу мужественную десницу! (la vostra valorosa destra!). Потомъ отскочилъ немного назадъ, взмахнулъ обѣими руками—и удалился.

Санинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.... взялъ газету и принялся читать. Но глаза его напрасно бѣгали по строкамъ: онъ не понималъ ничего.

XVIII.

Часъ спустя, кельнеръ снова вошелъ къ Санину и подалъ ему старую, запачканную визитную карточку, на которой стояли слѣдующія слова: Панталеоне Чиппатòла, изъ Варезе, придворный пѣвецъ (cantante di camera) его королевскаго высочества герцога Моденскаго; — а вслѣдъ за кельнеромъ явился и самъ Панталеоне. Онъ переодѣлся съ ногъ до головы. На немъ былъ порыжѣлый черный фракъ и бѣлый пикеневый жилетъ, по которому затѣйливо извивалась томпаковая цѣпочка; тяжелая сердоликовая печатка спускалась низко на узкіе черные панталоны съ гульфикомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ черную шляпу изъ заячьяго пуха, въ лѣвой двѣ толстыя, замшевыя перчатки; галстукъ онъ повязалъ еще шире и выше обыкновеннаго— и въ накрахмаленное жабо воткнулъ булавку съ камнемъ, называемымъ „кошачьимъ глазомъ“ (oeil de chat). На указательномъ пальцѣ правой руки красовался перстень, изображавшій двѣ сложенныя длани, а между ними пылающее сердце. Залежалымъ запахомъ, запахомъ камфоры и мускуса несло отъ всей особы старика; озабоченная торжественность его осанки поразила бы самаго равнодушнаго зрителя! Санинъ всталъ ему навстрѣчу.

— Я вашъ секундантъ, — промолвилъ Панталеоне по-французски—и наклонился всѣмъ корпусомъ впередъ, причемъ носки поставилъ врозь, какъ это дѣлаютъ танцоры.— Я пришелъ за инструкціями. Желаете вы драться безъ пощады?

— Зачѣмъ же безъ пощады, дорогой мой г. Чиппатòла? Я ни за что въ мірѣ не возьму моихъ вчерашнихъ словъ назадъ—но я не кровопійца!... Да вотъ, постойте, сейчасъ придетъ секундантъ моего противника. Я уйду въ сосѣд-

нюю комнату—а вы съ нимъ и условитесь. Повѣрьте, я въ вѣкъ не забуду вашей услуги и благодарю васъ отъ души.

— Честь прежде всего!—отвѣчалъ Панталеоне и опустился въ кресла, не дожидаясь, чтобы Санинъ попросилъ его сѣсть.—Если этотъ феррофлукто спичебуббіо,—заговорилъ онъ, мѣшая французскій языкъ съ итальянскимъ:—если этотъ торгашъ Клуберіо не умѣлъ понять свою прямую обязанность или струсилъ,—тѣмъ хуже для него!... Грошёвая душа—и баста!... Что же касается до условій поединка—я вашъ секундантъ, и ваши интересы для меня священны!!.. Когда я жилъ въ Падуѣ, тамъ стоялъ полкъ бѣлыхъ драгуновъ—и я со многими офицерами былъ очень близокъ!... Весь ихъ кодексъ мнѣ очень хорошо извѣстенъ. Ну, и съ вашимъ принчипе Тарбуски я часто бесѣдовалъ объ этихъ вопросахъ.... Тотъ секундантъ скоро долженъ прійти?

— Я жду его каждую минуту — да вотъ онъ самъ и идетъ,—прибавилъ Санинъ, глянувъ на улицу.

Панталеоне всталъ, посмотрѣлъ на часы, поправилъ свой кокъ и поспѣшно засунулъ въ башмакъ болтавшуюся изъ-подъ панталонъ тесемку. Молодой подпоручикъ вошелъ, все такой же красный и смущенный.

Санинъ представилъ секундантовъ другъ другу. M-r Richter, Souslieutenant!—M-r Zippatola, artiste! Подпоручикъ слегка изумился при видѣ старика.... О, что бы онъ сказалъ, если бы кто шепнулъ ему въ это мгновеніе, что представленный ему „артистъ“ занимается также и повареннымъ искусствомъ! Но Панталеоне принялъ такой видъ, какъ будто участвовать въ устройствѣ поединковъ было для него самымъ обычнымъ дѣломъ: вѣроятно, ему въ этомъ случаѣ помогали воспоминанія его театральной карьеры—и онъ разыгрывалъ роль секунданта, именно какъ роль. И онъ и подпоручикъ, оба помолчали немного.

— Что жъ? Приступимъ!—первый промолвилъ Панталеоне, играя сердоликовой печаткой.

— Приступимъ, — отвѣтилъ подпоручикъ:—но.... присутствіе одного изъ противниковъ....

— Я васъ немедленно оставлю, господа,—воскликнулъ Санинъ, поклонился, вышелъ въ спальню—заперъ за собою дверь.

Онъ бросился на кровать—и принялся думать о Джеммѣ.... но разговоръ секундантовъ проникалъ къ нему въ закрытую дверь. Онъ происходилъ на французскомъ языкѣ; оба коверкали его нещадно, каждый на свой ладъ. Панталеоне опять упомянулъ о драгунахъ въ Падуѣ, о принчипе Тарбуски—подпоручикъ объ „exghizes léchères“ и о goups à l'amiaple“. Но старикъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ exghizes! Къ ужасу Санина, онъ вдругъ пустился толковать своему собесѣднику о нѣкоторой юной, невинной дѣвицѣ, одинъ мизинецъ которой стоитъ больше, чѣмъ всѣ офицеры міра.... (oune zeune damigella innoucenta, qu'a ella sola dans soun péti doa vale piu que toutt le zouffissié del mondo!) и нѣсколько разъ съ жаромъ повторилъ: Это стыдъ! это стыдъ! (E ouna onta, ouna onta!) Поручикъ сперва не возражалъ ему, но потомъ въ голосѣ молодого человѣка послышалась гнѣвная дрожь, и онъ замѣтилъ, что пришелъ не затѣмъ, чтобы выслушивать моральныя сентенціи....

— Въ вашемъ возрастѣ всегда полезно выслушивать справедливыя рѣчи!—воскликнулъ Панталеоне.

Преніе между г-ми секундантами нѣсколько разъ становилось бурнымъ; оно продолжалось болѣе часа и завершилось, наконецъ, слѣдующими условіями: „стрѣляться барону фонъ-Дёнгофу и господину да-Санину на завтрашній день, въ 10 часовъ утра, въ небольшомъ лѣсу около Ганау, на разстояніи двадцати шаговъ; каждый имѣетъ право стрѣлять два раза по знаку, данному секундантами. Пистолеты безъ шнеллера и не нарѣзные“. Г-нъ фонъ-Рихтеръ

удалился, а Панталеоне торжественно открылъ дверь спальни и, сообщивъ результатъ совѣщанія, снова воскликнулъ: „Bravo Russo! Bravo giovanotto! Ты будешь побѣдителемъ!“

Нѣсколько минутъ спустя, они оба отправились въ кондитерскую Розелли. Санинъ предварительно взялъ съ Панталеоне слово держать дѣло о дуэли въ глубочайшей тайнѣ. Въ отвѣтъ старикъ только палецъ кверху поднялъ и, прищуривъ глазъ, прошепталъ два раза сряду: Segredezza! (таинственность!). Онъ видимо помолодѣлъ, и даже выступалъ свободнѣе. Всѣ эти необычайныя, хотя и непріятныя событія живо переносили его въ ту эпоху, когда онъ самъ и принималъ, и дѣлалъ вызовы—правда, на сценѣ. Баритоны, какъ извѣстно, очень пѣтушатся въ своихъ рòляхъ.

XIX.

Эмиль выбѣжалъ навстрѣчу Санину — онъ болѣе часа караулилъ его приходъ—и торопливо шепнулъ ему на ухо, что мать ничего не знаетъ о вчерашней непріятности, и что даже намекать на нее не слѣдуетъ, а что его опять посылаютъ въ магазинъ!!.. но что онъ туда не пойдетъ, а спрячется гдѣ-нибудь!—Сообщивъ все это въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, онъ внезапно припалъ къ плечу Санина, порывисто поцѣловалъ его и бросился внизъ по улицѣ. Въ кондитерской Джемма встрѣтила Санина; хотѣла что-то сказать — и не могла. Ея губы слегка дрожали, а глаза щурились и бѣгали по сторонамъ. Онъ поспѣшилъ успокоить ее увѣреніемъ, что все дѣло кончилось.... сущими пустяками.

— У васъ никого не было сегодня?—спросила она.

— Было у меня одно лицо—мы съ нимъ объяснились—

и мы.... мы пришли къ самому удовлетворительному результату.

Джемма вернулась за прилавокъ.

„Не повѣрила она мнѣ!“ подумалъ онъ.... однако, отправился въ сосѣднюю комнату и засталъ тамъ фрау Ленору.

У ней мигрень прошла, но она находилась въ настроеніи меланхолическомъ. Она радушно улыбнулась ему, но въ то же время предупредила его, что ему будетъ сегодня съ нею скучно, такъ какъ она не въ состояніи его занять. Онъ подсѣлъ къ ней и замѣтилъ, что ея вѣки покраснѣли и опухли.

— Что съ вами, фрау Леноре? Неужели вы плакали?

— Тссссъ.... — прошептала она и указала головою на комнату, гдѣ находилась ея дочь.—Не говорите этого.... громко.

— Но о чемъ же вы плакали?

— Ахъ, мосье Санинъ, сама не знаю о чемъ!

— Васъ никто не огорчилъ?

— О, нѣтъ!... Мнѣ очень скучно вдругъ сдѣлалось. Вспомнила я Джіован'Баттиста.... свою молодость.... Потомъ, какъ это все скоро прошло. Стара я становлюсь, другъ мой,—и не могу я никакъ съ этимъ помириться. Кажется, сама я все та же, что прежде.... а старость—вотъ она.... вотъ она!—На глазахъ фрау Леноры показались слезинки. Вы, я вижу, смотрите на меня, да удивляетесь.... Но вы тоже постарѣете, другъ мой, и узнаете, какъ это горько!

Санинъ принялся утѣшать ее, упомянулъ объ ея дѣтяхъ, въ которыхъ воскресала ея собственная молодость, попытался даже подтрунить надъ нею, увѣряя, что она напрашивается на комплименты.... но она, не шутя, попросила его „перестать“, и онъ тутъ въ первый разъ могъ убѣдиться, что подобную унылость, унылость сознанной старости, ничѣмъ утѣшить и разсѣять нельзя; надо подождать

пока она пройдетъ сама собою. Онъ предложилъ ей сыграть съ нимъ въ тресетте—и ничего лучшаго онъ не могъ придумать. Она тотчасъ согласилась—и какъ будто повеселѣла.

Санинъ игралъ съ ней до обѣда и послѣ обѣда. Панталеоне тоже принялъ участіе въ игрѣ. Никогда его хохолъ не падалъ такъ низко на лобъ, никогда подбородокъ не уходилъ такъ глубоко въ галстукъ! Каждое движеніе его дышало такой сосредоточенной важностью, что, глядя на него, невольно рождалась мысль: какую это тайну съ такою твердостью хранитъ этотъ человѣкъ?

Но—segredezza! segredezza!

Онъ, въ теченіе всего того дня, всячески старался оказывать глубочайшее почтеніе Санину; за столомъ, торжественно и рѣшительно, минуя дамъ, подавалъ блюда ему первому; во время карточной игры уступалъ ему прикупку, не дерзалъ его ремизить; объявлялъ, ни къ селу, ни къ городу, что русскіе — самый великодушный, храбрый и рѣшительный народъ въ мірѣ!

„Ахъ ты, старый лицедѣй!“ подумалъ про себя Санинъ.

И не столько дивился онъ неожиданному настроенію духа въ г-жѣ Розелли, сколько тому, какъ ея дочь съ нимъ обращалась. Она не то, чтобы избѣгала его.... напротивъ, она постоянно садилась въ небольшомъ отъ него разстояніи, прислушивалась къ его рѣчамъ, глядѣла на него; но она рѣшительно не хотѣла вступать съ нимъ въ бесѣду, и какъ только онъ заговаривалъ съ нею—тихонько поднималась съ мѣста и тихонько удалялась на нѣсколько мгновеній. Потомъ она появлялась опять, и опять усаживалась гдѣ-нибудь въ уголкѣ—и сидѣла неподвижно, словно размышляя и недоумѣвая.... недоумѣвая пуще всего. Сама фрау Леноре замѣтила, наконецъ, необычайность ея поведенія и раза два спросила, что̀ съ ней?

— Ничего,—отвѣтила Джемма:—ты знаешь, я бываю иногда такая.

— Это точно,—соглашалась съ нею мать.

Такъ прошелъ весь этотъ длинный день, ни оживленно, ни вяло — ни весело, ни скучно. Держи себя Джемма иначе—Санинъ.... какъ знать? не совладалъ бы съ искушеніемъ немного порисоваться—или просто поддался бы чувству грусти передъ возможной, быть-можетъ, вѣчной разлукой.... Но такъ какъ ему ни разу не пришлось даже поговорить съ Джеммой, то онъ долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что въ теченіе четверти часа, передъ вечернимъ кофе, бралъ минорные аккорды на фортепіано.

Эмиль вернулся поздно, и во избѣжаніе разспросовъ о г-нѣ Клюберѣ, отретировался весьма скоро. Пришла очередь удалиться и Санину.

Онъ сталъ прощаться съ Джеммой. Вспомнилось ему почему-то разставаніе Ленскаго съ Ольгой въ „Онѣгинѣ“. Онъ крѣпко стиснулъ ей руку—и попытался заглянуть ей въ лицо—но она слегка отворотилась и высвободила свои пальцы.

XX.

Уже совсѣмъ „вызвѣздило“, когда онъ вышелъ на крыльцо. И сколько жъ ихъ высыпало, этихъ звѣздъ, большихъ, малыхъ, желтыхъ, красныхъ, синихъ, бѣлыхъ! Всѣ онѣ такъ и рдѣли, такъ и роились, наперерывъ играя лучами. Луны не было на небѣ, но и безъ нея каждый предметъ четко виднѣлся въ полусвѣтломъ, безтѣнномъ сумракѣ. Санинъ прошелъ улицу до конца.... Не хотѣлось ему тотчасъ возвратиться домой; онъ чувствовалъ потребность побродить на чистомъ воздухѣ. Онъ вернулся назадъ — и не успѣлъ еще поровняться съ домомъ, въ которомъ помѣщалась кондитерская Розелли, какъ одно изъ оконъ, выходившихъ на улицу, внезапно стукнуло и отворилось — на черномъ его четыреуголь-

никѣ (въ комнатѣ не было огня) появилась женская фигура—и онъ услышалъ, что его зовутъ:

— „Monsieur Dimitri!“

Онъ тотчасъ бросился къ окну.... Джемма!

Она облокотилась о подоконникъ и наклонилась впередъ.

— Monsieur Dimitri, — начала она осторожнымъ голосомъ:—я въ теченіе цѣлаго нынѣшняго дня хотѣла вамъ дать одну вещь.... но не рѣшалась; и вотъ, теперь, неожиданно, увидя васъ снова, подумала, что, видно, такъ суждено....

Джемма невольно остановилась на этомъ словѣ. Она не могла продолжать: нѣчто необыкновенное произошло въ это самое мгновенье.

Внезапно, среди глубокой тишины, при совершенно-безоблачномъ небѣ, налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что сама земля, казалось, затрепетала подъ ногами, тонкій звѣздный свѣтъ задрожалъ и заструился, самый воздухъ завертѣлся клубомъ. Вихрь, не холодный, а теплый, почти знойный, ударилъ по деревьямъ, по крышѣ дома, по его стѣнамъ, по улицѣ; онъ мгновенно сорвалъ шляпу съ головы Санина, взвилъ и разметалъ черныя кудри Джеммы. Голова Санина приходилась въ уровень съ подоконникомъ; онъ невольно прильнулъ къ нему—и Джемма ухватилась обѣими руками за его плечо, припала грудью къ его головѣ. Шумъ, звонъ и грохотъ длились около минуты.... Какъ стая громадныхъ птицъ промчался прочь взыгравшій вихрь.... Настала вновь глубокая тишина.

Санинъ приподнялся и увидалъ надъ собою такое чудное, испуганное, возбужденное лицо, такіе огромные, страшные великолѣпные глаза—такую красавицу увидалъ онъ, что сердце въ немъ замерло, онъ приникъ губами къ тонкой пряди волосъ, упавшей ему на грудь — и только могъ проговорить: О, Джемма!

— Что̀ это было такое? Молнія?—спросила она, широко

поводя глазами и не принимая съ его плечъ своихъ обнаженныхъ рукъ.

— Джемма!—повторилъ Санинъ.

Она вздохнула, оглянулась назадъ, въ комнату, — и, быстрымъ движеніемъ, доставъ изъ-за корсажа уже увядшую розу, бросила ее Санину.

— Я хотѣла дать вамъ этотъ цвѣтокъ....

Онъ узналъ розу, которую онъ отвоевалъ наканунѣ....

Но уже окошко захлопнулось, и за темнымъ стекломъ ничего не виднѣлось и не бѣлѣло.

Санинъ пришелъ домой безъ шляпы.... Онъ и не замѣтилъ, что онъ ее потерялъ.

XXI.

Онъ заснулъ подъ самое утро. И не мудрено! Подъ ударомъ того лѣтняго, мгновеннаго вихря, онъ почти такъ же мгновенно почувствовалъ — не то, что Джемма красавица, не то, что она ему нравилась—это онъ зналъ и прежде.... а то, что онъ едва ли.... не полюбилъ ея! Мгновенно, какъ тотъ вихрь, налетѣла на него любовь. А тутъ эта глупая дуэль! Скорбныя предчувствія начали его мучить. Ну, положимъ, не убьютъ его.... Что же можетъ выйти изъ его любви къ этой дѣвушкѣ, къ невѣстѣ другого? Положимъ даже, что этотъ „другой“ ему не опасенъ, что сама Джемма полюбитъ или уже полюбила его.... Что же изъ этого? Какъ что? Такая красавица....

Онъ ходилъ по комнатѣ, садился за столъ, бралъ листъ бумаги, чертилъ на немъ нѣсколько строкъ — и тотчасъ ихъ вымарывалъ.... Вспоминалъ удивительную фигуру Джеммы, въ темномъ окнѣ, подъ лучами звѣздъ, всю развѣянную теплымъ вихремъ; вспоминалъ ея мраморныя руки, подобныя рукамъ олимпійскихъ богинь, чувствовалъ

ихъ живую тяжесть на плечахъ своихъ.... Потомъ онъ бралъ брошенную ему розу—казалось ему, что отъ ея полузавядшихъ лепестковъ вѣяло другимъ, еще болѣе тонкимъ запахомъ, чѣмъ обычный запахъ розъ....

— И вдругъ его убьютъ, или изувѣчатъ?

Онъ не ложился въ постель — и заснулъ, одѣтый, на диванѣ.

Кто-то потрепалъ его по плечу....

Онъ открылъ глаза—и увидѣлъ Панталеоне.

— Спитъ, какъ Александръ Македонскій наканунѣ вавилонскаго сраженія!—воскликнулъ старикъ.

— Да который часъ?—спросилъ Санинъ.

— Семь часовъ безъ четверти; до Ганау — два часа ѣзды, а мы должны быть первые на мѣстѣ. Русскіе всегда предупреждаютъ враговъ! Я взялъ лучшую карету во Франкфуртѣ!

Санинъ началъ умываться.—А пистолеты гдѣ?

— Пистолеты привезетъ тотъ феррофлукто Тедеско. И доктора онъ же привезетъ.

Панталеоне видимо бодрился, по-вчерашнему; но когда онъ сѣлъ въ карету съ Санинымъ, когда кучеръ защелкалъ бичомъ и лошади съ мѣста пустились вскачь,—съ бывшимъ пѣвцомъ и пріятелемъ падуйскихъ драгуновъ произошла внезапная перемѣна. Онъ смутился, даже струхнулъ. Въ немъ словно что-то обрушилось, какъ плохо выведенная стѣнка.

— Однако, что это мы дѣлаемъ, Боже мой, Santissima Madonna!—воскликнулъ онъ неожиданно пискливымъ голосомъ и схватилъ себя за волосы.—Что я дѣлаю, я старый дуракъ, сумасшедшій, frenetico?

Санинъ удивился и засмѣялся, и, слегка обнявъ Панталеоне за талью, напомнилъ ему французскую поговорку: „Le vin est tiré—il faut le boire“ — (по-русски: „взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ“).

— Да, да, — отвѣчалъ старикъ:—эту чашу мы разопьемъ съ вами,—а все же я безумецъ! Я безумецъ! Все было такъ тихо, хорошо.... и вдругъ: та-та-та, тра-та-та!

— Словно tutti въ оркестрѣ,—замѣтилъ Санинъ съ натянутой улыбкой.—Но виноваты не вы.

— Я знаю, что не я! Еще бы! Все же, это.... необузданный такой поступокъ. Diavolo! Diavolo! повторилъ Панталеоне, потрясая хохломъ и вздыхая.

А карета все катилась, да катилась.

Утро было прелестное. Улицы Франкфурта, едва начинавшія оживляться, казались такими чистыми и уютными; окна домовъ блестѣли переливчато, какъ фольга; а лишь только карета выѣхала за заставу — сверху, съ голубого, еще не яркаго неба такъ и посыпались голосистые раскаты жаворонковъ. Вдругъ, на поворотѣ шоссе, изъ-за высокаго тополя показалась знакомая фигура, ступила нѣсколько шаговъ и остановилась. Санинъ приглядѣлся.... Боже мой! Эмиль!

— Да развѣ онъ знаетъ что-нибудь?—обратился онъ къ Панталеоне.

— Я же вамъ говорю, что я безумецъ, — отчаянно, чуть не съ крикомъ возопилъ бѣдный итальянецъ:—этотъ злополучный мальчикъ всю ночь мнѣ не далъ покоя—и я ему сегодня утромъ, наконецъ, все открылъ!

„Вотъ тебѣ и segredezza!“ подумалъ Санинъ.

Карета поровнялась съ Эмилемъ; Санинъ велѣлъ кучеру остановить лошадей и подозвалъ къ себѣ „злополучнаго мальчика“. Нерѣшительными шагами приблизился Эмиль, блѣдный, блѣдный, какъ въ день своего припадка. Онъ едва держался на ногахъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — строго спросилъ его Санинъ:—зачѣмъ вы не дома?

— Позвольте.... позвольте мнѣ ѣхать съ вами,—пролепеталъ Эмиль трепетнымъ голосомъ — и сложилъ руки.

Зубы у него стучали, какъ въ лихорадкѣ. — Я вамъ не помѣшаю—только возьмите меня!

— Если вы чувствуете хоть на волосъ привязанности или уваженія ко мнѣ,—промолвилъ Санинъ:—вы сейчасъ вернетесь домой или въ магазинъ къ г-ну Клюберу, и никому не скажете ни единаго слова, и будете ждать моего возвращенія!

— Вашего возвращенія,—простоналъ Эмиль—а голосъ его зазвенѣлъ и оборвался:—но если васъ....

— Эмиль!—перебилъ его Санинъ—и указалъ глазами на кучера:—опомнитесь! Эмиль, пожалуйста, ступайте домой! Послушайтесь меня, другъ мой! Вы увѣряете, что любите меня. Ну, я васъ прошу!

Онъ протянулъ ему руку. Эмиль покачнулся впередъ, всхлипнулъ, прижалъ ее къ своимъ губамъ — и, соскочивъ съ дороги, побѣжалъ назадъ, къ Франкфурту, черезъ поле.

— Тоже благородное сердце, — пробормоталъ Панталеоне, но Санинъ угрюмо взглянулъ на него.... Старикъ уткнулся въ уголъ кареты. Онъ сознавалъ свою вину: да сверхъ того онъ съ каждымъ мгновеньемъ все болѣе изумлялся: неужели это *онъ* взаправду сдѣлался секундантомъ, и лошадей *онъ* досталъ, и всѣмъ распорядился, и мирное свое обиталище покинулъ въ шесть часовъ утра? Къ тому же, ноги его разболѣлись и заныли.

Санинъ почелъ за нужное ободрить его—и попалъ въ жилку, нашелъ настоящее слово.

— Гдѣ же вашъ прежній духъ, почтенный синьоръ Чиппатòла? Гдѣ—il antico valor? — Синьоръ Чиппатòла выпрямился и нахмурился.

— Il antico valor?—провозгласилъ онъ басомъ.—Non è ancora spento—(онъ еще не весь утраченъ) il antico valor!!

Онъ пріосанился, заговорилъ о своей карьерѣ, объ

оперѣ, о великомъ тенорѣ Гарсіа — и пріѣхалъ въ Ганау—молодцомъ. Какъ подумаешь: нѣтъ ничего на свѣтѣ сильнѣе.... и безсильнѣе—слова!

XXII.

Лѣсокъ, въ которомъ долженствовало происходить побоище, находился въ четверти мили отъ Ганау. Санинъ съ Панталеоне пріѣхали первые, какъ онъ предсказывалъ; велѣли каретѣ остаться на опушкѣ лѣса и углубились въ тѣнь довольно густыхъ и частыхъ деревьевъ. Имъ пришлось ждать около часа.

Ожиданіе не показалось особенно тягостнымъ Санину, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, прислушивался, какъ пѣли птицы, слѣдилъ за пролетавшими „коромыслами“, и какъ бо̀льшая часть русскихъ людей въ подобныхъ случаяхъ, старался не думать. Разъ только на него нашло раздумье: онъ наткнулся на молодую липу, сломанную, по всѣмъ вѣроятіямъ, вчерашнимъ шкваломъ. Она положительно умирала.... всѣ листья на ней умирали. „Что это? предзнаменованіе?“ мелькнуло у него въ головѣ; но онъ тотчасъ же засвисталъ, перескочилъ черезъ ту самую липу, зашагалъ по дорожкѣ. Панталеоне—тотъ ворчалъ, бранилъ нѣмцевъ, кряхтѣлъ, потирая то спину, то колѣни. Онъ даже зѣвалъ отъ волненія, что̀ придавало презабавное выраженіе его маленькому, съёженному личику. Санинъ чуть не расхохотался, глядя на него.

Послышалось, наконецъ, рокотаніе колесъ по мягкой дорогѣ.—Они!—промолвилъ Панталеоне, и насторожился и выпрямился, не безъ мгновенной нервической дрожи, которую, однако, поспѣшилъ замаскировать восклицаніемъ: брррръ! и замѣчаніемъ, что сегодняшнее утро до-

вольно свѣжее. Обильная роса затопляла травы и листья, но зной проникалъ уже въ самый лѣсъ.

Оба офицера скоро показались подъ его сводами; ихъ сопровождалъ небольшой плотненькій человѣчекъ съ флегматическимъ, почти заспаннымъ лицомъ—военный докторъ. Онъ несъ въ одной рукѣ глиняный кувшинъ съ водою—на всякій случай; сумка съ хирургическими инструментами и бинтами болталась на его лѣвомъ плечѣ. Видно было, что онъ къ подобнымъ экскурсіямъ привыкъ до-нельзя; онѣ составляли одинъ изъ источниковъ его доходовъ; каждая дуэль приносила ему восемь червонцевъ — по четыре съ каждой изъ воюющихъ сторонъ. Г-нъ фонъ-Рихтеръ несъ ящикъ съ пистолетами, г. фонъ-Дёнгофъ вертѣлъ въ рукѣ—вѣроятно, для „шику"—небольшой хлыстикъ.

— Панталеоне!—шепнулъ Санинъ старику:—если.... если меня убьютъ—все можетъ случиться—достаньте изъ моего бокового кармана бумажку—въ ней завернутъ цвѣтокъ—и отдайте эту бумажку синьоринѣ Джеммѣ. Слышите? Вы обѣщаетесь?

Старикъ уныло взглянулъ на него—и качнулъ утвердительно головою.... Но Богъ вѣдаетъ, понялъ ли онъ, о чемъ просилъ его Санинъ.

Противники и секунданты обмѣнялись, какъ водится, поклонами; одинъ докторъ даже бровью не повелъ — и присѣлъ, зѣвая, на траву: „Мнѣ, молъ, не до изъявленій рыцарской вѣжливости". Г-нъ фонъ-Рихтеръ предложилъ г-ну „Тшибадола" выбрать мѣсто; г. „Тшибадола" отвѣчалъ, тупо ворочая языкомъ—(„стѣнка" въ немъ опять обрушилась) — что: „дѣйствуйте, молъ, вы, милостивый государь, я буду наблюдать...."

И г. фонъ-Рихтеръ началъ дѣйствовать. Отыскалъ, тутъ же, въ лѣсу, прехорошенькую, всю испещренную цвѣтами, поляну; отмѣрилъ шаги, обозначилъ два крайнихъ пункта оструганными наскоро палочками, досталъ изъ ящика

пистолеты и, присѣвъ на корточки, заколотилъ пули; словомъ, трудился и хлопоталъ изо всѣхъ силъ, безпрестанно утирая свое вспотѣвшее лицо бѣлымъ платочкомъ. Сопровождавшій его Панталеоне походилъ болѣе на озябшаго человѣка. Въ теченіе всѣхъ этихъ приготовленій, оба противника стояли поодаль, напоминая собою двухъ наказанныхъ школьниковъ, которые дуются на своихъ гувернеровъ.

Настало рѣшительное мгновенье....

«Каждый взялъ свой пистолетъ»....

Но тутъ г. фонъ-Рихтеръ замѣтилъ Панталеоне, что ему, какъ старшему секунданту, слѣдуетъ, по правиламъ дуэли, прежде чѣмъ провозгласить роковое: „разъ! два! три!“ обратиться къ противникамъ съ послѣднимъ совѣтомъ и предложеніемъ помириться; что хотя это предложеніе не имѣетъ никогда никакихъ послѣдствій и, вообще, не что иное, какъ пустая формальность, однако, исполненіемъ этой формальности, г. Чиппатòла отклоняетъ отъ себя нѣкоторую долю отвѣтственности; что, правда, подобная аллокуція составляетъ прямую обязанность такъ-называемаго „безпристрастнаго свидѣтеля“—(unpartheiischer Zeuge)—но такъ какъ у нихъ такового не имѣется—то онъ, г. фонъ-Рихтеръ, охотно уступаетъ эту привилегію своему почтенному собрату. Панталеоне, который успѣлъ уже затушеваться за кустъ такъ, чтобы не видѣть вовсе офицера обидчика, сперва ничего не понялъ изо всей рѣчи г-на фонъ-Рихтера — тѣмъ болѣе, что она была произнесена въ носъ;— но вдругъ встрепенулся, проворно выступилъ впередъ, и, судорожно стуча руками въ грудь, хриплымъ голосомъ возопилъ на своемъ смѣшанномъ нарѣчіи: „A la la la.... Che bestialitá! Deux zeun' ommes comme ça qué si battono— perché? Che diavolo? Andate a casa!

— Я не согласенъ на примиреніе,—поспѣшно проговорилъ Санинъ.

— И я тоже несогласенъ,—повторилъ за нимъ его противникъ.

— Ну, такъ кричите: разъ, два, три!—обратился фонъ-Рихтеръ къ растерявшемуся Панталеоне.

Тотъ немедленно опять нырнулъ въ кустъ—и ужъ оттуда прокричалъ, весь скорчившись, зажмуривъ глаза и отвернувъ голову, но во все горло: Una.... due.... e tre!

Первый выстрѣлилъ Санинъ—и не попалъ. Пуля его звякнула о дерево. Баронъ Дёнгофъ выстрѣлилъ тотчасъ вслѣдъ за нимъ—преднамѣренно въ сторону, на воздухъ.

Наступило напряженное молчаніе.... Никто не трогался съ мѣста. Панталеоне слабо охнулъ.

— Прикажете продолжать?—проговорилъ Дёнгофъ.

— Зачѣмъ вы выстрѣлили на воздухъ?—спросилъ Санинъ.

— Это не ваше дѣло.

— Вы и во второй разъ будете стрѣлять на воздухъ?—спросилъ опять Санинъ.

— Можетъ быть; не знаю.

— Позвольте, позвольте, господа.... началъ фонъ-Рихтеръ: — дуэлланты не имѣютъ права говорить между собою. Это совсѣмъ не въ порядкѣ.

— Я отказываюсь отъ своего выстрѣла, — промолвилъ Санинъ, и бросилъ пистолетъ на землю.

— И я тоже не намѣренъ продолжать дуэль,—воскликнулъ Дёнгофъ, и тоже бросилъ свой пистолетъ. — Да, сверхъ того, я теперь готовъ сознаться, что я былъ не правъ—третьяго дня.

Онъ помялся на мѣстѣ — и нерѣшительно протянулъ руку впередъ. Санинъ быстро приблизился къ нему — и пожалъ ее. Оба молодые человѣка съ улыбкой поглядѣли другъ на друга—и лица у обоихъ покрылись краской.

— Bravi! bravi!—внезапно, какъ сумасшедшій, загорланилъ Панталеоне—и, хлопая въ ладоши, турманомъ вы-

бѣжалъ изъ-за куста; а докторъ, усѣвшійся въ сторонѣ, на срубленномъ деревѣ, немедленно всталъ, вылилъ воду изъ кувшина — и пошелъ, лѣниво переваливаясь, къ опушкѣ лѣса.

— Честь удовлетворена—и дуэль кончена!—провозгласилъ фонъ-Рихтеръ.

— Fuori! (фора!)—по старой памяти, еще разъ гаркнулъ Панталеоне.

Размѣнявшись поклонами съ г-ми офицерами и садясь въ карету, Санинъ, правда, ощущалъ во всемъ существѣ своемъ если не удовольствіе, то нѣкоторую легкость, какъ послѣ выдержанной операціи; но и другое чувство зашевелилось въ немъ, чувство, похожее на стыдъ.... Фальшью, заранѣе условленной казенщиной, обыкновенной офицерской, студенческой штукой показался ему поединокъ, въ которомъ онъ только-что разыгралъ свою роль. Вспомнилъ онъ флегматическаго доктора, вспомнилъ, какъ онъ улыбнулся — то-есть, сморщилъ носъ, когда увидѣлъ его выходившаго изъ лѣсу чуть не подъ-руку съ барономъ Дёнгофомъ. А потомъ, когда Панталеоне выплачивалъ тому же доктору слѣдуемые ему четыре червонца.... Эхъ! нехорошо что-то!

Да, Санину было немножко совѣстно и стыдно.... хотя, съ другой стороны, что же ему было сдѣлать? Не оставлять же безъ наказанія дерзости молодого офицера, не уподобиться же г-ну Клюберу? Онъ заступился за Джемму, онъ защитилъ ее.... Оно такъ; а все-таки, у него скребло на душѣ, и было ему совѣстно, и даже стыдно.

Зато Панталеоне — просто торжествовалъ! Имъ внезапно обуяла гордость. Побѣдоносный генералъ, возвращающійся съ поля выигранной имъ битвы, не озирался бы съ бо́льшимъ самодовольствіемъ. Поведеніе Санина во

время поединка наполняло его восторгомъ. Онъ величалъ его героемъ—и слышать не хотѣлъ его увѣщаній и даже просьбъ. Онъ сравнивалъ его съ монументомъ изъ мрамора или бронзы—со статуей коммандора въ Д.-Жуанѣ! Про самого себя онъ сознавался, что почувствовалъ нѣкоторое смятеніе;—„но вѣдь я артистъ,—замѣтилъ онъ,—у меня натура нервозная, а вы—сынъ снѣговъ и скалъ гранитныхъ“.

Санинъ рѣшительно не зналъ, какъ ему унять расходившагося артиста.

Почти на томъ же самомъ мѣстѣ дороги, гдѣ часа два тому назадъ они настигли Эмиля—онъ снова выскочилъ изъ-за дерева, и съ радостнымъ крикомъ на губахъ, помахивая картузомъ надъ головою и подпрыгивая, бросился прямо къ каретѣ, чуть-чуть не попалъ подъ колесо, и не дожидаясь, чтобы лошади остановились, вскарабкался черезъ закрытыя дверцы—и такъ и впился въ Санина.

— Вы живы, вы не ранены!—твердилъ онъ.—Простите меня, я не послушался васъ, я не вернулся во Франкфуртъ.... Я не могъ! Я ждалъ васъ здѣсь.... Разскажите мнѣ, какъ это было?—Вы.... убили его?

Санинъ съ трудомъ успокоилъ и усадилъ Эмиля.

Многоглаголиво, съ видимымъ удовольствіемъ сообщилъ ему Панталеоне всѣ подробности поединка, и ужъ конечно не преминулъ снова упомянуть о монументѣ изъ бронзы, о статуѣ коммандора! Онъ даже всталъ съ своего мѣста и, растопыривъ ноги для удержанія равновѣсія, скрестивъ на груди руки и презрительно скосясь черезъ плечо—воочію представлялъ коммандора-Санина! Эмиль слушалъ съ благоговѣніемъ, изрѣдка прерывая разсказъ восклицаніемъ или быстро приподнимаясь и столь же быстро цѣлуя своего героическаго друга.

Колеса кареты застучали о мостовую Франкфурта — и остановились, наконецъ, передъ гостинницей, въ которой жилъ Санинъ.

Въ сопровожденіи своихъ двухъ спутниковъ, взбирался онъ по лѣстницѣ во второй этажъ — какъ вдругъ, изъ темнаго корридорчика, проворными шагами вышла женщина: лицо ея было покрыто вуалью; она остановилась передъ Санинымъ, слегка пошатнулась, вздохнула трепетно, тотчасъ же побѣжала внизъ, на улицу—и скрылась, къ великому изумленію кельнера, который объявилъ, что „эта дама болѣе часа ожидала возвращенія господина иностранца“. Какъ ни мгновенно было ея появленіе, Санинъ успѣлъ узнать въ ней Джемму. Онъ узналъ ея глаза подъ плотнымъ шелкомъ коричневой вуали.

— Развѣ фрейлейнъ Джеммѣ было извѣстно....—протянулъ онъ недовольнымъ голосомъ, по-нѣмецки, обратившись къ Эмилю и Панталеоне, которые шли за нимъ по пятамъ.

Эмиль покраснѣлъ и смѣшался.

— Я принужденъ былъ ей все сказать,—пролепеталъ онъ:—она догадывалась—и я никакъ не могъ.... Но вѣдь теперь это ничего не значитъ,—подхватилъ онъ съ живостью:—все такъ прекрасно кончилось, и она васъ видѣла здоровымъ и невредимымъ!

Санинъ отвернулся.

— Какіе вы, однако, болтуны, оба! — промолвилъ онъ съ досадой, вошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ на стулъ.

— Не сердитесь, пожалуйста,—взмолился Эмиль.

— Хорошо, я не буду сердиться — (Санинъ дѣйствительно не сердился — да и, наконецъ, едва ли бы могъ онъ желать, чтобы Джемма *ничего* не узнала). Хорошо.... полноте обниматься. Ступайте теперь. Я хочу остаться наединѣ. Я лягу спать. Я усталъ.

— Превосходная мысль! — воскликнулъ Панталеоне.—

Вамъ нужно отдохновеніе! Вы его вполнѣ заслужили, благородный синьоре! Пойдемъ, Эмиліо! На цыпочкахъ! На цыпочкахъ! Шшшшъ!

Сказавши, что онъ хочетъ спать, Санинъ желалъ только отдѣлаться отъ своихъ товарищей; но, оставшись одинъ, онъ взаправду почувствовалъ значительную усталость во всѣхъ членахъ: всю предшествовавшую ночь онъ почти не смыкалъ глазъ и, бросившись на постель, немедленно заснулъ глубокимъ сномъ.

XXIII.

Нѣсколько часовъ сряду онъ спалъ безпробудно. Потомъ ему стало грезиться, что онъ опять дерется на дуэли, что въ качествѣ противника стоитъ передъ нимъ г. Клюберъ, а на ёлкѣ сидитъ попугай, и этотъ попугай—Панталеоне, и твердитъ онъ, щелкая носомъ: разъ-разъ-разъ! разъ-разъ-разъ!

„Разъ.... разъ.... разъ!!“ послышалось ему уже слишкомъ явственно: онъ открылъ глаза, приподнялъ голову.... кто-то стучался къ нему въ дверь.

— Войдите!—крикнулъ Санинъ.

Появился кельнеръ и доложилъ, что одной дамѣ очень нужно его видѣть.

„Джемма!“ мелькнуло у него въ головѣ.... но дама оказалась ея матерью—фрау Леноре.

Она, какъ только вошла, тотчасъ опустилась на стулъ и начала плакать.

— Что съ вами, моя добрая, милая г-жа Розелли?—началъ Санинъ, подсѣвъ къ ней и съ тихой лаской касаясь ея руки.—Что случилось? успокойтесь, прошу васъ.

— Ахъ, Herr Dimitri, я очень.... очень несчастна!

— Вы несчастны?

— Ахъ, очень! И могла ли я ожидать? Вдругъ, какъ громъ изъ яснаго неба....

Она съ трудомъ переводила дыханіе.

— Но что такое? Объяснитесь! Хотите стаканъ воды?

— Нѣтъ, благодарствуйте. — Фрау Леноре утерла платкомъ глаза и съ новой силой заплакала. — Вѣдь я все знаю! Все!

— То-есть, какъ же: все?

— Все, что̀ произошло сегодня! И причина.... мнѣ тоже извѣстна! Вы поступили, какъ благородный человѣкъ; но какое несчастное стеченіе обстоятельствъ! Не даромъ мнѣ не нравилась эта поѣздка въ Соденъ.... не даромъ! (Фрау Леноре ничего подобнаго не говорила въ самый день поѣздки, но теперь ей казалось, что уже тогда она „все“ предчувствовала).—Я и пришла къ вамъ, какъ къ благородному человѣку, какъ къ другу, хоть я увидала васъ въ первый разъ пять дней тому назадъ.... Но вѣдь я вдова, одинокая.... Моя дочь....

Слезы заглушили голосъ фрау Леноре. Санинъ не зналъ, что̀ подумать.—Ваша дочь?—повторилъ онъ.

— Моя дочь, Джемма,—вырвалось почти со стономъ у фрау Леноре изъ-подъ смоченнаго слезами платка:— объявила мнѣ сегодня, что не хочетъ выйти замужъ за г-на Клюбера, и что я должна отказать ему!

Санинъ даже отодвинулся слегка: онъ этого не ожидалъ.

— Я уже не говорю о томъ,—продолжала фрау Леноре:— что это позоръ, что этого никогда на свѣтѣ не бывало, чтобы невѣста отказала жениху; но вѣдь это для насъ разореніе, Herr Dimitri!—Фрау Леноре старательно и туго свернула платокъ въ маленькій, маленькій клубочекъ, точно она хотѣла заключить въ него все свое горе.—Жить доходами съ нашего магазина мы больше не можемъ, Herr Dimitri! а г. Клюберъ очень богатъ и будетъ еще богаче.

И за что̀ же ему отказать? За то, что онъ не вступился за свою невѣсту? Положимъ, это не совсѣмъ хорошо съ его стороны, но вѣдь онъ статскій человѣкъ, въ университетѣ не воспитывался, и, какъ солидный торговецъ, долженъ былъ презрѣть легкомысленную шалость неизвѣстнаго офицерчика. И какая же это обида, Herr Dimitri?

— Позвольте, фрау Леноре, вы словно осуждаете меня....

— Нисколько я васъ не осуждаю, нисколько! Вы совсѣмъ другое дѣло; вы, какъ всѣ русскіе, военный....

— Позвольте, я вовсе не....

— Вы иностранецъ, проѣзжій, я вамъ благодарна,— продолжала фрау Леноре, не слушая Санина. Она задыхалась, разводила руками, снова развертывала платокъ и сморкалась. По одному тому, какъ выражалось ея горе, можно было видѣть, что она родилась не подъ сѣвернымъ небомъ.

— И какъ же будетъ г. Клюберъ торговать въ магазинѣ, если онъ будетъ драться съ покупателями? Это совсѣмъ несообразно! И теперь я должна ему отказать! Но чѣмъ мы будемъ жить? Прежде, мы одни дѣлали дѣвичью кожу и нугà съ фисташками—и къ намъ ходили покупатели; а теперь всѣ дѣлаютъ дѣвичью кожу!! Вы подумайте; ужъ безъ того въ городѣ будутъ говорить о вашей дуэли.... развѣ это можно утаить? И вдругъ, свадьба разстраивается! Вѣдь это скандалъ, скандалъ! Джемма—прекрасная дѣвушка; она очень любитъ меня; но она упрямая республиканка, бравируетъ мнѣніемъ другихъ. Вы одни можете ее уговорить!

Санинъ изумился еще пуще прежняго.—Я, фрау Леноре?

— Да, вы одни.... Вы одни. Я затѣмъ и пришла къ вамъ; я ничего другого придумать не умѣла! Вы такой ученый, такой хорошій человѣкъ! Вы же за нее заступи-

лись. Вамъ она повѣритъ! Она *должна* вамъ повѣрить—вы вѣдь жизнью своей рисковали! Вы ей докажете—а я уже больше ничего не могу!—вы ей докажете, что она и себя, и всѣхъ насъ погубитъ. Вы спасли моего сына—спасите и дочь! Васъ самъ Богъ послалъ сюда.... Я готова на колѣняхъ просить васъ....

И фрау Леноре на половину приподнялась со стула, какъ бы собираясь упасть Санину въ ноги.... Онъ удержалъ ее.

— Фрау Леноре! Ради Бога! Что̀ вы это?

Она судорожно схватила его за руки. — Вы обѣщаетесь?

— Фрау Леноре, подумайте: съ какой стати я....

— Вы обѣщаетесь? Вы не хотите, чтобы я тутъ же, сейчасъ, умерла передъ вами?

Санинъ потерялся. Ему въ первый разъ въ жизни приходилось имѣть дѣло съ загорѣвшейся итальянскою кровью.

— Я сдѣлаю все, что̀ будетъ вамъ угодно! — воскликнулъ онъ.—Я поговорю съ фрейлейнъ Джеммой....

Фрау Леноре вскрикнула отъ радости.

— Только я, право, не знаю, какой можетъ выйти результатъ....

— Ахъ, не отказывайтесь, не отказывайтесь!—промолвила фрау Леноре умоляющимъ голосомъ:—вы уже согласились! Результатъ, навѣрное, выйдетъ отличный. Во всякомъ случаѣ, *я* уже больше ничего не могу. *Меня* она не послушается!

— Она такъ рѣшительно объявила вамъ свое нежеланіе выйти за г-на Клюбера?—спросилъ Санинъ, послѣ небольшого молчанія.

— Какъ ножомъ отрѣзала! Она вся въ отца, въ Джіовани'Баттиста! Бѣдовая!

— Бѣдовая? она?...—протяжно повторилъ Санинъ.

— Да.... да.... но она тоже ангелъ. Она васъ послу-

шается. Вы придете, придете скоро? О, мой милый русскій другъ!—Фрау Леноре порывисто встала со стула и такъ же порывисто обхватила голову сидѣвшаго передъ ней Санина.—Примите благословеніе матери—и дайте мнѣ воды!

Санинъ принесъ г-жѣ Розелли стаканъ воды, далъ ей честное слово, что придетъ немедленно, проводилъ ее по лѣстницѣ до улицы — и, вернувшись въ свою комнату, даже руками всплеснулъ и глаза вытаращилъ.

„Вотъ, подумалъ онъ,—вотъ, *теперь* завертѣлась жизнь! Да и такъ завертѣлась, что голова кругомъ пошла“. Онъ и не попытался взглянуть внутрь себя, понять, что̀ тамъ происходитъ: сумятица—и баста! „Выдался денекъ!“ невольно шептали его губы. „Бѣдовая.... говоритъ ея мать.... И я долженъ ей совѣтовать—ей! И что̀ совѣтовать?!“

Голова, дѣйствительно, кружилась у Санина—и надъ всѣмъ этимъ вихремъ разнообразныхъ ощущеній, впечатлѣній, недосказанныхъ мыслей, постоянно носился образъ Джеммы, тотъ образъ, который такъ неизгладимо врѣзался въ его память въ ту теплую, электрически-потрясенную ночь, въ томъ темномъ окнѣ, подъ лучами роившихся звѣздъ!

XXIV.

Нерѣшительными шагами подходилъ Санинъ къ дому г-жи Розелли. Сердце его сильно билось; онъ явственно чувствовалъ и даже слышалъ, какъ оно толкалось въ ребра. Что̀ онъ скажетъ Джеммѣ, ка̀къ заговоритъ съ нею? Онъ вошелъ въ домъ не черезъ кондитерскую, но по заднему крыльцу. Въ небольшой передней комнатѣ онъ встрѣтилъ фрау Леноре. Она и обрадовалась ему, и испугалась.

— Я ждала, ждала васъ,—проговорила она шопотомъ, поперемѣнно обѣими руками стискивая его руку.—Ступайте въ садъ; она тамъ. Смотрите же: я на васъ надѣюсь!

Санинъ отправился въ садъ.

Джемма сидѣла на скамейкѣ, близъ дорожки, и изъ большой корзины, наполненной вишнями, отбирала самыя спѣлыя на тарелку. Солнце стояло низко—былъ уже седьмой часъ вечера—и въ широкихъ косыхъ лучахъ, которыми оно затопляло весь маленькій садикъ г-жи Розелли, было больше багрянца, чѣмъ золота. Изрѣдка, чуть слышно и словно не спѣша, перешептывались листья, да отрывисто жужжали, перелетывая съ цвѣтка на сосѣдній цвѣтокъ, запоздалыя пчелы, да гдѣ-то ворковала горлинка—однообразно и неутомимо.

На Джеммѣ была та же круглая шляпа, въ которой она ѣздила въ Соденъ. Она глянула на Санина изъ-подъ ея выгнутаго края и снова наклонилась къ корзинкѣ.

Санинъ приблизился къ Джеммѣ, невольно укорачивая каждый шагъ, и.... и.... И ничего другого не нашелся сказать ей, какъ только спросить: зачѣмъ это она отбираетъ вишни?

Джемма не торопясь отвѣчала ему.

— Эти—поспѣлѣе,—промолвила она наконецъ:—пойдутъ на варенье, а тѣ на начинку пироговъ. Знаете, мы продаемъ такіе круглые пироги съ сахаромъ.

Сказавъ эти слова, Джемма еще ниже наклонила голову, и правая ея рука, съ двумя вишнями въ пальцахъ, остановилась на воздухѣ между корзинкой и тарелкой.

— Можно подсѣсть къ вамъ?—спросилъ Санинъ.

— Можно.—Джемма слегка подвинулась на скамейкѣ. Санинъ помѣстился возлѣ нея. „Какъ начать?“ думалось ему. Но Джемма вывела его изъ затрудненія.

— Вы дрались сегодня на дуэли,—заговорила она съ живостью и обернулась къ нему всѣмъ своимъ прекраснымъ, стыдливо вспыхнувшимъ лицомъ,—а какой глубокой благодарностью свѣтились ея глаза!—И вы такъ спокойны? Стало-быть, для васъ не существуетъ опасности?

— Помилуйте! Я никакой опасности не подвергался. Все обошлось очень благополучно и безобидно.

Джемма повела пальцемъ направо и налѣво передъ глазами.... Тоже итальянскій жестъ.—Нѣтъ! нѣтъ! не говорите этого! Вы меня не обманете! Мнѣ Панталеоне все сказалъ!

— Нашли кому вѣрить! Сравнивалъ онъ меня съ статуей коммандора?

— Выраженія его могутъ быть смѣшны, но ни чувство его не смѣшно, ни то, что̀ вы сдѣлали сегодня. И все это изъ-за меня.... для меня.... Я этого никогда не забуду.

— Увѣряю васъ, фрейлейнъ Джемма....

— Я этого не забуду, — съ разстановкой проговорила она, еще разъ пристально посмотрѣла на него и отвернулась.

Онъ могъ теперь видѣть ея тонкій, чистый профиль, и ему казалось, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго—и не испытывалъ ничего подобнаго тому, что̀ онъ чувствовалъ въ этотъ мигъ. Душа его разгоралась.

„А мое обѣщаніе!“ мелькнуло у него въ мысляхъ.

— „Фрейлейнъ Джемма....—началъ онъ послѣ мгновеннаго колебанія.

— Что?

Она не повернулась къ нему, она продолжала разбирать вишни, осторожно бралась концами пальцевъ за ихъ хвостики, заботливо приподнимала листочки.... Но какой довѣрчивой лаской прозвучало это одно слово „что!“

— Вамъ ваша матушка ничего не сообщала.... насчетъ....

— Насчетъ?

— На мой счетъ.

Джемма вдругъ отбросила назадъ въ корзину взятыя ею вишни.

— Она говорила съ вами?—спросила она въ свою очередь.

— Да.

— Что же она вамъ такое сказала?

— Она сказала мнѣ, что вы.... что вы внезапно рѣшились перемѣнить.... свои прежнія намѣренія.

Голова Джеммы опять наклонилась. Она вся исчезла подъ шляпой; виднѣлась только шея, гибкая и нѣжная, какъ стебель крупнаго цвѣтка.

— Какія намѣренія?

— Ваши намѣренія.... касательно.... будущаго устройства вашей жизни.

— То-есть.... Вы это говорите.... о г-нѣ Клюберѣ?

— Да.

— Вамъ мама сказала, что я не желаю быть женою г-на Клюбера?

— Да.

Джемма подвинулась на скамейкѣ. Корзина накренилась, упала.... нѣсколько вишенъ покатилось на дорожку. Прошла минута.... другая....

— Зачѣмъ она вамъ это сказала?—послышался ея голосъ. Санинъ попрежнему видѣлъ одну шею Джеммы. Грудь ея поднималась и опускалась быстрѣе прежняго.

— Зачѣмъ? Ваша матушка подумала, что такъ какъ мы съ вами въ короткое время, можно сказать, подружились, и вы возымѣли нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, то я въ состояніи подать вамъ полезный совѣтъ—и вы меня послушаетесь.

Руки Джеммы тихонько соскользнули на колѣни.... Она принялась перебирать складки своего платья.

— Какой же вы мнѣ совѣтъ дадите, monsieur Dimitri?—спросила она, погодя немного.

Санинъ увидалъ, что пальцы Джеммы дрожали на ея колѣняхъ.... Она и складки платья перебирала только для того, чтобы скрыть эту дрожь. Онъ тихонько положилъ свою руку на эти блѣдные, трепетные пальцы.

— Джемма,—промолвилъ онъ:—отчего вы не смотрите на меня?

Она мгновенно отбросила назадъ черезъ плечо свою шляпу — и устремила на него глаза, довѣрчивые и благодарные попрежнему. Она ждала, что онъ заговоритъ.... Но видъ ея лица смутилъ и словно ослѣпилъ его. Теплый блескъ вечерняго солнца озарялъ ея молодую голову — и выраженіе этой головы было свѣтлѣе и ярче самого этого блеска.

— Я васъ послушаюсь, monsieur Dimitri,—начала она, чуть-чуть улыбаясь и чуть-чуть приподнимая брови:—но какой же совѣтъ дадите вы мнѣ?

— Какой совѣтъ?—повторилъ Санинъ.—Вотъ, видите ли, ваша матушка полагаетъ, что отказать г-ну Клюберу только потому, что онъ третьяго дня не выказалъ особенной храбрости....

— Только потому?—проговорила Джемма, нагнулась, подняла корзину и поставила ее возлѣ себя на скамейку.

— Что.... вообще.... отказать ему, съ вашей стороны—неблагоразумно; что это — такой шагъ, всѣ послѣдствія котораго нужно хорошенько взвѣсить; что, наконецъ, самое положеніе вашихъ дѣлъ налагаетъ извѣстныя обязанности на каждаго члена вашего семейства....

— Это все—мнѣніе мамы,—перебила Джемма;—это—ея слова. Это я знаю; но ваше какое мнѣніе?

— Мое? — Санинъ помолчалъ. Онъ чувствовалъ, что-то подступило къ нему подъ горло и захватывало дыханіе.—Я тоже полагаю,—началъ онъ съ усиліемъ....

Джемма выпрямилась.—Тоже? Вы—тоже?

— Да.... то-есть....—Санинъ не могъ, рѣшительно не могъ прибавить ни единаго слова.

— Хорошо,—сказала Джемма.—Если вы, какъ другъ, совѣтуете мнѣ измѣнить мое рѣшеніе.... то-есть, не мѣнять моего прежняго рѣшенія,—я подумаю.—Она, сама

не замѣчая, что дѣлаетъ, начала перекладывать вишни обратно изъ тарелки въ корзину....—Мама надѣется, что я васъ послушаюсь.... Что же? Я, быть-можетъ, точно, послушаюсь васъ.

— Но, позвольте, фрейлейнъ Джемма, я сперва желалъ бы узнать, какія причины побудили васъ....

— Я васъ послушаюсь,—повторила Джемма, а у самой брови все надвигались, щеки блѣднѣли; она покусывала нижнюю губу. — Вы такъ много для меня сдѣлали, что и я обязана сдѣлать, что̀ вы хотите; обязана исполнить ваше желаніе. Я скажу мамѣ.... я подумаю. Вотъ она, кстати, идетъ сюда.

Дѣйствительно, фрау Леноре показалась на порогѣ двери, ведущей изъ дома въ садъ. Нетерпѣніе ее разбирало: она не могла усидѣть на мѣстѣ. По ея разсчету, Санинъ давнымъ-давно долженъ былъ окончить свое объясненіе съ Джеммой, хотя его бесѣда съ нею не продолжалась и четверти часа.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не говорите ей, пока, ничего—торопливо, почти съ испугомъ произнесъ Санинъ.— Подождите.... я вамъ скажу, я вамъ напишу.... а вы до тѣхъ поръ не рѣшайтесь ни на что̀.... подождите!

Онъ стиснулъ руку Джеммы, вскочилъ со скамейки,— и, къ великому изумленію фрау Леноры, прошмыгнулъ мимо ея, приподнявъ шляпу, пробурчалъ что-то невнятное—и скрылся.

Она подошла къ дочери.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Джемма....

Та вдругъ поднялась и обняла ее....—Милая мама, можете вы подождать немножко, крошечку.... до завтрашняго дня? Можете? И съ тѣмъ, чтобы ужъ до завтра ни слова?... Ахъ!...

Она залилась внезапными, свѣтлыми, для нея самой неожиданными слезами. Это тѣмъ болѣе удивило фрау Ле-

норе, что выраженіе Джеммина лица было далеко не печальное, скорѣе радостное.

— Что̀ съ тобой?—спросила она.—Ты у меня никогда не плачешь—и вдругъ....

— Ничего, мама, ничего! только вы подождите. Намъ обѣимъ надо подождать. Не спрашивайте ничего до завтра—и давайте разбирать вишни, пока солнце не сѣло.

— Но ты будешь благоразумна?

— О, я очень благоразумна! — Джемма значительно покачала головою. Она начала связывать небольшіе пучки вишенъ, держа ихъ высоко передъ краснѣющимъ лицомъ. Слезъ своихъ она не утирала: онѣ высохли сами.

XXV.

Чуть не бѣгомъ возвратился Санинъ въ свою квартиру. Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ, что только тамъ, только наединѣ съ самимъ собою, ему выяснится, наконецъ, что съ нимъ, что̀ съ нимъ такое? И дѣйствительно: не успѣлъ онъ войти въ свою комнату, не успѣлъ сѣсть передъ письменнымъ столомъ, какъ облокотясь объ этотъ самый столъ обѣими руками и прижавъ обѣ ладони къ лицу—онъ горестно и глухо воскликнулъ: „Я ее люблю, люблю безумно!“—и весь внутренно зардѣлся, какъ уголь, съ котораго внезапно сдули наросшій слой мертваго пепла. Мгновеніе.... и уже онъ не въ силахъ былъ понять, какъ онъ могъ сидѣть рядомъ съ нею.... съ нею!—и разговаривать съ нею, и не чувствовать, что онъ обожаетъ самый край ея одежды, что онъ готовъ, какъ выражаются молодые люди,—„умереть у ея ногъ“. Послѣднее свиданіе въ саду все рѣшило. Теперь, когда онъ думалъ о ней,—она уже не представлялась ему съ развѣянными кудрями, въ сіяніи звѣздъ: — онъ видѣлъ ее сидящей на скамейкѣ, видѣлъ,

какъ она разомъ сбрасываетъ съ себя шляпу—и глядитъ на него такъ довѣрчиво.... и трепетъ, и жажда любви перебѣгали по всѣмъ его жиламъ. Онъ вспомнилъ о розѣ, которую вотъ уже третій день носилъ у себя въ карманѣ: онъ выхватилъ ее—и съ такою лихорадочной силой прижалъ ее къ своимъ губамъ, что невольно поморщился отъ боли. Теперь уже онъ ни о чемъ не разсуждалъ, ничего не соображалъ, не разсчитывалъ и не предвидѣлъ; онъ отдѣлился отъ всего прошлаго, онъ прыгнулъ впередъ: съ унылаго берега своей одинокой, холостой жизни бухнулся онъ въ тотъ веселый кипучій, могучій потокъ — и горя ему мало, и знать онъ не хочетъ, куда онъ его вынесетъ, и не разобьетъ ли онъ его о скалу! Это уже не тѣ тихія струи Уландовскаго романса, которыя недавно его баюкали.... Это сильныя, неудержимыя волны! Онѣ летятъ и скачутъ впередъ—и онъ летитъ съ ними....

Онъ взялъ листъ бумаги — и безъ помарки, почти однимъ взмахомъ пера, написалъ слѣдующее:

„Милая Джемма!

„Вы знаете, какой совѣтъ я взялъ на себя преподать вамъ, вы знаете, чего желаетъ ваша матушка, и о чемъ она меня просила,—но чего вы не знаете, и что̀ я обязанъ вамъ теперь сказать,—это то, что я люблю васъ, люблю со всею страстью сердца, полюбившаго въ первый разъ! Этотъ огонь вспыхнулъ во мнѣ внезапно, но съ такой силой, что я не нахожу словъ!! Когда ваша матушка пришла ко мнѣ и просила меня—онъ еще только тлѣлъ во мнѣ—а то я, какъ честный человѣкъ, навѣрное бы отказался исполнить ея порученіе.... Самое признаніе, которое я вамъ теперь дѣлаю, есть признаніе честнаго человѣка. Вы должны знать, съ кѣмъ имѣете дѣло,—между нами не должно существовать недоразумѣній. Вы видите, что

я не могу давать вамъ никакихъ совѣтовъ.... Я васъ люблю, люблю, люблю—и больше нѣтъ у меня ничего—ни въ умѣ, ни въ сердцѣ!!

„Дм. Санинъ".

Сложивъ и запечатавъ эту записку, Санинъ хотѣлъ-было позвонить кельнера и послать ее съ нимъ.... „Нѣтъ! этакъ неловко.... Черезъ Эмиля? Но отправиться въ магазинъ, отыскивать его тамъ между другими коммі—неловко тоже. Притомъ, уже ночь на дворѣ — и онъ, пожалуй, уже ушелъ изъ магазина". Размышляя такимъ образомъ, Санинъ, однако, надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу; повернулъ за уголъ, за другой—и, къ неописанной своей радости, — увидалъ передъ собою Эмиля. Съ сумкой подъ мышкой, со сверткомъ бумаги въ рукѣ, молодой энтузіастъ спѣшилъ домой.

„Не даромъ говорятъ, что у каждаго влюбленнаго есть звѣзда", подумалъ Санинъ, и позвалъ Эмиля.

Тотъ обернулся и тотчасъ бросился къ нему.

Санинъ не далъ ему восторгаться, вручилъ ему записку, объяснилъ ему, кому и какъ ее передать.... Эмиль слушалъ внимательно.

— Чтобы никто не видѣлъ? — спросилъ онъ, придавъ своему лицу выраженіе знаменательное и таинственное:— мы, дескать, понимаемъ, въ чемъ вся суть!

— Да, мой дружокъ,—проговорилъ Санинъ и немножко сконфузился; однако, потрепалъ Эмиля по щекѣ....—И если отвѣтъ будетъ.... Вы мнѣ принесете отвѣтъ, не правда ли? Я буду сидѣть дома.

— Ужъ объ этомъ не безпокойтесь!—весело шепнулъ Эмиль, побѣжалъ прочь — и на бѣгу еще разъ кивнулъ ему.

Санинъ вернулся домой—и, не зажигая свѣчи, бросился на диванъ, занесъ руки за голову и предался тѣмъ ощуще-

ніямъ только-что сознанной любви, которыя и описывать нечего: кто ихъ испыталъ, тотъ знаетъ ихъ томленіе и сладость; кто ихъ не испыталъ—тому ихъ не растолкуешь.

Дверь растворилась—показалась голова Эмиля.

— Принесъ,—сказалъ онъ шопотомъ:—вотъ онъ, отвѣтъ-то!

Онъ показалъ и поднялъ надъ головою свернутую бумажку.

Санинъ вскочилъ съ дивана и выхватилъ ее изъ рукъ Эмиля. Страсть въ немъ слишкомъ сильно разыгралась: не до скрытности было ему теперь, не до соблюденія приличія—даже передъ этимъ мальчикомъ, ея братомъ. Онъ бы посовѣстился его, онъ бы принудилъ себя—если бъ могъ!

Онъ подошелъ къ окну — и, при свѣтѣ уличнаго фонаря, стоявшаго передъ самымъ домомъ,—прочелъ слѣдующія строки:

„Я васъ прошу, я умоляю васъ — *цѣлый завтрашній день не приходить къ намъ, не показываться.* Мнѣ это нужно, непремѣнно нужно,—а тамъ все будетъ рѣшено. Я знаю, вы мнѣ не откажете, потому что....“

„Джемма“.

Санинъ раза два прочелъ эту записку—о, какъ трогательно-милъ и красивъ показался ему ея почеркъ!—подумалъ немного, и, обратившись къ Эмилю, который, желая дать понять, какой онъ скромный молодой человѣкъ, стоялъ лицомъ къ стѣнѣ—и колупалъ въ ней ногтемъ,—громко назвалъ его по имени.

Эмиль тотчасъ подбѣжалъ къ Санину. — Что прикажете?

— Послушайте, дружокъ....

— М-г Димитрій,—перебилъ его Эмиль жалобнымъ голосомъ:—отчего вы не говорите мнѣ: ты?

Санинъ засмѣялся. — Ну, хорошо. Послушай, дру-

жокъ — (Эмиль слегка подпрыгнулъотъ удовольствія) — послушай: *тамъ*, ты понимаешь, тамъ, ты скажешь, что все будетъ исполнено въ точности — (Эмиль сжалъ губы и важно качнулъ головою)—а самъ.... Что ты дѣлаешь завтра?

— Я? Что я дѣлаю? Что вы хотите, что бы я дѣлалъ?

— Если тебѣ можно, приходи ко мнѣ поутру, пораньше,—и мы, до вечера, будемъ гулять по окрестностямъ Франкфурта.... Хочешь?

Эмиль опять подпрыгнулъ. — Помилуйте, что можетъ быть на свѣтѣ лучше? Гулять съ вами—да это, просто, чудо! Приду непремѣнно!

— А если тебя не отпустятъ?

— Отпустятъ!

— Слушай.... Не сказывай *тамъ*, что я тебя звалъ на цѣлый день.

— Зачѣмъ сказывать? Да я такъ уйду! Что за бѣда! Эмиль крѣпко поцѣловалъ Санина и убѣжалъ.

А Санинъ долго ходилъ по комнатѣ — и поздно легъ спать. Онъ предался тѣмъ же чуткимъ и сладкимъ ощущеніямъ, тому же радостному замиранію передъ новой жизнью. Санинъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пригласить на завтрашній день Эмиля; онъ походилъ лицомъ на сестру. „Будетъ напоминать ее“, думалось Санину.

Но больше всего удивлялся онъ тому: какъ могъ онъ вчера быть иначе, чѣмъ сегодня? Ему казалось, что онъ „вѣчно“ любилъ Джемму — и именно такъ точно ее любилъ, какъ онъ любилъ ее сегодня.

XXVI.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Эмиль, съ Тартальей на своркѣ, отъявился къ Санину. Происходи онъ

отъ германскихъ родителей, онъ бы не могъ выказать бо̀льшую аккуратность. Дома онъ солгалъ: сказалъ, что погуляетъ съ Санинымъ до завтрака, а потомъ отправится въ магазинъ. Пока Санинъ одѣвался, Эмиль заговорилъ-было съ нимъ, правда, довольно нерѣшительно, о Джеммѣ, объ ея размолвкѣ съ г-мъ Клюберомъ; но Санинъ сурово промолчалъ ему въ отвѣтъ, а Эмиль, показавъ видъ, что понимаетъ, почему не слѣдуетъ слегка касаться этого важнаго пункта, уже не возвращался къ нему,—и только изрѣдка принималъ сосредоточенное и даже строгое выраженіе.

Напившись кофе, оба пріятеля отправились—пѣшкомъ, разумѣется,—въ Гаузенъ, небольшую деревеньку, лежащую въ недальнемъ разстояніи отъ Франкфурта и окруженную лѣсами. Вся цѣпь горъ Таунуса видна о́ттуда, какъ на ладони. Погода была прекрасная; солнце сіяло и горѣло, но не пекло; свѣжій вѣтеръ бойко шумѣлъ въ зеленыхъ листьяхъ; по землѣ, небольшими пятнами, плавно и быстро скользили тѣни высокихъ, круглыхъ облачковъ. Молодые люди скоро выбрались изъ города и бодро и весело зашагали по гладко-выметенной дорогѣ. Зашли въ лѣсъ — и долго тамъ проплутали; потомъ очень плотно позавтракали въ деревенскомъ трактирѣ; потомъ лазали на горы, любовались видами, пускали сверху камни и хлопали въ ладоши, глядя, какъ эти камни забавно и странно сигаютъ, на подобіе кроликовъ, пока проходившій внизу, невидимый для нихъ, человѣкъ не выбранилъ ихъ звонкимъ и сильнымъ голосомъ; потомъ лежали, раскинувшись, на короткомъ сухомъ мохѣ желто-фіолетоваго цвѣта; потомъ пили пиво въ другомъ трактирѣ, потомъ бѣгали взапуски, прыгали на пари: кто дальше? Открыли эхо и бесѣдовали съ нимъ, пѣли, аукались, боролись, ломали сучья, украшали свои шляпы вѣтками папоротника—и даже танцовали. Тарталья, насколько могъ и умѣлъ, участвовалъ во всѣхъ этихъ занятіяхъ: камней онъ, правда, не бросалъ, но самъ кубаремъ катился за

ними, подвывалъ, когда молодые люди пѣли,—и даже пиво пилъ, хотя съ видимымъ отвращеніемъ: этому искусству его выучилъ студентъ, которому онъ нѣкогда принадлежалъ. Впрочемъ, Эмиля онъ слушался плохо—не то, что своего хозяина Панталеоне,—и когда Эмиль приказывалъ ему „говорить“ или „чихать“,—только хвостикомъ повиливалъ и высовывалъ языкъ трубочкой.

Молодые люди также бесѣдовали между собою. Въ началѣ прогулки, Санинъ, какъ старшій и потому болѣе разсудительный, завелъ-было рѣчь о томъ, что такое фатумъ или предопредѣленіе судьбы, и что значитъ и въ чемъ состоитъ призваніе человѣка; но разговоръ въ скорости принялъ направленіе менѣе серьезное. Эмиль сталъ разспрашивать своего друга и патрона о Россіи, о томъ, какъ тамъ дерутся на дуэли, и красивы ли тамъ женщины, и скоро ли можно выучиться русскому языку, и что онъ почувствовалъ, когда офицеръ цѣлился въ него? А Санинъ, въ свою очередь, разспрашивалъ Эмиля объ его отцѣ, о матери, вообще объ ихъ семейныхъ дѣлахъ, всячески стараясь не упоминать имени Джеммы,—и думая только о ней. Собственно говоря, онъ даже о ней не думалъ—а о завтрашнемъ днѣ, о томъ таинственномъ завтрашнемъ днѣ, который принесетъ ему невѣдомое, небывалое счастье! Точно завѣса, тонкая, легкая завѣса виситъ, слабо колыхаясь, передъ его умственнымъ взоромъ,—и за той завѣсой онъ чувствуетъ.... чувствуетъ присутствіе молодого, неподвижнаго, божественнаго лика съ ласковой улыбкой на устахъ и строго, притворно-строго опущенными рѣсницами. И этотъ ликъ—не лицо Джеммы—это лицо самого счастья! И вотъ, насталъ, наконецъ, *его* часъ, завѣса взвилась, открываются уста, рѣсницы поднимаются—увидало его божество—и тутъ уже свѣтъ, какъ отъ солнца, и радость, и восторгъ нескончаемый!! Онъ думаетъ объ этомъ завтрашнемъ днѣ — и душа его опять радостно замираетъ

въ млѣющей тоскѣ безпрестанно возрождающагося ожиданія!

И ничему не мѣшаетъ это ожиданіе, эта тоска. Она сопровождаетъ каждое его движеніе—и ничему не мѣшаетъ. Не мѣшаетъ она ему отлично пообѣдать въ третьемъ трактирѣ съ Эмилемъ—и только изрѣдка, какъ короткая молнія, вспыхиваетъ въ немъ мысль, что—если бъ кто-нибудь на свѣтѣ зналъ??!! Не мѣшаетъ ему эта тоска играть, послѣ обѣда, съ Эмилемъ въ чехарду. На привольномъ зеленомъ лужку происходитъ эта игра.... и каково изумленіе, каковъ конфузъ Санина, когда, подъ ярый лай Тартальи, ловко растопыривъ ноги и перелетая птицей черезъ прикорнувшаго Эмиля—онъ внезапно видитъ передъ собою, на самой каймѣ зеленаго лужка,—двухъ офицеровъ, въ которыхъ онъ немедленно узнаетъ своего вчерашняго противника и его секунданта, гг. фонъ-Дёнгофа и фонъ-Рихтера! Каждый изъ нихъ вставилъ по стеклышку въ глазъ, и глядитъ на него, и ухмыляется.... Санинъ падаетъ на ноги, отворачивается, поспѣшно надѣваетъ сброшенное пальто, говоритъ отрывистое слово Эмилю, тотъ тоже надѣваетъ куртку—и оба немедленно удаляются.

Поздно вернулись они во Франкфуртъ. — Будутъ меня бранить,—говорилъ Санину Эмиль, прощаясь съ нимъ:—ну, да все равно! За то я такой чудный, чудный день провелъ!

Вернувшись къ себѣ въ гостинницу, Санинъ нашелъ записку отъ Джеммы. Она назначала ему свиданіе—на слѣдующій день, въ семь часовъ утра, въ одномъ изъ публичныхъ садовъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ Франкфуртъ.

Какъ дрогнуло его сердце! Какъ радъ онъ былъ тому, что такъ безпрекословно ей повиновался! И, Боже мой, что̀ сулилъ.... чего не сулилъ этотъ небывалый, единственный, невозможный—и несомнѣнный завтрашній день!

Онъ впился глазами въ записку Джеммы. Длинный, изящный хвостикъ буквы: G, первой буквы ея имени, стоявшей на концѣ листа,—напомнилъ ему ея красивые пальцы, ея руку.... Онъ подумалъ, что ни разу не прикоснулся къ этой рукѣ губами.... „Итальянки,—думалъ онъ, — вопреки молвѣ о нихъ, стыдливы и строги.... А ужъ Джемма и подавно! Царица.... богиня.... мраморъ дѣвственный и чистый....“

„Но придетъ время—и оно недалеко....“

Былъ въ ту ночь во Франкфуртѣ одинъ счастливый человѣкъ.... Онъ спалъ; но онъ могъ сказать про себя словами поэта:

«Я сплю.... но сердце чуткое не спитъ....»

Оно и билось такъ легко, какъ бьетъ крылами мотылекъ, приникшій къ цвѣтку и облитый лѣтнимъ солнцемъ.

XXVII.

Въ пять часовъ Санинъ проснулся, въ шесть уже былъ одѣтъ, въ половинѣ седьмого расхаживалъ по публичному саду, въ виду небольшой бесѣдки, о которой Джемма упомянула въ своей запискѣ.

Утро было тихое, теплое, сѣрое. Иногда казалось, что вотъ-вотъ пойдетъ дождь: но протянутая рука ничего не ощущала, и только, глядя на рукавъ платья, можно было замѣтить слѣды крохотныхъ, какъ мельчайшій бисеръ, капель; но и тѣ скоро прекратились. Вѣтра—точно на свѣтѣ никогда не бывало. Каждый звукъ не летѣлъ, а разливался кругомъ: въ отдаленіи чуть сгущался бѣловатый паръ, въ воздухѣ пахло резедой и цвѣтами бѣлыхъ акацій.

На улицахъ еще не открывались лавки, но уже показались пѣшеходы; изрѣдка стучала одинокая карета.... въ саду гулявшихъ не было. Садовникъ скоблилъ, не торопясь,

дорожку лопатой, да дряхлая старушенка въ черномъ суконномъ плащѣ проковыляла черезъ аллею. Ни на одно мгновеніе не могъ Санинъ принять это убогое существо за Джемму — и, однакоже, сердце въ немъ ёкнуло, и онъ внимательно слѣдилъ глазами за удалявшимся чернымъ пятномъ.

Семь! прогудѣли часы на башнѣ.

Санинъ остановился.—Неужели она не придетъ? Трепетъ холода внезапно пробѣжалъ по его членамъ. Тотъ же трепетъ повторился въ немъ, мгновенье спустя,—но уже отъ другой причины. Санинъ услышалъ за собою легкіе шаги, легкій шумъ женской одежды....Онъ обернулся: она!

Джемма шла сзади его, по дорожкѣ. На ней была сѣренькая мантилья и небольшая темная шляпа. Она глянула на Санина, повернула голову въ сторону — и, поровнявшись съ нимъ, быстро прошла мимо.

— Джемма,—проговорилъ онъ едва слышно.

Она слегка кивнула ему—и продолжала идти впередъ. Онъ послѣдовалъ за нею.

Онъ дышалъ прерывисто. Ноги плохо его слушались.

Джемма миновала бесѣдку, взяла направо, миновала небольшой, плоскій бассейнъ, въ которомъ хлопотливо плескался воробей—и, зайдя за клумбу высокихъ сиреней, опустилась на скамью. Мѣсто было уютное и закрытое. Санинъ сѣлъ возлѣ нея.

Прошла минута—и ни онъ, ни она—слова не промолвили: она даже не глядѣла на него—и онъ глядѣлъ ей не въ лицо, а на сложенныя руки, въ которыхъ она держала маленькій зонтикъ. Что было говорить? Что было сказать такого, что, по значенію своему, могло бы равняться одному ихъ присутствію здѣсь, вмѣстѣ, наединѣ, такъ рано, такъ близко другъ отъ друга?

— Вы.... на меня не сердитесь?—произнесъ, наконецъ, Санинъ.

Трудно было Санину сказать что-нибудь глупѣе этихъ словъ.... онъ самъ это сознавалъ.... Но, по крайней мѣрѣ, молчаніе было нарушено.

— Я?—отвѣчала она.—За что? Нѣтъ.

— И вы вѣрите мнѣ?—продолжалъ онъ.

— Тому, что̀ вы написали?

— Да.

Джемма опустила голову и ничего не промолвила. Зонтикъ выскользнулъ изъ ея рукъ. Она поспѣшно поймала его, прежде чѣмъ онъ упалъ на дорожку.

— Ахъ, вѣрьте мнѣ, вѣрьте тому, что̀ я писалъ вамъ,—воскликнулъ Санинъ; вся робость его вдругъ исчезла — онъ заговорилъ съ жаромъ:—если есть на землѣ правда, святая, несомнѣнная правда,—такъ это то̀, что я люблю васъ, люблю васъ страстно, Джемма!

Она бросила на него косвенный, мгновенный взглядъ—и опять чуть не уронила зонтикъ.

— Вѣрьте мнѣ, вѣрьте мнѣ,—твердилъ онъ. Онъ умолялъ ее, протягивалъ къ ней руки,—и не смѣлъ коснуться ея.—Что̀ вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ.... чтобъ убѣдить васъ?

Она опять глянула на него.

— Скажите, monsieur Dimitri,—начала она:—третьяго дня, когда вы пришли меня уговаривать, — вы, стало-быть, еще не знали.... не чувствовали....

— Я чувствовалъ,—подхватилъ Санинъ:—но не зналъ. Я полюбилъ васъ съ самаго того мгновенья, какъ я васъ увидѣлъ, — но не тотчасъ понялъ, чѣмъ вы стали для меня! Къ тому же я услыхалъ, что вы обрученная невѣста.... Что же касается до порученія вашей матушки—то, во-первыхъ, какъ бы я могъ отказаться? а, во-вторыхъ,—я, кажется, *такъ* передалъ вамъ это порученіе, что вы могли догадаться....

Послышались тяжелые шаги, и довольно-плотный

господинъ, съ саквояжемъ черезъ плечо, очевидно, иностранецъ, выдвинулся изъ-за клумбы—и, съ безцеремонностью заѣзжаго путешественника окинулъ взоромъ сидѣвшую на скамейкѣ парочку, громко кашлянулъ — и прошелъ далѣе.

— Ваша матушка,—заговорилъ Санинъ, какъ только стукъ тяжелыхъ ногъ затихъ: — сказала мнѣ, что вашъ отказъ произведетъ скандалъ (Джемма чуть-чуть нахмурилась); что я отчасти самъ подалъ поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ, и что.... слѣдовательно.... на мнѣ — до нѣкоторой степени — лежала обязанность уговорить васъ не отказывать вашему жениху, г-ну Клюберу....

— Monsieur Dimitri,—промолвила Джемма, и провела рукой по волосамъ со стороны, обращенной къ Санину:— не называйте, пожалуйста, г-на Клюбера моимъ женихомъ. Я не буду его женой никогда. Я ему отказала.

— Вы ему отказали? Когда?

— Вчера.

— Ему самому?

— Ему самому. У насъ въ домѣ. Онъ приходилъ къ намъ.

— Джемма! Стало-быть, вы любите меня?

Она обернулась къ нему.

— Иначе.... развѣ бы я пришла сюда?—шепнула она— и обѣ ея руки упали на скамью.

Санинъ схватилъ эти безсильныя, ладонями кверху лежавшія руки, — прижалъ ихъ къ своимъ глазамъ, къ своимъ губамъ.... Вотъ когда взвилась та завѣса, которая мерещилась ему наканунѣ! Вотъ оно, счастье, вотъ, его лучезарный ликъ!

Онъ приподнялъ голову—и посмотрѣлъ на Джемму— прямо и смѣло. Она тоже смотрѣла на него—нѣсколько сверху внизъ. Взоръ ея полузакрытыхъ глазъ едва мерцалъ, залитый легкими, блаженными слезами. А лицо не

улыбалось.... нѣтъ! оно смѣялось, тоже блаженнымъ, хотя беззвучнымъ смѣхомъ.

Онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ на грудь, но она отклонилась и, не переставая смѣяться тѣмъ же беззвучнымъ смѣхомъ, отрицательно покачивала головою. „Подожди“, казалось, говорили ея счастливые глаза.

— О, Джемма!—воскликнулъ Санинъ:—могъ ли я думать, что ты—(сердце въ немъ затрепетало, какъ струна, когда его губы въ первый разъ произнесли это: „ты“)—что ты меня полюбишь?

— Я сама не ожидала этого,—тихо проговорила Джемма.

— Могъ ли я думать,—продолжалъ Санинъ:—могъ ли я думать, подъѣзжая къ Франкфурту, гдѣ я полагалъ остаться всего нѣсколько часовъ, что я здѣсь найду счастье всей моей жизни?

— Всей жизни? Точно?—спросила Джемма.

— Всей жизни, навѣкъ и навсегда!—воскликнулъ Санинъ съ новымъ порывомъ.

Лопата садовника внезапно заскребла въ двухъ шагахъ отъ скамейки, на которой они сидѣли.

— Пойдемъ домой,—шепнула Джемма:—пойдемъ вмѣстѣ—хочешь?

Если бъ она сказала ему въ это мгновенье: „Бросься въ море — *хочешь?*“ — она не договорила бы послѣдняго слова, какъ ужъ онъ бы летѣлъ стремглавъ въ бездну.

Они вмѣстѣ вышли изъ сада и направились къ дому, не городскими улицами, а предмѣстьемъ.

XXVIII.

Санинъ шелъ, то рядомъ съ Джеммой, то нѣсколько позади ея, не спускалъ съ нея глазъ и не переставалъ улыбаться. А она какъ будто спѣшила.... какъ будто остана-

вливалась. Правду сказать, оба они, онъ весь блѣдный, она вся розовая отъ волненія, подвигались впередъ, какъ отуманенные. То, что̀ они сдѣлали вдвоемъ, нѣсколько мгновеній тому назадъ,—это отданіе своей души другой душѣ—было такъ сильно, и ново, и жутко; такъ внезапно все въ ихъ жизни переставилось и перемѣнилось, что они оба не могли опомниться, и только сознавали подхватившій ихъ вихрь, подобный тому ночному вихрю, который чуть-чуть не бросилъ ихъ въ объятья другъ другу. Санинъ шелъ—и чувствовалъ, что онъ даже иначе глядитъ на Джемму: онъ мгновенно замѣтилъ нѣсколько особенностей въ ея походкѣ, въ ея движеніяхъ,—и, Боже мой! какъ онѣ были ему безконечно дороги и милы! И она чувствовала, что онъ *такъ* на нее глядитъ.

Санинъ и она—полюбили въ первый разъ, всѣ чудеса первой любви совершались надъ ними. Первая любовь—та же революція: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбитъ и разрушенъ въ одно мгновенье, молодость стоитъ на баррикадѣ, высоко вьется ея яркое знамя,—и что̀ бы тамъ впереди ее ни ждало — смерть или новая жизнь—всему она шлетъ свой восторженный привѣтъ.

— Что это? никакъ, нашъ старикъ?—промолвилъ Санинъ, указывая пальцемъ на закутанную фигуру, которая поспѣшно пробиралась сторонкой, какъ бы стараясь остаться незамѣченной. Среди избытка блаженства онъ ощущалъ потребность говорить съ Джеммой не о любви—то было дѣло рѣшенное, святое,—а о чемъ-нибудь другомъ.

— Да, это Панталеоне,—весело и счастливо отвѣчала Джемма.—Онъ навѣрное вышелъ изъ дому по моимъ пятамъ; онъ уже вчера цѣлый день слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ.... Онъ догадывается!

— Онъ догадывается! — съ восхищеніемъ повторилъ Санинъ. Что бы такое могла сказать Джемма, отъ чего онъ не пришелъ бы въ восхищеніе?

Потомъ онъ попросилъ ее разсказать подробно все, что именно произошло наканунѣ.

И она немедленно начала разсказывать, спѣша, путаясь, улыбаясь, вздыхая короткими вздохами и мѣняясь съ Саниным короткими, свѣтлыми взглядами. Она разсказала ему, какъ, послѣ третьягодняшняго разговора, мама все хотѣла добиться отъ нея, Джеммы, чего-нибудь положительнаго; какъ она отдѣлалась отъ фрау Леноры обѣщаніемъ сообщить свое рѣшеніе въ теченіе сутокъ; какъ она выпросила себѣ этотъ срокъ—и какъ это было трудно; какъ совершенно неожиданно явился г. Клюберъ, болѣе чопорный и накрахмаленный, чѣмъ когда-либо; какъ онъ изъявилъ свое негодованіе по поводу мальчишески-непростительной и для него, Клюбера, глубоко-оскорбительной (такъ именно онъ выразился) выходки русскаго незнакомца—онъ разумѣлъ *твою* дуэль;—и какъ онъ потребовалъ, чтобы *тебѣ* немедленно отказали отъ дому. „Потому", прибавилъ онъ—и тутъ Джемма слегка передразнила его голосъ и манеру—„это бросаетъ тѣнь на мою честь; какъ будто я не сумѣлъ бы заступиться за свою невѣсту, если бъ нашелъ это необходимымъ или полезнымъ! Весь Франкфуртъ завтра узнаетъ, что чужой дрался съ офицеромъ за мою невѣсту—на что это похоже? Это маретъ мою честь!" Мама съ нимъ соглашалась—представь!—но тутъ я ему вдругъ объявила, что онъ напрасно безпокоится о своей чести и о своей персонѣ, напрасно оскорбляется толками о своей *невѣстѣ*—потому что я больше ему не невѣста, и никогда его женой не буду! Признаться, я хотѣла-было сперва поговорить съ вами.... съ тобою, прежде чѣмъ отказать ему окончательно; но онъ пришелъ.... и я не могла удержаться. Мама даже закричала отъ испуга, а я вышла въ другую комнату и принесла ему его кольцо — ты не замѣтилъ, я уже два дня тому назадъ сняла это кольцо—и отдала ему. Онъ ужасно обидѣлся; но такъ какъ онъ ужасно самолюбивъ

и чванливъ, то онъ не сталъ много разговаривать — и ушелъ. Разумѣется, мнѣ пришлось много вытерпѣть отъ мамы, и очень мнѣ было больно видѣть, какъ она огорчалась—и думала я, что я немножко поторопилась, но вѣдь у меня была твоя записка—и я безъ того уже знала....

— Что я тебя люблю,—подхватилъ Санинъ.

— Да.... что ты полюбилъ меня.

Такъ говорила Джемма, путаясь и улыбаясь, и понижая всякій разъ голосъ, или вовсе умолкая, когда кто-нибудь шелъ ей навстрѣчу или проходилъ мимо. А Санинъ слушалъ восторженно, наслаждаясь самымъ звукомъ ея голоса, какъ наканунѣ онъ любовался ея почеркомъ.

— Мама чрезвычайно огорчена,—начала снова Джемма—и слова ея быстро-быстро бѣжали одно за другимъ:—она никакъ не хочетъ взять въ соображеніе то, что г. Клюберъ могъ мнѣ опротивѣть, что я и выходила-то за него не по любви — а вслѣдствіе ея усиленныхъ просьбъ.... Она подозрѣваетъ.... васъ.... тебя; то-есть, прямо говоря, она увѣрена, что я тебя полюбила,—и это ей тѣмъ больнѣе, что еще третьяго дня ей ничего подобнаго въ голову не приходило, и она даже поручила тебѣ меня уговаривать.... А странное это было порученіе—не правда ли? Теперь она тебя.... васъ величаетъ хитрецомъ, лукавымъ человѣкомъ, говоритъ, что вы обманули ея довѣріе, и предсказываетъ мнѣ, что меня вы обманете....

— Но, Джемма,—воскликнулъ Санинъ:—развѣ ты ей не сказала....

— Я ничего не сказала! Какое я имѣла право, не переговоривши съ вами?

Санинъ всплеснулъ руками.—Джемма, я надѣюсь, что теперь, по крайней мѣрѣ, ты во всемъ ей сознаешься, ты приведешь меня къ ней.... Я хочу доказать твоей матушкѣ, что я не обманщикъ!

Грудь Санина такъ и вздымалась отъ прилива великодушныхъ и пламенныхъ чувствъ.

Джемма глянула на него во всѣ глаза. — Вы, точно, хотите идти теперь къ мамѣ со мною? къ мамѣ, которая увѣряетъ, что.... что все это между нами невозможно—и никогда сбыться не можетъ? Было одно слово, которое Джемма не рѣшалась выговорить.... Оно жгло ей губы; но тѣмъ охотнѣе произнесъ его Санинъ.

— Вступить съ тобою въ бракъ, Джемма, быть твоимъ мужемъ—я выше блаженства не знаю!

Ни любви своей, ни своему великодушію, ни рѣшимости своей онъ уже не зналъ никакихъ предѣловъ.

Услышавъ эти слова, Джемма, которая остановилась-было на мгновенье, пошла еще скорѣе.... Она какъ будто хотѣла убѣжать отъ этого, слишкомъ великаго и неожиданнаго счастья!

Но, вдругъ, у ней ноги подкосились. Изъ-за угла переулка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ новой шляпѣ и новой бекешѣ, прямой какъ стрѣла, завитый, какъ пудель, появился г-нъ Клюберъ. Онъ увидалъ Джемму, увидалъ Санина — какъ-то внутренно фыркнувъ и перегнувъ назадъ свой гибкій станъ, щегольски пошелъ имъ навстрѣчу. Санина покоробило, но взглянувъ на Клюберовское лицо, которому владѣлецъ его, насколько въ немъ хватало умѣнья, тщился придать выраженіе презрительнаго изумленія и даже соболѣзнованія, — взглянувъ на это румяное, пошлое лицо, онъ внезапно почувствовалъ приливъ гнѣва—и шагнулъ впередъ.

Джемма схватила его руку, и съ спокойной рѣшительностью подавъ ему свою, посмотрѣла прямо въ лицо своему бывшему жениху.... Тотъ прищурился, съёжился, вильнулъ въ сторону—и, пробормотавъ сквозь зубы: „обычный конецъ пѣсенки!“—(Das alte Ende vom Liede!)—удалился той же щегольской, слегка подпрыгивавшей походкой.

— Что̀ онъ сказалъ, негодяй!—спросилъ Санинъ, и хотѣлъ-было броситься вслѣдъ за Клюберомъ; но Джемма его удержала и пошла съ нимъ дальше, уже не принимая руки, продѣтой въ его руку.

Кондитерская Розелли показалась впереди. Джемма еще разъ остановилась.

— Dimitri, monsieur Dimitri,—сказала она:—мы еще не вошли туда, мы еще не видѣли мàмы.... Если вы хотите еще подумать, если.... вы еще свободны, Димитрій!

Въ отвѣтъ ей Санинъ крѣпко-крѣпко притиснулъ ея руку къ своей груди—и повлекъ ее впередъ.

— Мàма, — сказала Джемма, входя съ Санинымъ въ комнату, гдѣ сидѣла фрау Леноре:—я привела настоящаго!

XXIX.

Если бы Джемма объявила, что привела съ собою холеру или самую смерть, фрау Леноре, должно полагать, не могла бы съ бо̀льшимъ отчаяніемъ принять это извѣстіе. Она немедленно сѣла въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ,—и залилась слезами, почти заголосила, ни дать, ни взять, русская крестьянка надъ гробомъ мужа или сына. На первыхъ порахъ, Джемма до того смутилась, что даже не подошла къ матери—и остановилась, какъ статуя, посреди комнаты; а Санинъ совсѣмъ потерялся—хоть самому удариться въ слезы! Цѣлый часъ продолжался этотъ безутѣшный плачъ: цѣлый часъ! Панталеоне почелъ за лучшее запереть наружную дверь кондитерской, какъ бы кто чужой не вошелъ—благо, пора стояла ранняя. Старикъ самъ чувствовалъ недоумѣніе—и, во всякомъ случаѣ, не одобрялъ поспѣшности, съ которой поступили Джемма и Санинъ, а, впрочемъ, осуждать ихъ не рѣшался, и готовъ былъ ока-

зать имъ покровительство—въ случаѣ нужды: ужъ очень не любилъ онъ Клюбера! Эмиль считалъ себя посредникомъ между своимъ другомъ и сестрой — и чуть не гордился тѣмъ, что какъ это все превосходно удалось! Онъ никакъ не въ состояніи былъ понять, чего фрау Леноре такъ убивается, и въ сердцѣ своемъ онъ тутъ же рѣшилъ, что женщины, даже самыя лучшія, страдаютъ отсутствіемъ сообразительной способности! Санину приходилось хуже всѣхъ. Фрау Леноре поднимала вопль и отмахивалась руками, какъ только онъ приближался къ ней—и напрасно онъ попытался, стоя въ отдаленіи, нѣсколько разъ громко воскликнуть: „Прошу руки вашей дочери!“ Фрау Леноре особенно досадовала на себя за то, что: „какъ могла она быть до того слѣпою—и ничего не видѣть!“ „Былъ бы мой Джіован'Баттиста живъ“, твердила она сквозь слезы,—„ничего бы этого не случилось!“—„Господи, что же это такое? думалъ Санинъ—вѣдь это глупо, наконецъ!“ Ни самъ онъ не смѣлъ взглянуть на Джемму, ни она не рѣшалась поднять на него глаза. Она ограничивалась тѣмъ, что терпѣливо ухаживала за матерью, которая сначала и ее отталкивала....

Наконецъ, мало-по-малу, буря утихла. Фрау Леноре перестала плакать, дозволила Джеммѣ вывести ее изъ угла, куда она забилась, усадить ее въ кресло возлѣ окна и дать ей напиться воды съ флёръ-д'оранжемъ; дозволила Санину—не приблизиться!... о, нѣтъ!—но, по крайней мѣрѣ, остаться въ комнатѣ—(прежде она все требовала, чтобы онъ удалился)—и не перебивала его, когда онъ говорилъ. Санинъ немедленно воспользовался наступившимъ штилемъ—и выказалъ краснорѣчіе изумительное: едва ли бы сумѣлъ онъ съ такимъ жаромъ и съ такой убѣдительностью изложить свои намѣренія и свои чувства передъ самой Джеммой. Эти чувства были самыя искреннія, эти намѣренія—самыя чистыя, какъ у Альмавивы въ „Севиль-

скомъ Цирюльникѣ".—Онъ не скрывалъ ни отъ фрау Леноры, ни отъ самого себя невыгодной стороны этихъ намѣреній; но эти невыгоды были только кажущіяся! Правда: онъ чужестранецъ, съ нимъ недавно познакомились, не знаютъ ничего положительнаго ни объ его личности, ни объ его средствахъ; но онъ готовъ привести всѣ нужныя доказательства того, что онъ человѣкъ порядочный и не бѣдный; онъ сошлется на самыя несомнѣнныя свидѣтельства своихъ соотчичей?—Онъ надѣется, что Джемма будетъ счастлива съ нимъ, и что онъ сумѣетъ усладить ея разлуку съ родными!... Упоминовеніе разлуки—одно это слово: „разлука" — чуть-было не испортило всего дѣла.... Фрау Леноре такъ и затрепетала вся и заметалась.... Санинъ поспѣшилъ замѣтить, что разлука будетъ только временная—и что, наконецъ, быть-можетъ — ея не будетъ вовсе!

Краснорѣчіе Санина не пропало даромъ. Фрау Леноре начала взглядывать на него, хотя все еще съ горестью и упрекомъ, но уже не съ прежнимъ отвращеніемъ и гнѣвомъ; потомъ она позволила ему подойти, и даже сѣсть возлѣ нея (Джемма сидѣла по другую сторону); потомъ она стала упрекать его—не одними взорами, но словами, что̀ уже означало нѣкоторое смягченіе ея сердца; она стала жаловаться, и жалобы ея становились все тише и мягче; онѣ чередовались вопросами, обращенными то къ дочери, то къ Санину; потомъ она позволила ему взять ее за руку и не тотчасъ отняла ее.... потомъ она заплакала опять—но уже совсѣмъ другими слезами.... Потомъ она грустно улыбнулась и пожалѣла объ отсутствіи Джіован'Баттиста, но уже въ другомъ смыслѣ, чѣмъ прежде.... Прошло еще мгновенье—и оба преступника—Санинъ и Джемма—уже лежали на колѣняхъ у ногъ ея, и она клала имъ поочередно свои руки на головы; прошло другое мгновенье — и они уже обнимали и цѣловали ее, и Эмиль,

съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ, вбѣжалъ въ комнату и тоже бросился къ тѣсно-сплоченной группѣ.

Панталеоне глянулъ въ комнату, ухмыльнулся и нахмурился въ одно и то же время — и, отправившись въ кондитерскую, отперъ наружную дверь.

XXX.

Переходъ отъ отчаянія къ грусти, а отъ нея къ „тихой резиньяціи“ совершился довольно скоро въ фрау Леноре;— но и эта тихая резиньяція не замедлила превратиться въ тайное довольство, которое, однако, всячески скрывалось и сдерживалось ради приличія. Санинъ съ перваго дня знакомства пришелся понутру фрау Леноре; свыкшись съ мыслію, что онъ будетъ ея зятемъ, она уже не находила въ ней ничего особенно непріятнаго, хотя и считала долгомъ сохранить на лицѣ своемъ нѣсколько обиженное.... скорѣй озабоченное выраженіе. Къ тому же, все, что̀ произошло въ послѣдніе дни, было такъ необычайно....Одно къ одному! Какъ женщина практическая и какъ мать, фрау Леноре почла также своимъ долгомъ подвергнуть Санина разнообразнымъ вопросамъ: и Санинъ, который, отправляясь утромъ на свиданіе съ Джеммой, и въ помыслахъ не имѣлъ, что онъ женится на ней,—правда, онъ ни о чемъ тогда не думалъ, а только отдавался влеченію своей страсти—Санинъ съ полной готовностью и, можно сказать, съ азартомъ вошелъ въ свою роль, роль жениха, и на всѣ разспросы отвѣчалъ обстоятельно, подробно, охотно. Удостовѣрившись, что онъ настоящій, природный дворянинъ, и даже нѣсколько удивившись тому, что онъ не князь, фрау Леноре приняла серьезный видъ и—„предупредила его заранѣе — что будетъ съ нимъ совершенно безцеремонно

откровенна, потому что къ этому принуждаетъ ее священная обязанность матери!—на что̀ Санинъ отвѣчалъ, что онъ отъ нея иного не ожидалъ и самъ ее убѣдительно проситъ—не щадить его!

Тогда фрау Леноре замѣтила ему, что г. Клюберъ (произнесши это имя, она слегка вздохнула и сжала губы и запнулась) — г. Клюберъ, *бывшій* Джемминъ женихъ, ужѐ теперь обладаетъ восемью тысячами гульденовъ дохода — и съ каждымъ годомъ эта сумма будетъ быстро увеличиваться—а его, г-на Санина, каковъ доходъ?

— Восемь тысячъ гульденовъ, — повторилъ протяжно Санинъ....—Это на наши деньги—около пятнадцати тысячъ рублей ассигнаціями.... Мой доходъ гораздо меньше. У меня есть небольшое имѣніе въ Тульской губерніи.... При хорошо устроенномъ хозяйствѣ, оно можетъ дать—и даже непремѣнно должно дать тысячъ пять или шесть.... Да если я поступлю на службу—я легко могу получить тысячи двѣ жалованья.

— На службу въ Россіи?—воскликнула фрау Леноре.—Я, стало-быть, должна разстаться съ Джеммой!

— Можно будетъ опредѣлиться по дипломатической части,—подхватилъ Санинъ;—у меня есть нѣкоторыя связи.... Тогда служба происходитъ за границей. А то, вотъ еще что̀ можно будетъ сдѣлать — и это гораздо лучше всего: продать имѣніе и употребить вырученный капиталъ на какое-нибудь выгодное предпріятіе, напр., на усовершенствованіе вашей кондитерской.—Санинъ и чувствовалъ, что говоритъ нѣчто несообразное, но имъ овладѣла непонятная отвага! Онъ глянетъ на Джемму, которая съ тѣхъ поръ, какъ начался „практическій“ разговоръ, то и дѣло вставала, ходила по комнатѣ, садилась опять — глянетъ онъ на нее — и нѣтъ для него препятствій, и готовъ онъ устроить все, сейчасъ, самымъ лучшимъ образомъ—лишь бы она не тревожилась!

— Г-нъ Клюберъ тоже хотѣлъ дать мнѣ небольшую сумму на поправку кондитерской, — промолвила, послѣ небольшого колебанія, фрау Леноре.

— Матушка! ради Бога! матушка! — воскликнула Джемма по-итальянски.

— Объ этихъ вещахъ надо говорить заблаговременно, дочь моя,—отвѣчала ей фрау Леноре на томъ же языкѣ.

Она снова обратилась къ Санину и стала его разспрашивать о томъ, какіе законы существуютъ въ Россіи насчетъ браковъ, и нѣтъ ли препятствій для вступленія въ супружество съ католичками,—какъ въ Пруссіи? — (Въ то время, въ сороковомъ году, вся Германія еще помнила ссору прусскаго правительства съ кёльнскимъ архіепископомъ изъ-за смѣшанныхъ браковъ). Когда же фрау Леноре услыхала, что, выйдя замужъ за русскаго дворянина, ея дочь сама станетъ дворянкой — она выказала нѣкоторое удовольствіе. — Но вѣдь вы должны сперва отправиться въ Россію?

— Зачѣмъ?

— А какъ же? Получить позволеніе отъ вашего государя?

Санинъ объяснилъ ей, что это вовсе не нужно.... но что, быть-можетъ, ему, точно, придется передъ свадьбой съѣздить на самое короткое время въ Россію—(онъ сказалъ эти слова—и сердце въ немъ болѣзненно сжалось, глядѣвшая на него Джемма поняла, что оно сжалось—и покраснѣла и задумалась)—и что онъ постарается воспользоваться своимъ пребываніемъ на родинѣ, чтобы продать имѣніе.... во всякомъ случаѣ онъ вывезетъ оттуда нужныя деньги.

— Я бы также попросила васъ привезти мнѣ оттуда астраханскія хорошія мерлушки на мантилью,—проговорила фрау Леноре.—Онѣ тамъ, по слухамъ, удивительно хороши, и удивительно дешевы!

— Непремѣнно, съ величайшимъ удовольствіемъ привезу и вамъ—и Джеммѣ!—воскликнулъ Санинъ.

— А мнѣ вышитую серебромъ сафьянную шапочку,—вмѣшался Эмиль, выставивъ голову изъ сосѣдней комнаты.

— Хорошо—привезу и тебѣ.... и Панталеоне туфли.

— Ну, къ чему это? къ чему?—замѣтила фрау Леноре.—Мы говоримъ теперь о серьезныхъ вещахъ. Но вотъ еще что,—прибавила практическая дама.—Вы говорите: продать имѣніе. Но какъ же вы это сдѣлаете? Вы, сталобыть, и крестьянъ тоже продадите?

Санина точно что̀ въ бокъ кольнуло. Онъ вспомнилъ, что, разговаривая съ г-жей Розелли и ея дочерью — о крѣпостномъ правѣ, которое, по его словамъ, возбуждало въ немъ глубокое негодованіе, онъ неоднократно завѣрялъ ихъ, что никогда и ни за что своихъ крестьянъ продавать не станетъ, ибо считаетъ подобную продажу безнравственнымъ дѣломъ.

— Я постараюсь продать мое имѣніе человѣку, котораго я буду знать съ хорошей стороны,—произнесъ онъ не безъ запинки: — или, быть-можетъ, сами крестьяне захотятъ откупиться.

— Это лучше всего,—согласилась и фрау Леноре.—А то, продавать живыхъ людей.... — Barbari!—проворчалъ Панталеоне, который, вслѣдъ за Эмилемъ, показался было у дверей, тряхнулъ тупеемъ и скрылся.

„Скверно!“ подумалъ про себя Санинъ — и украдкой поглядѣлъ на Джемму. Она, казалось, не слышала его послѣднихъ словъ. „Ну, ничего!“ подумалъ онъ опять.

Такимъ манеромъ продолжался практическій разговоръ почти вплоть до самаго обѣда. Фрау Леноре совсѣмъ укротилась подъ конецъ — и называла уже Санина — Дмитріемъ, ласково грозила ему пальцемъ и обѣщала отомстить за его коварство. Много и подробно разспрашивала она объ его роднѣ, потому что—„это тоже очень

важно"; потребовала также, чтобы онъ описалъ ей церемонію брака, какъ онъ совершается по обряду русской церкви, — и заранѣе восхищалась Джеммой въ бѣломъ платьѣ, съ золотой короной на головѣ.

— Вѣдь она у меня красива, какъ королева,—промолвила она съ материнской гордостью;—да и королевъ такихъ на свѣтѣ нѣтъ!

— Другой Джеммы на свѣтѣ нѣтъ! — подхватилъ Санинъ.

— Да; оттого-то она и—Джемма! (Извѣстно, что на итальянскомъ языкѣ Джемма значитъ: драгоцѣнный камень).

Джемма бросилась цѣловать свою мать.... Казалось, только теперь она вздохнула свободно — и удручавшая ее тяжесть спала съ ея души.

А Санинъ вдругъ почувствовалъ себя до того счастливымъ, такою дѣтскою веселостью наполнилось его сердце при мысли, что вотъ, сбылись же, сбылись тѣ грезы, которымъ онъ недавно предавался въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ; все существо его до того взыграло, что онъ немедленно отправился въ кондитерскую; онъ пожелалъ непремѣнно, во что бы то ни стало, поторговать за прилавкомъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ.... „Я, молъ, имѣю полное теперь на это право! Я вѣдь теперь домашній человѣкъ!"

И онъ дѣйствительно сталъ за прилавокъ, и дѣйствительно поторговалъ, т. е. продалъ двумъ зашедшимъ дѣвочкамъ фунтъ конфетъ, вмѣсто котораго онъ имъ отпустилъ цѣлыхъ два, взявши съ нихъ только полцѣны.

За обѣдомъ онъ оффиціально, какъ женихъ, сидѣлъ рядомъ съ Джеммой. Фрау Леноре продолжала свои практическія соображенія. Эмиль то и дѣло смѣялся и приставалъ къ Санину, чтобы тотъ его взялъ съ собою въ Россію. Было рѣшено, что Санинъ уѣдетъ черезъ двѣ недѣли. Одинъ Панталеоне являлъ нѣсколько угрюмый видъ, такъ что

даже фрау Леноре ему попеняла. „А еще секундантомъ былъ!“—Панталеоне взглянулъ исподлобья.

Джемма молчала почти все время, но никогда ея лицо не было прекраснѣе и свѣтлѣе. Послѣ обѣда она отозвала Санина на минуту въ садъ и, остановившись около той самой скамейки, гдѣ она третьяго дня отбирала вишни, сказала ему:—Димитрій, не сердись на меня; но я еще разъ хочу напомнить тебѣ, что ты не долженъ почитать себя связаннымъ....

Онъ не далъ ей договорить....

Джемма отклонила свое лицо. — А насчетъ того, что мама упомянула — помнишь? — о различіи нашей вѣры, то вотъ!...

Она схватила гранатовый крестикъ, висѣвшій у ней на шеѣ на тонкомъ шнуркѣ, сильно дернула и оборвала шнурокъ—и подала ему крестикъ.

— Если я твоя, такъ и вѣра твоя—моя вѣра!

Глаза Санина были еще влажны, когда онъ вмѣстѣ съ Джеммой вернулся въ домъ.

Къ вечеру все пришло въ обычную колею. Даже въ тресетте поиграли.

XXXI.

Санинъ проснулся очень рано на слѣдующій день. Онъ находился на высшей степени человѣческаго благополучія; но не это мѣшало ему спать; вопросъ, жизненный, роковой вопросъ: какимъ образомъ онъ продастъ свое имѣніе какъ можно скорѣе и какъ можно выгоднѣе — тревожилъ его покой. Въ головѣ его скрещивались различнѣйшіе планы, но ничего пока еще не выяснилось. Онъ вышелъ изъ дому, чтобы провѣтриться, освѣжиться. Съ готовымъ проектомъ—не иначе—хотѣлъ онъ предстать передъ Джеммой.

Что̀ это за фигура, достаточно грузная и толстоногая, впрочемъ, прилично одѣтая, идетъ передъ нимъ, слегка переваливаясь и ковыляя? Гдѣ видѣлъ онъ этотъ затылокъ, поросшій бѣлобрысыми вихрами, эту голову, какъ-бы насаженную прямо на плечи, эту мягкую, жирную спину, эти пухлыя, отвислыя руки? Неужели это—Полозовъ, его старинный пансіонскій товарищъ, котораго онъ уже вотъ пять лѣтъ, какъ потерялъ изъ виду? Санинъ обогналъ шедшую передъ нимъ фигуру, обернулся.... Широкое, желтоватое лицо, маленькіе, свиные глазки съ бѣлыми рѣсницами и бровями, короткій, плоскій носъ, крупныя, словно склеенныя губы, круглый, безволосый подбородокъ—и это выраженіе всего лица, кислое, лѣнивое и недовѣрчивое—да, точно: это онъ, это Ипполитъ Полозовъ!

„Ужъ не опять ли моя звѣзда дѣйствуетъ?“ мелькнуло въ мысляхъ Санина.

— Полозовъ! Ипполитъ Сидоровичъ! Это ты?

Фигура остановилась, подняла свои крохотные глаза, подождала немного—и, расклеивъ наконецъ свои губы, проговорила сиповатой фистулой:

— Дмитрій Санинъ?

— Онъ самый и есть!—воскликнулъ Санинъ, и пожалъ одну изъ рукъ Полозова; облеченныя въ тѣсныя лайковыя перчатки сѣро-пепельнаго цвѣта, онѣ попрежнему безжизненно висѣли вдоль его выпуклыхъ ляжекъ.—Давно ли ты здѣсь? Откуда пріѣхалъ? Гдѣ остановился?

— Я пріѣхалъ вчера изъ Висбадена, — отвѣчалъ не спѣша Полозовъ:—за покупками для жены—и сегодня же возвращаюсь въ Висбаденъ.

— Ахъ, да! Вѣдь ты женатъ—и, говорятъ, на такой красавицѣ!

Полозовъ повелъ въ сторону глазами. — Да, говорятъ.

Санинъ засмѣялся. — Я вижу, ты все такой же.... флегматикъ, какимъ ты былъ въ пансіонѣ.

— На что я буду мѣняться?

— И говорятъ,—прибавилъ Санинъ, съ особымъ удареніемъ на слово: „говорятъ“—что твоя жена очень богата.

— Говорятъ и это.

— А тебѣ самому, Ипполитъ Сидорычъ, развѣ это неизвѣстно?

— Я, братъ, Дмитрій.... Павловичъ?—да, Павловичъ! въ женины дѣла не мѣшаюсь.

— Не мѣшаешься? Ни въ какія дѣла?

Полозовъ опять повелъ глазами.—Ни въ какія, братъ. Она—сама по себѣ.... ну, и я самъ по себѣ.

— Куда же ты теперь идешь?—спросилъ Санинъ.

— Теперь я никуда не иду; стою на улицѣ—и съ тобой бесѣдую; а вотъ, какъ мы съ тобой покончимъ, отправлюсь къ себѣ въ гостинницу—и буду завтракать.

— Меня въ товарищи—хочешь?

— То-есть—это ты насчетъ завтрака?

— Да.

— Сдѣлай одолженіе, ѣсть вдвоемъ гораздо веселѣе. Ты вѣдь не говорунъ?

— Не думаю.

— Ну, и ладно.

Полозовъ двинулся впередъ. Санинъ отправился съ нимъ рядомъ. И думалось Санину—губы Полозова опять склеились, онъ сопѣлъ и переваливался молча—думалось Санину: какимъ образомъ удалось этому чурбану подцѣпить красивую и богатую жену? Самъ онъ ни богатъ, ни знатенъ, ни уменъ; въ пансіонѣ слылъ за вялаго и тупого мальчика, за соню и обжору—и прозвище носилъ „слюняя“. Чудеса!

„Но если жена его очень богата — сказываютъ, она дочь какого-то откупщика—то не купитъ ли она мое имѣніе? Хотя онъ и говоритъ, что ни въ какія женины дѣла не входитъ, но вѣдь этому вѣры дать нельзя! Притомъ же,

и цѣну я назначу сходную, выгодную цѣну! Отчего не попытаться? Быть-можетъ, это все моя звѣзда дѣйствуетъ.... Рѣшено! попытаюсь!"

Полозовъ привелъ Санина въ одну изъ лучшихъ гостинницъ Франкфурта, въ которой занималъ уже, конечно, лучшій нумеръ. На столахъ и стульяхъ громоздились картоны, ящики, свертки.... „Все, братъ, покупки для Марьи Николаевны!" (такъ звали жену Ипполита Сидорыча). Полозовъ опустился въ кресло, простоналъ: „Эка жара!" и развязалъ галстукъ. Потомъ позвонилъ оберъ-кельнера и тщательно заказалъ ему обильнѣйшій завтракъ. „А въ часъ чтобы карета была готова! Слышите, ровно въ часъ!"

Оберъ-кельнеръ подобострастно наклонился—и рабски исчезъ.

Полозовъ разстегнулъ жилетъ. По одному тому, какъ онъ приподнималъ брови, отдувался и морщилъ носъ, можно было видѣть, что говорить будетъ для него большою тягостью, и что онъ не безъ нѣкоторой тревоги ожидалъ, заставитъ ли его Санинъ ворочать языкомъ, или самъ возьметъ на себя трудъ вести бесѣду?

Санинъ понялъ настроеніе своего пріятеля, и потому не сталъ обременять его вопросами; ограничился лишь самымъ необходимымъ; узналъ, что онъ два года состоялъ на службѣ — (въ уланахъ! то-то, чай, хорошъ былъ въ короткомъ-то мундирчикѣ), три года тому назадъ женился—и вотъ, уже второй годъ находится за границей съ женой, „которая теперь отъ чего-то лечится въ Висбаденѣ", — а тамъ отправляется въ Парижъ. Съ своей стороны, Санинъ также мало распространялся о своей прошедшей жизни, о своихъ планахъ; онъ прямо приступилъ къ главному—т. е. заговорилъ о своемъ намѣреніи продать имѣніе.

Полозовъ слушалъ его молча, лишь изрѣдка взглядывая на дверь, откуда долженъ былъ явиться завтракъ. Завтракъ

явился наконецъ. Оберъ-кельнеръ, въ сопровожденіи двухъ другихъ слугъ, принесъ нѣсколько блюдъ подъ серебряными колпаками.

— Это въ Тульской губерніи имѣніе? — промолвилъ Полозовъ, садясь за столъ и затыкая салфетку за воротъ рубашки.

— Въ Тульской.

— Ефремовскаго уѣзда.... Знаю.

— Ты мою Алексѣевку знаешь? — спросилъ Санинъ, тоже садясь за столъ.

— Знаю, какъ же. Полозовъ запихалъ себѣ въ ротъ кусокъ яичницы съ трюфелями.—У Марьи Николаевны—жены моей — по сосѣдству есть имѣніе.... Откупорьте эту бутылку, кельнеръ! Земля порядочная — только мужики у тебя лѣсъ вырубили. Ты зачѣмъ же продаешь?

— Деньги нужны, братъ. Я бы дешево продалъ. Вотъ бы тебѣ купить.... Кстати.

Полозовъ проглотилъ стаканъ вина, утерся салфеткой и опять принялся жевать—медленно и шумно.

— Н-да,—проговорилъ онъ наконецъ.... Я имѣній не покупаю: капиталовъ нѣтъ. Пододвинь-ка масло. Развѣ вотъ жена купитъ. Ты съ ней поговори. Коли дорого не запросишь — она этимъ не брезгаетъ.... Экіе, однако, эти нѣмцы—ослы! Не умѣютъ рыбу сварить. Чего, кажется, проще? А еще толкуютъ: „фатерландъ, молъ, объединить слѣдуетъ“. Кельнеръ, примите эту мерзость!

— Неужели же твоя жена сама распоряжается.... по хозяйству?—спросилъ Санинъ.

— Сама. Вотъ котлеты—хороши. Рекомендую. Я сказалъ тебѣ, Дмитрій Павловичъ, что ни въ какія женины дѣла я не вхожу—и теперь тебѣ тоже повторяю.

Полозовъ продолжалъ чавкать.

— Гмъ.... Но какъ я съ ней переговорить могу, Ипполитъ Сидорычъ?

— А очень просто, Дмитрій Павловичъ. Отправляйся въ Висбаденъ. Отсюда недалече. Кельнеръ, нѣтъ ли у васъ англійской горчицы? Нѣтъ? Скоты! Только времени не теряй. Мы послѣзавтра уѣзжаемъ. Позволь, я тебѣ налью рюмку: съ букетомъ вино—не кислятина.

Лицо Полозова оживилось и покраснѣло; оно и оживлялось только тогда, когда онъ ѣлъ.... или пилъ.

— Право же, я не знаю, какъ это сдѣлать?—пробормоталъ Санинъ.

— Да что тебѣ такъ вдругъ приспичило?

— То-то и есть, что приспичило, братъ.

— И большая сумма нужна?

— Большая. Я.... какъ бы это тебѣ сказать! я затѣялъ.... жениться.

Полозовъ поставилъ на столъ рюмку, которую поднесъ было къ губамъ.

— Жениться? — промолвилъ онъ хриплымъ, отъ изумленья хриплымъ голосомъ, и сложилъ свои пухлыя руки на желудкѣ.—Такъ скоропостижно?

— Да.... скоро.

— Невѣста—въ Россіи, разумѣется?

— Нѣтъ, не въ Россіи.

— Гдѣ же?

— Здѣсь, во Франкфуртѣ.

— И кто она?

— Нѣмка; то-есть, нѣтъ — итальянка. Здѣшняя жительница.

— Съ капиталомъ?

— Безъ капитала.

— Стало-быть, любовь ужъ очень сильная?

— Какой ты смѣшной! Да, сильная.

— И для этого тебѣ деньги нужны?

— Ну, да.... да, да.

Полозовъ проглотилъ вино, выполоскалъ ротъ себѣ и

руки вымылъ, старательно вытеръ ихъ о салфетку, досталъ и закурилъ сигару. Санинъ молча глядѣлъ на него.

— Одно средство, — промычалъ, наконецъ, Полозовъ, закидывая назадъ голову и выпуская дымъ тонкой струйкой. — Ступай къ женѣ. Она, коли захочетъ, всю бѣду твою руками разведетъ.

— Да какъ я ее увижу, жену твою? Ты говоришь, вы послѣзавтра уѣзжаете?

Полозовъ закрылъ глаза.

— Знаешь, что̀ я тебѣ скажу,—проговорилъ онъ, наконецъ, вертя губами сигару и вздыхая. Ступай-ка домой, снарядись попроворнѣе — да приходи сюда. Въ часъ я выѣзжаю, карета у меня просторная — я тебя съ собой возьму. Этакъ всего лучше. А теперь я посплю. Я, братъ, какъ поѣмъ, непремѣнно поспать долженъ. Натура требуетъ—и я не противлюсь. И ты не мѣшай мнѣ.

Санинъ подумалъ, подумалъ—и внезапно поднялъ голову: онъ рѣшился!

— Ну, хорошо, согласенъ — и благодарю тебя. Въ половинѣ перваго я здѣсь—и мы отправимся вмѣстѣ въ Висбаденъ. Я надѣюсь, жена твоя не разсердится....

Но Полозовъ уже сопѣлъ. Пролепеталъ: не мѣшай! поболталъ ногами и заснулъ, какъ младенецъ.

Санинъ еще разъ окинулъ взоромъ его грузную фигуру, его голову, шею, его высоко поднятый, круглый какъ яблоко подбородокъ — и, выйдя изъ гостинницы, проворными шагами направился къ кондитерской Розелли. Надо было предварить Джемму.

XXXII.

Онъ засталъ ее въ кондитерской комнатѣ, вмѣстѣ съ матерью. Фрау Леноре, перегнувши спину, измѣряла не-

большимъ складнымъ футомъ промежутокъ между окнами. Увидя Санина, она выпрямилась и весело привѣтствовала его, не безъ маленькаго замѣшательства, однако.

— У меня, съ вашихъ вчерашнихъ словъ, — начала она, — все въ головѣ вертятся мысли, какъ бы намъ улучшить нашъ магазинъ. Вотъ тутъ, я полагаю, два шкапчика съ зеркальными полочками поставить. Теперь, знаете, это въ модѣ. И потомъ еще....

— Прекрасно, прекрасно,—перебилъ ее Санинъ:—это все надо будетъ сообразить.... Но подите-ка сюда, я вамъ что̀ сообщу. Онъ взялъ фрау Леноре и Джемму подъ-руки и повелъ ихъ въ другую комнату. Фрау Леноре встревожилась, и мѣрку изъ рукъ выронила. Джемма встревожилась-было тоже, но глянула попристальнѣе на Санина и успокоилась. Лицо его, правда, озабоченное, выражало въ то же время оживленную бодрость и рѣшимость.

Онъ попросилъ обѣихъ женщинъ сѣсть, а самъ сталъ передъ ними—и размахивая руками, да ероша волосы, сообщилъ имъ все: встрѣчу съ Полозовымъ, предполагаемую поѣздку въ Висбаденъ, возможность продажи имѣнія.— Вообразите мое счастье,—воскликнулъ онъ наконецъ: — дѣло приняло такой оборотъ, что мнѣ даже, быть-можетъ, не зачѣмъ будетъ ѣхать въ Россію! И свадьбу мы можемъ сыграть гораздо скорѣе, чѣмъ я предполагалъ!

— Когда вы должны ѣхать?—спросила Джемма.

— Сегодня же — черезъ часъ; мой пріятель нанялъ карету—онъ меня довезетъ.

— Вы намъ напишете?

— Немедленно! какъ только переговорю съ этой дамой—такъ тотчасъ и напишу.

— Эта дама, вы говорите — очень богата?—спросила практическая фрау Леноре.

— Чрезвычайно! ея отецъ былъ милліонеромъ—и все ей оставилъ.

— Все — ей одной? Ну — это ваше счастье. Только, смотрите, не продешевите вашего имѣнія! Будьте благоразумны и тверды. Не увлекайтесь! Я понимаю ваше желаніе, быть какъ можно скорѣе мужемъ Джеммы.... но осторожность прежде всего! Не забудьте, чѣмъ вы дороже продадите имѣніе, тѣмъ больше останется вамъ обоимъ—и вашимъ дѣтямъ.

Джемма отвернулась, и Санинъ опять замахалъ руками. — Въ моей осторожности вы можете быть увѣрены, фрау Леноре! Да я и торговаться не стану. Скажу ей настоящую цѣну: дастъ—хорошо; не дастъ—Богъ съ ней.

— Вы съ ней знакомы.... съ этой дамой? — спросила Джемма.

— Я ее никогда въ лицо не видалъ.

— И когда же вы вернетесь?

— Если ничѣмъ не кончится наше дѣло — послѣзавтра; если же оно пойдетъ на ладъ — можетъ-быть, придется пробыть лишній день или два. Во всякомъ случаѣ—минуты не промѣшкаю. Вѣдь я душу свою оставлю здѣсь? Однако, я съ вами заговорился, а мнѣ нужно передъ отъѣздомъ еще домой сбѣгать.... Дайте мнѣ руку на счастье, фрау Леноре—у насъ въ Россіи всегда такъ дѣлается.

— Правую или лѣвую?

— Лѣвую—ближе къ сердцу. Явлюсь послѣзавтра — со щитомъ или на щитѣ! Мнѣ что-то говоритъ: я вернусь побѣдителемъ! Прощайте, мои добрыя, мои милыя....

Онъ обнялъ и поцѣловалъ фрау Леноре, а Джемму попросилъ пойти за нимъ въ ея комнату — на минутку— такъ какъ ему нужно сообщить ей — что-то очень важное. Ему просто хотѣлось проститься съ ней наединѣ. Фрау Леноре это поняла—и не полюбопытствовала узнать, какая это была такая важная вещь....

Санинъ никогда еще не бывалъ въ комнатѣ Джеммы.

Все обаяніе любви, весь ея огонь, и восторгъ, и сладкій ужасъ—такъ и вспыхнули въ немъ, такъ и ворвались въ его душу, какъ только онъ переступилъ завѣтный порогъ.... Онъ кинулъ вокругъ умиленный взоръ, палъ къ ногамъ милой дѣвушки и прижалъ лицо свое къ ея стану....

— Ты мой?—шепнула она:—ты вернешься скоро?

— Я твой.... я вернусь,—твердилъ онъ, задыхаясь.

— Я буду ждать тебя, мой милый!

Нѣсколько мгновеній спустя, Санинъ уже бѣжалъ по улицѣ къ себѣ на квартиру. Онъ и не замѣтилъ того, что вслѣдъ за нимъ, изъ двери кондитерской, весь растрепанный, выскочилъ Панталеоне—и что-то кричалъ ему и потрясалъ, и какъ будто грозилъ высоко поднятой рукою.

Ровно въ три четверти перваго Санинъ отъявился къ Полозову. У воротъ его гостинницы уже стояла карета, запряженная четырьмя лошадьми. Увидавъ Санина, Полозовъ только промолвилъ: „А! рѣшился?“ и, надѣвъ шляпу, шинель и калоши, заткнувъ себѣ хлопчатой бумагой уши, хотя дѣло было лѣтомъ, вышелъ на крыльцо. Кельнеры, по его указанію, расположили во внутренности кареты всѣ многочисленныя его покупки, обложили мѣсто его сидѣнья шелковыми подушечками, сумочками, узелками, поставили въ ноги коробъ съ провизіей и привязали къ козламъ чемоданъ. Полозовъ расплатился щедрой рукой—и, хотя сзади, но почтительно поддерживаемый услужливымъ привратникомъ, полѣзъ, кряхтя, въ карету, усѣлся, обмялъ хорошенько все вокругъ себя, выбралъ и закурилъ сигару—и тогда только кивнулъ пальцемъ Санину: „полѣзай, молъ, и ты!“ Санинъ помѣстился съ нимъ рядомъ. Полозовъ приказалъ черезъ привратника почталіону ѣхать исправно—если желаетъ получить на водку; подножки загремѣли, дверцы хлопнули, карета покатилась.

XXXIII.

Отъ Франкфурта до Висбадена теперь по желѣзной дорогѣ менѣе часа ѣзды; въ то время экстра-почта поспѣвала часа въ три. Лошадей мѣняли разъ пять. Полозовъ не то дремалъ, не то такъ покачивался, держа сигару въ зубахъ, и говорилъ очень мало; въ окошко не выглянулъ ни разу: живописными видами онъ не интересовался и даже объявилъ, что—„природа—смерть его!“ Санинъ тоже молчалъ и тоже не любовался видами: ему было не до того. Онъ весь отдался размышленіямъ, воспоминаніямъ. На станціяхъ Полозовъ аккуратно расплачивался, замѣчалъ время по часамъ и награждалъ почталіоновъ—мало или много, смотря по ихъ усердію. На полдорогѣ онъ досталъ изъ короба съ съѣстными припасами два апельсина, и, выбравъ лучшій, предложилъ Санину другой. Санинъ пристально поглядѣлъ на своего спутника — и вдругъ разсмѣялся.

— Чему ты?—спросилъ тотъ, старательно отдирая своими короткими бѣлыми ногтями кожу съ апельсина.

— Чему?—повторилъ Санинъ. — Да нашему съ тобой путешествію.

— А что?—переспросилъ Полозовъ, пропуская въ ротъ одинъ изъ тѣхъ продольныхъ ломтиковъ, на которые распадается мясо апельсина.

— Очень оно уже странно. Вчера я, признаться, такъ же мало думалъ о тебѣ, какъ о китайскомъ императорѣ,— а сегодня я ѣду съ тобой продавать мое имѣніе твоей женѣ, о которой тоже не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Всяко бываетъ,—отвѣчалъ Полозовъ.—Ты только поживи подольше — всего насмотришься. Напримѣръ, можешь ты себѣ представить меня подъѣзжающимъ на ординарцы? А я подъѣзжалъ; а великій князь Михаилъ

Павловичъ скомандовалъ: „рысью, рысью этого толстаго корнета! Прибавь рыси!“

Санинъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Ипполитъ Сидорычъ, какова твоя жена? Нравъ у ней каковъ? Мнѣ вѣдь это нужно знать.

— Ему хорошо командовать: „рысью!“—съ внезапной запальчивостью подхватилъ Полозовъ,—а мнѣ-то.... мнѣ-то каково? Я и думалъ: возьмите вы себѣ ваши чины да эполеты—ну ихъ съ Богомъ! Да.... ты о женѣ спрашивалъ? Что—жена? Человѣкъ, какъ всѣ. Пальца ей въ ротъ не клади — она этого не любитъ. Главное — говори побольше.... чтобы посмѣяться было надъ чѣмъ. Про любовь свою разскажи, что ли.... да позабавнѣй, знаешь.

— Какъ позабавнѣй?

— Да такъ же. Вѣдь ты мнѣ сказывалъ, что влюбленъ, жениться хочешь. Ну, вотъ, ты это и опиши.

Санинъ обидѣлся. — Что же въ этомъ ты находишь смѣшного?

Полозовъ только глазами повелъ. Сокъ отъ апельсина текъ по его подбородку.

— Это твоя жена тебя во Франкфуртъ за покупками посылала?—спросилъ Санинъ, спустя немного времени.

— Она самая.

— Какія же это покупки?

— Извѣстно: игрушки.

— Игрушки? развѣ у тебя есть дѣти?

Полозовъ даже посторонился отъ Санина.—Вона! Съ какой стати у меня будутъ дѣти? Женскіе колифишэ.... Уборы. По части туалета.

— Ты развѣ въ этомъ толкъ знаешь?

— Знаю.

— Какъ же ты мнѣ говорилъ, что ни во что женино не входишь?

— Въ другое не вхожу. А это.... ничего. Отъ скуки— можно. Да и жена вкусу моему вѣритъ. Я жъ и торговаться лихъ.

Полозовъ начиналъ говорить отрывисто; онъ уже усталъ.

— И очень жена твоя богата?

— Богата-то, богата. Только больше для себя.

— Однако, кажется, и ты пожаловаться не можешь?

— На то я мужъ. Еще бы мнѣ не пользоваться! И полезный же я ей человѣкъ! Ей со мной — лафа! Я — удобный!

Полозовъ утеръ лицо фуляромъ и тяжело фукнулъ: „пощади, дескать; не заставляй еще произносить слова. Видишь, какъ оно мнѣ трудно".

Санинъ оставилъ его въ покоѣ — и снова погрузился въ размышленія.

Гостинница въ Висбаденѣ, передъ которой остановилась карета — уже прямо смахивала на дворецъ. Колокольчики немедленно зазвонили въ ея нѣдрахъ, поднялась суетня и бѣготня; благообразные люди въ черныхъ фракахъ запрыгали у главнаго входа; залитый золотомъ швейцаръ съ размаху отворилъ дверцы кареты.

Какъ нѣкій тріумфаторъ высадился Полозовъ и началъ подниматься по устланной коврами и благовонной лѣстницѣ. Къ нему подлетѣлъ человѣкъ, тоже отлично одѣтый, но съ русскимъ лицомъ — его камердинеръ. Полозовъ замѣтилъ ему, что впредь будетъ всегда брать его съ собою — ибо, наканунѣ, во Франкфуртѣ, его, Полозова, оставили на ночь безъ теплой воды! Камердинеръ изобразилъ ужасъ на лицѣ — и, проворно наклонясь, снялъ съ барина калоши.

— Марья Николаевна дома?— спросилъ Полозовъ.

— Дома-съ. Изволятъ одѣваться. У графини Ласунской изволятъ обѣдать.

— А! у этой!... Стой! Тамъ вещи въ каретѣ, все вынь самъ и внеси. А ты, Дмитрій Павловичъ, — прибавилъ Полозовъ,—возьми себѣ комнату, да черезъ три четверти часа и приходи. Пообѣдаемъ вмѣстѣ.

Полозовъ пошлылъ дальше, а Санинъ спросилъ себѣ нумеръ попроще—и, приведя туалетъ свой въ порядокъ, да отдохнувъ немножко—отправился въ громадный аппартаментъ, занимаемый его свѣтлостью (Durchlaucht) княземъ фонъ-Полозо̀фъ.

Онъ засталъ этого „князя“ возсѣдающимъ на роскошнѣйшемъ бархатномъ креслѣ посреди великолѣпнѣйшаго салона. Флегматическій пріятель Санина успѣлъ уже ванну взять и облачиться въ богатѣйшій атласный шлафрокъ; на голову онъ надѣлъ малиновую феску. Санинъ приблизился къ нему и нѣкоторое время разсматривалъ его. Полозовъ сидѣлъ неподвижно, какъ идолъ; даже лица въ его сторону не повернулъ, даже бровью не повелъ, звука не издалъ. Зрѣлище было, поистинѣ, величественное! Полюбовавшись имъ минуты съ двѣ, Санинъ хотѣлъ-было заговорить, нарушить эту священную тишину—какъ вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась, и на порогѣ появилась молодая, красивая дама въ бѣломъ шелковомъ платьѣ съ черными кружевами, въ брилліантахъ на рукахъ и на шеѣ — сама Марья Николаевна Полозова. Ея густые, русые волосы падали съ обѣихъ сторонъ головы—заплетенными, но не подобранными косами.

XXXIV.

— Ахъ, извините! проговорила она съ полу-смущенной, полу-насмѣшливой улыбкой, мгновенно прихвативъ рукою

конецъ одной косы и вперивъ на Санина свои большіе, сѣрые, свѣтлые глаза.—Я не думала, что вы уже пришли.

— Санинъ, Дмитрій Павловичъ, пріятель мой съ дѣтства,—промолвилъ Полозовъ, попрежнему не оборачиваясь къ нему и не вставая, но указывая на него пальцемъ.

— Да.... знаю.... Ты мнѣ уже сказывалъ. Очень рада познакомиться. Но я хотѣла-было попросить тебя, Ипполитъ Сидорычъ.... Моя горничная сегодня какая-то безтолковая....

— Волосы тебѣ убрать?

— Да, да, пожалуйста. Извините,—повторила Марья Николаевна съ прежней улыбкой, кивнула головою Санину и, быстро повернувшись, скрылась за дверью, оставивъ за собою мимолетное, но стройное впечатлѣніе прелестной шеи, удивительныхъ плечъ, удивительнаго стана.

Полозовъ всталъ—и, тяжело переваливаясь, ушелъ въ ту же дверь.

Санинъ ни одной секунды не сомнѣвался въ томъ, что присутствіе его въ салонѣ „князя Полозова“ было какъ нельзя лучше извѣстно самой хозяйкѣ; весь форсъ состоялъ въ томъ, чтобы показать свои волосы, которые были, точно, хороши. Санинъ внутренно даже порадовался этой выходкѣ г-жи Полозовой: коли, молъ, захотѣли меня поразить, блеснуть передо мною—можетъ-быть, какъ знать? и насчетъ цѣны на имѣніе окажутъ податливость. Его душа до того была наполнена Джеммой, что всѣ другія женщины уже не имѣли для него никакого значенія: онъ едва замѣчалъ ихъ; и на этотъ разъ онъ ограничился только тѣмъ, что подумалъ: да, правду говорили мнѣ: эта барыня хоть куда!“

А будь онъ не въ такомъ исключительномъ душевномъ состояніи, онъ бы, вѣроятно, иначе выразился: Марія Николаевна Полозова, урожденная Колышкина, была очень замѣчательная особа. И не то, чтобы она была отъявленная красавица; въ ней даже довольно явственно сказывались

слѣды ея плебейскаго происхожденія. Лобъ у ней былъ низкій, носъ нѣсколько мясистый и вздернутый; ни тонкостью кожи, ни изяществомъ рукъ и ногъ она похвалиться не могла—но что все это значило? Не передъ „святыней красоты“, говоря словами Пушкина, остановился бы всякій, кто бы встрѣтился съ нею, но передъ обаяніемъ мощнаго, не то русскаго, не то цыганскаго, цвѣтущаго женскаго тѣла.... и не невольно остановился бы онъ!

Но образъ Джеммы охранялъ Санина, какъ та тройная броня, о которой поютъ стихотворцы.

Минутъ десять спустя, Марья Николаевна появилась опять въ сопровожденіи своего супруга. Она подошла къ Санину.... а походка у ней была такая, что иные чудаки въ тѣ, увы! уже далекія времена — отъ одной этой походки съ ума сходили. „Эта женщина, когда идетъ къ тебѣ, точно все счастье твоей жизни тебѣ навстрѣчу несетъ“, говаривалъ одинъ изъ нихъ. Она подошла къ Санину—и, протянувъ ему руку, промолвила своимъ ласковымъ и какъ-бы сдержаннымъ голосомъ по-русски: „Вы меня дождетесь, неправда ли? Я вернусь скоро“.

Санинъ наклонился почтительно, а Марья Николаевна уже исчезала за портьерой выходной двери—и, исчезая, опять повернула голову назадъ, черезъ плечо—и опять улыбнулась, и опять оставила за собою прежнее, стройное впечатлѣніе.

Когда она улыбалась — не одна и не двѣ, а цѣлыхъ три ямочки обозначались на каждой щекѣ — и ея глаза улыбались больше чѣмъ губы, чѣмъ ея алыя, длинныя, вкусныя губы, съ двумя крошечными родинками на лѣвой ихъ сторонѣ.

Полозовъ ввалился въ комнату — и опять помѣстился на креслѣ. Безмолвствовалъ онъ попрежнему; но странная усмѣшка отъ времени до времени пучила его безцвѣтныя и уже сморщенныя щеки.

Онъ былъ старообразенъ, хотя всего тремя годами старше Санина.

Обѣдъ, которымъ онъ попотчивалъ своего гостя, конечно, удовлетворилъ бы самаго взыскательнаго гастронома, но Санину онъ показался безконечнымъ, несноснымъ! Полозовъ ѣлъ медленно, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, внимательно наклоняясь надъ тарелкой, нюхая чуть не каждый кусокъ; сперва пополощетъ себѣ ротъ виномъ, потомъ уже проглотитъ и губами пошлепаетъ.... А за жаркимъ онъ вдругъ разговорился — но о чемъ? О мериносахъ, которыхъ намѣревался выписать цѣлое стадо, да такъ подробно, съ такой нѣжностью, употребляя все уменьшительныя имена. Выпивъ чашку горячаго, какъ кипятокъ, кофе — (онъ нѣсколько разъ, слезливо-раздраженнымъ голосомъ, напомнилъ кельнеру, что наканунѣ ему подали кофе — холодный, холодный, какъ ледъ!) и прикусивъ гаванскую сигару своими желтыми, кривыми зубами — онъ, по обычаю своему, задремалъ, къ великой радости Санина, который началъ ходить взадъ и впередъ, неслышными шагами, по мягкому ковру — и мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ жить съ Джеммой, и съ какимъ извѣстіемъ вернется къ ней. Однако, Полозовъ проснулся, по собственному замѣчанію, раньше обыкновеннаго, — онъ поспалъ всего полтора часика, и, выпивъ стаканъ зельтерской воды со льдомъ, да проглотивъ ложекъ съ восемь варенья, русскаго варенья, которое принесъ ему камердинеръ въ темнозеленой, настоящей „кіевской“ банкѣ, и безъ котораго онъ, по его словамъ, жить не могъ — онъ уставился припухшими глазами на Санина и спросилъ его, не хочетъ ли онъ поиграть съ нимъ въ дурачки? Санинъ охотно согласился; онъ боялся, какъ бы Полозовъ опять не заговорилъ о барашкахъ, да о яречкахъ, да о курдючкахъ съ жиркомъ. Хозяинъ и гость—

оба перешли въ гостиную, кельнеръ принесъ карты — и началась игра, разумѣется, не на деньги.

За этимъ невиннымъ занятіемъ застала ихъ Марья Николаевна, вернувшись отъ графини Ласунской.

Она громко разсмѣялась, какъ только вошла въ комнату и увидала карты и раскрытый ломберный столъ. Санинъ вскочилъ съ мѣста, но она воскликнула: „Сидите, играйте. — Я сейчасъ переодѣнусь и къ вамъ вернусь“ — и опять исчезла, прошумѣвъ платьемъ и сдергивая перчатки на ходу.

Она, точно, вернулась очень скоро. Свое нарядное платье она замѣнила широкой шелковой блузой лиловаго цвѣта съ открытыми висячими рукавами; толстый крученый шнурокъ перехватывалъ ея талью. Она подсѣла къ мужу—и дождавшись, что онъ остался въ дуракахъ, сказала ему: „Ну, пышка, довольно! (при словѣ: „пышка“, Санинъ съ изумленіемъ глянулъ на нее—а она весело улыбнулась, отвѣчая взглядомъ на его взглядъ — и выказывая всѣ свои ямочки на щекахъ) — довольно; я вижу, ты спать хочешь; цѣлуй ручку и отправляйся; а мы съ г-мъ Санинымъ побесѣдуемъ вдвоемъ“.

— Спать я не хочу, — промолвилъ Полозовъ, грузно поднимаясь съ кресла:—а отправиться — отправлюсь, и ручку поцѣлую. — Она подставила ему свою ладонь, не переставая улыбаться и глядѣть на Санина.

Полозовъ тоже глянулъ на него — и ушелъ, не простившись.

— Ну, разсказывайте, разсказывайте, — съ живостью проговорила Марья Николаевна, разомъ ставя оба обнаженные локтя на столъ и нетерпѣливо постукивая ногтями одной руки о ногти другой. Правда, вы, говорятъ, женитесь?

Сказавъ эти слова, Марья Николаевна даже голову немножко на бокъ нагнула, чтобы пристальнѣе и пронзительнѣе заглянуть Санину въ глаза.

XXXV.

Развязное обхожденіе г-жи Полозовой вѣроятно на первыхъ порахъ смутило бы Санина — хотя онъ новичкомъ не былъ и уже потерся между людьми — если бы въ самой этой развязности и фамиліарности онъ опять-таки не увидѣлъ хорошаго предзнаменованія для своего предпріятія. „Будемъ потакать капризамъ этой богатой барыни“, рѣшилъ онъ про себя — и такъ же непринужденно, какъ она его спрашивала, отвѣтилъ ей:—Да, я женюсь.

— На комъ? На иностранкѣ?

— Да.

— Вы недавно съ ней познакомились? Во Франкфуртѣ?

— Точно такъ.

— И кто она такая? Можно узнать?

— Можно. Она дочь кондитера.

Марья Николаевна широко раскрыла глаза и подняла брови.

— Да вѣдь это прелесть,—проговорила она медлительнымъ голосомъ:—это чудо! Я уже полагала, что такихъ молодыхъ людей, какъ вы, на свѣтѣ больше не встрѣчается. Дочь кондитера!

— Васъ это, я вижу, удивляетъ,—замѣтилъ, не безъ достоинства, Санинъ,—но, во-первыхъ: у меня вовсе нѣтъ тѣхъ предразсудковъ....

— *Во-первыхъ,* это меня нисколько не удивляетъ, — перебила Марья Николаевна:—предразсудковъ и у меня нѣтъ. Я сама дочь мужика. А? что̀ взяли? Меня удивляетъ и радуетъ то, что, вотъ, человѣкъ не боится любить. Вѣдь вы ее любите?

— Да.

— Она очень хороша собою?

Санина слегка покоробило отъ этого послѣдняго вопроса.... Однако, отступать уже не приходилось.

— Вы знаете, Марья Николаевна,—началъ онъ:—всякому человѣку лицо его возлюбленной кажется лучше всѣхъ другихъ; но моя невѣста—дѣйствительно красавица.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ какомъ родѣ? итальянскомъ? античномъ?

— Да; у ней очень правильныя черты.

— Съ вами нѣтъ ея портрета?

— Нѣтъ! (Въ то время о фотографіяхъ еще помину не было. Дагерротипы едва стали распространяться).

— Какъ ее зовутъ?

— Ея имя—Джемма.

— А ваше—какъ?

— Дмитрій.

— По отчеству?

— Павловичъ.

— Знаете что̀, — проговорила Марья Николаевна, все тѣмъ же медлительнымъ го̀лосомъ:—вы мнѣ очень нравитесь, Дмитрій Павловичъ. Вы, должно-быть, хорошій человѣкъ. Дайте-ка мнѣ вашу руку. Будемте пріятелями.

Она крѣпко пожала его руку своими красивыми, бѣлыми, сильными пальцами. Ея рука была немногимъ меньше его руки—но гораздо теплѣй и глаже, и мягче, и жизненнѣй.

— Только, знаете что̀ мнѣ приходитъ въ голову?

— Что̀?

— Вы не разсердитесь? Нѣтъ? Она, вы говорите, ваша невѣста. Но развѣ.... развѣ это непремѣнно было нужно?

Санинъ нахмурился. — Я васъ не понимаю, Марья Николаевна.

Марья Николаевна засмѣялась тихонько — и, встряхнувъ головою, откинула назадъ падавшіе ей на щеки волосы.—Рѣшительно—онъ прелесть,—промолвила она не то задумчиво, не то разсѣянно.—Рыцарь! Подите, вѣрьте

послѣ этого людямъ, которые утверждаютъ, что идеалисты всѣ перевелись!

Марья Николаевна все время говорила по-русски удивительно-чистымъ, прямо московскимъ языкомъ — народнаго, не дворянскаго пошиба.

— Вы навѣрное дома воспитывались, въ старозавѣтномъ, богобоязненномъ семействѣ? — спросила она.—Вы какой губерніи?

— Тульской.

— Ну! такъ мы однокорытники. Мой отецъ.... Вѣдь вамъ извѣстно, кто былъ мой отецъ?

— Да, извѣстно.

— Онъ въ Тулѣ родился.... Тулякъ былъ. Ну, хорошо.... (Это „хорошо“ Марья Николаевна уже съ намѣреніемъ выговорила совсѣмъ по-мѣщанскому — вотъ такъ: хершòо). Ну, давайте же теперь, за дѣло примемся.

— То-есть.... какъ же это такъ, за дѣло приняться? Что вамъ угодно этимъ сказать?

Марья Николаевна прищурилась.—Да вы зачѣмъ сюда пріѣхали? (Когда она щурила глаза, выраженіе ихъ становилось очень ласковымъ и немного насмѣшливымъ; когда же она раскрывала ихъ во всю величину—въ ихъ свѣтломъ, почти холодномъ блескѣ проступало что-то недоброе.... что-то угрожающее. Особенную красоту придавали ея глазамъ—ея брови, густыя, немного надвинутыя, настоящія соболиныя). Вы хотите, чтобы я у васъ купила имѣніе? Вамъ нужны деньги для вашего бракосочетанія? Не такъ ли?

— Да, нужны.

— И много вамъ ихъ требуется?

— На первый случай, я бы удовольствовался нѣсколькими тысячами франковъ. Вашему супругу мое имѣніе извѣстно. Вы можете посовѣтоваться съ нимъ—а я бы взялъ цѣну недорогую.

Марья Николаевна повела головой направо и налѣво.— *Во-первыхъ*, начала она, съ разстановкой, ударяя концами пальцевъ по обшлагу Санинскаго сюртука:— я не имѣю привычки совѣтоваться съ мужемъ, развѣ, вотъ, насчетъ туалета—онъ на это у меня молодецъ; а *во-вторыхъ*, зачѣмъ вы говорите, что вы цѣну назначите недорогую? Я не хочу воспользоваться тѣмъ, что вы теперь очень влюблены и готовы на всякія жертвы.... Я никакихъ жертвъ отъ васъ не приму. Какъ? Вмѣсто того, чтобы поощрять въ васъ.... ну, какъ бы это сказать получше? благородныя чувства, что ли? я васъ стану обдирать какъ липку? Это не въ моихъ привычкахъ. Когда случится, я людей не щажу—только не такимъ манеромъ.

Санинъ никакъ не могъ понять, что она—смѣется ли надъ нимъ, или говоритъ серьезно? а только думалъ про себя: „о, да съ тобой держи ухо востро!“

Слуга вошелъ съ русскимъ самоваромъ, чайнымъ приборомъ, сливками, сухарями и т. п., на большомъ подносѣ, разставилъ всю эту благодать на столѣ между Санинымъ и г-жею Полозовой—и удалился.

Она налила ему чашку чаю.—Вы не брезгаете?—спросила она, накладывая ему сахаръ въ чашку пальцами.... а щипчики лежали тутъ же.

— Помилуйте!... Отъ такой прекрасной руки....

Онъ не закончилъ фразы и чуть не поперхнулся глоткомъ чаю, а она внимательно и ясно глядѣла на него.

— Я потому упомянулъ о недорогой цѣнѣ моего имѣнія,—продолжалъ онъ:—что такъ какъ вы теперь находитесь за границей, то я не могу предполагать у васъ много свободныхъ денегъ, и наконецъ, я самъ чувствую, что продажа.... или покупка имѣнія, при подобныхъ условіяхъ—есть нѣчто ненормальное, и я долженъ взять это въ соображеніе.

Санинъ путался и сбивался, а Марья Николаевна ти-

хонько отклонилась на спинку кресла, скрестила руки и глядѣла на него тѣмъ же внимательнымъ и яснымъ взглядомъ. Онъ наконецъ умолкъ.

— Ничего, говорите, говорите,—промолвила она, какъ бы приходя ему на помощь: — я васъ слушаю — мнѣ пріятно васъ слушать; говорите.

Санинъ принялся описывать свое имѣніе, сколько въ немъ десятинъ, и гдѣ оно находится, и каковы въ немъ хозяйственныя угодья, и какія можно извлечь изъ него выгоды.... упомянулъ даже о живописномъ мѣстоположеніи усадьбы; а Марья Николаевна все глядѣла да глядѣла на него—все свѣтлѣе и пристальнѣе, и губы ея чуть-чуть двигались, безъ улыбки: она покусывала ихъ. Ему стало неловко наконецъ; онъ замолчалъ вторично.

— Дмитрій Павловичъ,—начала Марья Николаевна—и задумалась....—Дмитрій Павловичъ,—повторила она....—Знаете что̀: я увѣрена, что покупка вашего имѣнія—очень выгодная для меня аффера и что мы сойдемся; но вы должны мнѣ дать.... два дня—да, два дня сроку. Вѣдь вы въ состояніи на два дня разстаться съ вашей невѣстой? Дольше я васъ не продержу, противъ вашей воли — даю вамъ честное слово. Но если вамъ нужны теперь же пять-шесть тысячъ франковъ я съ великимъ удовольствіемъ готова предложить вамъ ихъ взаймы—а тамъ мы сочтемся.

Санинъ поднялся.—Я долженъ благодарить васъ, Марья Николаевна, за вашу радушную и любезную готовность услужить человѣку, почти совсѣмъ вамъ незнакомому.... Но если уже вамъ непремѣнно такъ угодно, то я предпочту дождаться вашего рѣшенія насчетъ моего имѣнія—останусь здѣсь два дня.

— Да; мнѣ такъ угодно, Дмитрій Павловичъ. А вамъ будетъ очень тяжело? Очень? Скажите.

— Я люблю свою невѣсту, Марья Николаевна — разлука съ ней мнѣ не легка.

— Ахъ, вы золотой человѣкъ!—со вздохомъ промолвила Марья Николаевна.—Обѣщаюсь не слишкомъ томить васъ. Вы уходите?

— Уже поздно,—замѣтилъ Санинъ.

— А вамъ надо отдохнуть отъ дороги — и отъ игры въ дурачки съ моимъ мужемъ. Скажите—вы Ипполиту Сидорычу, моему мужу, большой пріятель?

— Мы воспитывались въ одномъ пансіонѣ.

— И онъ уже тогда былъ такой?

— Какой „такой?“—спросилъ Санинъ.

Марья Николаевна вдругъ засмѣялась, засмѣялась до красноты всего лица, поднесла платокъ къ губамъ, встала съ кресла—и, покачиваясь, какъ усталая, подошла къ Санину и протянула ему руку.

Онъ раскланялся—и направился къ двери.

— Извольте завтра пораньше явиться — слышите? — крикнула она ему вслѣдъ. Онъ глянулъ назадъ, уходя изъ комнаты—и увидѣлъ, что она опять опустилась въ кресло и закинула обѣ руки за голову. Широкіе рукава блузы скатились почти до самыхъ плечъ—и нельзя было не сознаться, что поза этихъ рукъ, что вся эта фигура была обаятельно-прекрасна.

XXXVI.

Далеко за полночь горѣла лампа въ комнатѣ Санина. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ „своей Джеммѣ“. Разсказалъ ей все; описалъ ей Полозовыхъ — мужа и жену— впрочемъ, больше распространялся насчетъ собственныхъ чувствъ—и кончилъ тѣмъ, что назначилъ ей свиданіе черезъ три дня!!! (съ тремя восклицательными знаками). Утромъ рано онъ отнесъ это письмо на почту и пошелъ прогуляться по саду Кургауза, гдѣ уже играла музыка. На-

роду было еще мало; онъ постоялъ передъ бесѣдкой, въ которой помѣщался оркестръ, прослушалъ попурри изъ „Роберта-Дьявола“—и, напившись кофе, отправился въ боковую, уединенную аллею, присѣлъ на лавочку—и задумался.

Ручка зонтика проворно—и довольно крѣпко—постучала по его плечу. Онъ встрепенулся.... Передъ нимъ, въ легкомъ, сѣро-зеленомъ барежевомъ платьѣ, въ бѣлой тюлевой шляпкѣ, въ шведскихъ перчаткахъ, свѣжая и розовая, какъ лѣтнее утро, но съ неисчезнувшей еще нѣгой безмятежнаго сна въ движеніяхъ и во взорахъ, стояла Марья Николаевна.

— Здравствуйте,—промолвила она.—Я сегодня посылала за вами, да вы уже ушли. Я только-что отпила свой второй стаканъ—меня, вы знаете, заставляютъ здѣсь воду пить—Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ.... ужъ я ли не здорова? И вотъ, я должна гулять цѣлый часъ. Хотите вы быть моимъ спутникомъ? А тамъ мы кофе напьемся.

— Я уже пилъ,—промолвилъ Санинъ, вставая:—но я очень радъ гулять съ вами.

— Ну, такъ дайте же мнѣ вашу руку.... Не бойтесь: вашей невѣсты здѣсь нѣтъ—она васъ не увидитъ.

Санинъ принужденно улыбнулся. Онъ испытывалъ ощущеніе непріятное всякій разъ, когда Марья Николаевна упоминала о Джеммѣ. Однако; онъ поспѣшно и послушно наклонился.... Рука Марьи Николаевны медленно и мягко опустилась на его руку—и скользнула по ней, и какъ бы прильнула къ ней.

— Пойдемте—вотъ сюда,—сказала она ему, закинувъ раскрытый зонтикъ за плечо.—Я въ здѣшнемъ паркѣ какъ дома: поведу васъ по хорошимъ мѣстамъ. И знаете что: (она часто употребляла эти два слова)—мы съ вами не будемъ говорить теперь объ этой покупкѣ; мы о ней послѣ завтрака хорошенько потолкуемъ; а вы должны мнѣ теперь

разсказать о себѣ.... чтобы я знала съ кѣмъ я имѣю дѣло. А послѣ, если хотите, я вамъ о себѣ поразскажу. Согласны?

— Но, Марья Николаевна, что̀ можетъ быть для васъ интереснаго....

— Постойте, постойте. Вы не такъ меня поняли. Я съ вами не кокетничать хочу.—Марья Николаевна пожала плечами.—У него̀ невѣста, какъ древняя статуя, а я буду съ нимъ кокетничать?! Но у васъ товаръ—а я купецъ. Я и хочу знать, каковъ у васъ товаръ. Ну-ка, показывайте—каковъ онъ? Я хочу знать не только что̀ я покупаю, но и у кого я покупаю. Это было правило моего батюшки. Ну, начинайте.... Ну хоть не съ дѣтства—ну вотъ—давно ли вы за границей? И гдѣ вы были до сихъ поръ? Только идите тише—намъ некуда спѣшить.

— Я сюда прибылъ изъ Италіи, гдѣ я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— А у васъ, видно, особое влеченіе ко всему итальянскому? Странно, что вы не *тамъ* нашли свой предметъ. Вы любите художества? картины? или больше—музыку?

— Я люблю искусство.... Я все прекрасное люблю.

— И музыку?

— И музыку тоже.

— А я ея совсѣмъ не люблю. Нравятся мнѣ однѣ русскія пѣсни—и то *въ* деревнѣ, и то весной—съ пляской, знаете.... Красные кумачи, поднизи, на выгонѣ молоденькая травка, дымко̀мъ попахиваетъ.... чудесно! Но не обо мнѣ рѣчь. Говорите же, разсказывайте.

Марья Николаевна сама шла, а сама то и дѣло взглядывала на Санина. Она была высокаго роста—ея лицо приходилось почти въ уровень съ его лицомъ.

Онъ принялся разсказывать — сначала неохотно, не умѣло—а потомъ разговорился, разболтался даже. Марья Николаевна очень умно слушала; да къ тому же она сама казалась до того откровенной, что невольно и другихъ вы-

зывала на откровенность. Она обладала тѣмъ великимъ даромъ „обиходности“—le terrible don de la familiarité, о которомъ упоминаетъ кардиналъ Ретцъ. Санинъ говорилъ о своихъ путешествіяхъ, о житьѣ въ Петербургѣ, о своей молодости.... Будь Марья Николаевна свѣтской дамой, съ утонченными манерами—онъ никогда бы такъ не распустился; но она сама называла себя добрымъ малымъ, не терпящимъ никакихъ церемоній; она именно такъ отрекомендовала себя Санину. И въ то же время этотъ „добрый малый, шелъ рядомъ съ нимъ кошачьей походкой, слегка прислоняясь къ нему, и заглядывалъ ему въ лицо;—и шелъ онъ въ образѣ молодого женскаго существа, отъ котораго такъ и вѣяло тѣмъ разбирающимъ и томящимъ, тихимъ и жгучимъ соблазномъ, какимъ способны донимать нашего брата—грѣшнаго, слабаго мужчину однѣ—и то нѣкоторыя, и то не чистыя, а съ надлежащей помѣсью—славянскія натуры!

Прогулка Санина съ Марьей Николаевной, бесѣда Санина съ Марьей Николаевной продолжалась часъ слишкомъ. И ни разу они не останавливались—все шли да шли по безконечнымъ аллеямъ парка, то поднимаясь на гору и на ходу любуясь видомъ, то спускаясь въ долину и укрываясь въ непроницаемую тѣнь—и все рука съ рукой. Временами Санину даже досадно становилось: онъ съ Джеммой, съ своей милой Джеммой никогда такъ долго не гулялъ.... а тутъ эта барыня завладѣла имъ—и баста! — Не устали ли вы?—спрашивалъ онъ ее не однажды.—Я никогда не устаю,—отвѣчала она. Изрѣдка имъ попадались гуляющіе; почти всѣ ей кланялись—иные почтительно, другіе даже подобострастно. Одному изъ нихъ, весьма красивому, щегольски одѣтому брюнету она крикнула издали, съ самымъ лучшимъ парижскимъ акцентомъ: „Comte, vous savez, il ne faut pas venir me voir — ni aujourd'hui, ni demain“. Тотъ снялъ, молча, шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Кто это?—спросилъ Санинъ, по дурной привычкѣ—„любопытствовать“, свойственной всѣмъ русскимъ.

— Это? Одинъ французикъ — ихъ здѣсь много вертится.... За мной ухаживаетъ—тоже. Однако, пора кофе пить. Пойдемте домой; вы, чай, успѣли проголодаться. Мой благовѣрный, должно-быть, теперь глаза продралъ.

„Благовѣрный! Глаза продралъ!!“ повторилъ про себя Санинъ.... „И говоритъ такъ отлично по-французски.... Что за чудачка!“

Марья Николаевна не ошиблась. Когда она вмѣстѣ съ Санинымъ вернулась въ гостинницу—„благовѣрный“ или „пышка“ сидѣлъ уже, съ неизмѣнной феской на головѣ, передъ накрытымъ столомъ.

— А я тебя прождался!—воскликнулъ онъ, скорчивъ кислую мину.—Хотѣлъ уже кофе безъ тебя пить.

— Ничего, ничего,—весело возразила Марья Николаевна.—Ты сердился? Это тебѣ здорово: а то ты совсѣмъ застынешь. Я, вотъ, гостя привела. Звони скорѣе! Давайте пить кофе, кофе—самый лучшій кофе—въ саксонскихъ чашкахъ; на бѣлоснѣжной скатерти!

Она скинула шляпу, перчатки—и захлопала въ ладоши.

Полозовъ глянулъ на нее исподлобья.

— Что это вы сегодня такъ разскакались, Марья Николаевна?—проговорилъ онъ вполголоса.

— А не ваше дѣло, Ипполитъ Сидорычъ! Звони! Дмитрій Павловичъ, садитесь—и пейте кофе во второй разъ! Ахъ, какъ весело приказывать! Другого удовольствія на свѣтѣ нѣтъ!

— Когда слушаются,—проворчалъ опять супругъ.

— Именно, когда слушаются! Оттого-то мнѣ и весело. Особенно съ тобою. Не правда ли, пышка? А вотъ и кофе.

На громадномъ подносѣ, съ которымъ появился кель-

неръ, находилась также и театральная афишка. Марья Николаевна тотчасъ ухватилась за нее.

— Драма!—произнесла она съ негодованіемъ:—нѣмецкая драма. Все равно: лучше, чѣмъ нѣмецкая комедія. Велите мнѣ взять ложу — бенуаръ—или нѣтъ.... лучше Fremden-Loge,—обратилась она къ кельнеру.—Слышите ли: непремѣнно Fremden-Loge!

— Но если Fremden-Loge уже взята его превосходительствомъ, директоромъ города — (seine Excellenz der Herr Stadt-Director)—осмѣлился доложить кельнеръ.

— Дайте его превосходительству десять талеровъ — а чтобъ ложа у меня была! Слышите!

Кельнеръ покорно и печально наклонилъ голову.

— Дмитрій Павловичъ, вы поѣдете со мной въ театръ? нѣмецкіе актеры ужасны — но вы поѣдете.... Да? Да! Какой вы любезный! Пышка, а ты не пойдешь?

— Какъ прикажешь,—проговорилъ Полозовъ въ чашку, которую поднесъ ко рту.

— Знаешь что̀: останься. Ты въ театрѣ все спишь,— да и по-нѣмецки ты понимаешь плохо. Ты лучше вотъ что сдѣлай: напиши отвѣтъ управляющему — помнишь, насчетъ нашей мельницы.... насчетъ крестьянскаго по̀молу. Скажи ему, что я не хочу, не хочу и не хочу! Вотъ тебѣ и занятіе на цѣлый вечеръ.

— Слушаю,—замѣтилъ Полозовъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Ты у меня умница. А теперь, господа, благо мы заговорили объ управляющемъ, будемте толковать о главномъ нашемъ дѣлѣ. Вотъ, какъ только кельнеръ уберетъ со стола, вы намъ все разскажете, Дмитрій Павловичъ, о своемъ имѣніи—какъ, что, за какую цѣну продаете, сколько хотите задатку впередъ,—словомъ, все! (Наконецъ-то, подумалъ Санинъ,— слава Богу!). Вы ужъ мнѣ кое-что сообщили, садъ свой, помнится, чудесно описали—да „пышки“ при этомъ не

было.... Пусть онъ послушаетъ — все что-нибудь пробуркнетъ! Мнѣ очень пріятно думать, что я могу помочь вамъ жениться—да я же обѣщала вамъ, что послѣ завтрака займусь вами; а я всегда держу свои обѣщанія;— не правда ли, Ипполитъ Сидорычъ?

Полозовъ потеръ себѣ лицо ладонью.—Что правда, то правда, вы никого не обманываете.

— Никогда! и никогда никого не обману. Ну, Дмитрій Павловичъ, — излагайте дѣло, какъ мы выражаемся въ сенатѣ.

XXXVII.

Санинъ принялся „излагать дѣло“ — т. е. опять, во второй разъ, описывать свое имѣніе, но уже не касаясь красотъ природы — и отъ времени до времени ссылаясь на Полозова, для подтвержденія приводимыхъ „фактовъ и цыфръ“. Но Полозовъ только хмыкалъ и головой покачивалъ — одобрительно ли — или неодобрительно—этого, кажется, самъ чортъ бы не разобралъ. Впрочемъ, Марья Николаевна и не нуждалась въ его участіи. Она выказывала такія коммерческія и административныя способности, что оставалось только изумляться! Вся подноготная хозяйства была ей отлично извѣстна; она обо всемъ аккуратно разспрашивала, во все входила; каждое ея слово попадало въ цѣль, ставило точку прямо на і. Санинъ не ожидалъ подобнаго экзамена: онъ не приготовился. И продолжался этотъ экзаменъ цѣлыхъ полтора часа. Санинъ испытывалъ всѣ ощущенія подсудимаго, сидящаго на узенькой скамеечкѣ передъ строгимъ и проницательнымъ судьею. „Да это допросъ!“ тоскливо шепталъ онъ про себя. Марья Николаевна все время посмѣивалась, словно шутила: но отъ этого Санину не было легче; а когда въ теченіе „допроса“ оказалось, что

онъ не совсѣмъ ясно понималъ значеніе словъ: „передѣлъ“ и „запашка“—такъ его даже потъ прошибъ.

— Ну, хорошо! — рѣшила наконецъ Марья Николаевна.—Ваше имѣніе я теперь знаю.... не хуже васъ. Какую же цѣну вы положите за душу? (Въ то время цѣны имѣніямъ, какъ извѣстно, опредѣлялись по душамъ).

— Да.... я полагаю.... меньше пятисотъ рублей взять нельзя,—съ трудомъ проговорилъ Санинъ. (О, Панталеоне, Панталеоне, гдѣ ты? Вотъ бы когда тебѣ пришлось снова воскликнуть: Barbari!).

Марья Николаевна взвела глаза къ небу, какъ бы соображая.

— Что жъ?—промолвила она наконецъ.—Эта цѣна мнѣ кажется безобидной. Но я выговорила себѣ два дня сроку—и вы должны подождать до завтра. Я полагаю, что мы сойдемся — и тогда вы скажете, сколько вамъ потребуется задатку. А теперь basta cosi!—подхватила она,—замѣтивъ, что Санинъ хотѣлъ что-то возразить.—Довольно мы занимались презрѣннымъ металломъ.... à demain les affaires! Знаете что: я теперь отпускаю васъ.... (она глянула на эмалевые часики, заткнутые у ней за поясомъ).... до трехъ часовъ.... Надо жъ дать вамъ отдохнуть. Ступайте, поиграйте въ рулетку.

— Я никогда въ азартныя игры не играю,—замѣтилъ Санинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да вы совершенство. Впрочемъ, и я не играю. Глупо бросать деньги на вѣтеръ—навѣрняка. Но подите въ игорную залу, посмотрите на физіономіи. Попадаются презабавныя. Старуха есть тамъ одна, съ фероньеркой и съ усами—чудо! Нашъ князь тамъ одинъ—тоже хорошъ. Фигура величественная, носъ какъ у орла, а поставитъ талеръ — крестится украдкой подъ жилеткой. Читайте журналы, гуляйте, словомъ, дѣлайте что хотите.... А въ три часа я васъ ожидаю.... du pied

ferme. Надо будетъ пораньше пообѣдать. Театръ у этихъ смѣшныхъ нѣмцевъ начинается въ половинѣ седьмого.— Она протянула руку.—Sans rancune, n'est-ce pas?

— Помилуйте, Марья Николаевна, за что я буду на васъ досадовать?

— А за то, что я васъ мучила. Погодите, я васъ еще не такъ—прибавила она, прищуривъ глаза,—и всѣ ея ямочки разомъ выступили на заалѣвшихся щекахъ.— До свиданія!

Санинъ поклонился и вышелъ. Веселый смѣхъ раздался вслѣдъ за нимъ—и въ зеркалѣ, мимо котораго онъ проходилъ въ это мгновенье, отразилась слѣдующая сцена: Марья Николаевна надвинула своему супругу его феску на глаза, а онъ безсильно барахтался обѣими руками.

XXXVIII.

О, какъ глубоко и радостно вздохнулось Санину, какъ только онъ очутился у себя въ комнатѣ! Точно: Марья Николаевна правду сказала—ему слѣдовало отдохнуть, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ новыхъ знакомствъ, столкновеній, разговоровъ, отъ этого чада, который забрался ему въ голову, въ душу—отъ этого негаданнаго, непрошеннаго сближенія съ женщиной, столь чуждой ему! И когда же все это совершается? Чуть не на другой день послѣ того, какъ онъ узналъ, что Джемма его любитъ, какъ онъ сталъ ея женихомъ? Да вѣдь это святотатство! Тысячу разъ просилъ онъ мысленно прощенья у своей чистой, непорочной голубицы—хотя онъ собственно ни въ чемъ обвинить себя не могъ; тысячу разъ цѣловалъ данный ею крестикъ. Не имѣй онъ надежды скоро и благополучно окончить дѣло, за которымъ пріѣхалъ въ Висбаденъ — опрометью бросился бы онъ оттуда, назадъ — въ милый

Франкфуртъ, въ тотъ дорогой, теперь уже родственный ему домъ, къ ней, къ возлюбленнымъ ея ногамъ.... Но дѣлать нечего! Надо испить фіалъ до дна, надо одѣться, идти обѣдать—а оттуда въ театръ.... Хоть бы завтра она его поскорѣй отпустила!

Еще одно его смущало, его сердило: онъ съ любовью, съ умиленіемъ, съ благодарнымъ восторгомъ думалъ о Джеммѣ, о жизни съ нею вдвоемъ, о счастіи, которое его ожидало въ будущемъ—и, между тѣмъ, эта странная женщина, эта госпожа Полозова неотступно носилась.... нѣтъ! не носилась—торчала.... такъ именно, съ особымъ злорадствомъ выразился Санинъ—*торчала* передъ его глазами—и не могъ онъ отдѣлаться отъ ея образа, не могъ не слышать ея голоса, не вспоминать ея рѣчей—не могъ не ощущать даже того особеннаго запаха, тонкаго, свѣжаго и пронзительнаго, какъ запахъ желтыхъ лилій, которымъ вѣяло отъ ея одеждъ. Эта барыня явно дурачитъ его, и такъ и сякъ къ нему подъѣзжаетъ.... Зачѣмъ это? что ей надо? Неужели же это одна прихоть избалованной, богатой—и едва ли не безнравственной женщины? И этотъ мужъ?! Что это за существо? Какія его отношенія къ ней? И къ чему лѣзутъ эти вопросы въ голову ему, Санину, которому собственно нѣтъ никакого дѣла ни до г-на Полозова, ни до его супруги? Почему не можетъ онъ прогнать этотъ неотвязный образъ, даже тогда, когда обращается всей душою къ другому, свѣтлому и ясному, какъ Божій день? Какъ смѣютъ—сквозь тѣ, почти-божественныя черты—сквозить *эти?* И онѣ не только сквозятъ—онѣ ухмыляются дерзостно. Эти сѣрые, хищные глаза, эти ямочки на щекахъ, эти змѣевидныя косы — да неужели же это все словно прилипло къ нему, и онъ стряхнуть, отбросить прочь все это не въ силахъ, не можетъ?

Вздоръ! вздоръ! завтра же это все исчезнетъ безъ слѣда.... Но отпуститъ ли она его завтра?

Да.... Всѣ эти вопросы онъ себѣ ставилъ — а стало время пододвигаться къ тремъ часамъ — и надѣлъ онъ черный фракъ, да, погулявши немного по парку, отправился къ Полозовымъ.

Онъ засталъ у нихъ въ гостиной секретаря посольства, изъ нѣмцевъ, длиннаго, длиннаго, бѣлокураго, съ лошадинымъ профилемъ и проборомъ сзади — (тогда это было еще вновѣ) — и.... о чудо! кого еще? Фонъ-Дёнгофа, того самаго офицера, съ которымъ дрался нѣсколько дней тому назадъ! Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить его именно тутъ — и невольно смутился, однако, раскланялся съ нимъ.

— Вы знакомы?—спросила Марья Николаевна, отъ которой не ускользнуло смущеніе Санина.

— Да.... я имѣлъ уже честь,—промолвилъ Дёнгофъ—и, наклонившись слегка въ сторону Марьи Николаевны, прибавилъ вполголоса, съ улыбкой:—Тотъ самый.... Вашъ соотечественникъ.... русскій....

— Не можетъ быть! — воскликнула она также вполголоса, погрозила ему пальцемъ — и тотчасъ же стала прощаться — и съ нимъ, и съ длиннымъ секретаремъ, который, по всѣмъ признакамъ, былъ смертельно въ нее влюбленъ—ибо даже ротъ раскрывалъ всякій разъ, когда на нее взглядывалъ. Дёнгофъ удалился немедленно, съ любезной покорностью, какъ другъ дома, который съ полу-слова понимаетъ, чего отъ него требуютъ; секретарь заартачился-было, но Марья Николаевна выпроводила его безо всякихъ церемоній.

— Ступайте къ вашей владѣтельной особѣ, — сказала она ему (тогда въ Висбаденѣ проживала нѣкая принципесса ди Монако, изумительно смахивавшая на плохую лоретку)—что вамъ сидѣть у такой плебейки, какъ я?

— Помилуйте, сударыня, — увѣрялъ злополучный секретарь:—всѣ принчипессы въ мірѣ....

Но Марья Николаевна была безжалостна—и секретарь ушелъ вмѣстѣ со своимъ проборомъ.

Марья Николаевна въ тотъ день принарядилась очень къ своему „авантажу", какъ говаривали наши бабушки. На ней было шелковое, розовое платье глясэ, съ рукавами à la Fontanges, и по крупному брилліанту въ каждомъ ухѣ. Глаза ея блистали не хуже тѣхъ брилліантовъ: она казалась въ духѣ и въ ударѣ.

Она усадила Санина возлѣ себя и начала говорить ему о Парижѣ, куда собиралась ѣхать черезъ нѣсколько дней, о томъ, что нѣмцы ей надоѣли, что они глупы, когда умничаютъ, и некстати умны, когда глупятъ;—да вдругъ, какъ говорится, въ упоръ—à brule pourpoint — спросила его, правда ли, что онъ вотъ съ этимъ самымъ офицеромъ, который сейчасъ тутъ сидѣлъ, на дняхъ дрался изъ-за одной дамы?

— Вамъ это почему извѣстно!—пробормоталъ изумленный Санинъ.

— Слухомъ земля полнится, Дмитрій Павловичъ; но, впрочемъ, я знаю, что вы были правы, тысячу разъ правы — и вели себя какъ рыцарь. Скажите — эта дама— была ваша невѣста?

Санинъ слегка наморщилъ брови....

— Ну, не буду, не буду,—поспѣшно проговорила Марья Николаевна.—Вамъ это непріятно, простите меня, не буду! не сердитесь!—Полозовъ появился изъ сосѣдней комнаты съ листомъ газеты въ рукахъ.—Что ты? или обѣдъ готовъ?

— Обѣдъ сейчасъ подаютъ, а ты посмотри-ка, что я въ „Сѣверной Пчелѣ" вычиталъ.... Князь Громобой умеръ.

Марья Николаевна подняла голову.

— А! царство ему небесное! Онъ мнѣ каждый годъ,— обратилась она къ Санину:—въ февралѣ, ко дню моего

рожденія, всѣ комнаты убиралъ камеліями. Но для этого еще не стòитъ жить въ Петербургѣ зимой. Чтò ему, пожалуй, за семьдесятъ лѣтъ было?—спросила она мужа.

— Было. Похороны его въ газетѣ описываютъ. Весь дворъ присутствовалъ. Вотъ и стихи князя Коврижкина по этому случаю.

— Ну, и чудесно.

— Хочешь, прочту? Князь его называетъ мужемъ совѣта.

— Нѣтъ, не хочу. Какой онъ былъ мужъ совѣта! Онъ просто былъ мужъ Татьяны Юрьевны. Пойдемте обѣдать. Живой живое думаетъ. Дмитрій Павловичъ, вашу руку.

Обѣдъ былъ, по вчерашнему, удивительный, и прошелъ весьма оживленно. Марья Николаевна умѣла разсказывать.... рѣдкій даръ въ женщинѣ, да еще въ русской! Она не стѣснялась въ выраженіяхъ; особенно доставалось отъ нея соотечественницамъ. Санину не разъ пришлось расхохотаться отъ иного бойкаго и мѣткаго словца. Пуще всего Марья Николаевна не терпѣла ханжества, фразы и лжи.... Она находила ее почти повсюду. Она словно щеголяла и хвасталась той низменной средою, въ которой началась ея жизнь; сообщала довольно странные анекдоты о своихъ родныхъ изъ времени своего дѣтства; называла себя лапотницей, не хуже Натальи Кирилловны Нарышкиной. Санину стало очевиднымъ, что она испытала на своемъ вѣку гораздо больше, чѣмъ многое множество ея сверстницъ.

А Полозовъ кушалъ обдуманно, пилъ внимательно и только изрѣдка вскидывалъ то на жену, то на Санина, свои бѣлесоватые, съ виду слѣпые, въ сущности очень зрячіе глаза.—Какой ты у меня умница!—воскликнула Марья Николаевна, обратившись къ нему:—какъ ты всѣ мои коммис-

сіи во Франкфуртѣ исполнилъ! Поцѣловала бы я тебя въ лобикъ—да ты у меня за этимъ не гоняешься.

— Не гоняюсь,—отвѣчалъ Полозовъ, и взрѣзалъ ананасъ серебрянымъ ножомъ.

Марья Николаевна посмотрѣла на него и постучала пальцами по столу.

— Такъ идетъ наше пари?—промолвила она значительно.

— Идетъ.

— Ладно. Ты проиграешь.

Полозовъ выставилъ подбородокъ впередъ. — Ну, на этотъ разъ, какъ ты на себя ни надѣйся, Марья Николаевна, а я полагаю, что проиграешь-то ты.

— О чемъ пари? Можно узнать? — спросилъ Санинъ.

— Нѣтъ.... нельзя теперь,—отвѣтила Марья Николаевна и засмѣялась.

Пробило семь часовъ. Кельнеръ доложилъ, что карета готова. Полозовъ проводилъ жену и тотчасъ же поплелся назадъ къ своему креслу.

— Смотри же! Не забудь письма къ управляющему!— крикнула ему Марья Николаевна изъ передней.

— Напишу, не безпокойся. Я человѣкъ аккуратный.

XXXIX.

Въ 1840-мъ году театръ въ Висбаденѣ былъ и по наружности плохъ, а труппа его, по фразистой и мизерной посредственности, по старательной и пошлой рутинѣ, ни на волосъ не возвышалась надъ тѣмъ уровнемъ, который до сихъ поръ можно считать нормальнымъ для всѣхъ германскихъ театровъ, и совершенство котораго въ послѣднее время представляла труппа въ Карлсруэ, подъ „знаменитымъ“ управленіемъ г-на Девріента. Позади ложи, взятой для „ея свѣтлости г-жи фонъ-Полозовъ“ (Богъ вѣдаетъ, какъ умудрился кельнеръ ее до-

стать — не подкупилъ же онъ штадтъ-директора въ самомъ дѣлѣ)! Позади этой ложи находилась небольшая комнатка, обставленная диванчиками; прежде чѣмъ войти въ нее, Марья Николаевна попросила Санина поднять ширмочки, отдѣлявшія ложу отъ театра.

— Я не хочу, чтобы меня видѣли,—сказала она:—а то вѣдь сейчасъ полѣзутъ.—Она и его посадила возлѣ себя, спиною къ залѣ, такъ, чтобы ложа казалась пустою.

Оркестръ проигралъ увертюру изъ „Свадьбы Фигаро....“ Занавѣсъ поднялся: пьеса началась.

То было одно изъ многочисленныхъ доморощенныхъ произведеній, въ которыхъ начитанные, но бездарные авторы отборнымъ, но мертвеннымъ языкомъ, прилежно, но неуклюже проводили какую-нибудь „глубокую“ или „животрепещущую“ идею, представляли такъ-называемый трагическій конфликтъ и наводили скуку.... азіатскую, какъ бываетъ азіатская холера. Марья Николаевна терпѣливо выслушала половину акта, но когда первый любовникъ, узнавъ объ измѣнѣ своей возлюбленной (одѣтъ онъ былъ въ коричневый сюртукъ съ „буфами“ и плисовымъ воротникомъ, полосатый жилетъ съ перламутровыми пуговицами, зеленые панталоны со штрипками изъ лакированной кожи и бѣлыя замшевыя перчатки), когда этотъ любовникъ, уперевъ оба кулака въ грудь и оттопыривъ локти впередъ, подъ острымъ угломъ, завылъ уже прямо по-собачьи—Марья Николаевна не выдержала.

— Послѣдній французскій актеръ, въ послѣднемъ провинціальномъ городишкѣ, естественнѣе и лучше играетъ, чѣмъ первая нѣмецкая знаменитость,—съ негодованіемъ воскликнула она — и пересѣла въ заднюю комнатку. — Подите сюда,—сказала она Санину, постукивая рукою возлѣ себя по дивану. Будемте болтать.

Санинъ повиновался.

Марья Николаевна глянула на него.—А вы, я вижу,

шелковый! Вашей женѣ будетъ съ вами легко. Этотъ шутъ,— продолжала она, указывая концомъ вѣера на завывавшаго актера (онъ исполнялъ роль домашняго учителя) напомнилъ мнѣ мою молодость:—я тоже была влюблена въ учителя. Это была моя первая.... нѣтъ, моя вторая пассія. Въ первый разъ я влюбилась въ служку Донского монастыря. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Я видѣла его только по воскресеньямъ. Онъ носилъ бархатный подрясникъ, душился оделаваномъ, пробираясь въ толпѣ съ кадиломъ, говорилъ дамамъ по-французски: „пардонъ, экскюзе“—и никогда не поднималъ глазъ, а рѣсницы у него были—вотъ какія!— Марья Николаевна отдѣлила ногтемъ большого пальца цѣлую половину своего мизинца и показала Санину.—Учителя моего звали — monsieur Gaston! Надо вамъ сказать, что онъ былъ ужасно-ученый и престрогій человѣкъ, изъ швейцарцевъ и съ такимъ энергическимъ лицомъ! Бакенбарды черныя какъ смоль, греческій профиль — и губы какъ изъ желѣза вылитыя! Я его боялась! Я во всей моей жизни только одного этого человѣка и боялась! Онъ былъ гувернеромъ моего брата, который потомъ умеръ.... утонулъ. Одна цыганка и мнѣ предсказала насильственную смерть — но это вздоръ. Я этому не вѣрю. Представьте вы себѣ Ипполита Сидорыча съ кинжаломъ?!..

— Можно умереть и не отъ кинжала,—замѣтилъ Санинъ.

— Все это вздоръ! Вы суевѣрны? Я — нисколько. А чему быть, того не миновать. Monsieur Gaston жилъ у насъ въ домѣ, надъ моей головой. Бывало, я проснусь ночью и слышу его шаги—онъ очень поздно ложился— и сердце замираетъ отъ благоговѣнія.... или отъ другого чувства. Мой отецъ самъ едва разумѣлъ грамотѣ, но воспитаніе намъ далъ хорошее. Знаете ли, что я по-латыни понимаю?

— Вы? по-латыни?

— Да—я. Меня monsieur Gaston выучилъ. Я съ нимъ Энеиду прочла. Скучная вещь—но есть мѣста хорошія. Помните, когда Дидона съ Энеемъ въ лѣсу....

— Да, да, помню, — торопливо промолвилъ Санинъ. Самъ онъ давнымъ-давно всю свою латынь забылъ, и объ Энеидѣ понятіе имѣлъ слабое.

Марья Николаевна глянула на него, по своей привычкѣ, нѣсколько въ бокъ и изъ подъ низу.—Вы не думайте, однако, что я очень учена. Ахъ, Боже мой, нѣтъ—я не учена, и никакихъ талантовъ у меня нѣтъ. Писать едва умѣю.... право: читать громко не могу; ни на фортепіано, ни рисовать, ни шить—ничего! Вотъ я какая—вся тутъ!

Она разставила руки.—Я вамъ все это разсказываю,— продолжала она: — во-первыхъ, для того, чтобы не слушать этихъ дураковъ (она указала на сцену, гдѣ въ это мгновеніе, вмѣсто актера, подвывала актриса, тоже выставивъ локти впередъ), а во-вторыхъ, для того, что я передъ вами въ долгу: вы вчера мнѣ про себя разсказывали.

— Вамъ угодно было спросить меня,—замѣтилъ Санинъ.

Марья Николаевна внезапно повернулась къ нему. — А вамъ не угодно знать, что собственно я за женщина? Впрочемъ, я не удивляюсь,—прибавила она, снова прислоняясь къ подушкамъ дивана. — Человѣкъ собирается жениться, да еще по любви, да послѣ дуэли.... Гдѣ ему помышлять о чемъ-нибудь другомъ?

Марья Николаевна задумалась и начала кусать ручку вѣера своими крупными, но ровными и какъ молоко бѣлыми зубами.

А Санину казалось, что ему въ голову опять сталъ подниматься тотъ чадъ, отъ котораго онъ не могъ отдѣлаться—вотъ уже второй день.

Разговоръ между имъ и Марьей Николаевной происходилъ вполголоса, почти шопотомъ—и это еще болѣе его раздражало и волновало его....

Когда же это все кончится?

Слабые люди никогда сами не кончаютъ — все ждутъ конца.

На сценѣ кто-то чихалъ; — чиханье это было введено авторомъ въ свою пьесу, какъ „комическій моментъ“ или „элементъ“; другого комическаго элемента въ ней уже, конечно, не было и зрители удовлетворялись этимъ моментомъ, смѣялись.

Этотъ смѣхъ также раздражалъ Санина.

Были минуты, когда онъ рѣшительно не зналъ: что̀ онъ—злится или радуется, скучаетъ или веселится? О, если бъ Джемма его видѣла!

— Право, это странно,—заговорила вдругъ Марья Николаевна.—Человѣкъ объявляетъ вамъ, и такимъ спокойнымъ голосомъ: „Я, молъ, намѣренъ жениться“; а никто вамъ не скажетъ спокойно: „Я намѣренъ въ воду броситься“. И между тѣмъ—какая разница? Странно, право.

Досада взяла Санина.—Разница большая, Марья Николаевна! Иному броситься въ воду вовсе не страшно: онъ плавать умѣетъ; а сверхъ того.... что̀ касается до странности браковъ.... ужъ коли на то пошло....

Онъ вдругъ умолкъ и прикусилъ языкъ.

Марья Николаевна ударила себя вѣеромъ по ладони.

— Договаривайте, Дмитрій Павловичъ, договаривайте—я знаю, что̀ вы хотѣли сказать. „Ужъ коли на то пошло, милостивая государыня, Марья Николаевна Полозова“, хотѣли вы сказать, „страннѣе *вашего* брака ничего нельзя себѣ представить.... вѣдь я вашего супруга знаю хорошо, съ дѣтства?“ Вотъ что̀ вы хотѣли сказать, вы, умѣющій плавать!

— Позвольте,—началъ-было Санинъ....

— Развѣ это не правда? Развѣ не правда?—настойчиво

произнесла Марья Николаевна.—Ну, посмотрите мнѣ въ лицо и скажите, что я не правду сказала!

Санинъ не зналъ, куда дѣть свои глаза.—Ну, извольте: правда, коли вы ужъ этого непремѣнно требуете,—проговорилъ онъ наконецъ.

Марья Николаевна покачала головою.—Такъ.... такъ. Ну—и спрашивали вы себя, вы, умѣющій плавать, какая можетъ быть причина такого страннаго.... поступка со стороны женщины, которая не бѣдна.... и не глупа... и не дурна? Васъ это не интересуетъ, можетъ быть; но все равно. Я вамъ скажу причину не теперь, а вотъ, какъ только кончится антрактъ. Я все безпокоюсь, какъ бы кто-нибудь не зашелъ....

Не успѣла Марья Николаевна выговорить это послѣднее слово, какъ наружная дверь дѣйствительно растворилась на-половину—и въ ложу всунулась голова красная, маслянисто-потная, еще молодая, но уже беззубая, съ плоскими, длинными волосами, отвислымъ носомъ, огромными ушами, какъ у летучей мыши, съ золотыми очками на любопытныхъ и тупыхъ глазенкахъ, и съ pince-nez на очкахъ. Голова осмотрѣлась, увидала Марью Николаевну, дрянно осклабилась, закивала.... Жилистая шея вытянулась вслѣдъ за нею....

Марья Николаевна замахала на нее платкомъ.—Меня дома нѣтъ! Ich bin nicht zu Hause Herr P...! Ich bin nicht zu Hause.... Кшшшъ, кшшшъ!

Голова изумилась, принужденно засмѣялась, проговорила, словно всхлипывая, въ подражаніе Листу, у ногъ котораго когда-то пресмыкалась: Sehr gut! sehr gut! — и исчезла.

— Это что за субъектъ?—спросилъ Санинъ.

— Это? Критикъ висбаденскій. „Литтератъ“ или лонъ-лакей, какъ угодно. Онъ нанятъ здѣшнимъ откупщикомъ, и потому обязанъ все хвалить и всѣмъ восторгаться, а самъ весь налитъ гаденькой желчью, которую даже выпускать

не смѣетъ. Я боюсь: онъ сплетникъ ужасный; сейчасъ побѣжитъ разсказывать, что я въ театрѣ. Ну, все равно.

Оркестръ проигралъ вальсъ, занавѣсъ взвился опять.... Поднялось опять на сценѣ кривлянье да хныканье.

— Ну-съ,—начала Марья Николаевна, снова опускаясь на диванъ:—такъ какъ вы попались и должны сидѣть со мною, вмѣсто того, чтобы наслаждаться близостью вашей невѣсты.... не вращайте глазами и не гнѣвайтесь — я васъ понимаю и уже обѣщала вамъ, что отпущу васъ на всѣ четыре стороны—а теперь слушайте мою исповѣдь. Хотите знать, что я больше всего люблю?

— Свободу,—подсказалъ Санинъ.

Марья Николаевна положила руку на его руку.

— Да, Дмитрій Павловичъ,—промолвила она — и голосъ ея прозвучалъ чѣмъ-то особеннымъ, какой-то несомнѣнной искренностью и важностью: — свободу, больше всего и прежде всего. И не думайте, чтобъ я этимъ хвасталась—въ этомъ нѣтъ ничего похвальнаго—только оно *такъ*, и всегда было и будетъ *такъ* для меня, до самой смерти моей. Я въ дѣтствѣ, должно-быть, ужъ очень много насмотрѣлась рабства и натерпѣлась отъ него. Ну, и monsieur Gaston, мой учитель, глаза мнѣ открылъ. Теперь вы, можетъ-быть, понимаете, почему я вышла за Ипполита Сидорыча: съ нимъ я свободна, совершенно свободна, какъ воздухъ, какъ вѣтеръ.... И это я знала передъ свадьбой, я знала, что съ нимъ я буду вольный казакъ!

Марья Николаевна помолчала — и бросила вѣеръ въ сторону.

— Скажу вамъ еще одно: я не прочь размышлять.... оно весело, да и на то умъ намъ данъ, но о послѣдствіяхъ того, что я сама дѣлаю — я никогда не размышляю, и когда придется, не жалѣю себя—ни на *эстолько*— не стоитъ! У меня есть поговорка: cela ne tire pas à conséquence"—не знаю, какъ это сказать по-русски. Да и

точно: что tire à conséquence?—Вѣдь отъ меня отчета не потребуютъ *здѣсь*—на сей землѣ; а тамъ—(она подняла палецъ кверху) ну, тамъ—пусть распоряжаются, какъ знаютъ. Когда меня будутъ *тамъ* судить, то *я* не я буду! Вы слушаете меня? Вамъ не скучно?

Санинъ сидѣлъ наклонившись. Онъ поднялъ голову.—Мнѣ вовсе не скучно, Марья Николаевна, и слушаю я васъ съ любопытствомъ. Только я.... признаюсь.... я спрашиваю себя, зачѣмъ вы это все говорите мнѣ?

Марья Николаевна слегка подвинулась на диванѣ. — Вы себя спрашиваете.... Вы такой недогадливый? Или такой скромный?

Санинъ поднялъ голову еще выше.

— Я вамъ все это говорю,—продолжала Марья Николаевна спокойнымъ тономъ, который, однако, не совсѣмъ соотвѣтствовалъ выраженію ея лица:—потому что вы мнѣ очень нравитесь; да, не удивляйтесь, я не шучу; потому что послѣ встрѣчи съ вами мнѣ было бы непріятно думать, что вы сохраните обо мнѣ воспоминаніе нехорошее.... или даже не нехорошее, это мнѣ все равно, а невѣрное. Оттого-то я и залучила васъ сюда, и остаюсь съ вами наединѣ, и говорю съ вами такъ откровенно.... Да, да, откровенно. Я не лгу. И замѣтьте, Дмитрій Павловичъ, я знаю, что вы влюблены въ другую, что вы собираетесь жениться на ней.... Отдайте же справедливость моему безкорыстію! А впрочемъ, вотъ вамъ случай сказать, въ свою очередь: Cela ne tire pas à conséquence!

Она засмѣялась, но смѣхъ ея внезапно оборвался—и она осталась неподвижной, какъ будто ея собственныя слова ее самоё поразили, а въ глазахъ ея, въ обычное время столь веселыхъ и смѣлыхъ, мелькнуло что-то похожее на робость, похожее даже на грусть.

„Змѣя! ахъ, она змѣя!“ думалъ между тѣмъ Санинъ; „но какая красивая змѣя!“

— Дайте мнѣ мою лорнетку,—проговорила вдругъ Марья Николаевна.—Мнѣ хочется посмотрѣть: неужели эта jeune première въ самомъ дѣлѣ такъ дурна собою? Право, можно подумать, что ее опредѣлило правительство съ нравственной цѣлью, чтобы молодые люди не слишкомъ увлекались.

Санинъ подалъ ей лорнетку, а она, принимая ее отъ него, быстро, но чуть слышно, обхватила обѣими руками его руку.

— Не извольте серьёзничать,—шепнула она съ улыбкой. — Знаете что̀: на меня цѣпей наложить нельзя, но вѣдь и я не накладываю цѣпей.—Я люблю свободу и не признаю обязанностей—не для себя одной. А теперь посторонитесь немножко, и давайте, послушаемте пьесу.

Марья Николаевна навела лорнетку на сцену—и Санинъ принялся глядѣть туда же, сидя съ нею рядомъ, въ полутьмѣ ложи, и вдыхая, невольно вдыхая теплоту и благовоніе ея роскошнаго тѣла и столь же невольно переворачивая въ головѣ своей все, что̀ она ему сказала въ теченіе вечера—особенно въ теченіе послѣднихъ минутъ.

XL.

Пьеса длилась еще часъ слишкомъ, но Марья Николаевна и Санинъ скоро перестали смотрѣть на сцену. У нихъ снова завязался разговоръ, и пробирался онъ, разговоръ этотъ, по той же дорожкѣ, какъ и прежде; только на этотъ разъ Санинъ меньше молчалъ. Внутренно онъ и на себя сердился, и на Марью Николаевну; онъ старался доказать ей всю неосновательность ея „теоріи“, какъ будто ее занимали теоріи! Онъ сталъ съ ней спорить, чему она втайнѣ очень порадовалась: коли споритъ, значитъ—уступаетъ или уступитъ. На прикормку пошелъ, подается, дичиться пересталъ! Она возражала, смѣялась, соглашалась, задумывалась, нападала.... а между тѣмъ, его лицо и ея лицо

сближались, его глаза уже не отворачивались отъ ея глазъ.... Эти глаза словно блуждали, словно кружили по его чертамъ, и онъ улыбался ей въ отвѣтъ—учтиво, но улыбался. Ей на-руку было уже и то, что онъ пускался въ отвлеченности, разсуждалъ о честности взаимныхъ отношеній, о долгѣ, о святости любви и брака.... Извѣстное дѣло: эти отвлеченности очень и очень годятся какъ начало.... какъ исходная точка....

Люди, хорошо знавшіе Марью Николаевну, увѣряли, что когда во всемъ ея сильномъ и крѣпкомъ существѣ внезапно проступало нѣчто нѣжное и скромное, что-то почти дѣвически-стыдливое— хотя, подумаешь, откуда оно бралось?... тогда.... да, тогда дѣло принимало оборотъ опасный.

Оно, повидимому, принимало этотъ оборотъ и для Санина.... Презрѣніе онъ бы почувствовалъ къ себѣ, если бъ ему удалось хотя на мигъ сосредоточиться; но онъ не успѣвалъ ни сосредоточиться, ни презирать себя.

А она не теряла времени. И все это происходило оттого, что онъ былъ очень недуренъ собою! Поневолѣ придется сказать: „какъ знать, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь?“

Пьеса кончилась. Марья Николаевна попросила Санина накинуть на нее шаль, и не шевелилась, пока онъ окутывалъ мягкой тканью ея, поистинѣ царственныя, плечи. Потомъ она взяла его подъ руку, вышла въ корридоръ—и чуть не вскрикнула: у самой двери ложи, какъ нѣкое привидѣніе, торчалъ Дёнгофъ; а изъ-за его спины выглядывала паскудная фигура висбаденскаго критика. Маслянистое лицо „литтерата“ такъ и сіяло злорадствомъ.

— Не прикажете ли, сударыня, я вамъ отыщу вашу карету?—обратился къ Марьѣ Николаевнѣ молодой офицеръ, съ трепетомъ худо-сдержаннаго бѣшенства въ голосѣ.

— Нѣтъ, благодарствуйте,—отвѣтила она....—мой лакей ее найдетъ. Останьтесь!—прибавила она повелительнымъ шопотомъ—и быстро удалилась, увлекая за собою Санина.

— Ступайте къ чорту! Что вы ко мнѣ пристали?—гаркнулъ вдругъ Донгофъ на литтерата. Надо было ему на комъ-нибудь сорвать свое сердце!

— Sehr gut! sehr gut! — пробормоталъ литтератъ — и стушевался.

Лакей Марьи Николаевны, ожидавшій ее въ сѣняхъ, въ мгновеніе ока отыскалъ ея карету—она проворно сѣла въ нее, за нею вскочилъ Санинъ. Дверцы захлопнулись—и Марья Николаевна разразилась смѣхомъ.

— Чему вы смѣетесь?—полюбопытствовалъ Санинъ.

— Ахъ, извините меня, пожалуйста.... но мнѣ пришло въ голову: что, если Донгофъ съ вами опять будетъ стрѣляться.... изъ-за меня.... Не чудеса ли это?

— А вы съ нимъ очень коротко знакомы? — спросилъ Санинъ.

— Съ нимъ? Съ этимъ мальчикомъ? Онъ у меня на побѣгушкахъ. Вы не безпокойтесь!

— Да я и не безпокоюсь вовсе.

Марья Николаевна вздохнула.—Ахъ, я знаю, что вы не безпокоитесь. Но слушайте — знаете что: вы такой милый, вы не должны отказать мнѣ въ одной послѣдней просьбѣ. Не забудьте: черезъ три дня я уѣзжаю въ Парижъ, а вы возвращаетесь во Франкфуртъ.... Когда мы встрѣтимся!

— Какая это просьба?

— Вы верхомъ, конечно, умѣете ѣздить?

— Умѣю.

— Ну, вотъ что. Завтра, поутру я васъ возьму съ собою — и мы поѣдемъ вмѣстѣ за городъ. У насъ будутъ отличныя лошади. Потомъ мы вернемся, дѣло покончимъ— и аминь! Не удивляйтесь, не говорите мнѣ, что это капризъ, что я сумасшедшая — все это можетъ быть—но скажите только: я согласенъ!

Марья Николаевна обернула къ нему свое лицо. Въ ка-

ретѣ было темно, но глаза ея сверкнули въ самой этой темнотѣ.

— Извольте, я согласенъ,—промолвилъ Санинъ со вздохомъ.

— Ахъ! Вы вздохнули!—передразнила его Марья Николаевна.—Вотъ что̀ значитъ: взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Но, нѣтъ, нѣтъ.... Вы—прелесть, вы хорошій — а обѣщаніе я свое сдержу. Вотъ вамъ моя рука, безъ перчатки, правая, дѣловая. Возьмите ее—и вѣрьте ея пожатію. Что̀ я за женщина, я не знаю, но человѣкъ я честный—и дѣла̀ имѣть со мною можно.

Санинъ, самъ хорошенько не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлаетъ, поднесъ эту руку къ своимъ губамъ. Марья Николаевна тихонько ее приняла — и вдругъ умолкла—и молчала, пока карета не остановилась.

Она стала выходить.... Что̀ это? показалось ли Санину, или онъ, точно, почувствовалъ на щекѣ своей какое-то быстрое и жгучее прикосновеніе?

„До завтра!“ шепнула Марья Николаевна ему на лѣстницѣ, вся освѣщенная четырьмя свѣчами канделябра, ухваченнаго при ея появленіи золотообрѣзнымъ привратникомъ. Она держала глаза опущенными.—„До завтра!“

Вернувшись къ себѣ въ комнату, Санинъ нашелъ на столѣ письмо отъ Джеммы. Онъ мгновенно.... испугался—и тотчасъ же обрадовался, чтобы поскорѣе замаскировать передъ самимъ собою свой испугъ.—Оно состояло изъ нѣсколькихъ строкъ.—Она радовалась благополучному „началу дѣла“, совѣтовала ему быть терпѣливымъ и прибавила, что всѣ въ домѣ здоровы и заранѣе радуются его возвращенію. Санинъ нашелъ это письмо довольно сухимъ—однако взялъ перо, бумагу..... и все бросилъ.—„Что писать? Завтра самъ вернусь.... пора, пора!“

Онъ немедленно легъ въ постель и постарался какъ можно скорѣе заснуть. Оставшись на ногахъ и бодрствуя,

онъ навѣрное сталъ бы думать о Джеммѣ — а ему было почему-то.... стыдно думать о ней. Совѣсть шевелилась въ немъ. Но онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что завтра все будетъ навсегда кончено, и онъ навсегда разстанется съ этой взбалмошной барыней—и забудетъ всю эту чепуху!...

Слабые люди, говоря съ самими собою, охотно употребляютъ энергическія выраженія.

Et puis.... cela ne tire pas à conséquence!

XLI.

Вотъ что̀ думалъ Санинъ, ложась спать; но что̀ онъ подумалъ на слѣдующій день, когда Марья Николаевна нетерпѣливо постучала коралловой ручкой хлыстика въ его дверь, когда онъ увидѣлъ ее на порогѣ своей комнаты—съ шлейфомъ темносиней амазонки на рукѣ, съ маленькой мужской шляпой на крупно заплетенныхъ кудряхъ, съ откинутымъ на плечо вуалемъ, съ вызывающей улыбкой на губахъ, въ глазахъ, на всемъ лицѣ—что̀ онъ подумалъ тогда—объ этомъ молчитъ исторія.

— Ну? готовы?—прозвучалъ веселый голосъ.

Санинъ застегнулъ сюртукъ и молча взялъ шляпу. Марья Николаевна бросила на него свѣтлый взглядъ, кивнула головою и быстро побѣжала внизъ по лѣстницѣ. И онъ побѣжалъ вслѣдъ за нею.

Лошади стояли уже на улицѣ передъ крыльцомъ. Ихъ было три: золотисто-рыжая, чистокровная кобыла, съ сухой, оскалистой мордой, черными глазами на выкатѣ, съ оленьими ногами, немного поджарая, но красивая и горячая какъ огонь—для Марьи Николаевны;—могучій, широкій, нѣсколько тяжелый конь, вороной безъ отмѣтъ—для Санина; третья лошадь назначалась груму. Марья Николаевна ловко вскочила на свою кобылу.... Та затопала ногами и за-

вертѣлась, отдѣляя хвостъ и поджимая крупъ, но Марья Николаевна (отличная наѣздница!) удержала ее на мѣстѣ: нужно было проститься съ Полозовымъ, который, въ неизмѣнной своей фескѣ и въ шлафрокѣ нараспашку, появился на балконѣ и махалъ оттуда батистовымъ платочкомъ, нисколько, впрочемъ, не улыбаясь, а скорѣе хмурясь. Взобрался и Санинъ на своего коня; Марья Николаевна отсалютовала г-ну Полозову хлыстикомъ, потомъ ударила имъ свою лошадь по выгнутой и плоской шеѣ: та взвилась на дыбы, прыгнула впередъ и пошла щепоткимъ, укрощеннымъ шагомъ, вздрагивая всѣми жилками, собираясь на мундштукѣ, кусая воздухъ и порывисто фыркая. Санинъ ѣхалъ сзади и глядѣлъ на Марью Николаевну; самоувѣренно, ловко и стройно покачивался ея тонкій и гибкій станъ, тѣсно и вольно охваченный корсетомъ. Она обернула голову назадъ и подозвала его одними глазами. Онъ поровнялся съ нею.

— Ну, вотъ, видите, какъ хорошо,—сказала она.—Я вамъ говорю на послѣдяхъ, передъ разлукой! вы прелесть—и раскаиваться не будете.

Выговоривъ эти послѣднія слова, она нѣсколько разъ повела головою сверху внизъ, какъ бы желая подтвердить ихъ и дать ему почувствовать ихъ значеніе.

Она казалась до того счастливой, что Санинъ просто удивлялся; у нея на лицѣ появилось даже то степенное выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, когда они очень.... очень довольны.

Шагомъ доѣхали они до недалекой заставы, а тамъ пустились крупной рысью по шоссе. Погода была славная, прямо лѣтняя; вѣтеръ струился имъ навстрѣчу и пріятно шумѣлъ и свисталъ въ ихъ ушахъ. Имъ было хорошо: сознаніе молодой, здоровой жизни, свободнаго, стремительнаго движенія впередъ, охватывало ихъ обоихъ; оно росло съ каждымъ мигомъ.

Марья Николаевна осадила свою лошадь и опять поѣхала шагомъ; Санинъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Вотъ,—начала она съ глубокимъ, блаженнымъ вздохомъ:—вотъ, для этого только и стòитъ жить. Удалось тебѣ сдѣлать, чего тебѣ хотѣлось, что̀ казалось невозможнымъ—ну, и пользуйся, душа, по самый край!—Она провела рукой себѣ по горлу поперекъ. — И какимъ добрымъ человѣкъ тогда себя чувствуетъ! Вотъ, теперь я.... какая добрая! Кажется, весь свѣтъ бы обняла. То-есть, нѣтъ, не весь свѣтъ!... Вотъ этого я бы не обняла.—Она указала хлыстикомъ на пробиравшагося сторонкой, нищенски одѣтаго старика.—Но осчастливить его я готова. На-те, возьмите,—крикнула она громко по-нѣмецки—и бросила къ его ногамъ кошелекъ. Увѣсистый мѣшечекъ (тогда еще портмонэ въ поминѣ не было) стукнулъ о дорогу. Прохожій изумился, остановился, а Марья Николаевна захохотала и пустила лошадь вскачь.

— Вамъ такъ весело верхомъ ѣздить? — спросилъ Санинъ, догнавъ ее.

Марья Николаевна опять разомъ осадила свою лошадь: она иначе ее не останавливала.—Я хотѣла только уѣхать отъ благодарности. Кто меня благодаритъ — удовольствіе мое портитъ. Вѣдь я не для него это сдѣлала, а для себя. Какъ же онъ смѣетъ меня благодарить? Я не разслышала, о чемъ вы меня спрашивали.

— Я спрашивалъ.... я хотѣлъ знать, отчего вы сегодня такъ веселы?

— Знаете что̀,—промолвила Марья Николаевна: она либо опять не разслышала Санина, либо не почла за нужное отвѣчать на его вопросъ. — Мнѣ ужасно надоѣлъ этотъ грумъ, который торчитъ за нами, и который, должно-быть, только и думаетъ о томъ, когда, молъ, господа домой поѣдутъ? Какъ бы отъ него отдѣлаться?—Она проворно достала изъ кармана записную книжечку.—Послать

его съ письмомъ въ городъ? Нѣтъ.... не годится. А вотъ какъ! Это что̀ такое впереди? Трактиръ?

Санинъ глянулъ, куда она указывала.—Да, кажется, трактиръ.

— Ну, и прекрасно. Я прикажу ему остаться въ этомъ трактирѣ и пить пиво, пока мы вернемся.

— Да что̀ онъ подумаетъ?

— А намъ что за дѣло? Да онъ и думать не будетъ; будетъ пить пиво—и только. Ну, Санинъ (она въ первый разъ назвала его по одной фамиліи)—впередъ, рысью!

Поровнявшись съ трактиромъ, Марья Николаевна подозвала грума и сообщила ему, что̀ она отъ него требовала. Грумъ, человѣкъ англійскаго происхожденія и англійскаго темперамента, молча поднесъ руку къ козырьку своей фуражки, соскочилъ съ лошади и взялъ ее подъ устцы.

— Ну, теперь мы вольныя птицы!—воскликнула Марья Николаевна.—Куда намъ ѣхать—на сѣверъ, на югъ, на востокъ, на западъ? Смотрите—я какъ венгерскій король на коронаціи (она указала концомъ хлыста на всѣ четыре стороны свѣта). Все наше! Нѣтъ, знаете что̀: видите, какія тамъ славныя горы — и какой лѣсъ! Поѣдемте туда, въ горы, въ горы!

In die Berge, wo die Freiheit thront!

Она свернула съ шоссе и поскакала по узкой, неторной дорожкѣ, которая, дѣйствительно, какъ будто направлялась къ горамъ. Санинъ поскакалъ за нею.

XLII.

Дорожка эта скоро превратилась въ тропинку, и наконецъ совсѣмъ исчезла, пересѣченная канавой. Санинъ посовѣтовалъ вернуться, но Марья Николаевна сказала: „Нѣтъ!

я хочу въ горы! Поѣдемъ прямо, какъ летаютъ птицы"— и заставила свою лошадь перескочить канаву. Санинъ тоже перескочилъ. За канавой начинался лугъ, сперва сухой, потомъ влажный, потомъ уже совсѣмъ болотистый: вода просачивалась вездѣ, стояла лужицами. Марья Николаевна пускала лошадь нарочно по этимъ лужицамъ, хохотала и твердила: „Давайте школьничать!"

— Вы знаете,—спросила она Санина,—что значитъ: охотиться по брызгàмъ?

— Знаю,—отвѣчалъ Санинъ.

— У меня дядя былъ псовый охотникъ,—продолжала она.—Я съ нимъ ѣзживала—весною. Чудо! Вотъ, и мы теперь съ вами—по брызгàмъ. А только я вижу: вы русскій человѣкъ, а хотите жениться на итальянкѣ. Ну, да это—ваша печаль. Это чтò? Опять канава? Гопъ!

Лошадь перескочила—но шляпа упала съ головы Марьи Николаевны, и кудри ея разсыпались по плечамъ. Санинъ хотѣлъ-было слѣзть съ коня и поднять шляпу, но она крикнула ему: „Не трогайте, я сама достану", нагнулась низко съ сѣдла, зацѣпила ручкой хлыста за вуаль и точно! достала шляпу, надѣла ее на голову, но волосъ не подобрала и опять помчалась, даже гикнула. Санинъ мчался съ нею рядомъ, рядомъ съ нею перепрыгивалъ рвы, ограды, ручейки, проваливался и выкарабкивался, несся подъ гору, несся въ гору и все глядѣлъ ей въ лицо. Что за лицо! Все оно словно раскрыто; раскрыты глаза, алчные, свѣтлые, дикіе; губы, ноздри раскрыты тоже и дышутъ жадно; глядитъ она прямо, въ упоръ передъ собою и, кажется, всѣмъ, чтò она видитъ, землею, небомъ, солнцемъ и самымъ воздухомъ хочетъ завладѣть эта душа, и объ одномъ только она и жалѣетъ: опасностей мало—всѣ бы ихъ одолѣла! „Санинъ!" кричитъ она, „вѣдь это какъ въ Бюргеровой Ленорѣ! Только вы не мертвый — а? Не мертвый?... Я живая!" Разыгрались удалыя силы. Это уже не амазонка

пускаетъ коня въ галопъ—это скачетъ молодой женскій кентавръ — полу-звѣрь и полу-богъ—и изумляется степенный и благовоспитанный край, попираемый ея буйнымъ разгуломъ!

Марья Николаевна остановила, наконецъ, свою вспѣненную, забрызганную лошадь: она шаталась подъ нею, а у могучаго, но тяжкаго санинскаго жеребца прерывалось дыханіе.

— Что? любо?—спросила Марья Николаевна какимъ-то чуднымъ шопотомъ.

— Любо!—восторженно отозвался Санинъ. И въ немъ кровь разгорѣлась.

— Постойте, то ли еще будетъ!—Она протянула руку. Перчатка на ней была разорвана.

— Я сказала, что приведу васъ къ лѣсу, къ горамъ.... Вотъ онѣ, горы! — Точно: покрытыя высокимъ лѣсомъ, зачинались горы шагахъ въ двухстахъ отъ того мѣста, куда вылетѣли лихіе всадники. — Смотрите: вотъ и дорога. Отправимтесь — и впередъ. Только шагомъ. Надо дать лошадямъ вздохнуть.

Они поѣхали. Однимъ сильнымъ взмахомъ руки Марья Николаевна отбросила назадъ свои волосы. Посмотрѣла потомъ на свои перчатки—сняла ихъ.—Руки будутъ кожей пахнуть,—сказала она:—да вѣдь это вамъ ничего? А?...—Марья Николаевна улыбалась, и Санинъ улыбался тоже. Эта бѣшенная скачка ихъ какъ будто окончательно сблизила и подружила.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она вдругъ.

— Двадцать-два.

— Не можетъ быть? Мнѣ двадцать-два тоже. Годы хорошіе. Сложи ихъ вмѣстѣ, и то до старости далеко. Однако, жарко. Что, я раскраснѣлась?

— Какъ маковъ цвѣтъ!

Марья Николаевна утерла лицо платкомъ.—Только бы

до лѣсу добраться, а тамъ будетъ прохладно. Этакой старый лѣсъ—точно старый другъ. Есть у васъ друзья?

Санинъ подумалъ немного.—Есть.... только мало. Настоящихъ нѣтъ.

— А у меня есть, настоящіе—только не старые. Вотъ тоже другъ—лошадь. Какъ она тебя бережно несетъ! Ахъ, да здѣсь отлично! Неужто я послѣзавтра въ Парижъ ѣду?

— Да.... неужто?—подхватилъ Санинъ.

— А вы во Франкфуртъ?

— Я непремѣнно во Франкфуртъ.

— Ну, что жъ — съ Богомъ! За то сегодняшній день нашъ.... нашъ.... нашъ!

Лошади добрались до опушки и вошли въ нее. Тѣнь лѣса накрыла ихъ широко и мягко, и со всѣхъ сторонъ.

— О, да тутъ рай!—воскликнула Марья Николаевна.—Глубже, дальше въ эту тѣнь, Санинъ!

Лошади тихо двигались „глубже въ тѣнь“, слегка покачиваясь и похрапывая. Дорожка, по которой они выступали, внезапно повернулась въ сторону и вдалась въ довольно тѣсное ущелье. Запахъ вереска, папоротника, смолы сосновой, промозглой, прошлогодней листвы, такъ и сперся въ немъ — густо и дремотно. Изъ разсѣлинъ бурыхъ, крупныхъ камней било крѣпкой свѣжестью. По обѣимъ сторонамъ дорожки высились круглые бугры, поросшіе зеленымъ мохомъ.

— Стойте!—воскликнула Марья Николаевна.—Я хочу присѣсть и отдохнуть на этомъ бархатѣ. Помогите мнѣ сойти.

Санинъ соскочилъ съ коня и подбѣжалъ къ ней. Она оперлась объ его плечи, мгновенно спрыгнула на землю и сѣла на одномъ изъ моховыхъ бугровъ. Онъ сталъ передъ нею, держа въ рукахъ поводья обѣихъ лошадей.

Она подняла на него глаза.... — Санинъ, вы умѣете забывать?

Санину вспомнилось вчерашнее.... въ каретѣ. — Что это—вопросъ.... или упрекъ?

— Я отроду никого и ни въ чемъ не упрекала. А въ присуху вы вѣрите?

— Какъ?

— Въ присуху — знаете, о чемъ у насъ въ пѣсняхъ поется. Въ простонародныхъ русскихъ пѣсняхъ?

— А! Вы вотъ о чемъ говорите....—протянулъ Санинъ.

— Да, объ этомъ. Я вѣрю.... и вы повѣрите.

— Присуха.... колдовство.... — повторилъ Санинъ.— Все на свѣтѣ возможно. Прежде я не вѣрилъ — теперь вѣрю. Я себя не узнаю.

Марья Николаевна подумала, и оглянулась. — А мнѣ сдается, мѣсто это мнѣ какъ будто знакомое. Посмотрите-ка, Санинъ, за тѣмъ широкимъ дубомъ — стоитъ деревянный, красный крестъ? аль нѣтъ?

Санинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на сторону. — Стоитъ.

Марья Николаевна ухмыльнулась. — А, хорошо! Я знаю, гдѣ мы. Пока еще не потерялись. Это что стучитъ? Дровосѣкъ?

Санинъ поглядѣлъ въ чащу. — Да.... тамъ какой-то человѣкъ сухіе сучья рубитъ.

— Надо волосы въ порядокъ привести, — проговорила Марья Николаевна.—А то, увидитъ—осудитъ.—Она сняла шляпу и начала заплетать свои длинныя косы—молча и важно. Санинъ стоялъ передъ нею.... Ея стройные члены явственно рисовались подъ темными складками сукна, съ кое-гдѣ приставшими волокнами моха.

Одна изъ лошадей внезапно встряхнулась за спиною Санина, онъ самъ затрепеталъ невольно, съ ногъ до головы. Все въ немъ было перепутано—нервы натянулись

какъ струны. Не даромъ онъ сказалъ, что самъ себя не узнаётъ.... Онъ, дѣйствительно, былъ околдованъ. Все существо его было полно однимъ.... однимъ помысломъ, однимъ желаньемъ. Марья Николаевна бросила на него проницательный взглядъ.

— Ну, вотъ, теперь все какъ слѣдуетъ, — промолвила она, надѣвая шляпу.—Вы не садитесь? Вотъ тутъ! Нѣтъ, погодите.... не садитесь! Что̀ это такое?

По верхушкамъ деревьевъ, по воздуху лѣсному, прокатилось глухое сотрясеніе.

— Неужели это громъ?

— Кажется, точно, громъ,—отвѣтилъ Санинъ.

— Ахъ, да это праздникъ! просто праздникъ! Только этого недоставало! — Глухой гулъ раздался вторично, поднялся — и упалъ раскатомъ. — Браво! Bis! Помните, я вамъ говорила вчера объ Энеидѣ? Вѣдь *ихъ* тоже въ лѣсу застала гроза. Однако, надо убраться.—Она быстро поднялась на ноги.—Подведите мнѣ лошадь.... Подставьте мнѣ руку. Вотъ такъ. Я не тяжела.

Она птицей взвилась на сѣдло. Санинъ тоже сѣлъ на коня.

— Вы—домой?—спросилъ онъ невѣрнымъ голосомъ.

— Домой!!—отвѣчала она съ разстановкой и подобрала поводья.—Ступайте за мной—приказала она почти грубо.

Она выѣхала на дорогу, и, минуя красный крестъ, опустилась въ лощину, добралась до перекрестка, повернула направо, опять въ гору.... Она, очевидно, знала, куда держала путь — и шелъ этотъ путь все въ глубь, да въ глубь лѣса. Она ничего не говорила, не оглядывалась; она повелительно двигалась впередъ — и онъ послушно и покорно слѣдовалъ за нею, безъ искры воли въ замиравшемъ сердцѣ. Дождикъ началъ накрапывать. Она ускорила ходъ своей лошади — и онъ не отставалъ отъ нея. Наконецъ, сквозь темную зелень еловыхъ ку-

стовъ, изъ-подъ навѣса сѣрой скалы, глянула на него убогая караулка, съ низкой дверью въ плетеной стѣнѣ.... Марья Николаевна заставила лошадь продраться сквозь кусты, спрыгнула съ нея—и, очутившись вдругъ у входа караулки, обернулась къ Санину—и шепнула: Эней!

Четыре часа спустя, Марья Николаевна и Санинъ, въ сопровожденіи дремавшаго на сѣдлѣ грума, возвратились въ Висбаденъ, въ гостинницу. Г-нъ Полозовъ встрѣтилъ свою супругу, держа въ рукахъ письмо къ управляющему. Вглядѣвшись въ нее попристальнѣе, онъ, однако, выразилъ на лицѣ своемъ нѣкоторое неудовольствіе — и даже пробормоталъ:—Неужто проигралъ пари?

Марья Николаевна только плечами пожала.

А въ тотъ же день, два часа спустя, Санинъ, въ своей комнатѣ, стоялъ передъ нею, какъ потерянный, какъ погибшій....

— Куда же ты ѣдешь?—спрашивала она его.—Въ Парижъ—или во Франкфуртъ?

— Я ѣду туда, гдѣ будешь ты—и буду съ тобой, пока ты меня не прогонишь, — отвѣчалъ онъ съ отчаяніемъ, и припалъ къ рукамъ своей властительницы. Она высвободила ихъ, положила ихъ ему на голову—и всѣми десятью пальцами схватила его волосы. Она медленно перебирала и крутила эти безотвѣтные волосы, сама вся выпрямилась, на губахъ змѣилось торжество — а глаза, широкіе и свѣтлые до бѣлизны, выражали одну безжалостную тупость и сытость побѣды. У ястреба, который когтитъ пойманную птицу, такіе бываютъ глаза.

XLIII.

Вотъ что̀ припомнилъ Дмитрій Санинъ, когда въ тишинѣ кабинета, разбирая свои старыя бумаги, онъ нашелъ между ними гранатовый крестикъ. Разсказанныя нами событія ясно и послѣдовательно возникали передъ его мысленнымъ взоромъ. Но дойдя до той минуты, когда онъ съ такимъ унизительнымъ моленіемъ обратился къ г-жѣ Полозовой, когда онъ отдался ей подъ ноги, когда началось его рабство—онъ отвернулся отъ вызванныхъ имъ образовъ, онъ не захотѣлъ болѣе вспоминать. И не то, чтобы память измѣнила ему—о, нѣтъ! онъ зналъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ, что̀ послѣдовало за тѣй минутой, но стыдъ душилъ его—даже и теперь, столько лѣтъ спустя; онъ страшился того чувства неодолимаго презрѣнія къ самому себѣ, которое, онъ въ этомъ не могъ сомнѣваться, непремѣнно нахлынетъ на него и затопитъ, какъ волною, всѣ другія ощущенія, какъ только онъ не велитъ памяти своей замолчать. Но какъ онъ ни отворачивался отъ возникавшихъ воспоминаній, вполнѣ заглушить онъ ихъ не могъ. Онъ вспомнилъ дрянное, слезливое, лживое, жалкое письмо, посланное имъ Джеммѣ, письмо, оставшееся безъ отвѣта.... Явиться къ ней, вернуться къ ней,—послѣ такого обмана, такой измѣны—нѣтъ! нѣтъ! на столько совѣсти и честности осталось еще въ немъ. Къ тому же, онъ всякое довѣріе потерялъ къ себѣ, всякое уваженіе: онъ уже ни за что̀ не смѣлъ ручаться. Санинъ вспомнилъ также: какъ онъ потомъ—о, позоръ!—отправилъ Полозовскаго лакея за своими вещами во Франкфуртъ, какъ онъ трусилъ, какъ онъ думалъ лишь объ одномъ: поскорѣй уѣхать въ Парижъ, въ Парижъ; какъ онъ, по приказанію Марьи Николаевны, подлаживался и поддѣлывался къ Ипполиту Сидорычу—и любезничалъ съ Дёнгофомъ, на пальцѣ котораго онъ замѣтилъ точно такое

же желѣзное кольцо, какое дала ему Марья Николаевна!!! Потомъ пошли воспоминанія еще хуже, еще позорнѣе.... Кельнеръ подаетъ ему визитную карточку—и стоитъ на ней имя Панталеоне Чиппатола, придворнаго пѣвца е. к. в. герцога Моденскаго! Онъ прячется отъ старика, но не можетъ избѣгнуть встрѣчи съ нимъ въ корридорѣ—и встаетъ передъ нимъ раздраженное лицо подъ взвившимся кверху сѣдымъ хохломъ; горятъ, какъ уголья, старческіе глаза—и слышатся грозныя восклицанія и проклятія: Maledizione: слышатся даже страшныя слова: Codardo! Infame traditore! Санинъ жмуритъ глаза, встряхиваетъ головою, отворачивается вновь и вновь—и все-таки видитъ себя сидящимъ въ дорожномъ дормезѣ, на узкомъ переднемъ мѣстѣ.... На заднихъ, покойныхъ мѣстахъ сидятъ Марья Николаевна и Ипполитъ Сидорычъ—четверня лошадей несется дружной рысью по мостовой Висбадена—въ Парижъ! въ Парижъ! Ипполитъ Сидорычъ—кушаетъ грушу, которую онъ, Санинъ, ему очистилъ, а Марья Николаевна глядитъ на него—и усмѣхается тою, ему, закрѣпощенному человѣку, уже знакомой усмѣшкой—усмѣшкой собственника владыки....

Но, Боже мой! вонъ тамъ, на углу улицы, недалеко отъ выѣзда изъ города — не Панталеоне ли стоитъ опять—и кто съ нимъ? Неужели Эміліо? Да, это онъ, тотъ восторженный, преданный мальчикъ! Давно ли его юное сердце благоговѣло передъ своимъ героемъ, идеаломъ—а теперь его блѣдное, красивое—до того красивое лицо, что Марья Николаевна его замѣтила и высунулась въ окошко кареты—его благородное лицо пышетъ злобой и презрѣніемъ; глаза,—столь похожіе на *ть* глаза!—впиваются въ Санина, и губы сжимаются.... и раскрываются вдругъ для обиды....

А Панталеоне протягиваетъ руку и указываетъ на Санина—кому? стоявшему возлѣ Тартальѣ, и Тарталья лаетъ на Санина — и самый лай честнаго пса звучитъ невыносимымъ оскорбленіемъ.... Безобразно!

А тамъ — житье въ Парижѣ — и всѣ униженія, всѣ гадкія муки раба, которому не позволяется ни ревновать, ни жаловаться, и котораго бросаютъ, наконецъ, какъ изношенную одежду....

Потомъ—возвращеніе на родину, отравленная, опустошенная жизнь, мелкая возня, мелкія хлопоты, раскаяніе горькое и безплодное—и столь же безплодное и горькое забвеніе—наказаніе не явное, но ежеминутное и постоянное, какъ незначительная, но неизлечимая боль, уплата по копѣйкѣ долга, котораго и сосчитать нельзя....

Чаша переполнилась—довольно!

Какимъ образомъ уцѣлѣлъ крестикъ, данный Санину Джеммой, почему не возвратилъ онъ его, какъ случилось, что до того дня онъ ни разу на него не натыкался? Долго, долго сидѣлъ онъ въ раздумьѣ—и уже наученный опытомъ, черезъ столько лѣтъ — все не въ силахъ былъ понять, какъ могъ онъ покинуть Джемму, столь нѣжно и страстно имъ любимую—для женщины, которую онъ и не любилъ вовсе?... На слѣдующій день онъ удивилъ всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ: онъ объявилъ имъ, что уѣзжаетъ за границу.

Недоумѣніе распространилось въ обществѣ. Санинъ покидалъ Петербургъ, среди бѣлой зимы, только-что нанявши и обмеблировавши отличную квартиру, даже абонировавшись на представленія итальянской оперы, въ которой участвовала сама г-жа Патти—сама, сама, сама г-жа Патти! Пріятели и знакомые недоумѣвали; но людямъ вообще не свойственно долго заниматься чужими дѣлами, и когда Санинъ отправился за границу—его на станцію желѣзной дороги пріѣхалъ провожать одинъ французъ портной—и то въ надеждѣ получить недоплаченный счетецъ—„pour un saute-en-barque en velours noir, tout à fait chic“.

XLIV.

Санинъ сказалъ своимъ друзьямъ, что уѣзжаетъ за границу—но не сказалъ куда именно: читатели легко догадаются, что онъ покатилъ прямо во Франкфуртъ. Благодаря повсемѣстно распространеннымъ желѣзнымъдорогамъ, онъ на четвертый день послѣ выѣзда изъ Петербурга былъ уже тамъ. Онъ не посѣщалъ его съ самаго 1840-го года. Гостинница „Бѣлаго Лебедя“ стояла на прежнемъ мѣстѣ и процвѣтала, хотя уже не считалась первоклассной: Цейль, главная улица Франкфурта, мало измѣнилась, но не только отъ дома г-жи Розелли—отъ самой улицы, гдѣ находилась ея кондитерская—не осталось ни слѣда. Санинъ бродилъ, какъ ошалѣлый, по мѣстамъ, когда-то столь знакомымъ—и ничего не узналъ: прежнія постройки исчезли; ихъ замѣнили новыя улицы, уставленныя громадными, сплошными домами, изящными виллами; даже публичный садъ, гдѣ происходило его послѣднее объясненіе съ Джеммой—разросся и перемѣнился до того, что Санинъ себя спрашивалъ—полно, тотъ ли этотъ садъ? Что было ему дѣлать? Какъ и гдѣ наводить справки? Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.... Легкое ли дѣло! Къ кому онъ ни обращался—никто даже имени Розелли не слыхивалъ; хозяинъ гостинницы совѣтовалъ ему справиться въ публичной библіотекѣ: тамъ онъ, дескать, найдетъ всѣ старыя газеты, но какую онъ изъ этого извлечетъ пользу—хозяинъ самъ объяснить не умѣлъ. Санинъ, съ отчаянья, освѣдомился о г-нѣ Клюберѣ. Это имя было хорошо извѣстно хозяину—но и тутъ вышла неудача. Изящный коммѝ, прогремѣвъ и возвысившись до званія капиталиста—проторговался, обанкрутился и умеръ въ тюрьмѣ.... Это извѣстіе не причинило, впрочемъ, Санину ни малѣйшаго огорченія. Онъ начиналъ уже находить свое путешествіе нѣсколько необдуманнымъ.... но вотъ, однажды, перелистывая франкфуртскій адресъ-календарь,

онъ наткнулся на имя фонъ-Дёнгофа, маіора въ отставкѣ (Major. a. D.). Онъ немедленно взялъ карету и поѣхалъ къ нему—хотя почему *этотъ* Дёнгофъ долженъ былъ непремѣнно быть *тѣмъ* Дёнгофомъ, и почему даже *тотъ* Дёнгофъ могъ сообщить ему какія-либо свѣдѣнія о семействѣ Розелли? Все равно: утопающій за соломенку хватается.

Санинъ засталъ отставного маіора фонъ-Дёнгофа дома—и въ принявшемъ его посѣдѣломъ господинѣ—немедленно узналъ своего бывшаго противника. И тотъ его узналъ, и даже обрадовался его появленію: оно напоминало ему молодость—и молодыя проказы. Санинъ услыхалъ отъ него, что семейство Розелли давнымъ-давно переселилось въ Америку, въ Нью-Іоркъ; что Джемма вышла замужъ за негоціанта; что, впрочемъ, у него, Дёнгофа, есть знакомый, тоже негоціантъ, которому, вѣроятно, извѣстенъ адресъ мужа, такъ какъ у него много дѣлъ съ Америкой. Санинъ упросилъ Дёнгофа сходить къ этому знакомому—и—о, радость!—Дёнгофъ принесъ ему адресъ Джеммина мужа, г-на Іереміи Слокома—M-r J. Slocum, New-York, Broadway, № 501.—Только адресъ этотъ относился къ 1863-му году.

— Будемъ надѣяться, — воскликнулъ Дёнгофъ, — что наша бывшая франкфуртская красавица еще жива и не покинула Нью-Іорка!—Кстати, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—а что та русская дама, что, помните, гостила тогда въ Висбаденѣ—г-жа фонъ-Бо.... фонъ-Болозовъ—еще жива?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Санинъ:—она давно умерла.

Дёнгофъ поднялъ глаза — но, замѣтивъ, что Санинъ отвернулся и нахмурился,—не прибавилъ ни слова — и удалился.

Въ тотъ же день Санинъ послалъ письмо къ г-жѣ Джеммѣ Слокомъ, въ Нью-Іоркъ. Въ этомъ письмѣ онъ го-

ворилъ ей, что пишетъ къ ней изъ Франкфурта, куда пріѣхалъ единственно для того, чтобы отыскать ея слѣды; что онъ очень хорошо сознаетъ, до какой степени онъ лишенъ малѣйшаго права на то, чтобы она ему отозвалась; что онъ ничѣмъ не заслужилъ ея прощенія—и надѣется только на то, что она, среди счастливой обстановки, въ которой находится, давно позабыла о самомъ его существованіи. Онъ прибавлялъ, что рѣшился напомнить ей о себѣ вслѣдствіе случайнаго обстоятельства, которое слишкомъ живо возбудило въ немъ образы прошедшаго; разсказалъ ей свою жизнь, одинокую, безсемейную, безрадостную; заклиналъ ее понять причины, побудившія его обратиться къ ней, не дать ему унести въ могилу горестное сознаніе своей вины—давно выстраданной, но не прощенной—и порадовать его хотя самой краткой вѣсточкой о томъ, какъ ей живется въ этомъ новомъ мірѣ, куда она удалилась. „Написавъ мнѣ хоть одно слово,—такъ кончалъ Санинъ свое письмо,—вы сдѣлаете доброе дѣло, достойное вашей прекрасной души,—и я буду благодарить васъ до послѣдняго моего дыханія. Я остановился здѣсь, въ гостинницѣ *Бѣлаго Лебедя* (эти слова онъ подчеркнулъ) и буду ждать, ждать до весны—вашего отвѣта“.

Онъ отправилъ это письмо—и принялся ждать. Цѣлыхъ шесть недѣль прожилъ онъ въ гостинницѣ, почти не выходя изъ комнаты—и рѣшительно никого не видя. Никто не могъ написать къ нему ни изъ Россіи, ни откуда; и это было ему по сердцу; приди на его имя письмо—онъ уже знаетъ, что оно *то*, котораго онъ ждетъ. Онъ читалъ съ утра до вечера—и не журналы, а серьезныя книги, историческія сочиненія. Эти продолжительныя чтенія, это безмолвіе, это улиткообразное скрытое житье — все это пришлось какъ-разъ подъ ладъ его душевнаго строя: ужъ за это за одно спасибо Джеммѣ! Но жива ли она? Отвѣтитъ ли она?

Наконецъ, пришло письмо—съ американской почтовой маркой—изъ Нью-Іорка, на его имя. Почеркъ адреса на оберткѣ былъ англійскій.... Онъ не узналъ его, и сердце въ немъ сжалось. Не разомъ рѣшился онъ надломить пакетъ. Онъ глянулъ на подпись: Джемма! Слезы такъ и брызнули изъ его глазъ: одно то, что она подписалась своимъ именемъ, безъ фамиліи—служило ему залогомъ примиренія, прощенія! Онъ развернулъ тонкій листъ синей почтовой бумаги — фотографія выскользнула оттуда. Онъ поспѣшно ее поднялъ—и такъ и обомлѣлъ: Джемма, живая Джемма, молодая, какою онъ ее зналъ, тридцать лѣтъ тому назадъ! Тѣ же глаза, тѣ же губы, тотъ же типъ всего лица! На оборотной сторонѣ фотографіи стояло: „дочь моя, Маріанна“. Все письмо было очень ласково и просто. Джемма благодарила Санина за то, что онъ не усумнился обратиться къ ней, что онъ имѣлъ къ ней довѣріе; не скрывала отъ него и того, что она, точно, послѣ его бѣгства пережила тяжелыя мгновенья, но тутъ же прибавляла, что все-таки считаетъ—и всегда считала — свою встрѣчу съ нимъ за счастье — такъ какъ эта встрѣча помѣшала ей сдѣлаться женою г-на Клюбера—и такимъ образомъ, хотя косвенно, но была причиной ея брака съ теперешнимъ ея мужемъ, съ которымъ она живетъ вотъ уже двадцать-восьмой годъ совершенно счастливо, въ довольствѣ и изобиліи: домъ ихъ извѣстенъ всему Нью-Іорку. Джемма извѣщала Санина, что у ней пять человѣкъ дѣтей—четыре сына и одна, восемнадцатилѣтняя дочь, невѣста, фотографію которой она ему посылаетъ—такъ какъ она, по общему сужденію, весьма похожа на свою мать. Печальныя вѣсти Джемма приберегла къ концу письма. Фрау Леноре скончалась въ Нью-Іоркѣ, куда она послѣдовала за дочерью и зятемъ—однако, успѣла порадоваться счастью своихъ дѣтей, понянчить внучатъ; Панталеоне тоже собирался въ Америку, но умеръ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Франк-

фурта. „А Эмиліо, нашъ милый, несравненный Эмиліо—погибъ славной смертью за свободу родины, въ Сициліи, куда онъ отправился въ числѣ тѣхъ „Тысячи“ которыми предводительствовалъ великій Гарибальди; мы всѣ горячо оплакали кончину нашего безцѣннаго брата—но и проливая слезы, мы гордились имъ—и вѣчно будемъ имъ гордиться и свято чтить его память! Его высокая, безкорыстная душа была достойна мученическаго вѣнца!“ Потомъ Джемма изъявила свое сожалѣніе о томъ, что жизнь Санина, повидимому,—такъ дурно сложилась, желала ему прежде всего успокоенія и душевной тишины, и говорила, что была бы рада свидѣться съ нимъ—хотя и сознаетъ, какъ мало вѣроятно подобное свиданіе....

Не беремся описывать чувства, испытанныя Санинымъ при чтеніи этого письма. Подобнымъ чувствамъ нѣтъ удовлетворительнаго выраженія: онѣ глубже и сильнѣе—и неопредѣленнѣе всякаго слова. Музыка одна могла бы ихъ передать.

Санинъ отвѣчалъ тотчасъ — и въ подарокъ невѣстѣ, послалъ „Маріаннѣ Слокомъ отъ неизвѣстнаго друга“—гранатовый крестикъ, обдѣланный въ великолѣпное, жемчужное ожерелье. Подарокъ этотъ, хотя весьма цѣнный, не разорилъ его: въ теченіе тридцати лѣтъ, протекшихъ со времени его перваго пребыванія во Франкфуртѣ, онъ успѣлъ нажить значительное состояніе. Въ первыхъ числахъ мая онъ вернулся въ Петербургъ—но едва ли на долго. Слышно, что онъ продаетъ всѣ свои имѣнія—и собирается въ Америку.

Баденъ-Баденъ.—1871.

КОНЕЦЪ

СЕДЬМОГО ТОМА.

